

НИКТО НЕ ЗАБЫТ
НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

CANADIAN ASSOCIATION
OF WORLD WAR II VETERANS
FROM THE SOVIET UNION

ВОСПОМИНАНИЯ
ВETERАНОВ

ВОСПОМИНАНИЯ
ВETERАНОВ

Published by JP Graphics
Toronto
ISBN 97809783599-2-8

Copyright © 2020
The Canadian Association
of the World War II Veterans
from the Soviet Union
Toronto - 2020

75
ПОБЕДА!
1945-2020

**CANADIAN ASSOCIATION
OF WORLD WAR II VETERANS
FROM THE SOVIET UNION**

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

**ПОБЕДА!
1945 - 2020**

TORONTO 2020

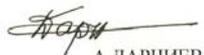
СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Воспоминания участников Великой Отечественной, изданные в честь 75-летия Победы «Канадской ассоциацией ветеранов Второй мировой войны из Советского Союза», – это уникальные свидетельства фронтовиков, тружеников тыла и всех тех, кто сражался за Родину и внес свой вклад в разгром смертельного врага. Они важны для нынешнего и будущих поколений, чтобы сохранялась память о подвиге советских людей и героической Красной Армии, сломавшей хребет гитлеровской Германии.

Жизненные истории, рассказанные от первого лица, показывают, насколько бесстрашными и мужественными были юноши и девушки, вчерашние школьники, ушедшие на фронт, дети войны, пережившие ленинградскую блокаду и ужасы оккупации, подростки, заменившие родителей у станков и в поле. Каждый из них не жалел себя, зная, что бьется за правое дело и что Победа будет за нами.

Чествуя ветеранов в юбилейный 2020 год, мы выражаем глубочайшую признательность советскому воину-освободителю за отвагу и стойкость, обещая быть достойными героев, отстоявших свободу и независимость Отечества. Никто не забыт, ничто не забыто, нет и не может быть прощения нацистским преступникам и их приспешникам. Россия не позволит переписать историю, обелить палачей и карателей.

С праздником, дорогие друзья, с Днем Победы!

А. ДАРЧИЕВ

Я - военная регулировщица

Анисимова Ксения Тарасовна

Участник боевых действий

Я, Анисимова Ксения Тарасовна, родилась 27 февраля 1922 года, в Белоруссии. Там окончила 7 классов, а потом училась в русской школе, окончила 10-летку в 1940 году. До войны окончила один курс Ленинградского учительского института. У нас еще в институте шли экзамены, и тут началась война. С начала войны и до июня 1942 года работала паспортисткой в домохозяйстве. Морально тяжелая была работа, много людей умирало, особенно беженцев, т.е. тех, кто бежал в Ленинград с территорий, захваченных немцами, да и коренных ленинградцев тоже. Всех их, живых и мертвых, нужно было учитывать в домовых книгах, этим я и занималась. Отмечала умерших или уехавших и прописывала тех, кто приехал и сообщала в милицию. Этим я занималась в блокадном Ленинграде. 8 сентября 1941 года немцы замкнули кольцо вокруг Ленинграда, наступила блокада. Единственным путем снабжения города оставалось Ладожское озеро, но оно было в пределах досягаемости вражеской артиллерии и авиации. До начала блокады в Ленинграде было достаточно продовольствия, конечно уже были карточки, но они, как тогда говорили – отоваривались. Но немцы разбомбили хранилища и склады, особенно Бадаевские склады. и нормы на продовольственные товары начали снижаться, а с начала зимы 1941-1942 года наступил голод. Шел непрерывный артобстрел и бомбежки. Зима была очень страшная, голод невозможный, по карточкам очень мало давали, в ноябре-декабре норма хлеба была для рабочих 250 граммов, для всех остальных 125 граммов, но иногда даже это не отоваривали. Я не говорю о других продуктах по карточкам, их вообще не отоваривали, потому что нечем было. Кто-то умирал, кто-то выжил... Я молодая была (мне было 19 лет) и я, конечно, выжила.

8 июня 1942 года меня призвали в армию. Призывали тех ленинградских девушек, которые еще не были дистрофиками совсем. Призвали около 100 девушек (может быть больше) и я оказалась в 127 отдельном дорожно-эксплуатационном батальоне. В нашем батальоне в основном были мужчины и только 40 девушек. Задача батальона – регулирование транспорта в прифронтовой полосе и обустройство дорог. На нашем участке фронта немцы не наступали, а только бомбили и обстреливали. Работы по регулировке не было и нам поручили строить (в 1942 году летом) пирс на Ладоге для барж с продовольствием, которые

приходили, несмотря на бомбежки (существовавший пирс не справлялся). Девушки (и я лично) на тачках возили камни к Ладожскому озеру и опрокидывали их, чтобы укрепить пирс. Строили мы его до зимы 1943 года, но не достроили, потому что нас перебросили в другое место. Нашей части поручили готовить дороги к наступлению, к прорыву блокады. Мы чинили дороги, не прокладывали асфальт, а просто чинили. Дороги были в очень плохом состоянии, по ним могли только трактора проходить.

Наши мужчины рубили тонкие деревья в лесу, а мы, девушки, таскали их на дорогу по два или три дерева и укладывали для того, чтобы смогли проехать машины.

Летом 1943 года группу девушек и мужчин из нашей части послали на Волховстрой, за Ладогу. Нашу баржу катер буксировал ночью, а ночи то белые и нас немцы бомбили, но мы проскочили. По высадке на берег нам поставили задачу разгружать вагоны с капустой. Разрешили есть эту капусту и мы все время ели эту капусту, и набрались сил за месяц, а потом нас отозвали в свою часть. Пришла зима, началось наступление наших войск по прорыву блокады и мы начали выполнять свои прямые обязанности – регулировщиков. Это было под Псковом и Гдовом.

Мы регулировали, то есть стояли с флажком днем, а ночью с фонарем. Один флажок желтый, другой зеленый. Стоишь как столб, совершенно одна на развилке, под «грибком», бывает в лесу, в дождь, снег или жару... А когда колонны идут, ты выходишь из под этого «грибка» и регулируешь как светофор. Потом будет снятие блокады и наше наступление на финском участке фронта под Ленинградом, в сторону Выборга, освобождались территории, которые финны захватили до этого, и нас перебросят сюда. Ленинград с Выборгом был соединен двумя хорошими дорогами и одну из этих дорог обслуживала наша часть. Зимой 1944 года было очень холодно, но мы были одеты тепло – полушубки, ватные штаны, валенки. Помню, наш пост был почти на берегу Финского залива, другой пост уже в Выборге, темные, большие, необитаемые дома. Людей не было совершенно, финны все убежали. Домов мы не касались, мы стояли на развилках.

Когда наши войска начали наступать, движение на дорогах было очень интенсивное, скорости повышенные. Только успевай поднимать зеленый или желтый флажок. Но ощущение было от работы приятное и радостное. Ты регулируешь движение колонн на Запад, в сторону Победы. Приятно было видеть лица водителей транспорта, проходивших мимо солдат, танкистов и артиллеристов, услышать их слова и увидеть жесты благодарности за твой труд.

Война заканчивалась. В марте 1945 года наш батальон передислоцировали на 1 Украинский фронт. Не помню точно в какой город мы прибыли, но потом нас сразу распределили по точкам. Я оказалась недалеко от Бреслау, в местечке Гелерхайн. Это был наш пост, 3 девушки, командир взвода и повозочный с лошадей и повозкой. В Германии мы у же

не регулировали движение транспорта и колонн войск. Перед нашей частью была поставлена задача прокладывать трассы для перегона скота (коров), который гнали из занятых нами территорий на Украину. Мы прокладывали эти трассы так, чтобы этот скот шел не по асфальту. У нас были велосипеды (старые немецкие) и мы на них объезжали свои участки и следили, чтобы указатели были на месте, чтобы люди видели, куда надо направлять скот. А еще мы видели, перед самым окончанием войны, колонны пленных немцев. Они шли через наше местечко в сопровождении наших солдат: голодные, изможденные, плохо одетые, оборванные.

Когда война кончилась мы об этом не знали, у нас на посту не было ни газет, ни радио. Однажды ночью, вокруг началась стрельба. У нас были автоматы (а в начале войны винтовки со штыком и нас научили стрелять). Наш лейтенант распределил нас «ты на втором этаже у окна, ты у входа», чтобы мы могли отстреливаться, если на нас нападут немцы. Но никто на нас не напал, и под утро он сказал: «Идите по своим местам спать». Все было спокойно и стрельба прекратилась. Потом оказалось, это были салюты, в честь капитуляции Германии. А утром приехал один солдат из другой части и зашел к нам попить. Мы спрашиваем: «Что такое ночью было?» А он говорит: «Война кончилась, вы что, не знаете?» А мы говорим «конечно не знаем, откуда нам знать». Но радость наша была безгранична. После окончания войны мы продолжали нести службу на своем посту, а в августе 1945 года нас собрали, всех девушек и пожилых мужчин, и демобилизовали 28 августа 1945 года. Была я тогда младшим сержантом, заместителем командира взвода.

Я вернулась в Ленинград, родители мои погибли в Белоруссии во время немецкой оккупации. У трех моих тетей (сестры мамы) мужья умерли в блокаду, у всех было свое горе и я оказалась одна. С мечтой об учебе пришлось расстаться. Нужно было зарабатывать на жизнь и я пошла работать на строительство метро, потом работала кассиром в столовой. Вышла замуж, родила дочку. С 1950 года, до выхода на пенсию, работала лаборанткой, старшей лаборанткой и техником-лаборантом в институте пластмасс. Работа была вредная. Я испытывала пластмассы и нам даже давали молоко (за вредность).

За участие в Великой Отечественной войне награждена орденом «Отечественная война II степени», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и многими юбилейными медалями. В Канаде живу с декабря 2000 года.

Я прошел по той войне, а она прошла по мне

Бас Марк Григорьевич

Участник боевых действий

Я родился 25 декабря 1922 года в г. Смоленске. В 1930 году семья переехала в Москву. Так сложилось, что по семейным обстоятельствам закончил только 9 классов и пошел работать учеником автослесаря, затем, в 1941 году, работал завхозом в Мосгороно. Когда началась война, всех моих друзей взяли в армию, а мне, так как я учился на курсах мотоциклистов, сказали: «Подожди – получи права». Я ускоренными темпами овладел мотоциклом (помогла виртуозная езда на велосипеде), получил права и предъявил их в военкомат. Мне выписали повестку и 18 июля 1941 года я был призван в Красную Армию.

Меня направили в 14 мотоциклетный запасной полк, который располагался в районе Ново-Песчаной улицы в Москве, назначили инструктором и я учил езде новобранцев. Учеба проводилась на мотоциклах ИЖ-8 и ИЖ-9. Мощных хороших мотоциклов-внедорожников, с колясками, пригодных для армии, не было. Часто приходилось дежурить с мотоциклом при штабе полка, так как я неплохо знал Москву. Мне довелось присутствовать на Московском мотоциклетном заводе (бывший велосипедный завод) на разгрузке прибывших с фронта трофейных мотоциклов «BMW», которые были аналогом созданного на этом заводе мотоцикла М-72. Мне с группой других опытных мотоциклистов было поручено испытывать первые мотоциклы М-72 в присутствии представителей Наркомата Обороны. Ездили на одиночке по 5 человек, а с коляской по 12 человек с полным вооружением. Потом этими мотоциклами будет оснащен наш полк, а позже и созданный на его базе Отдельный Московский мотоциклетный батальон Московской зоны обороны.

В сформированный батальон попал и я, в качестве водителя мотоцикла, закрепленного за Начальником штаба батальона старшим лейтенантом Смирновым А.А. Батальон передислоцировали с Ново-Песчаной улицы в Хамовники в казармы, освободившиеся после отправки на фронт кавалерийского полка. Кроме нас в этих казармах размещался отдельный отряд моряков, вооруженный автоматами «ППШ» и стояла, скрытая от глаз, под брезентом, «катюша», мало известное тогда новое грозное оружие нашей армии, которое поможет в разгроме немцев под Москвой. В казармах было холодно, стаявшие «буржуйки» не помогали. Спали в одежде на 2-х ярусных койках, без матрасов, с винтовкой (чтобы не

забыть её второпях). Поднимали по тревоге, иногда, несколько раз за ночь, если немцы прорывались на каком-нибудь участке.

Когда я только пришел в полк, на вооружении у нас были винтовки образца 1891-1930 года, это были винтовки устаревшего образца. В то время, когда мы будем получать новые мотоциклы, нам выдадут более современные винтовки СВТ-40 с магазином на 10 патронов, а командный состав, включая младших командиров, получит автоматы ППД-40 с магазином сначала 25 патронов, потом на смену ему придет знаменитый ППШ (пистолет-пулемет Шпагина). Появятся также пулеметы Дегтярева, которые мы устанавливали на колясках.

Несколько слов о нашем обмундировании и питании. Всякое бывало. В начале войны не все красноармейцы в полку были одеты в сапоги - носили обмотки с ботинками, но это было во многих частях, постепенно нас всех обули в сапоги. У нас, мотоциклистов, у всех были шлемофоны, потом выдадут шапки-ушанки с искусственным мехом, а вот с перчатками было худо, они были с двумя пальцами с одной стороны брезентовая ткань с другой байка. Холодные они были, совершенно не приспособленные для зимних условий, приходилось греть руки попеременно, кладя их на цилиндр двигателя и управлять одной рукой. Питание в 1941 году было плохое, как-то всего не хватало. Хлеб съедали до крошечки, давали суп из мороженой картошки и капусты. Потом все наладится, а с 1942 года в рационе появится американское продовольствие.

Наш батальон входил в состав Московской зоны обороны, которую возглавил командующий войсками Московского военного округа генерал - лейтенант П.А. Артемьев. Основная задача батальона - осуществление связи между частями, оборонявшими Москву на ее ближних подступах и, если это потребует, участие в уличных боях для обороны столицы. Также нас бросали, как подкрепление в районы, где немцы прорывались. Так 17 октября, когда в Москве была паника и все кто мог, бежали, нас подняли по тревоге и бросили под Подольск, на реку Нара, куда прорвались немцы после ожесточенных боев со сводным батальоном Подольских курсантов, которые героически сдерживали их натиск в течении 10 дней и, в своем подавляющем большинстве, погибли. Наш батальон держал оборону на Наре семь дней и когда подошла свежая дивизия сибирских стрелков, мы сдали свой участок обороны и нас отвели в Москву. Время было тяжелое.

Москва была в полном смысле фронтовым городом. Баррикады и ежи на улицах, заложенные мешками с песком витрины магазинов, полная светомаскировка, трамваи без освещения, сотни аэростатов воздушного заграждения в воздухе, бесконечные воздушные тревоги. На крышах всех домов и во дворах - ящики с песком и большие щипцы, чтобы сбрасывать и тушить зажигательные бомбы. Нужно сказать, что враг не смог нанести нам чувствительные потери с воздуха. Противовоздушная оборона Москвы, после первых июльских налетов, резко улучшилась. Но бывало немецкие

самолеты прорывались. Со мною был случай - во время выполнения одного задания я попал под налет вражеской авиации и им удалось сбросить бомбы, одна из бомб упала недалеко от меня. Ударная волна была настолько сильна, что меня с мотоциклом отбросило в разные стороны. Я потерял сознание, а когда очнулся – ужаснулся: мотоцикл был весь искорежен, винтовка согнута, шинель в крови и пробита осколками, шапку-ушанку так и не нашел. Меня подобрала какая-то машина и отвезла в госпиталь. В госпитале из меня вынули несколько осколков из ноги и руки. Оказалось сотрясение мозга и левое ухо - потеря слуха на «0» Пролежал несколько дней и меня выписали на долечивание, по месту жительства в Москве (родители не эвакуировались), а затем вернулся в свой батальон. Бои за Москву были жестокие. Немцы рвались к Москве и подошли даже к Химкам, но у нас был один лозунг «Отступить дальше некуда. Позади Москва». Наш батальон бросали на участки где немцы прорывались - под Серпухов, Тулу, Мало –Ярославец. В начале декабря на фронте появились новые сибирские дивизии, танковые соединения, «катюши» и началось контрнаступление. Фашистов отогнали от Москвы. Зима 41-го была морозная, мотоциклы стояли на улице, заводили их мы долго. Да и ездить было очень тяжело: снегопады, метели, заносы. После декабрьских боев под Москвой наш батальон влили в 1 гвардейскую танковую бригаду, которой командовал полковник М.Е. Катукоев, в будущем Маршал бронетанковых войск. Так как я был опытный мотоциклист, мне порою давали ответственные поручения. Как-то мне поручили доставить пакет с секретными документами Катукоеву, штаб которого располагался под Волоколамском, бригада тогда вела бои на этом направлении. Был сильный снегопад, смотреть было невозможно, приходилось смотреть из-за носа одним глазом, мотоцикл часто зарывался в сугробах, буксовал, близился час доставки, я думал что не успею, но успел.

После разгрома немцев под Москвой нас перебросили на Воронежский фронт - это будет 1942 год. Кантемировка, Белгород, Харьков – это те места, где мне пришлось воевать. Харьков взяли в феврале 1943 года, но в марте пришлось его сдать второй раз, не хватило резервов чтобы его удержать. О Харьковской наступательной и оборонительной операций вспоминаются два эпизода.

Первый эпизод. В Харьков мы ворвались, как говорилось, «на плечах противника и разместились в районе Шатиловка. Туда в штаб обороны Харькова, прибыл Маршал Советского Союза Начальник Генерального штаба Василевский. Немцы что-то пронюхали и начали бомбить этот район. Пришлось передислоцироваться в район «Госпрома», командование спустилось в бомбоубежище, а мы, сопровождение, расположились на первом этаже. Только собрались перекусить, как начался новый налет. И нам приказали спуститься в подвальное помещение. Когда налет кончился и мы поднялись на поверхность, оказалось, что одна из бомб попала в третий этаж нашего здания, все засыпало штукатуркой, щебнем и грязью.

К ночи мы перебрались на тракторный завод, где расположились в здании заводоуправления. И с нова налет немецкой авиации, снова в подвал, а когда все затихло и мы поднялись наверх, вместо здания заводоуправления – гора разрушенного здания от прямого попадания бомбы, к счастью из штаба и сопровождения никто не пострадал. Только вот командующий 3 -й танковой армии генерал Рыбалко получил контузию и его всего обсыпало кирпичной пылью. Он был очень смелый человек и не пошел в бомбоубежище, а остался работать с картами на втором этаже одного из цехов - вот и пришлось доставать его из завалов через окно при помощи пожарной лестницы. Очень опасные были эти бомбежки, целенаправленные на командование нашими войсками. В Харькове ходил слух, что работники «Смерша» разоблачили вольнонаемных женщин, работавших официантками и парикмахершами, завербованных немцами. В бюстгальтере у них были миниатюрные передатчики сигналов наподобие «Морзе». Эти сигналы принимали самолеты и безошибочно бомбили нас.

Второй эпизод. По поручению командующего обороной Харькова генерал-лейтенанта Козлова Д.Т., я должен был доставить пакет в штаб фронта в г. Белгород. Поехали мы на автомобиле «Виллис». Отъехав несколько километров, мы попали под обстрел и бомбежку «Мессершмитта» и «Юнкерса». Они буквально выскочили нам на встречу и на бреющем полете поливали огнем и бомбами дорогу. Навстречу нам шла наша «полуторка» полная военных и гражданских людей. Весь «сноп» огня был направлен на них. Во что это превратилось, вспоминать больно. Перевести огонь на нашу машину немец просто не смог. Повезло. В очередной раз смерть пронеслась совсем рядом, «взъерошенные волосы на голове!» Подобрал пятерых раненых, мы двинулись дальше. А дальше еще была горящая автоцистерна, за рулем сидел богатырского сложения украинец, весь израненный, положили его и привязали на капот машины, так как он сидеть не мог. Едем дальше, по пути искалеченные машины, повозки, убитые лошади и возчики. Попалась на дороге девочка лет 12-ти с перебитой рукой, взяли и ее. Встретили колону пленных немцев, их «мессер» не тронул. Попалась легковушка с полностью расстрелянным лобовым стеклом и так далее. Наконец добрались до Белгорода, сдали в госпиталь раненых и доставили пакет в штаб фронта. Это было где-то в середине марта 1943 года.

Вернулся в Харьков, но своего командующего в штабе не застал. Услышал, что немцы ворвались в город, мне был передан приказ срочно оставить город и отступать в сторону Воронежа. Отступали под бомбежкой немецкой авиации. Немцы нас бомбили, идя как на параде, звеньями и вдрут, в пике и бомбы летят. Мы, будучи уже опытными, скорее бросились бежать от дороги в сторону. Смотрели – если бомбы сброшены над головой, это не опасно, а если до этого падали на нас, то перебежали от воронки к воронке, подальше от дороги, а когда налет закончился, то начали возвращаться на дорогу и увидели там «кашу», где все перемешалось: машины, военная

техника, люди, лошади, повозки и грязь. Отступили к Воронежу. Вели тяжелые оборонительные бои. Наш батальон стал 14 гвардейским мотоциклетным батальоном, а я получил звание старшего сержанта и буду продолжать выполнять специальные поручения.

Во время зимней компании 1943 года у меня был еще один случай, в котором мне снова повезло уцелеть. Зима была снежная и суровая, дороги замело, не пробиться. Трудно было с подвозом топлива. Командование передвигалось на аэросанях, у нас они были одни. Ну и оставались самолеты У-2 или их модификация «санитарные». На этих самолетах вообще-то летали девушки-летчицы и немцы прозвали их «ночными ведьмами». Они летали на низкой высоте и забрасывали расположение немцев связками гранат, немцы очень боялись их. Вот на таком самолете с шеф-пилотом командующего я однажды и летел, доставляя донесение. Как помню, пилота звали Борис Томашек, а механика - Михаилом. В штаб мы прилетели нормально. Обратное полетели... Немцы знали, что командование летает на таких самолетах и охотились на них. Так и случилось, за нами увязался «мессер», Борис был опытный летчик и по возможности маневрировал, пользуясь разницей в скорости, но немцу все же удалось нас подбить. Летчик как-то умудрился посадить самолет на пузо в снег – это смягчило удар. У летчика кабина открытая, он выбрался и начал вытаскивать нас - механика и меня. Нас с Михаилом «оглушило» примусом и трубами, служащими для подогрева двигателя к полету, которые лежали на полке для носилок – вдоль фюзеляжа. Вытащил нас на снег, обошел самолет, бросил шлем на снег и говорит: «Миша, взлететь нельзя. Плоскости повреждены. Лыжи отлетели, винт искорежен, фюзеляж перекошен, но главное мы живы». Просидели в поле пару дней, пока нас не нашли. Судьба меня и на этот раз хранила - может быть потому, что родился в день Христа, 25 Декабря. А может быть из-за того, что за меня мама молилась, так как в семье я единственный был на фронте. В рубашке я родился уже больше десяти раз.

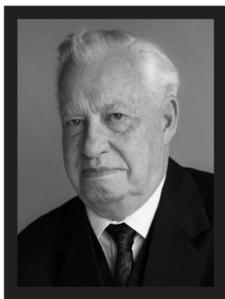
В 1944 году меня перевели на Дальний Восток. Без окончания курсов мне присвоили звание младшего лейтенанта и назначали адъютантом для особых поручений у заместителя командующего Забайкальским фронтом генерал-лейтенанта Дмитрия Тимофеевича Козлова. Мне будут поручать доставку в Москву секретных донесений в Генеральный штаб и в Ставку верховного командования. Наш штаб стоял в Монголии. Там зимой морозы доходят до 40—50 градусов минус. Буквально все отмерзает, а войска учатся, тренируются, готовятся к войне с Японией. Были частые обморожения и я попал в это число. К своему генералу я относился как к отцу. Я всегда был для него охраной. Доверенным лицом и по возможности доктором (носил всегда кроме личного оружия санитарную сумку - фронтовую, пробитую осколком). Своего генерала я как-то спас от гибели. Он заснул на переднем сидении «Виллиса», тут резкий правый поворот и генерал почти вылетает из машины, я с трудом задержал его, ухватившись за ремень, а вообще я

всегда, когда видел, что он засыпает придерживал его. А однажды - это было в Иркутске - нас обстрелял пьяный офицер. Он голосовал, а мы проехали. Ну он и начал стрелять. Я закрыл генерала. Пули прошли по скату и задней стенке сидения. Повезло. В общем все ценой своего здоровья, а порою с риском для жизни.

После разгрома Германии целые армии отправились с Запада на Восток. 9 августа началась война с Японией. Наш фронт под командованием Маршала Родиона Малиновского наступал через Монголию. Я участвовал в боях за Чанчунь, Мукден, и Харбин. Части нашего фронта захватили штаб Квантунской армии. Документы этой армии мне с группой офицеров пришлось потом на самолете сопровождать от города Читы до Москвы. Демобилизовался в звании лейтенанта в феврале 1946 года. Награжден орденами «Отечественная война I степени», «Красная Звезда», медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За победу над Японией», украинской медалью «Защитник Отечества» и многими юбилейными медалями. Подводя итог - у меня чувство выполненного долга. Не дают забыть о войне: ранения, контузии, 5 протезов. Я прошел по той войне, а она прошла по мне. Так. Что мы с войною квиты! Надо не забывать о погибших и помнить о живых!

После войны работал в различных организациях в Москве, последние 20 лет до эмиграции работал в управлении обслуживания здания МГУ им. Ломоносова. Был награжден медалью «За трудовую доблесть» и медалью «Ветеран труда». Женат, имею дочь и внучку, все живем в Торонто.

Годы войны, Одинадцать ЭПИЗODOВ

Безбородов Алексей Михайлович
Участник боевых действий

23 августа 1941 года я покидаю свой родной Ленинград. Папу командируют в Ашхабад. Почти через год, в августе 1942 года, я курсант эвакуированного в Ашхабад Харьковского Военно-Медицинского училища. У военкома список призывников. Как рассказывают, он отсчитал в списке первых тридцать, определив их в ХВМУ. Прочувшись несколько месяцев, я надел погоны младшего лейтенанта медицинской службы, военфельдшера.

ПОЛЬСКИЙ ДЖАЗ НА КОПЕТДАГЕ.

На третью ночь после принятия присяги, подняли нас по тревоге, приказав забраться в кузов полуторки. Ехали долго. Оказались на границе с Ираном, на Копетдаге.

Поставили контролерами на перевале. В это время из СССР уходили на Ближний Восток остатки расквартированной в СССР Польской армии генерала Андерса. Генерал не хотел быть разменной монетой в игре Великих держав.

В неорганизованной толпе мы заметили военных с музыкальными инструментами. Это были артисты известного в то время Польского джаз-оркестра из Львова под руководством Генриха Варса. Они не захотели оставаться в СССР, вступив в Польскую армию. Не помню что послужило толчком, но артисты расчехлили инструменты. Контролеры покинули свои посты. Около часа продолжался концерт джаза на склонах Копетдага. Вероятно, впервые и больше никогда.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПАРК ГОРОДА СТРЫЙ.

Эшелон с танками двигался на Запад. После отдыха и формирования, 5-ая Гвардейская Новороссийская танковая бригада, направлялась для участия в боевых операциях 4-го Украинского фронта. Одному из батальонов поступил приказ готовить танки к бою. До передовой около шестидесяти километров. Как оказалось, парк в городе Стрый был местом сбора и формирования Украинской добровольческой освободительной армии.

То, что мы называли одним словом «Бендеровцы». Танки окружили парк. Пехота заняла позиции. На призывы о выходе из парка никто не ответил. Стреляли по броне тридцатьчетверок из автоматов. Одного холостого залпа танка и дюжины «лимонок» оказалось достаточным. Медленно потянулись к выходу несостоявшиеся ополченцы. Около восьмидесяти юношей, 15-17 лет, несколько пожилых мужчин, молча последовали в руки войск НКВД. Бронетранспортеры прочесали дорожки парка, обстреляли кусты. Были ранены. От медицинской помощи они отказались.

КАРПАТЫ.

Боевые действия в Карпатах нельзя было назвать словом «тяжелые», что очень любят журналисты. Они были трудными. Танки должны были преодолевать склоны гор, спуски и подъемы. Пригодился опыт танкистов в боях на Кавказе. Почти месяц осенью 1944 года утюжили танки дороги и тропы близкие к вершинам, выискивая проходы. Жители гор, гуцулы, помогали, как могли. Наконец, плацдарм был найден.

Каждая ложбинка, каждый выступ горы были на учете. За три ночи расставили танки «по своим местам». Вместе с танко-десантной ротой вошли в прорыв, оставив в тылу наших войск части горно-стрелковой дивизии противника. С ней вели сражение пехотинцы мото-стрелкового батальона, переходя подчас на рукопашную. Противник появлялся внезапно из-за каждого пригорка, каждого камня. Тем временем танки вышли на оперативный простор, в предгорье. За освобождение Мукачева и Ужгорода Бригада получила благодарность в Приказе Верховного Главнокомандующего.

ЗВЕРСТВА.

Венгрия. Вслед за танками входим в населенный пункт. Среди сохранившихся домов ищем место где, развернуть медсанвзвод, поставить в укрытие машины. Навстречу бежит старшина, кричит : «Посмотрите !!!». В сарае восемь обезображенных трупов красноармейцев. У всех на груди вырезана или выжжена пятиконечная звезда. В телах двух человек воткнуты штыки. Следы насилия и пыток.

Сообщили политработникам. Как-бы невзначай показали они личному составу.

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ.

Броня у наших тридцать четверок была крепкая. Но танки горели.

Заклинивало башню после прямого попадания снаряда. Санинструкторы и санитары знали что надо делать, но и их опыт и навыки были порой бессильны. Кто был рядом, помогал.

Наиболее частыми боевыми травмами у танкистов были ожоги. Первая помощь - массированные повязки с чистым спиртом.

Экипаж ст. лейтенанта Мясникова был блокирован. Башню заклинило. Вспыхнул топливный бак. Что они успели сказать по еще действующей радиации, комбат не понял.

Экипаж направил машину на ближний окоп. Товарищи видели, что танк перевернулся, топливо вылилось, разлилось вдоль окопа, вспыхнуло широкой полосой.

РОЯЛЬ.

Осенью 1944 года Бригада освободила Мукачево и Ужгород. Фронт остановился. Расквартировали Бригаду в окрестностях Ужгорода. Для медсанвзвода были выделены три пустующие виллы. В вилле, где я находился, в гостиной стоял рояль.

На полочке, рядом с роялем лежали ноты. Достал кое-что доступное для меня. Сел за рояль. Пальцы «деревянные», играть с листа разучился. За спиной ощутил шевеление. Гостиную наполнили слушатели - солдаты, офицеры. Просят сыграть что-то им близкое и знакомое. Подбираю. Играю с ошибками. Долго играю, пока не стемнело. И так несколько дней. Наступает пора покидать дом. Бригада меняет дислокацию. Смотрю, рояль погрузили на одну из машин. И так он ездил с нами месяца три. А я играл. Плохо играл, но слушатели всегда были. В Польше, под Забжегом попали в окружение. Надо было вывозить своих, а это была пехота, без техники. Только лошадки. Так и оставили мы рояль в маленькой рощице.

НА «ФЕРДИНАНДЕ» В ПЛЕН.

Редко кто решался во время боя вылезать из подбитого танка. Он всегда на прицеле. Разве, если загорелся. У нас в Бригаде было три тягача для эвакуации с поля боя подбитых танков. Не знаю, то ли по инициативе командования, то ли по своей, экипажи тягачей решили, если нет своих, то цеплять подбитые немецкие танки и тащить к себе вместе с экипажем. Боюсь назвать точно цифру, но около двенадцати боевых машин плюс пленные экипажи были на счету эвакуаторов.

НОЧЛЕГ У БЕНДЕРОВЦЕВ.

Западная Украина. Надо срочно отправить тяжело раненых в тыл. Сопровождать их должен фельдшер. Вечереет. Дороги плохие, если это дороги. Молва о нападениях бендеровцев на одиночные машины. Раненые доставлены по назначению. Судя по обстановке, вернуться в часть нереально, надо ждать рассвета. Шофер пошел искать дом для ночлега. В машине опасно. Нашел хороший дом. Переночевали. Накормили.

Ночью хозяева слили бензин из бака. Канистра была в запасе. На ближайшем КП спрашивают где ночевали. Оказывается у главы местных бендеровцев. Постарался найти ответ почему я остался жив. Мне показалось, что я нашел ответ. Шофер был, как говорят, «щирый» украинец. Фамилия его Кривопишка. Он и со мной старался говорить на «мове». К тому же, через слово, он поносил Советскую власть. Думаю, что они нашли общий язык с хозяином. А может быть, именно он помог слить бензин.

КОМБАТ ЗАБЛУДИЛСЯ.

Утром 7 мая 1945 года танковая колонна второго батальона остановилась на развилке дорог под Прагой. Из люка головного танка выглянул командир батальона с картой в руках. Он заблудился. Впервые за три года командования батальоном. Он должен был привести батальон к месту дислокации. Дальше был марш на Прагу. Кое-где на развилках сохранились в то время указатели, а здесь их не было. К танкам подходили местные жители, на броню бросали полевые цветы. Командир выпустил из танка механика-водителя. Вскоре механик вернулся с двумя девушками. Спросил: «Товарищ майор, куда нам ехать?». Девушки заулыбались, услышав знакомое название местечка.

«Поедем?» - спросил он девушек. Девушек посадили на броню. Колонна тронулась. Майор не опоздал. Звали девушек Милена и Либуша. С мужьями бывали они у меня в Москве в гостях, а я неизменно по приезде в Прагу навещал их.

Командир Бригады отказался представить девушек к награде: «Это значит я должен признать, что комбат заблудился» - говорил он.

В ОДНОМ ДОМЕ С ГИТЛЕРОМ ?

После освобождения Праги пробыли мы в ней всего два дня. Нас сменили комендантские части, а войска расквартировали в ближайших населенных пунктах. Бригаде отвели местечко под названием Требестовицы. Нам с моим коллегой фельдшером Зориным достался богатый дом. Хозяйка

старая, как нам показалось, еврейка. Угадали. Мужа по её рассказам увели «наци». Иногда мы подкидывали ей продукты. В доме, кроме эрзац-кофе, ничего не было. Через несколько дней появились в доме партизаны-чехи из близлежащих мест. Помню изумление одного из гостей, когда он увидел хозяйку. Она неестественно засуетилась, стала что-то лепетать в ответ на его взгляд. Несколько ночей не ночевала дома.

Что все это могло значить? Как оказалось, она училась в одной школе с Гитлером. Было приказано её не трогать. Именно это вызывало недоумение партизан. За ней они следили.

Приезжая в Прагу после Войны, я часто навещал друзей в Требестовицах. Остановливался у русской женщины, Нади Шмейкаловой, чей дом был расположен по соседству с нашей бывшей хозяйкой. Увидев меня, она всегда подходила к забору. Встречала улыбкой, разговаривала при посредстве Нади. Как-то однажды я её спросил: «А бывал ли в Вашем доме фюрер?» «Бывал, - ответила она. Он в доме, а охрана во дворе. Отсюда он давал распоряжения при аншлюсе Австрии. Днём из дома он не выходил и меня не выпускали». Я не исключаю, что это мог быть двойник. Но то, что дама могла представлять интерес для партизан, очевидно. Надя подтвердила, что суета вокруг соседнего дома иногда бывала. Местный полицейский при этом просил из дома не выходить.

ВОЙНА ОКОНЧЕНА.

Окончание войны в нашем небольшом коллективе медсанзвода обошлось без салютов и залпов. Волею случая, я принес информацию из штаба Бригады. Вмиг все задумались. Внешне было впечатление, что люди только что скинули с себя бремя непосильного труда, вздохнули, стали другими. Кто-то сказал: «Теперь, домой».

Вечером из НЗ достали коньяк и шоколад. Каждый думал о своем, поднимая бокалы за Победу.

Я воевал в разведке

Белявский Владимир Иосифович

Участник боевых действий

Я родился 20 января 1920 года в городе Киеве. В 1938 году окончил среднюю школу и был призван в армию. Службу проходил в качестве красноармейца в полку внутренних войск, который был расположен в Киевском военном округе. Там меня и застала война. Наша часть участвовала в боях за Киев. Дороги войны бросали меня по разным фронтам. Давно все это было. Память моя поблекла и многое я просто не помню.

Моя военная судьба сложилась так, что я стал разведчиком. Разведчик – это бесконечные вылазки в расположение противника с различными задачами, например, когда следует выявить расположение огневых сил противника, какие части противостоят, выяснить наличие и количество боевой техники, расположение укрепленных районов, тыловых баз и путей снабжения, ну и конечно выявить штабы и главное, взять ценного языка. Служба в разведке требует высочайшей исполнительской дисциплины, мастерства и храбрости.

Мне пришлось участвовать в освобождении Белоруссии, в знаменитой военной операции «Багратион», которая закончилась сокрушительным разгромом немцев.

Эта операция отличалась тщательной разведкой сил и позиций противника. Нашему подразделению разведчиков тоже была поставлена задача, добыть языка.

Группа разведчиков в количестве 10 человек, в том числе и я, отправилась в тыл к немцам. Нас провожали саперы, которые проделали проход в наших минных полях, «свернули взрыватели с мин», а также сделали проход в немецких проволочных заграждениях, упирившихся в болото. Вот по краю этого болота мы и просочились в тыл к немцам на несколько километров. На рассвете вышли к небольшой деревне. Начали наблюдать, видим дома охраняются, периодически ходят офицеры, засекли один дом на краю деревни, в котором увидели офицеров. Решили дожидаться ночи, а пока наблюдать. Комарье заело, но нужно терпеть. К ночи приняли решение, как совсем стемнеет, будем брать языка. К дому, который выбрали, подойдем с левой стороны двумя бойцами и с правой тоже двумя, в прикрытии останутся остальные. Условились, что если снимем часового без шума, входим в дом и тихо берем языка. Если же будет стрельба, то прикрытые

бросает в дом гранаты и хватает тех, кто будет выскакивать из дома. Все прошло гладко часового прикончили и офицера взяли. К счастью все целые и невредимые вернулись в свое расположение и с ценным «языком», который дал необходимые сведения для командования. Но так бывало не всегда, бывали потери и раненые, бывало и пустыми возвращались. Все было на войне - и разведка боем, и корректировка огня нашей артиллерии, в общем фронтовая жизнь и чувство, что вот прожит еще один день и ты остался жив, а завтра снова бой, снова разведка и нужно дожить до Победы. В конце войны я был на 1 Белорусском фронте в качестве командира разведвзвода в дивизионной разведке. В моем взводе, в начале Одерской операции, было 30 человек. В ходе боев на Одере и потом под Берлином многие были ранены и погибли. Но поставленные задачи по сбору ценной информации мы выполнили и это легло в разработку плана боевых действий нашей дивизии. За участие в этих действиях я был награжден орденом «Красная звезда».

Закончил я войну в Берлине. После войны служил в армии еще до 1962 года, демобилизовался в звании капитана. За боевые заслуги награжден орденом «Отечественная война 1 степени», 3-мя орденами «Красная звезда», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За Победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

После демобилизации работал в пищевой промышленности. Я большой любитель духовой музыки, создал и дирижировал духовым оркестром.

Женат, с женой прожили 70 лет, имею двух дочерей, двух внуков и двух внучек, одного правнука и 3 правнучек. В Канаде живу с 1990 года.

На западном фронте

Белянская Валентина Михайловна

Участник боевых действий

Я родилась в Москве и прожила в ней всю жизнь до отъезда в Канаду, за исключением двух лет, проведенных в армии в войну. Мой день рождения приходится на 23 февраля, а в этот день, как известно, День Красной или Советской Армии, а теперь - День защитника Отечества. Так что в этот день у меня двойной праздник. Среднюю школу я окончила в 1940 году.

В следующем году пошла работать на авиационный завод, который находился в Кунцево, тогда это было Подмосковье. Завод - военный, дисциплина и порядок там были жесткие. Вскоре после начала войны завод начали эвакуировать. Мы с мамой должны были ехать с заводом, но мама отказалась, сказала, что она никуда не поедет, а я не могла её одну бросить. Мы жили тогда в Москве, в районе трех вокзалов. Немцы часто бомбили город и нашему району доставалось, особенно от зажигательных бомб. Тогда в каждом домоуправлении были сформированы дружины по борьбе с зажигалками (зажигательными бомбами). Мы лазили по крышам, хватали эти зажигалки клещами и свалили их в песок или в бочки с водой, или бросали с крыш во двор.

Немцы рвались к Москве. Меня призвали на трудовой фронт и послали под Кунцево рыть противотанковые рвы. Это был октябрь месяц. Было очень холодно. Работали с рассвета до темноты. Жили в домах, которые покинули эвакуированные - сейчас это кажется странным, но они стояли открытыми. Есть было нечего, света не было. Но вскоре появилась полевая кухня и повар, варил только кашу, но она была горячая, это нас согревало. Это длилось недолго. Затем нас отправили в Москву. Я с группой знакомых девушек пошла в Райком Комсомола попросилась в действующую армию, там нам не отказали. Нам дали повестку, чтобы показать родителям, что мы не сами напросились, а что нас призвали. Тогда мне было 19 лет. Мы боялись, что родители будут возражать, но наши родители были патриоты и были за нас рады. Потом - сборный пункт, учебная часть и, наконец, отправка на фронт.

Фронт, куда нас направили, был Западный и находился он от Москвы всего в 200 -250 километрах. Доставили нас туда на автомашине. Нас направили в отдельный батальон связи при 33 армии, который

дислоцировался в районе города Медынь. Было это в мае 1942 года. На участке фронта, который обороняли части нашей армии, на линии Вязьма-Юхнов тогда шли ожесточенные бои. Задача и цель была у всех одна - освободить Смоленщину, но это произойдет только в 1943 году. А пока, как только какая-нибудь деревня освобождалась от немцев, то роты нашего батальона связи прокладывали проводную связь с деревнями, пунктами новой дислокации частей и соединений армии.

В первое время по прибытию в батальон меня с подружкой оставили при штабе, так как у нас был хороший почерк и мы писали письма, вели учет военного имущества. Мне все это вскоре надоело и я попросила какую-то другую работу, более интересную и полезную. Меня назначили экспедитором. Я должна была доставлять в штаб армии и другие места назначения почту и приносить обратную корреспонденцию. Учитывая, что я была со средним образованием, мне присвоили звание «сержант», выдали пистолет ТТ, из которого я не умела стрелять (и так и не научилась), планшетку и велосипед для передвижения.

И началась моя новая жизнь с ежедневными переходами, переездами на многие километры. Расстояние в пять километров, на велосипеде я могла проехать, а что больше - уже было тяжело, и мне приходилось пользоваться помощью из соседних частей. В частях к нам очень хорошо относились. Вот стоишь на дороге, поднимешь руку и всегда кто-то остановится и подвезет. Зимой передвигались на санях - возили в части, чтоб доставить и забрать корреспонденцию. Когда сами передвигались, нужно было строго идти по заданному в штабе направлению и никак иначе, а то можно было сбиться и заплутаться.

Был случай. Однажды мне пришлось идти одной пешком, много километров, по Смоленскому лесу. Была ночь, луна, тени от деревьев падали и мне казалось, что кто-то там за деревьями, за кустами есть. Затем я услышала шум копыт сзади, я не знала кто это, но была бы рада увидеть хоть живую душу. Это оказался капитан, который скакал в свою часть, он подбросил меня на шесть километров, я спросила - куда же мне идти, он ответил, что не знает и ускакал. Время было полуночное. Я пошла в рощу, там увидела протоптанную тропинку и пошла по ней. Вдруг, как из под земли, резко поднялись два солдата, они узнали меня, сказали - это же сержант Анохина, спросили пароль и сказали куда идти.

Дороги, дороги, дороги. Я прошла по ним от границы Калужской и Смоленской областей до границы Смоленщины с Белоруссией. Вообще дороги Смоленщины, это особая статья, эти грунтовые, проселочные, лесные дороги и тропинки, разбитые колесной техникой, перепаханные гусеницами танков. В период осенней и весенней распутицы и в пору дождей они превращались в сплошную непролазную грязь. Это надо видеть, это надо пережить, через это надо пройти и это останется в памяти на всю «оставшуюся жизнь». Недаром поэт Константин Симонов написал такие слова:

«Ты помнишь Алеша, дороги Смоленщины, Как шли бесконечные, злые дожди.»

Сколько километров пройдено, сотни, их не счесть. Навсегда остались в памяти переходы через речушки. Вода набиралась в сапоги и идти было очень тяжело.

Выйдя на сухое место я ложилась на спину, поднимала ноги вверх и вода текла мне в юбку, затем я вставала и вода текла в сапоги обратно и так я делала несколько раз.

Бои на Смоленщине были очень ожесточенные, отступая, немцы отчаянно сопротивлялись и оставляли выжженные города и деревни. В одной из деревень, не помню названия, но оно вошло в историю, остался в живых один человек, да раздавался звон тревожного колокола.

Вспомнила еще один эпизод. За нашим расположением встало подразделение «катюш». Это было в те дни, когда наш фронт поддерживал войска на Курской дуге. У нас, конечно, никто не знал, когда они начнут

работать. И вдруг мы услышали и увидели, что они стреляют через наши головы. Мы страшно испугались и полезли под сено. Хотя это было еще опаснее, так как могли загореться. Вскоре «катюши» отстрелялись и сменили свою дислокацию. А у нас звон в ушах и дурная голова остались надолго.

Весной 1944 года наш фронт, тогда уже 2-ой Белорусский, начал готовиться к освобождению Белоруссии, наша 33 армия сосредоточилась на Оршанском направлении. Но я уже не участвовала в этой операции. И на фронте бывает любовь. Мой суженный был простым солдатом. Я забеременела. Меня демобилизовали в мае 1944 года, а перед этим мы с моим мужем расписались в селе Красное. Так закончилась моя военная эпопея. Моего мужа демобилизовали в 1946. Я награждена орденом «Отечественная война II степени», медалью «За Победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

Возвратившись в Москву, родила сына и пошла работать в финансовый отдел в банке. Окончила финансовый институт. Всю жизнь проработала в должности начальника финансового отдела. Последнее время работала начальником финансового отдела Министерства сельского строительства СССР.

В Канаду приехала в 1990 году. Я уехала из Москвы после нелепой гибели сына. Он рано утром вышел косить траву косилкой, было влажно, он не надел резиновые сапоги и его убило током. После него остался мой внук, и две правнучки.

Техник Авиационного Полка

Биббер Аврум Борхович
Участник боевых действий

Я родился 16 марта 1922 года в городе Липовец, Винницкая область, Украина. С 1930 года жил в Киеве. Там же, в 1939, году окончил школу. У меня была голубая мечта стать врачом, но, к сожалению, этому не суждено было случиться. В мае 1939 года я пошел в военкомат на комиссию, а туда как раз приехал представитель из Москвы набирать людей в Первое Московское Краснознаменное военно-авиационное техническое училище. Так я оказался в училище, где пробыл два года, и как раз успел закончить его перед началом войны по специальности авиационный механик. Как только началась война, небольшую группу выпускников, в которую попал и я, отправили в Ростов-на-Дону. Там находился 111 резервный авиационный полк. В Ростове мы пробыли дней 10-15 и нашу группу отправили в Таганрог, где располагался 30-ый военный завод, который выпускал истребители «ЛаГГ-3» (Лавочкин-Горбунов-Гудков).

Мы начали изучать устройство самолета и, примерно через неделю, командир наших курсов объявил, что согласно решению командования организовываются 3-х месячные летные курсы для тех, кто имеет техническое образование. На эти курсы попал и я. Никаких 3-х месяцев. Где-то к началу сентября нас разослали по частям, и я попал в 23-й истребительный полк в качестве уже лётчика, и именно на самолет «ЛаГГ-3».

В составе 2-ой эскадрильи 23-го истребительного полка я сделал около 15 полётов, с продолжительностью от 40 минут до 1,5 часа, так как заправки бака горючего хватало на два часа полета, и к тому же, боезапас был ниже норматива – тогда ощущалась нехватка боеприпасов. Поскольку мы были молодежь, нас отправляли утром на разведывательные полёты. Но через три месяца нам запретили летать, потому что больше половины выпускников наших курсов погибло. Аэродромов, в нашем понимании, тогда было мало. В летных училищах были самодельные портативные взлетные полосы. Загонят туда 5-10 машин, и они проутюжат эту взлетную полосу, и с этой площадки мы взлетали и садились. Но это была осень 1941 года, как дождь пройдет- это было страшное дело для нас лётчиков.

Так как земля на Украине глинистая, мягкая, скользкая- я не говорю уже про сложности при посадке, я говорю о сложностях при взлете, на моих глазах три самолета разбилось, потому что самолет при взлете сносило. А

ведь перед тем как взлететь, самолёт должен набрать инерцию и, благодаря этой инерции, летательный аппарат потом держится в воздухе. А когда все скользко и оно тебя водит, то очень тяжело становится даже для самых профессиональных лётчиков. К сожалению, из-за таких экстремальных условий, очень много малоопытных лётчиков погибло. И, в связи с этим, был приказ запретить летать всем ребятам, которые окончили наши курсы. Так как я был по образованию механик, меня оставили в полку в этом качестве. Мне пришлось пройти весь тяжёлый путь отступления от Днепропетровской области, через Харьковскую, Воронежскую и Сталинградскую области. У ворот Сталинграда я оказался в сентябре 1942 года.

На железнодорожной станции Безымянная мы получали самолеты СУ- 2. Это был самолет - вроде лёгкого штурмовика или бомбардировщика. Они были оборудованы для разведки и корректировки действий нашей артиллерии (когда мы учились в училище, мы слово корректировщик не понимали).

Корректировщики были у дальней артиллерии, которая обстреливала за 7-8 км. Например, обстреливают село какое-нибудь, и там, в этом селе где-то на колокольне церкви сидит корректировщик, который имеет радио-связь с наземными войсками с этой артиллерией. А потом эти функции переложили на самолеты, потому что это давало большое преимущество для артиллерии, прежде всего большой диапазон осмотра. Например: вот мы висели над полем боя, над дорогой, или над лесом и все что замечаем, передаём на землю, и они уже там обстреливают. Как например: немецкие укрепления, скопление войск, самолёты, танки, артиллерию или склады. У штурмана самолета, главная была задача, держать связь с землей: или непосредственно с командованием артиллерией, или со штабом своего полка. И в зависимости от заданий, которые он получал, он и работал. Если надо было фотографировать- аппарат уже был настроенный и начинал функционировать с нажатием одной кнопки, и ты ждешь команду от командира самолета, который сидит впереди. В данных случаях курс самолета определяет сам командир, он ведет самолет согласно полученного задания, которое получил от штабного полка. Это то, что мы должны были делать и потом делали, а пока...

Полученные на Безымянной самолеты мы должны были перегнать в город Калач. Но мы не успели сесть, так как немцы уже бомбили Калач. Мы потеряли несколько машин и полетели на Сталинград, хотели там дозаправиться. Там тоже все бомбили. Нам приказали сдать самолеты и отправиться через Волгу в Солдатское-Степное, к новому месту дислокации, куда мы и отправились на попутных машинах. Самым ближним на нашем пути был город Камышин. Немецкая авиация разбомбила в городе нефтеналивные сооружения и нефтеперерабатывающий завод, и черные столбы дыма от пожара были видны даже на три десятка километров от города. Все же мы туда добрались. На берегу стоял паром из двух

соединённых барж и катер перетаскивал на ту сторону. Но людей было тьма и на этот паром стояла очередь, где-то 15-16 машин и много военных и гражданских людей было между этими машинами. Перед самой отправкой прибыл отряд со спасательными собаками-овчарками. Отошли мы от берега где-то на метров 70-80 и, откуда не возьмись – пара немецких истребителей. Они сбросили четыре бомбы, одна из них попала в одну из барж. Баржа начала наклоняться, и все это соединенное сооружение наклонилось- и все люди, машины, собаки пошли на глубину Волги. Я не помню многое в этот момент, только помню, что оказался в воде, и когда рвались бомбы, так меня пронизывало тысячами иголок. С горем пополам, не знаю как, я сбросил с себя сапоги, помню что задыхался, нырял несколько раз. Потом помню что проснулся среди людей уже в белых халатах. Попал я в благодатные руки на недели две, к нашим людям, которые меня откачали, полечили и поставили на ноги.

Как оказалось, я недалеко отплыл, дело в том, что я был в комбинезоне и он не дал мне утонуть. Меня понесло по течению Волги и вынесло на какой-то остров Мели, это от Камышина где-то 1,5-2 км. Больше чем полтора суток я лежал на этой отмели, пока люди нашли и увидев, что еще живой - откачали. Ранений никаких не было. Со мной было еще двое товарищей, но я их не видел и не слышал о них после этого никогда.

Подкрепившись немного, меня на попутных машинах привезли в Солдатско-Степное, находившийся от Волги где-то 25 км. В Солдатско-Степном, были самолёты, даже несколько СУД-2, и маленький аэродром. В конце 1942 года передислоцировались в Ушаковку, это на западном берегу Волги. Потом были и другие аэродромы, самый близкий к Сталинграду в 9 км. В этот период я выполнял работу авиамеханика. Моё дело было готовить самолеты к полетам, до тех пор, пока не закончилась Сталинградская битва.

Но однажды, это было в Ушаковке, в 32 отдельной корректировочной разведывательной авиационной эскадрильи, командир эскадрильи попросил меня полететь на задание вместо заболевшего летчика - нужна была срочная замена. В этом вылете участвовало 6 самолетов, каждый имел свою территорию осмотра и свое время полета. На одном из этих самолетов летел и я. Я сделал 11 коротких полетов во время которых фотографировал с помощью фотоаппарата дальнего действия (до 4 км.) заданные нам зоны- это было северное направление от Сталинграда, где тогда шли ожесточенные бои. Страшновато было летать, так как мы были все время под наблюдением немецкой зенитной артиллерии и авиации.

Сразу после каждого полета, мы передавали сделанные снимки специальной бригаде дешифровщиков. Эти специалисты, обработав фотографии, могли точно определить любую единицу техники. После обработки все данные передавались в соответствующий штаб для нанесения артиллерийского или авиационного удара. За выполнение этих

разведывательных заданий я был награжден медалью «За боевые заслуги».

19 ноября началось генеральное наступление под Сталинградом. А в ночь с 2 на 3 февраля 1943 года, Сталинградская битва закончилась.

Я этот день, никогда не забуду. Кроме указанной выше медали «За боевые заслуги» я был награжден медалью «За оборону Сталинграда», и грамотой за подписью Сталина. У нас, технарей, в то время было вот такое клеймо: «Вечно грязный, вечно сонный, техник авиационный!»

Я рассказал только часть своей военной эпопеи. За боевые заслуги в годы Великой Отечественной Войны я был награжден орденом «Боевое Красное Знамя», орденом «Отечественная война I степени», двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией» и многими юбилейными медалями.

После демобилизации я приехал в Киев и, как технарь-специалист по самолетам, пошел на аэродром. Но там мне сказали, что таких как я много и я быстро переучился на сварщика. Работал газосварщиком на заводе, где выпускались рефрижераторы. Заочно учился в Московском энергетическом институте.

После его окончания работал главным механиком на химзаводе, который выпускал лекарственные препараты. Пришло время уходить на пенсию. Но я решил перейти работать в Сельскохозяйственный техникум. Работал в отделе ремонта и монтажа механического оборудования животноводческих ферм. Мы обслуживали совхозы, интересная работа была, и было за что работать. Но обстановка в стране в 90-х годах такая была, что я решил уехать. В 1993 году, поехал в Канаду, в гости к своей дочери, и так и остался в Канаде.

Ленинград. Блокада. Противопожарный полк.

Бим Леонид Хаймович

Житель блокадного Ленинграда

Я родился в Ленинграде 9 ноября 1926 года. Когда началась война, мне было 14 лет, а когда стал бойцом полка противопожарной обороны города Ленинграда, мне исполнилось 15 лет.

Как я попал в полк? Жил я в то время в самом центре Ленинграда, там где Невский проспект пересекается с рекой Фонтанка. Это был район, который немцы особо рьяно обстреливали и бомбили.

Так вот одна из бомб, взорвавшись, выбила воздушной волной окно в моей комнате. Снега нанесло до кровати. Вода в высоком цилиндрическом ведре, стоявшем около нее, замерзла. Я лежал ослабевший от голода и должен был попасть в число тех, кто не переживет блокаду. Спас меня, пришедший навестить, старший брат. Родителей у нас не было. Брат после истребительного батальона, боровшегося с диверсантами, служил в полку противопожарной обороны. Он и его друг отвезли меня на санках в свою казарму и поместили в закутке за печкой. Взвод, в котором был брат, принял меня очень тепло. За обедом передавалась вдоль стола миска и каждый выливал туда ложку супа для меня. Через некоторое время командование зачислило меня бойцом в 15 роту.

В казарме мне дали койку у окна и я каждый день наблюдал, как на льду канала имени Грибоедова появлялись новые трупы умерших от голода. Когда же весной начался ледоход, они уплыли. Рядом со мною была койка друга моего брата – Леши Северова. Как-то вечером мы играли с ним в шахматы, а утром я обнаружил, что он умер.

Первые задания, которые я начал выполнять, были несложные. Так я нес вахту на крыше Александрейского театра. Для тушения зажигательных бомб там стояли ящики с песком, был багор и большие щипцы. Стояли сильные морозы, когда не было воздушной тревоги, была возможность погреться внутри театра. Тогда там шли спектакли театра опереты. Меня поражало, как исхудавшие и мрачные артисты, находясь за кулисами, где был и я, обсуждают, как лучше использовать талоны продовольственных карточек, а через минуту оказавшись на сцене, весело поют и танцуют.

Наконец меня включили в группу, которая после тушения пожара, обследует помещения здания, предупреждая новые очаги возгорания. Потом настало время заниматься тушением пожаров наряду со всеми бойцами. Наш взвод тушил пожары многих домов Куйбышевского района.

Водопровод в городе замерз. Приходилось разбирать горящие конструкции, не допуская распространения огня на соседние дома. Было больно смотреть на женщин, плачущих во дворе своего горящего дома.

Самым большим и сложным, в тушении которого пришлось участвовать, был пожар в Гостином дворе. Тушили его несколько расчетов профессиональных пожарных и бойцы противопожарного полка. В гидрантах воды не было. Голодные и ослабевшие люди были не в силах проложить рукава на 600 метров до канала Грибоедова и пробить там очень толстый лед. Разбирали конструкции. Тушили без воды засыпая снегом и песком. И победили огонь.

Сильное впечатление оставило у меня тушение пожара на Печатном дворе. Находился Печатный двор далеко от нашей казармы - на Петроградской стороне. Шли мы пешком, таща на себе ломы, багры, лопаты. Путь проходил по мосту через Неву. Взойдя на мост мы увидели в небе множество немецких самолетов, летящих бомбить город. По самолетам начали бить зенитные орудия с кораблей Балтийского флота вмерзших в речной лед. Осколки от разрывов зенитных снарядов забарабанили по мосту.

На Печатном дворе огонь охватил здание книго-торговой базы. После того как водой удалось сбить пламя, книги продолжали тлеть, местами возгораться. Их необходимо было выбросить наружу здания. Работа выдалась тяжелая. Мы задыхались от душного дыма. После всего этого, изможденные отправились в обратный путь. Я почему-то тащил тяжелый лом. Брат увидел это и забрал лом себе, предварительно крепко выругавшись.

Между прочим, в одной из пожарных частей города, с огнем сражался и автор Шестой симфонии композитор Дмитрий Шостакович.

За долгую жизнь, а мне сегодня без малого 93 года я получил множество наград. Но самая дорогая награда – это медаль «За оборону Ленинграда». Она напоминает о тех, кто был рядом со мною в те тяжелые дни блокады. О друзьях умерших от голода. О родных и близких, погибших во время войны. Мой брат Михаил Бим погиб при форсировании Днепра, он покоится в братской могиле на Украине.

Семья из блокады

Борисовская Тамара Леонидовна

Участник боевых действий

*Я помню Ленинград времён блокады и войны.
Он был таким же полутрупом, какими мы были.
Замёрзший и заснеженный, израненный, больной,
А на окраинах его шёл днём и ночью смертный бой.
Я помню, как тащились мы за невскую водой:
Кто с ведрами и санками, кто чайник нёс большой.
Пропали с улиц голуби, не слышно щебет птиц,
Как страшно было к проруби на хрупкий лёд пасть ниц.
Ведёрком зачерпнёшь воды, о ужас, не подняться!
Везли на санках бережно, чтоб ей не расплескаться!
Всё вспоминаю иногда, откуда силы брались?
Ведь падали на улицах и чудом поднимались,
Чтоб не замерзнуть, не заснуть, чтоб дети не пропали,
А как хотелось отдохнуть! Но жить мы продолжали!
Где щепок взять, где дров найти, чтоб затопить печурку?
Хотя бы чайник вскипятить, в кастрюльке маленькой
Сварить картофельные шкурки.
Уже не стульев, ни стола, одни кругом кровати,
На табурете вся еда, и негде дров достать нам.
Остался лишь один рояль - из мебели старинной.
О, как нам было его жаль, чтоб превратить в руины.
И вдруг раздался в двери стук, вот уж кого не ждали...
Приехал с фронта папин друг, на кителе медали!
Вот праздник был тогда у нас! Незабываемый банкет!
Весь продовольственный запас он выложил на табурет.
Мы с удовольствием закусили, на завтра что-то отложили.
Потом он вышел в коридор, затеяв с мамой разговор:
"Настал главы семьи черёд, через неделю он умрёт.
Один лишь выход у него - отправить в госпиталь его.
Там он сначала оживёт. Оттуда и на фронт пойдёт."
Отец в НИИ морском служил и очень нужен там он был.
Но приняли мы предложение, ведь это был шанс на спасенье!
И опустел без папы дом, остались мы тогда втроём:
Сестра да я, и мама, и хлеба по 125 грамма.
И не досталось нам от папы ни карточки рабочей,*

*Ни зарплаты, но вскоре вдруг приходит извещение,
На работу маме приглашение!*

*Маму в госпиталь зовут ухаживать за бойцами,
Рабочую карточку дают - мы дома остаёмся сами.
Потом сестрёнку тётя забрала, в большой квартире-коммуналке
Осталась только я одна.*

*Делилась мама сухарями, и тем, что полагалась маме.
Туда хоть путь не так далёк, но было дистрофии срок.
Вот однажды по дороге я упала и сознание потеряла.
Очнулась уже в больнице - сидели рядом две девицы.
Дружинницы спасли меня, и я в сознание пришла.
Меня за месяц подлечили, и немного подкормили,
И отправили в детдом, осиротел наш отчий дом.
Зимой по льду, Дорогой жизни, а летом самоходными баржами
Детей эвакуировали в тыл отчизны по Ладоге,
А дальше поездами...*

Служба в БАТО

Бурма Михаил Семёнович

Участник боевых действий

Я родился на Украине, в Черниговской области. Печнянский район, село Славичевка. Там я закончил семь классов в 1940 году и поступил в Педагогическое училище. Когда началась война и немцы начали подходить к Черниговщине, мой отец, который служил в милиции, отправил меня с мамой в эвакуацию. По другому просто не могло быть, ибо семьи сотрудников НКВД подлежали по законам немецких оккупантов к уничтожению. Отец ушел в партизаны и погиб в 1944 году. Путь эвакуации был долгим, прибыли мы в Западный Казахстан - Чилик - тогда это была Уральская область. Определили нас на жительство в один из колхозов. Там я пробыл до 1943-го года. Работал объездчиком в колхозе, на коне объезжал колхозные поля, охранял созревающий урожай. Потом меня назначали в больницу – завхозом.

В Красную Армию был призван в сентябре 1943. Сразу же направили учиться в ШМАС (школа младших авиа специалистов). Меня учили по специальности – авиационное вооружение, а именно по эксплуатации и ремонту авиационного пулемета ШКАС. Это было грозное оружие: по своим тактико-техническим данным ШКАС превосходил все аналогичные авиационные пулеметы других армий, в частности немецкие и американские. Наш ШКАС – скорострельный авиапулемет калибра 7,62 мм, с ленточным питанием, имел скорострельность 1800 выстрелов в минуту, а немецкий пулемет 1100 выстрелов, а американский - 900. Все наши самолеты – истребители, бомбардировщики и штурмовики оснащались этими пулеметами. В 1944 году я закончил школу, мне присвоили звание сержанта и отправили в действующую армию на 3 Белорусский фронт, которым тогда командовал генерал армии, Герой Советского Союза Иван Данилович Черняховский - это было уже в Восточной Пруссии.

Так сложилось, что по своей специальности я не работал. Воинская часть, в которую я прибыл, называлась 343 Отдельный батальон аэродромно-технического обслуживания. Занимались мы обеспечением авиационных частей боеприпасами – бомбами и патронами для авиапулеметов. Бомбы и патроны поступали к нам бесперебойно. Нам приходилось разгружать железнодорожные вагоны и автомашины и днем, и ночью. Мы также снаряжали ленты патронами для ШКАС и все это доставляли к самолетам. Тогда была горячая пора на нашем фронте. Шли ожесточенные бои за

Кенигсберг. Авиация совершала по несколько вылетов в день, бомбы и патроны были нужны в больших количествах. Нам и поспать некогда было, спали по два часа в сутки. Хотя немцы уже не имели превосходства в небе и редко нас бомбили, но мне все же досталось - попал в одну бомбежку и получил осколочное ранение.

Войну я окончил под Кенигсбергом. После войны прослужил в армии еще почти 30 лет, из них 7 лет – сверхсрочником. Потом окончил офицерские курсы и служил в должности начальника снабжения вооружением. Службу закончил в звании подполковника. Награжден орденом «Отечественная война II степени», медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией» и многими юбилейными медалями. После того, как вышел в запас в 1972, работал завхозом в школе. В Канаде живу с 2006 года.

Сороковые, роковые...

В памяти моей

Вальдман Мария Яковлевна
Участник боевых действий

Я обращаюсь к тем, кто на своих плечах вынес все тяжести военного лихолетия и внёс огромный вклад в день, который в этом году мы будем отмечать в 75-й раз!

Помню, как в 7 часов утра в Ташкенте (4 часа по московскому времени) 22 июня 1941 года, как гром среди ясного неба, по радио прозвучало страшное известие: началась война.

Мы, студенты, собирались на своих факультетах по курсам. Я была комсоргом 3-го курса энергетического факультета в Политехническом институте. Старосты групп составили списки добровольцев и передали их в комитет комсомола, а члены комитета отправились в райвоенкомат.

Через степи Казахстана и пустыни Туркмении шли на Ташкент эшелоны с эвакуированными. Многих тогда не покидала мысль: как встретят их, бездомных и измождённых, как примет их Узбекистан? Их приняли как родных.

Дежурные бригады, в которые входили работники Наркомпроса, ЦК КП(б)Уз, студенты, рабочие, по графику работали на вокзале, встречая эвакуированных. Каждая бригада чётко и точно выполняла возложенные на неё обязанности. Прибывших вели в баню, купали детей, переемали во всё новое, кормили поистине царским обедом, так как дополнительно к обеду местные жители-узбечки приносили горячие пирожки, лепёшки, плов, шурпу и свежие, сочные фрукты. Узбекский народ по-братски принял эвакуированных, открыл двери своих домов, приютил и помог обжиться миллионам женщин и детей, которых война заставила покинуть свои родные места. В суровую зиму 1941-42 годов дети, эвакуированные из прифронтовой полосы, были взяты на воспитание во множество узбекских семей. Узбекский поэт Гафур Гулям написал о них стихотворение «Ты не сирота!»

Далее я хочу рассказать о себе и своих сверстниках. После окончания военных курсов, где мне присваивали звание сержанта, меня вместе с небольшой группой девушек направили в Геок-Тепе (граница Туркменистана). Недалеко от Ашхабада формировалась наша 118-я бригада. На учебных полигонах нас учили овладеть новой военной техникой,

тактикой боя, ориентировкой на местности. 19 мая прозвучал сигнал тревоги. Наш лагерь пришёл в движение, и части нашей бригады погрузили в эшелоны, которые двигались на Запад.

Наш эшелон медленно приближается к перрону вокзала Ташкента. К открытым окнам вагона подходит множество людей - это родственники, родители, знакомые наших солдат. Слышны оживлённые разговоры, объятия, слёзы, поцелуи. На разных языках, наречиях, диалектах звучат одни и те же слова: «Дорогие вы наши, победители врага и возвращайтесь домой с Победой!». Но далеко не всем посчастливилось вернуться домой...

Эшелон медленно двигался на Запад по необъятным просторам Советского Союза. Остановился он на окраине Москвы. Мы, солдаты, как горох высыпали из вагонов и с большим интересом рассматривали всё, что попадало в поле зрения. Ведь большинство из нас впервые оказалось в Москве. Сама Москва была под куполом из аэростатов, которые прикрывали город от налётов вражеской авиации. Весь личный состав нашей бригады помылся в бане! На рассвете эшелон отправился в путь по направлению к калининскому фронту. В Лукашино нашу бригаду соединили с 14-й бригадой, и из этих двух бригад была сформирована 136-я дивизия, и её возглавил полковник (а затем генерал) Пузиков.

Много вёрст прошли мы путями войны. Одна печальная картина сменяла другую. Разрушенные, разваленные города, сожжённые сёла, издевательства на людьми... Последний марш к линии фронта мы совершали своим ходом. Ведь мы - пехота, а «матушка пехота сто километров пройдёт, и ещё охота!»

Наша 136-я дивизия наступала на правом фланге 52-й армии и получила боевую задачу - освободить город Зеньков. Этот небольшой старинный городок представлял из себя хорошо укреплённый опорный пункт противника. Его обороняла мотодивизия СС «Великая Германия», которая была заново укомплектована людьми, боевой техникой, и имела задачу задержать наступление наших войск. Перед нами, бойцами, выступил комсорг дивизии, молодой лейтенант Шакарим Искандеров. Волнуясь, он сказал: "Все мы видели зверства питлеровских головорезов. Они убивают ни в чём неповинных людей - стариков, женщин, детей, грабят и сжигают дотла сёла и города. От всего увиденного кровь стынет в жилах. Мы должны отомстить им - священная месть зовёт нас в бой!"

Эта операция для многих из нас стала боевым крещением, в том числе и для меня, так как на командный пункт привели первых пленных, и допрашивать их должна была я. Самым первым допрошенным был девятнадцатилетний парень - Фриц Гессбель, парашютист-десантник. Этот голубоглазый, белокурый паренёк не успел приземлиться, как попал в плен. В его нагрудном кармане лежали фотографии родителей, друзей, любимой девушки. Ему так хотелось жить, он смотрел на нас такими испуганными

глазами! На задаваемые вопросы парнишка ответить не мог, так как его задача была приземлиться и связаться со своими. А сколько наших бойцов - молодых, безусых мальчишек-офицеров погибло за освобождение города Зенькова!

8 сентября к 12 часам дня город был освобождён от противника. Далеко за городом ещё слышалось эхо удаляющегося фронта. В боях за освобождение города Зенькова наши дивизии понесли многочисленные потери. В небольшом парке состоялся траурный митинг и похороны погибших воинов. Разгромленный в упорных боях противник бежал. Введённые подвижные части армии начали преследовать его в направлении Киева.

Дивизия двинулась к Днепру через разрушенные и сожжённые сёла Украины. В небольшом селе Озеряны (партизанское село) жил командир местных партизан, Павел Андреевич Корнеев. Он рассказал нам, как партизаны действовали в тылу врага в условиях фашистского террора. Стремительной ночной атакой части дивизии при поддержке подоспевших артиллеристов освободили город Борисполь. В этом городе нас встретили виселицы с повешенными, колодцы с трупами детей и подростков.

Сама природа будто помогала нам в продвижении по тяжёлой песчаной дороге, ведущей на Дарницу. Артиллеристы поддерживали нас, пехотинцев, и прикрывали нас своим огнём.

Южнее Дарницы 10-15 км к Днепру наша дивизия стремительно заняла приднепровские сёла Гнедин и Вишенку. Мы захватили много лодок и небольшой паром, столь необходимые для переправы наших частей через Днепр. Эта успешная операция дала возможность частям дивизии приступить к форсированию Днепра в ночь на 30 сентября и захватить Казачий остров, который охраняла отборная эсэсовская часть.

Первым форсировал этот участок 269-й полк со своим отважным командиром, полковником Проценко. Ох, сколько воинов полегло в этом бою! У командира дивизии возникла необходимость срочно доставить на

остров секретный приказ. Связные команды находились на выполнении своих боевых заданий, и мне был дан приказ доставить секретные документы на остров. Ночью группа санитаров на лодках переправлялась на остров, и в одну из лодок посадили меня. Оказавшись на острове, каждый приступил к выполнению своего задания. Я поползла, как мне казалось, в нужном направлении, но сбилась с пути и вдали увидела огонёк, и услышала немецкую речь. Я залегла в канаве, между двумя трупами. Когда немецкий патруль ушёл, я выползла на дорожку и приползла в нужную землянку, где находился штаб полка. Я передала приказ и рассказала о патруле. Патруль этот был захвачен, и пленные были переправлены в штаб дивизии. Штабисты подтрунивали надо мной, говоря что «наш герой одна семерых немцев в плен взяла!» После освобождения Киева, 11 ноября, меня за этот подвиг (который я считала своим долгом) наградили медалью «За боевые заслуги».

В конце 1943 года в Лысянском районе Корсунь-Шевченского направления наша дивизия находилась в окружении. Там не было фронта и тыла, кругом была опасность и ежедневно велись изнурительные бои, отсутствовали регулярное снабжение боеприпасами и продовольствием, закончились медикаменты. И тогда лётчик Григорий Тимофеевич Береговой (впоследствии дважды Герой Советского Союза, лётчик-космонавт) пришёл нам на помощь с воздуха - он сбрасывал с борта своего свмолёта всё необходимое для поддержания боевой готовности нашей Краснознаменной 136-ой стрелковой дивизии. Благодаря этому, несмотря на большие потери, наша дивизия сумела прорвать немецкую оборону и уничтожить фашистское сопротивление. А начальник одного из отделений штаба дивизии написал частушку:

*Немцы долго примерялись,
Как дивизию снести.
За одной они погнались,
А лишились десяти!*

С тех пор прошло много лет, и мы до сих пор помним всех и каждого. Мы, наше поколение, поняли, что мир - это святое, на что нельзя посягать никому.

*Милые мои участники войны и ветераны труда - труженики тыла,
партизаны и санитары! Здоровья вам и вашим близким! И пусть луч Победы,
которую вы добыли, пожертвовав своей молодостью, друзьями, родными,
всегда освещает ваш мир!*

Со слов Марии Яковлевны Вальдман, участницы освобождения Украины, бывшего сержанта 136-й Киевской Краснознамённой, орденов Богдана Хмельницкого и Александра Суворова, стрелковой дивизии, записала Светлана Баркан

Мои Воспоминания о Войне

Вертейко Николай Павлович
Участник боевых действий

Служба в Красной Армии началась для меня в 1939 году, когда после окончания средней школы я поступил в Рязанское военное артиллерийское училище. Ходили слухи, что курсантов отправляют на войну с Финляндией, но это не произошло. Однако, из-за назревавшей тревожной обстановки в стране, нам и не суждено было закончить полный двухгодичный курс училища: в мае сорок первого у нас был досрочный выпуск. Мне и моим товарищам было присвоено звание лейтенанта и, в соответствии со специальностью, полученной в училище, я стал командиром взвода батареи звуковой разведки в части, дислоцировавшейся в Курске. Здесь и застала меня весть о нападении фашистской Германии на нашу страну.

Вскоре мы отправились эшелонами под Смоленск, где и пришлось принять первый бой. В этих сражениях наш полк потерял почти всю материальную часть: осталась всего одна пушка, да и ту пришлось бросить, потому что у трактора, который тащил ее до Тулы, закончилось горючее. Те из нас, кто остался в живых, собирались группами и принимали участие в боях по защите этого города в составе 50-й Армии Западного фронта под командованием Генерала А.Н. Ермакова, и позднее И.В. Болдина. Критическое положение было в Туле в те дни, но советские воины делали все возможное и даже невозможное, чтобы отстоять город, остановить врага и преградить ему солнце.

Тулу Гудериану так и не удалось взять. Свою лепту в защиту города внесли бойцы и командиры нашего артиллерийского полка. Таким образом, город Тула стал одним из рубежей, закрывшим гитлеровцам путь к Москве. Со стабилизацией обстановки в городе, наш полк был снят с позиций и отправлен на переформирование в город Ялуторовск Тюменской области. Отправка почему-то шла через Москву, куда мы добирались группами и в одиночку на попутном транспорте. Москва нас встретила ошестившимися надолбами и рогатками, аэростатами заграждения и баррикадами. В Москве было осадное положение. В конце ноября 1941 года нас погрузили в эшелон на станции Люберцы под Москвой и мы наконец отправились на переформирование. На базе нашего артиллерийского полка было сформировано три части: два артполка и отдельный разведывательный дивизион, где я уже был заместителем командира батареи звуковой разведки.

18 мая 1942 года мне было присвоено звание «Старший лейтенант». После завершения формирования, пройдя ускоренную подготовку и укомплектование личным составом и техникой по штатам военного времени, наш артполк и 820-й отдельный развед-дивизион (ОРАД) были отправлены на Ленинградский Фронт для усиления группировки войск в осажденном городе в период подготовки и проведения операции по прорыву блокады Ленинграда.

Перенаправлялись на баржах по Ладожскому озеру в ночное время – это была знаменитая дорога жизни- летом по воде, зимой по льду. Наш 820-й отдельный развед-дивизион (командир дивизиона – майор Пасько) действовал в основном в полосе обороны 55-й Армии и обеспечивал артиллерийские части и командование Армии разведданными о противнике. Ведь разведдивизион располагал мощными видами разведки – это батарея звуковой разведки, топографической разведки и фотобатареи.

8 декабря 1942 года развернулась усиленная, тщательная подготовка всеми видами разведки данных о противнике. Особую роль в подготовке сыграли отдельные разведывательные артдивизионы (АИР), в том числе и наш 820-й ОРАД. Благодаря нашей работе, штабы располагали подробнейшими разведывательными разведданными о противнике: его переднем крае, огневых средствах, артиллерийских и миномётных батареях, системе обороны, инженерных сооружениях, наблюдательных пунктах (НП), живой силе и других данных, что способствовало успешной операции по деблокаде города Ленинграда. Однако, впереди был еще год до полной блокады города. 20 ноября 1943 года я был назначен командиром батареи звуковой разведки. В конце 1943 года особенно шла усиленная подготовка к предстоящему наступлению по полному освобождению города. Несмотря на то, что мы были разведчиками-аировцами, тем не менее мы несли потери в людях и технике от артобстрела противника, а также пулеметного огня на НП и постах звуковой и оптической разведки. Батареи звуковой разведки не только вели разведку артиллерийских и минометных батарей противника, но и занимались корректировкой огня нашей артиллерии по вражеским батареям.

14 января 1944 года началось наступление войск Ленинградского и Волховского фронтов и к 27 января 1944 года в ожесточенных боях была разгромлена 18-я гитлеровская армия и завершено полное освобождение от вражеской блокады города Ленинграда. Так почти 900-дневная блокада города была полностью ликвидирована. 27 января 1944 года Ленинград салютовал доблестным войскам фронта, в честь исторической победы залпом из 324-х орудий. Этот исторический салют, ликование и радость ленинградцев мне запомнились особенно ярко. Дело в том, что по воле случая, я в это время оказался в Ленинграде на Невском проспекте. Мой вклад в оборону Ленинграда был отмечен орденом «Красная Звезда» и медалью «За оборону Ленинграда».

26 января 1944 года меня отзывают в отдел кадров 55-й Армии и направляют на учебу в Ордена Ленина Краснознаменную Высшую офицерскую школу Красной Армии на отделение командиров дивизиона АИР, которую окончил на отлично. А 11 мая 1944 года мне было присвоено воинское звание «Капитан». По окончании школы бы направлен на 3-й Белорусский фронт. 20 июня 1944 года я прибыл в отдел кадров фронта для продолжения службы. Но вместо отправки меня на фронт в действующую часть, из-за отсутствия заявки на мою специальность и должность, меня откомандировали в 45-й учебный дивизион резерва офицерского состава фронта, где я работал преподавателем типографии, а с 1944 года старшим преподавателям.

В ноябре 1944 года был отозван с курсов и направлен в 11-ю Гвардейскую Армию, штаб которой стоял на границе с Восточной Пруссией под Гольдапом. К этому времени уже шла подготовка войск к проведению Восточно-Прусской операции. Меня назначили помощником начальника разведотделения штаба артиллерии армии по артиллерийской инструментальной разведке. На меня в разведотделении была возложена ответственность по сбору разведанных от всех видов артиллерийской разведки, нанесение этих данных на разведкарту, составление развед сводки за сутки, доклад руководству и передача ее в разведотдел фронта. В декабре 1944 года мне было присвоено Гвардейское звание и был торжественно вручен знак «Гвардия».

К 13 января 1945 года все мероприятия по подготовке Восточно-Прусской операции были завершены и началось наше наступление. К 26 января войска армии вышли к Кёнигсбергу. Но взять город с ходу не удавалось. Войска перешли к обороне. Моя роль на протяжении всей Восточно-Прусской операции заключалась в своевременном сборе разведанных о противнике, знание положения наших передовых наступающих частей. Вслед за наступающей пехотой, мы перемещались от рубежа к рубежу на передовой наблюдательный пункт. Работа обычно велась в непосредственной близости от частей, ведущих боевые действия. Приходилось часто попадать под артиллерийский минометный обстрел, даже пулеметный огонь, участвовать в самообороне командного пункта.

Но самым памятным для меня событием на заключительном этапе войны, конечно был победный штурм города – крепости Кёнигсберга и взятие военно-морской базы Пиллау. 6 апреля ровно в 9:00 утра «Катюши» первыми возвестили о начале артподготовки. После артподготовки начался штурм. Я к тому времени находился на наблюдательном пункте армии на южной окраине города, расположенном в форте №9, захваченного для наступления. После артподготовки за штурмовыми группами по распоряжению Заместителя Командующего артиллерией Генерал-майора Царькова В.В., я с телефоном двинулся вперед, догоняя наступающие дивизии я прокладывал телефонную линию для связи с наступающими частями, для

передачи разведданных, собранных в ходе боя, для информирования штаба об обстановке и передачи распоряжений. Поддерживать связь со штабом и сообщать последние данные о действиях наших наступающих частей и данные о противнике приходилось с окопов, воронок и просто на ходу за углом здания.

К исходу четвертых суток непрерывных боев Кёнигсберг пал! Штурмом Кёнигсберга и закончилась для меня война и в награду я получил орден Отечественной Войны первой степени и медаль «За Взятие Кёнисберга».

Таким образом, пришлось пройти боевой путь, как говорится, «от звонка до звонка». Воевал на Западном, Ленинградском и 3-ем Белорусском фронтах. Все пережил: горечь поражений и триумф победы, в которой не сомневался в самые критические моменты войны. Награжден пятью боевыми орденами и многими медалями. После войны продолжал службу в армии. Ушел в отставку в звании Гвардии Полковник.

Вертейко Н.П, (слева) - 1942 год, Ленинградский фронт

Авиаполк «Нормандия-Неман»

Веселый Евгений Самуилович
Участник боевых действий

Я родился 15 апреля 1926 года в городе Речица, Белоруссия. Город этот тогда - глубинка Гомельской области и, когда началась война, она дошла до наших мест только к концу августа. Но уже в конце июля-начале августа началась эвакуация. Нашу семью эвакуировали в Чкаловскую область (теперь Оренбургская) Ехали мы по железной дороге, в товарных вагонах- долго. Когда доехали, то нас распределили на жительство в один из колхозов. Мне было уже 15 лет, и я начал работать в колхозе пастухом. В начале 1943-го меня вызвали в военкомат и призвали в Красную Армию.

Попал я в запасной полк, где проходил первоначальное военное обучение. Как-то нас построили. Перед строем вышел командир в летной форме и спросил: «У кого 7 классов (образования) и выше, поднимите руки», я поднял руку. Нас отправили в Алтайский край в летное училище. Окончил училище через 6 месяцев, когда мне было 17 с половиной лет. И тут оказалось, что по состоянию здоровья(слух)я не могу летать. Когда мне было 4 года, мне сделали операцию на ушах. В летной школе я стал плохо слышать и при выпуске стал негодным к летной службе. Меня выпустили авиамехаником по вооружению.

По выпуску я получил направление во французский авиаполк «Нормандия». Этот французский полк был сформирован в 1942 году в СССР, сначала, как эскадрилья с французскими летчиками, а потом превратился в полк, где летчиками были французы, а авиамеханиками военнослужащие Красной Армии. В этом полку я работал авиамехаником по вооружению и по фотооборудованию. Я снаряжал пушки «ШВАК» и пулеметы «УБ», которые были установлены на самолетах ЯК-9 и ЯК-3, на которых летали французы, а также ставил кассеты в фотоаппараты, которые фотографировали каждый сбитый летчиком самолет. И когда летчики прилетали, и камера показывала, что сбили немца, то я рисовал кресты на боку самолета. Эти фотоаппараты были прямо на самом самолёте и нашего советского производства.

Французские летчики были очень отчаянные. За все время существования полка их было 96 человек, почти половина из них погибла в боях. Они сбили 273 фашистских самолета и подбили около 80 самолетов немцев. Четыре французских летчика были удостоены звания Героя Советского Союза – Марсель Альбер, Мриль Лефеар, Жак Андрав и Ролан де ля Пуан. Многие были награждены советскими орденами. Полк

участвовал в боях в составе 3-го Белорусского фронта и входил в состав 303 Гвардейской истребительной авиадивизии 1 воздушной армии. Французы воевали в небе над Смоленщиной, Белоруссией, Литвой, Восточной Пруссией, Кенигсбергом и Пиллау. За успешные бои и надежное прикрытие наземных войск при форсировании реки Неман, полку было присвоено звание “Неманский” и он стал именоваться – авиаполк “Нормандия-Неман”. А еще полк был награжден орденами “Красного Знамени и “Александра Невского”, а французское правительство наградило его орденами: “Почетного легиона”, “Освобождения”, “Военным крестом 1939-1945 гг” и “Военной медалью.» Так что не в простом полку я служил и обслуживал самолеты, а в очень и очень престижном и кресты рисовал за сбитые самолеты достойным, смелым и отважным летчиком.

С этим полком я дошел до Кенигсберга, в боях за который мы базировались на аэродроме под городом Хайлигенбайль, теперь этот город называется Мамоново. Вместе с нами там базировались и другие авиаполки, в том числе женский полк ночных бомбардировщиков, они бомбили немцев на косе Фриш Гаф до самого окончания войны. Летчики нашего полка свой последний самолет сбили 12 апреля 1945 года. Сбил его Жорж Анри и в этот же день нелепо погиб на земле. Он приземлился и, вместе с командиром эскадрильи, пошел в радиорубку проверять фотокассету. В это время фашисты из крепости Пиллау начали обстрел аэродрома из дальнобойных орудий, и один снаряд разорвался около радиорубки, шальными осколками убило летчика и радистку Таню. Было также повреждено несколько самолетов. После чего нас перебазировали на аэродром Альхатов, возле города Эилау (теперь город Багратионовск), оттуда французские летчики летали на штурмовку крепости Пиллау и после взятие крепости патрулировали в воздухе до 2 мая.

Перед самым окончанием войны на наш аэродром ночью напала пробивавшаяся на запад группировка немцев. В эту ночь я был в карауле и мне пришлось всю ночь отстреливаться от нападавших. Хорошо, что был запас патронов и я часто менял позиции, делая вид, что я не один. Пронесло, немцы не прошли, а я остался цел и невредим. 9 мая, когда объявили об окончании войны, все выскочили на улицы. У меня, как и у всех, было оружие и мы стреляли по подушкам. Очень интересно было. Когда попадешь в подушку, то перья разлетались... Люди обнимались, радовались.

После того, как окончилась война, французы стали собираться на Родину. Сталин подарил им 41 самолет “ЯК-3”, на которых они летали, и 15 июня французские летчики взяли курс на Францию. Вместе с ними на двух “Докотах” полетели русские механики, а меня не взяли, так как я был еврей. Меня передали в 135 истребительный авиационный полк, который базировался в городе Кобрин, в 40 километрах от Бреста. Там мы получили новые самолеты –первые реактивные МиГ-9 и начали их осваивать - летчики

– летать, а мы, механики, обслуживать.

Как-то нас построили, дали нам красные фибровые чемоданы, одели всех в гражданскую форму, надели на нас шляпы и отправили в Китай. Помогать им и северным корейцам в войне на Корейском перешейке. Там мы, механики, обслуживали Миги, на которых летали наши добровольцы и учились летать китайские летчики, и еще мы обучали китайских механиков обслуживанию Мигов.

За время этой командировки мы побывали во многих городах Китая. Мы побывали в Пекине, а также Циньдао, Шанхае, Мукдене. Встречались с Мао Цзе Дуном. Там я прослужил год и демобилизовался. И когда я приехал в свой город Речицу, меня вызвали в военкомат и предложили служить дальше, на запасном аэродроме. И я прослужил в армии 25 лет. Потом я уехал в Израиль. В военкомате мне сказали, что я “изменник Родины”. После Израиля я переехал в Канаду, где и живу со своей женой – участницей Великой Отечественной войны. У нас здесь хорошая пенсия и много привилегий.

Награжден медалями – “За взятие Кенигсберга”, “За Победу над Германией”, “Нормандия-Неман” и многими юбилейными медалями.

Летчики эскадрильи “Нормандия-Неман”

Песчинка

Вихнин Август Беницианович

Участник боевых действий

Я был призван в Красную Армию в ноябре 1943 года и с мая 1944 года находился в действующей армии. Перебирая в своей памяти события войны, я вспомнил один эпизод, который по своему боевому накалу был меньше капли в океане Великой Отечественной войны. Он относится к так называемому 5-му удару Красной Армии в 1944 году, в Белоруссии.

Одну батарею 76-ти миллиметровых противотанковых орудий ИПТАП (истребительно-противотанковый артиллерийский полк) выдвинули как авангард дивизиона на танкоопасное направление. Прибыв на указанное место, командир батареи старший лейтенант Барсуков, единственный офицер батареи, обнаружил отсутствие стрелковых подразделений. В этом проявилось отсутствие должной координации (на военном языке - взаимодействия) между артиллерийскими и стрелковыми командирами, что бывает и в жизни и на войне. Он доложил обстановку своему командиру и продолжил выполнять приказ. На войне потери неизбежны, чем объясняется недоукомплектованность батареи: вместо семи бойцов расчета каждого орудия было по 3-4 артиллериста; вместо четырех орудий – 3. Расчеты орудий, установив их на места огневых позиций, указанных комбатом Барсуковым, произвели необходимые инженерные и маскировочные работы, расчистили сектора стрельбы, определили ориентиры, запасные огневые позиции и пути к ним, выложили ящики со снарядами с тягачей-автомобилей «Додж» на грунт. К бою готовы.

На войне, в бою, побеждает тот, кто первым точно и неожиданно выстрелил. Этот закон справедлив для отдельного солдата, роты, полка, войскового соединения, хотя понятие «выстрел» в каждом указанном масштабе имеет свое особое определение, способ и характер. Эта мысль будет понятна из нижеследующего.

Огневая позиция батареи находилась на опушке леса, впереди - поле, усеянное кустарником, позволяющим маскироваться пехоте противника и в какой-то степени танкам. Приблизительно в одном километре виднелся лес. В это ясное летнее утро вблизи города Городок и произошел этот незначительный боевой эпизод великой войны. Которых было множество миллионов.

Вскоре под страхующим прицелом автоматов артиллеристов к позиции батареи со стороны противника стала приближаться группа

военных в масхалатах, которые оказались нашими разведчиками, захватившими офицера-«языка». Они сообщили о скорой атаке фашистской пехоты с танками в направлении батареи. Комбат поблагодарил разведчиков, доложил об обстановке командиру дивизиона и уточнил задачи каждому расчету. Действительно, вскоре появилась из леса немецкая пехота с «Тигром», «Фердинандом» и тремя Т-IV.

Опыт предыдущих боев с танками типа «Тигр» выработал тактику борьбы с ними, связанную с толстой лобовой бронью. Поэтому комбат, исходя из расположения танков на поле боя, приказал командиру 3-го, левофлангового орудия м 2-го орудия сержантам Александру Князеву и Василию Кузнецову осколочными снарядами разбить правые гусеницы сперва «Фердинанда», а затем «Тигра». Разбить гусеницы было необходимо, чтобы машины непроизвольно развернулись вправо, подставив свои левые борта под фронтальный огонь бронебойными снарядами сперва 1-го орудия, а затем остальных двух, так как бортовая броня значительно более уязвимая, чем лобовая. Эта опробованная тактика борьбы с тяжелыми немецкими танками оправдала себя и в этом боевом противоборстве на дистанции 600-700 метров.

Успешно справившись с двумя первыми бронеединицами, батарея под огнем танков и пехоты противника, меняя огневые позиции, подбила еще два «Т-IV», периодически ведя огонь по наиболее приблизившейся пехоте. Поэтому огонь из орудия иногда вели 1-2 артиллериста.

В процессе боя у одного орудия была разбита панорама, прицел орудия, поэтому наводчик Николай Зырянов вел огонь по пехоте без прицела. Благодаря его артиллерийскому опыту и умению, стрельба была эффективной.

Батарея была спасена нашими вскоре прибывшими стрелковыми подразделениями, с ходу вступившими в бой с немцами. Противник не выдержал потери в бронетехнике и пехоте и, деморализованный, отступил, оставив на поле боя не один десяток убитых.

Благодаря меткому и внезапному артиллерийскому огню, поразившему основную силу наступавших гитлеровцев, 4 танка – в первые минуты боя, что явилось внезапностью, неожиданностью для супостата-немца, и массированному прицельному ружейно-пулеметному огню наших стрелков, бой был выигран.

В завершающий период боя прибыл артиллерийский дивизион. Это не означало опоздания прибытия дивизиона. Нет. Батарея выполняла локальную задачу короткого промежутка времени, предшествующего бою 201 артиллерийской бригады, в состав которой входил 1315 ИПТАП.

Артиллерийский дивизион, упомянутый выше, был придан стрелковому полку на усиление, в составе которого и участвовал в предстоящем бою.

В этой боевой схватке батарея потеряла четырех бойцов, пятеро было

ранено, в том числе и комбат Барсуков. Одно орудие разбито, два других имели различные повреждения. Приказ – закон, батарея его выполнила. Артиллеристы были награждены.

Такой эпизод – это песчинка Сахары в эпопее Великой Отечественной войны. Из миллиона таких «песчинок», подвигов советских людей, слагалась победа в самой «кроважайшей», в истории человечества, войне. Вечная память и слава отдавшим жизнь на алтарь Отечества и во имя мира на земле, почет и добрые пожелания живущим победителям гитлеризма!

Блокадное детство

Вихнина Анна Григорьевна

Житель блокадного Ленинграда

Закончив пятый класс, я, как и все школьники, радовалась солнечному лету, радовалась родному красивому городу, прекрасной детской жизни, перспективе отдыха в пионерском лагере. Но грозное 22 июня 1941 г. обрушилось на нашу страну. Ленинград, как и Москва, был особой целью Гитлера. На Ленинградском направлении фашисты сосредоточили 24 отобризованных дивизии, из них несколько дивизий СС. Полтора года немцы пытались поработить город, более 220 тысяч снарядов и авиабомб обрушили на ленинградцев, то есть получалось - одна бомба на 5-6 человек.

Мне и моим сверстникам было по десять-двенадцать лет. Школьники помогали ухаживать за ранеными, больными, стариками, боролись с гитлеровскими зажигательными авиабомбами, нередко обжигая руки и одежду. Многие старшекласники работали на предприятиях, заменяя взрослых. Детвора того времени была патриотична. Как и старшие, она понимала общую опасность, свой общественный долг, жертвовала здоровьем и даже жизнью.

В сентябре 1941 г. в городе начался голод. Значительный запас продовольствия - Бадаевские склады - основной резерв - был уничтожен вражеской авиацией. Город был окружен немецкими войсками, не было возможности доставить продовольствие ни наземным, ни водным транспортом. Многие предприятия были разрушены фашистскими бомбами и снарядами. Весь город работал на оборонку. Единственное снабжение блокадников доставлялось самолетами по воздуху. Этот вид коммуникации не мог в значительной степени обеспечить жизнь, труд и оборону города-героя. Снижалась жизнеспособность и жизнедеятельность, объем и качество любого производства и обороны города.

Правительство и местные власти понимали трагизм положения, предпринимали меры, но полнокровно решить эти проблемы были не в состоянии по многим причинам, но главное - блокада, отсутствие наземных, водных путей снабжения. Все ложилось на плечи и жизнь человека! Городской транспорт, образовательная система не функционировали, лекарственных препаратов было недостаточно. С похолоданием прекратились водоснабжение, теплоснабжение и канализация. Голод, ослабленный организм, болезнь, холод, чрезмерная нагрузка на работающих значительно увеличили смертность. Обессиленные люди были не в

состоянии хоронить, тела умерших оставались дома рядом с полуживыми. Характерность городского пейзажа - отсутствие собак, кошек и другой домашней живности.

От холода и болезней горожане умирали прямо на ходу, на рабочих местах, их не всегда могли похоронить родные и близкие. В такой обстановке дети и взрослые трудились, выпускали продукцию для фронта.

Армия, авиация, флот, поддерживаемые ленинградцами, стояли насмерть, чтобы не позволить питлеровцам уничтожить население и стереть с лица земли прекрасный и величественный город.

Встреча нового 1942 года не изгладится из моей памяти: умер мой отец, здоровый крепкий мужчина. Мама пережила папу на два с половиной месяца, потому что, как и отец, отдавала часть хлебного мизерного пайка мне и старшей сестре, которая работала для армии. Невозможно забыть, как мы с сестрой, еле волоча ноги, отвозили на санках зашитые в простыни тела своих родителей к месту сбора умерших у Петропавловской крепости. С наступлением холодов обогревались маленькой жестяной печкой в одной комнате квартиры. Проблема заключалась в отсутствии топлива: ни дров, ни угля, ни бензина, ни керосина в городе не было. Топили мебелью и всем, что горит, но не едко дымит. Использовали очень экономно, чтобы продлить минимальный обогрев. Мы не могли себе позволить снимать верхнюю одежду для экономии топлива, но оно все-таки закончилось.

Личная гигиена отсутствовала. Не было сил принести воду, да и ледяной водой в ледяной комнате не только не искупаешься, но и не умоешься!

Спали на полу, «ели» на холодной печке. Слово «ели» в кавычках, так как то, что мы употребляли, пищей не назовешь. По карточкам давали хлеба - 125гр иждивенцам (детям) в день, но что это был за хлеб? Месячная норма продуктов не позволяла прожить и декады. Отец как-то принес домой довольно много столярного клея, из которого мы варили «суп», использовали для варева также свечи и опилки. «Научились» варить еду из кожи, резали на кусочки ремни, обувь...

Но и это подспорье закончилось. Сестра не в силах уже была работать, мы с ней лежали обессиленные. Я не знаю, сколько это продолжалось. Нас спасла родственница, зашедшая нас навестить. Она забрала нас к себе и выходила. Из наших близких чудом уцелело лишь несколько человек, более 10 погибло.

С оборудованием «Дороги жизни» по Ладожскому озеру появилась надежда выжить. Это была единственная эффективная артерия снабжения города и эвакуации людей. Летом 1943г. меня с сестрой вывезли в Башкирию, где мы работали в госпитале: она санитаркой, а я добровольно помогала раненым, санитарам, развлекала больных песнями и танцами.

Ужас блокадной жизни до сих пор не исчез.

Блокада города-героя Ленинграда длилась около 900 суток, погибло в бою более миллиона воинов и умерло от голода около миллиона горожан. Блокадное кольцо прорвали 27 января 1943 года.

Подвиг людей из блокадного Ленинграда и всех народов России никогда не померкнет в сердцах многих поколений страны и зарубежья.

Честь, слава, вечная память павшим в борьбе за Ленинград!

С благодарностью поклонимся здравствующим участникам героической обороны города-Героя! Здоровья Вам, счастливой долгой жизни!

Ладога. Хлеб — Ленинграду (1942)

ПОМНЮ

Войтинский Евгений Яковлевич

Участник боевых действий

Прошло 74 года с тех далеких времен, когда закончилась война, но перед Праздником Победы хочу поделиться тем, что ПОМНЮ. Самый первый Парад Победы в Москве прошёл 24 июня 1945 года. Все фронты Великой Отечественной войны, все рода войск были представлены на нём.

Многое стерлось в памяти, но важные моменты моей фронтовой жизни сохранились. Я едва успел закончить 9-ый класс средней школы, как началась война. Семнадцати лет был призван в РККА в декабре 1943 года и направлен в полковую школу служебного собаководства в г. Кимры Калининской (ныне Тверской) области. Там готовили проводников минно-розыскных собак для фронта.

В 1943 году инженерные войска получили надёжных помощников в виде собак минно-розыскной службы, превосходивших технические средства обнаружения мин, даже таких, как миноискатели разных типов и щупов. Собачьи носы оказались намного эффективнее технических средств там, где окружающая среда была наспигована неразорвавшимися снарядами, искореженными металлическими конструкциями и, конечно, минами.

После школы в Кимрах я попал на фронт в 1944 году под Ригой. Задача батальона заключалась в разминировании обороны фашистов для прохода нашей разведки. Дело это было многотрудное. Помню, как по прибытии на фронт, многие собаки, испугавшись шума танков и звуков боя, убежали в леса.

Четыре советские армии (в том числе 1-ая Ударная, где я служил) попытались с ходу взять Ригу. Однако немецкая 16-я армия оказала ожесточённое сопротивление, уступив восточную часть Риги 13 октября, а западную — 15 октября. Отчетливо помню радость, когда на броне танка въезжал вместе с товарищами в Ригу. После Риги наш батальон оказался к западу от города, а именно в той части Латвии, которая называется Курляндией. Курляндия - для военного историка место известное. Курляндский котёл (также называемый Курземский котел) сложился осенью 1944 года, когда западная часть Латвии оставалась под оккупацией германских войск. Они оказались зажаты между двумя советскими фронтами по линии Тукумс — Лиепая. Линия соприкосновения составляла 200 км. Вплоть до капитуляции Германии 9 мая 1945 года в Курляндском котле

велись ожесточенные бои, некоторые населенные пункты переходили из рук в руки по несколько раз, но продвинуть линию фронта удалось лишь на несколько километров вглубь. Боевые действия прекратились только 15 мая 1945 г., уже после капитуляции Берлина.

Запомним это название Тукумс. Я его не забуду никогда. Там меня и ранило. Но об этом несколько позже. Известно о пяти серьезных попытках наступления советских войск с целью ликвидации Курляндской группировки, все они оказались неудачными

Первая попытка пробить линию обороны немцев была предпринята 19 октября, когда сразу после создания «котла» и взятия Риги. Ставка приказала Первому и Второму Прибалтийским фронтам немедленно ликвидировать Курляндскую группировку немецких войск. Успешнее других советских армий действовала 1-я Ударная армия, наступавшая на побережье Рижского залива. Я много раз рассказывал о 1-ой Ударной армии. Но что говорят военные источники: «В соответствии с положениями теории советского военного искусства 1930-х годов, Ударная армия (УДА) должна представлять собой войсковое объединение РККА, в котором, по сравнению с обычной общевойсковой армией, должно быть больше танков, орудий и минометов. Поскольку предназначались подобные ударные армии для разгрома группировок противника на важнейших (главных) направлениях, они являлись усиленными общевойсковыми армиями. В их состав включались танковые, механизированные и кавалерийские корпуса». Наш 62-ой саперный батальон также входил в 1-ую Ударную армию.

Помню, как во время выполнения боевой задачи «разминирования обороны противника, проделывая проходы для разведки 22 ноября, был тяжело ранен разорвавшейся прыгающей миной» - так скупно рассказывает об этом Архивная справка, выданная мне Подольским архивом.

Дальше ПОМНЮ все отчетливо: как потерял левый глаз, как перевязали поврежденную сонную артерию. Потом медсанбат, санитарный поезд, госпиталя. Почти 4 года я провел в госпиталях. Наконец, меня выписали и в сопровождении медсестры отправили к родителям в Ленинград.

Мне повезло, я остался в живых. Не счесть погибших, отдавших свою жизнь за наше будущее. «И тому, кому выпало жить» (как поется в песне) надо помнить и передавать потомкам их имена, их подвиг, которые сложились в нашу общую великую Победу.

Военное отрочество

Войханский Леонид Григорьевич

Участник трудового фронта

Война началась за 17 дней до моего дня рождения, когда мне исполнилось 14 лет, и мои детские, или полувзрослые, впечатления и воспоминания о последних счастливых мирных днях и первых, странных для меня, днях войны навсегда остались в памяти. Жили мы в Харькове, и наш предвоенный быт был характерен постоянным дефицитом продуктов питания. В продуктовых магазинах всегда были длинные очереди, в которых мне очень не хотелось стоять, а мама, объясняя и утешая меня, говорила, что Харьков голодный город. Поэтому было удивительно, когда в начале июня 1941 г. в магазинах вдруг появились в изобилии очень хорошие продукты, которых до тех пор я практически не видел. А также странно было то, что по ночам через город на запад шла военная техника: артиллерия на конной тяге, конные обозы и т.п. Это было так же необычно, как и изобилие продуктов. А в середине июня нас неожиданно проездом посетил мой двоюродный брат с товарищем - оба молодые двадцатилетние лейтенанты, свежие выпускники Ростовского конноартиллерийского училища, командированные в Западный военный округ и проезжавшие через Харьков. Забегая вперед, скажу, что этот мой брат, Семен Ефимович Радиловский, начал войну с первого дня, был ранен, попал в окружение, но вышел из него, вылечился в полевом госпитале, прошел всю Европу и закончил войну Героем Советского Союза в Берлине, подполковником артиллерии и был участником Парада Победы в Москве 24 июня 1945 г.

Кроме него, воевали на фронте еще четыре брата и сестра, все старше меня. Из них два брата погибли - один под Сталинградом, другой в войне с Японией, а сестра была военфельдшером и прошла фронт от Сталинграда до Будапешта, получив при этом ранение в руку.

Я об этом рассказываю, потому что в честь памяти о моих родных фронтовиках я пришел в Ассоциацию помогать ветеранам. Никого из них уже давно нет, фронтовые годы сократили их жизни.

Несмотря на мой небольшой возраст, мне также довелось внести свой посильный трудовой вклад в дело Победы над врагом, за что по закону Украины я был признан участником войны и, выйдя на пенсию, пользовался льготами и получал юбилейные награды.

В середине июля 1941г. Харьков наполнился беженцами с запада и к нам подселили киевлян, но вскоре они уехали дальше на восток,

предупреждая нас о неизбежности эвакуации. В начале августа начались бомбежки. Нас, мальчишек, мобилизовали на рытье бомбоубежищ и таскание песка вручную ведрами на чердак нашего 5-ти этажного дома для защиты от зажигательных бомб. Туда же были доставлены железные клещи для захвата попавших зажигательных бомб. Клещи меня удивили своими большими размерами и тяжестью, я их поднимал с большим трудом, а манипулировать ими было просто невозможно. К счастью, наш дом избежал попадания, и пользоваться клещами не пришлось, а большая бомба попала в соседний дом.

В августе началась эвакуация завода, на котором работал мой отец. Мать работала преподавателем немецкого языка в пехотном училище, закрытом в первые же дни войны в связи с отправкой на фронт. Началась подготовка к эвакуации. В городе слухи ходили разные, в основном провокационные. Впервые услышав антисемитские высказывания, и был очень удивлен, поскольку не мог понять, почему так говорят: ведь мы были воспитаны интернационалистами.

Говорили, что «едем ненадолго - всего на 1 или 2 месяца, много вещей не берите: в вагонах места мало, а к зиме вернемся...». Поэтому, уезжая с заводом, а ехали в теплушках с нарами, взяли только самое необходимое. Завод эвакуировали в Сибирь, в Кемеровскую область, г. Прокопьевск. Мама - женщина практичная, хорошо помнившая Первую Мировую и Гражданскую войны и их беды, взяла собой, на всякий случай, зимние вещи. О чем потом она очень досадовала и одновременно смеялась над собой - так это только о том, что для экономии веса и места взяла не все семейные фотографии, а только часть из них.

В Прокопьевск приехали в октябре 1941 г. Там уже лежал глубокий снег. Производственные цеха разместили в здании техникума и, как говорится, «с колес», зачастую под открытым небом, под снегом, начали производство электрооборудования для танков и подводных лодок, строя вокруг станков стены зданий.

На заводе началась моя военная трудовая биография. Зимой я проучился в школе и весной 1942 г. окончил выпускной 7-й класс. И нас, группу мальчиков, организованно направили работать на завод. Меня определили в электроцех, потому что в школе на уроках физики нам давали основы электротехники, и мы уже кое-что об этом знали. Сейчас трудно представить, чтобы детей в возрасте 14-15 лет допускали к работе с высоковольтным напряжением 380 вольт, которая могла иметь для них тяжелые, даже трагические, последствия. Риски были постоянными. Однажды и я попал в ситуацию, из которой чудом спасся. Но выбора не было: завод должен был работать, а взрослые мужчины ушли в армию. Мы подводили электропроводку к станкам, термическим печам, трансформаторам, ремонтировали электрооборудование и многое другое. Тянуть проводку - это прокладывать толстые тяжелые кабели,

выдалбливая в бетонных стенах и полах отверстия и канавы кувалдой, зубилом и шлямбуром, а провода протягивали над работающими станками, которые крутились круглые сутки. О технике безопасности нужно было заботиться и соображать самому, а наши начальники нам напоминали, что на фронте еще опаснее. Все молча соглашались. Поэтому нас называли «Трудовым фронтом».

К концу 1942 г. завод был полностью оборудован, и нас, группу мальчишек, через военкомат прикрепили к эвакуированной московской спец. артиллерийской школе, в которой нас в условиях военной дисциплины было легче привлекать к различным работам. Таким образом, к нашим трудовым нагрузкам добавилось обучение военным делам: строевая на плацу, изучение матчасти орудий, караульная служба, наряды на кухню и вне очереди за самоволки, мытье полов, изучение уставов и многое другое. Что же касается учебы, то она была практически на последнем месте, т.к. за два года - до 1944 г., наши знания оставались почти на уровне законченного 7-го класса.

В основном мы были заняты разными срочными работами по заданиям городских властей и нашего командования. Приходилось работать по случаям чрезвычайных ситуаций, которые запомнились. В результате диверсии сгорели деревянные сооружения большой шахты и нас бросили разбирать остатки конструкций и разгребать штабеля загоревшегося угля. Надышались до тошноты и рвоты дымом и угарным газом. Грузили огромными «взрослыми» лопатами уголь на транспортеры для загрузки вагонов, идущих на металлургические заводы. Разгружали вагоны с углем, чистили железнодорожные пути. Всегда срочно и в любое время суток. Весной работали в совхозах и колхозах на прополке посадок картофеля - «с утра и до горизонта». При этом, для сбережения обуви, сапоги и ботинки не выдавали: ведь летом тепло, в любую погоду ходили и работали босиком, полуголодные - 400 грамм хлеба, как у иждивенцев.

Всю зиму кормили мороженой капустой и картошкой. Не помню, чтобы давали мясо. Однако никто не болел. Вся хворь выходила с потом. Запомнился случай, когда по приказу командования вручную осенью по грязи перекатили пушку калибром 76 мм на расстояние 15 километров из одного артпарка в другой. Шинель от пота промокла насквозь, пот выступил на спине, но все ребята остались здоровы. Как электриков, нас привлекали для радиофикации деревень и поселков. Ставили столбы, надевали «когти» и лазили на них, ставили изоляторы, натягивали провода. И много, много других работ. Пишу о тех, которые запомнились.

В 1944 г. работа в тылу уже была хорошо налажена, и острая потребность в нашей помощи постепенно отпадала. Можно и нужно было учиться дальше. В нашем же городе находился эвакуированный Донецкий индустриальный институт, очень нуждавшийся в студентах. При нем были организованы 6-ти месячные подготовительные курсы. За полгода пришлось освоить знания за 8-10 классы и экстерном сдать экзамены, учились по 12 часов в день. О качестве знаний говорить не приходится - учиться на первых курсах института было очень трудно, т.к. многого я просто не знал, было мне всего 17 лет.

Выручал опыт освоения на ходу тяжелых и разнообразных работ, выполненных мной за военные годы. Должен сказать, что производственный опыт, полученный во время войны, очень пригодился в моей конструкторской работе в последующие 50 лет труда, используя его при разработке и строительстве самолетов и различной электронной аппаратуры. Опыт был особенно ценен тем, что нас приучили работать наилучшим образом - брак в продукции недопустим, она идет на фронт! То же самое требуется и в строительстве самолетов, как особо опасной продукции.

Надеюсь, что короткий рассказ о труде подростков в тяжелые годы войны принесет пользу нынешней молодежи и поможет ей в своей жизни в какой-то мере использовать мой опыт.

Летопись Горловской Дважды Краснознаменной 126 Стрелковой дивизии

Генин Григорий Семенович
Участник боевых действий

С начала войны в июне 1941 года я был зачислен в Рязанское артиллерийское училище курсантом. После окончания училища в апреле 1942 года был направлен на фронт командиром взвода 53-го артполка Южного фронта в район Старобельска (Украина).

В этот период германская армия перешла ко второму этапу широкомасштабного наступления на Сталинградском направлении. Под натиском войск противника пришлось отступать, периодически нанося огневые удары по боевой технике немецких войск. В районе Сталинграда я получил назначение во вновь прибывшую для обороны города 126-ю стрелковую дивизию заместителем командира 76-мм полковой батареи 550 стрелкового полка. 126-я стрелковая дивизия вошла в состав 64 армии генерала Шуμιлова.

Ведя упорные бои с врагом, к августу 1942 года части 64-ой находились в состоянии полуокружения со стороны танковой армии генерала Гота и частей 6-ой армии генерала Паулюса. Для прикрытия отхода наших войск на заранее подготовленный рубеж обороны Сталинграда была брошена 126-я стрелковая дивизия. Командующий 64-ой армии просил командира дивизии полковника Сорокина всеми силами продержаться хотя бы сутки, то есть стоять насмерть. С раннего утра над нами появились немецкие бомбардировщики Ю-88, которые, пикируя на нас, наносили мощный бомбовый удар. Бомбардировка велась без перерыва более часа. Вслед за ударом с воздуха фашисты обрушили на нас ураганный артиллерийский огонь.

Вступили в бой до 200 немецких танков. Противник был встречен хорошо организованным оружием-пулеметным и артиллерийским огнем наших частей. Тем не менее превосходящие в несколько раз силы противника и немецкие танки прорвались через передний край и устремились в глубину нашей обороны. Личный состав моей батареи сражался храбро. Были подбиты 3 танка и уничтожены до сотни солдат врага, но батарея понесла большие потери в живой силе и технике. Тем временем немецкие танки прорвались к командному пункту дивизии. Командир дивизии полковник Сорокин был тяжело ранен. Штаб дивизии понес большие потери в офицерском составе. Мы всеми силами старались удержать свои оборонительные рубежи до глубокой ночи. Выполнив боевую задачу, 126 стрелковая дивизия была выведена во второй эшелон обороны, где занялась

подготовкой ко второму этапу боев по окружению немецких войск в Сталинграде.

Позже в своих воспоминаниях командир дивизии писал: «Это было немыслимо: против одной дивизии - пять вражеских дивизий, в том числе две танковые, одна моторизованная. Воины 126 стрелковой дивизии двадцать пять дней и ночей надежно прикрывали подступы к Сталинграду. До 29 августа 1942 года они не оставили занимаемый рубеж и ценой тысяч жизней спасли основные силы 64-ой Армии, совершив беспрецедентный подвиг!»

126-я стрелковая дивизия 5 ноября 1942 года была выведена из состава 64-ой Армии и передана в 51-ую Армию генерала Труфенова. 51-ой Армии была поставлена задача: нанести главный удар из района межозерного дефиле, прорвать вражескую оборону и обеспечить ввод в прорыв механизированных соединений Армии.

126-ая стрелковая дивизия к 1 ноября 1942 года сосредоточилась в районе Бирудолобс. 19 ноября 1942 года войска Юга-Западного и Донского фронта перешли в наступление. Это был памятный день для народов всего мира. 20 ноября 1942 года в 7:30 на нашем участке началась артиллерийская подготовка, которая продолжалась в течение часа, затем в небе вспыхнули сигнальные ракеты, последовал залп гвардейских минометов и штурмовые группы 55-го стрелкового полка при поддержке моей 67-ой миллиметровой палковой батареи с криком «Ура» бросились на врага, преодолевая довольно трудное расстояние до передних сильно укрепленных траншей противника. Прямой наводкой моей батареи уничтожались все доты, дзоты, боевая техника и живая сила немцев. Оборона противника была прорвана.

23 ноября 1942 года завершилось полное окружение вражеской группировки под Сталинградом в количестве 22 дивизий, 330 тысяч солдат и офицеров во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

В дальнейшем перед 126-ой стрелковой дивизией была поставлена задача: вести наступательные бои на Ростовском направлении. Прорвать оборону немецких войск нам с ходу не удалось. Тогда, для выполнения поставленной задачи, мы ночью, двумя батальонами проникли в тыл противника. Пройдя передний край обороны немцев, мы достигли станицы Орловская с ж.д. узлом. В станице дислоцировался 4-й мотополк СС: на станции стояли эшелоны с военным. Моя батарея нанесла огневой налет по ж.д. узлу. К рассвету станица Орловская была полностью очищена от врага. Но на этом основная задача не была осуществлена, так как по замыслу этой операции основные части дивизии должны были прорвать передний край фронта противника и соединиться с нашей группой. Но этого не произошло, и мы остались в тылу врага, как бы в «мышеловке». Тем временем немецкое командование увидело, что нас осталась лишь небольшая часть. Они подтянули из резерва мотопехотный полк с танками и полностью блокировали нас в станице. В условиях полного

окружения завязался бой с мотопехотой и танками. Моя батарея подбила 3 танка и большое количество живой силы противника, но к концу дня снаряды кончились. Станица буквально была переполосована немецкими автоматчиками и разделена на отдельные части. Батарейные лошади были убиты, большая часть личного состава была выведена из строя. Увидев бесполезность сопротивления, командир полка принял решение под покровом ночи вырваться из окружения отдельными группами. Мне с группой солдат удалось прорваться через вражеский заслон и к рассвету пробраться до фронта нашей обороны. В результате из участников рейда осталось в живых только 50 человек. В этой операции я получил небольшое ранение, но остался в строю в своей части. В настоящее время в станице Орловская установлен памятник войнам 550-ого стрелкового полка, 126-ой стрелковой дивизии, которых немцы расстреляли в балке. Части 126-й дивизии продолжали вести упорные бои в направлении Батайск, Аксай и Ростов-на-Дону. Противник, боясь полного окружения, освободил г. Ростов-Дон.

Артиллеристы

Моя война

Горбунов Аркадий Несонельевич

Участник боевых действий

Я родился 5 сентября 1925 года в городе Смоленске. Там до начала войны я окончил 8 классов школы. Отца мобилизовали в 1941 году, дома остался я с матерью, братом и сестрой. Брат, поскольку он был старше, ушёл в военное училище и дома остался я с матерью и с моей младшей сестрой. В 1941 году мы эвакуировались в Тульскую область. Вначале мы работали в колхозе, а после поехали в город Сарапул, что находится в республике Удмуртия. Там я работал в колхозе, и оттуда уже меня призвали в армию и направили в Смоленское стрелково-снайперское училище в городе Сарапул. Было это весной 1943 года. Проучился я там год и закончил свою учёбу весной 1944 года.

После окончания учёбы в звании младшего лейтенанта меня отправили воевать на Украинский фронт в 130-ую пехотную дивизию командиром взвода. В составе пехотного полка мы заняли оборону. Постоянно по ночам немцы устраивали атаки, а мы вели ответный огонь. Затем наш полк выдвинулся на исходные позиции для наступления.

Хорошо помню июль 1944 года - небольшой сарайчик, из-за которого немцы вели пулеметный огонь. Во время этих перестрелок, меня ранило в плечо сквозным пулевым ранением и перебило кость. Рука уже не работала, но мне повезло, что рядом был санитар, который подполз ко мне и аккуратно перевязал мою рану. Я направился в медсанбат, который находился в 4-х километрах от нас. В этом месте, на соломе, лежало много раненых солдат, ожидающих своей очереди на оказание медицинской помощи. Когда настала моя очередь, мне сделали общий наркоз и прооперировали. Когда я проснулся, то увидел, как меня, посадив на «Студебеккер», отправили в тыл. Тыловые госпитали были размещены на полях в больших сараях, куда привозили раненых солдат. Пробыл я там около 10 дней, а затем меня отправили санитарным поездом в Киев. После нескольких дней в Киеве меня отправили в Москву, где я долечивался полтора месяца в местном госпитале. После выписки из госпиталя осенью 1944 года, я опять стал годен к службе. Мне дали направление в Тулу в 89-й гвардейский тяжёлый танковый полк, командиром взвода автоматчиков.

Мы двигались к Белорусскому фронту полями. Была зима, не раз приходилось передвигаться через мосты. Они были разные по размеру и по состоянию. Как-то наша рота переезжала через один из таких мостов.

Первые два танка проехали успешно, однако третий 48-ми тонный ИС, не справившись с управлением, перевернулся и упал в замерзшую воду. Это страшное происшествие до сих пор в моей памяти.

Трое автоматчиков, что находились сверху танка, спаслись, будучи выброшенными на поверхность воды. Однако остальные, те, кто находились внутри танка, не могли выбраться наружу и погибли. Мне навсегда в память врезались их крики со словами: “Командир роты, помогите нам, спасите нас!” К сожалению, мы ничего не смогли сделать. Вода наполняла танк всё быстрее и быстрее, а мы были бессильны им помочь из-за отсутствия специальной техники.

В феврале 1945 года мы вели тяжелые бои с фашистами на плацдарме на левом берегу реки Одр в 60-ти километрах от Берлина. Здесь, отражая постоянные ожесточенные атаки фашистов, я получил свое тяжелое второе ранение в руку. Опять я оказался в медсанбате, лечился в госпитале, а затем был направлен в город Череповец Вологодской области. Всего я пролечился после второго ранения в разных госпиталях около пяти месяцев.

О победе я узнал, находясь в госпитале. 21 июля 1945 года меня выписали и определили негодным к службе в армии. Я получил инвалидность, так как моя правая рука не функционировала. Мне пришлось

Автоматчики

учиться писать и есть левой рукой. Не могу сказать, что это было легкой задачей. Я пожизненно признан инвалидом Великой Отечественной войны.

В 1945 году, в июле, я вернулся домой в свой родной город Смоленск. Мама и сестра уже вернулись из эвакуации. Слава Богу, они были живы. А от папы известий не было, он пропал без вести на войне. В то время, после войны, в городе была разруха и мы жили с мамой и сестрой в здании школы. Обычно в каждом классе проживало по три-четыре семьи. 20-ти летним юношей я поступил в школу рабочей молодёжи, своего рода вечернюю школу, которую я закончил в 1947 году с золотой медалью. Я всегда любил математику и поступил в этом же году в Ленинградский государственный университет на математико-механический факультет.

В конце 1952 года, после окончания учёбы, меня направили на работу в Казахстан в школу преподавателем математики. Там же, в Казахстане я женился. В 1954 году у меня родился сын, а в 1956 - дочка. В 1969 году я сменил свою фамилию, чтобы облегчить моему сыну поступление в престижный институт, так как в то время определенные фамилии создавали большие сложности для поступления в престижные ВУЗы, особенно в Москве. А в 1960-х мы с семьёй переехали в Башкирию - город Уфа. В этом городе я работал на авиационном заводе начальником отдела надежности до 1995 года. В 1995 году мы переехали в Израиль. В Канаду мы с женой приехали в апреле 2014 года, где уже жила моя дочь со своей семьёй.

За боевые заслуги я был награжден орденами: два ордена “Красной Звезды” и орден “Отечественной войны I степени”. А также я был награжден медалью “За Победу в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.”, “За освобождение Варшавы” и медалью Жукова. Награжден многими юбилейными медалями.

Память сердца

Горништейн Владимир Михайлович

Участник боевых действий

*Дорогим женщинам - ветеранам Великой Отечественной войны
посвящается.*

*Вам, женщины, я посвящаю эти строфы,
Дарующие жизнь и любовь, от глубины веков,
В пороховом дыму, во мраке заводских цехов
Вы пронесли свой тяжкий крест тернистой тропой Голгофы.
Вы рядом с нами шли в багрово –минный вой,
Вы головы под пулей не склоняли.
И часто грудью нас Вы защищали,
Не думая, что это Ваш последний бой.
В госпиталях, при свете фронтовых лампад,
Бинты кровавые стирали.
Страдали вместе с нами и с нами умирали.
Вам шуткою казался дантов “Ад”.
Кто, жены, Вам вернет мужей.
В их братские могилы не падала слеза.
И не закрыли матери глаза,
Ушедших в бесконечность сыновей.
Терять друзей – горчайшая беда,
Вдвойне с кем ты делился лаской и теплом,
Последней каплею воды, последним сухарем.
С кем дружба кровью скреплена, на век и навсегда.
Прошло уж столько мирных лет,
Потрескались фото и потускнели лица,
А я все с вами не могу проститься
И огненный за Вами вьется след.
Где Вы теперь, соратницы – подруги,
Далекой юности моей пороховой?
Давно уж я с седою головой
И взять в свои хотел бы Ваши руки.
Нам посидеть бы вечером, мои ушедшие подружки,
Поговорить о жизни и про первую любовь.
Забуть окопный холод, смерть и кровь,*

*Налить сто граммов фронтовых
и выпить из солдатской кружки.
Как говорят, “иных уж нет, а те далече”,
Но вы всегда со мной в строю.
В моей семье, в моем кругу
И память сердца время не излечит.
Какое Вам сказать “спасибо”, свое солдатское “прости”,
Я рад за тех, кто возвратился вместе с нами
И если не отмечены Вы орденами.
Я наградил бы Вас, подруги, ” Великим орденом Любви”*

Эти стихи написал ветеран Великой Отечественной войны Владимир Горнштейн, моряк Черноморского флота. Он служил на сторожевом катере, был мичманом, его личным боевым оружием был пулемет, из которого он смертельным огнем поливал фашистскую нечисть. Он участвовал во многих боевых операциях, но главные – высадка десантов под Новороссийском и Феодосией. В боях проявил смекалку, мужество и храбрость. Родина высоко оценила его боевые заслуги, наградив орденами Отечественной войны Первой и Второй степеней, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За Победу над Германией» и многими юбилейными медалями. После войны Владимир Михайлович до 1976 года служил в Советской армии. Сейчас он живет с женой в Канаде, в Торонто, в доме-интернате. Он один из основателей Канадской Ассоциации ветеранов II Мировой войны из Советского Союза в 2004 году. Сегодня он по-прежнему бодр, доброжелателен, оптимист и патриот Родины, часто вспоминает фронтовых друзей и товарищей, но вот писать о войне не захотел, а стихотворение написал.

В Сталинграде

Гринберг Федор Леонтьевич
Участник боевых действий

Я, Федор Леонтьевич Гринберг, родился 20 мая 1923 года на Украине в городе Киеве. Перед войной окончил 10 классов. У меня была мечта стать военным. Я пошел в военкомат и заявил об этом. Меня выслушали и направили в Симферопольское интендантское училище. Это было до войны. Я приехал, сдал экзамены, началась учеба, и сразу пришла война. Когда немцы стали подходить к Крыму, нас расформировали и отправили в Омск – рядовыми на формирование. В Омске шло формирование 308 стрелковой дивизии, ее формировал полковник Леонтий Гуртьев. В конце августа 1942 года дивизию направили на фронт, в Сталинград, в распоряжение 62 армии. Разгрузились мы далеко от Сталинграда и форсированным маршем прошли до Волги 300 с лишним километров за 5-6 суток. Я был пулеметчиком, и моим оружием был станковый пулемет Максим, вес которого составлял, если мне память не изменяет, свыше 50 кг. В походном положении пулемет несут два бойца – один станину, другой – ствол. Я нес станину весом 26 кг., для меня это было очень тяжело. Через Волгу дивизия переправлялась ночью, в один из последних дней сентября, под бомбежкой и артобстрелом немцев. Переправившись, дивизия заняла оборону в заводском районе Сталинграда.

Начались тяжелые оборонительные бои. Отдельные дома, улицы, заводские корпуса и, порой, этажи в домах переходили из рук в руки по несколько раз. Хочу рассказать о следующем случае. Я, как пулемётчик, вместе со своим командиром занимал позицию на небольшой возвышенности, а пехота расположилась несколько ниже. Шел тяжелый бой, противник нас обстреливал из миномёта со всех сторон, мы не знали, откуда стреляют. Потом, неожиданно, настала тишина, два дня никаких боёв не было вообще, будто войны нет, даже свиста пули не было слышно. Но помимо этого, нам перестали носить почему-то еду. Я решил узнать, в чем дело. Спустился со своей позиции вниз, увидел солдата и командира с перевязанной головой, которые сказали, что они вырвались из окружения, но мы тоже находимся в окружении. Я осмотрелся и увидел, что в метрах двухстах от нашего расположения появилась группа немцев - человек 200 . Я немедленно вернулся к своему командиру и мы изготовились к бою. Дали по немцам пару очередей. Немцы залегли и чего-то ждут. Прошел, наверное, час и появились танки и начали обстреливать наши позиции, а потом два

танка пошли прямо на нас. Мы тоже открыли по ним огонь, но попасть в смотровые щели танка - дело трудное и мы решили подбить их, взяв для этого две противотанковые гранаты. Подползли к одному из танков метров на 15, чтобы не промахнуться, и бросили гранаты - подбили этот танк. А второй танк шёл метрах в 100 от нас и начал стрелять, меня ранил. Командир исчез куда-то, а я испугался за мою руку, так как подумал, что потерял её. Я боялся даже разогнуть руку, но потом почувствовал, что пошла кровь и понял, что рука на месте. Кое-как перевязав руку, я пополз искать командира. Нашёл его, лежащего без сознания, в воронке, его контузило. Я стал его бить по щекам, по ногам, по рёбрам, и он очнулся. С большим трудом вытащил его из воронки, и мы поползли. По дороге к нам присоединилось еще 4 человека и мы все вместе решили выбираться. Но надо было дождаться ночи, а пока мы залегли в развалинах. Ночью мы начали передвигаться в сторону своих, и тут мы увидели недалеко от нас большое количество идущих немцев с фонариками. Повезло, что они нас не успели заметить и то, что там была большая воронка, в неё мы и спрятались. А напротив нас, метрах в 25, было здание разрушенной школы, там было много немцев и там они кушали.

Мой командир, как старший, приказал идти на прорыв, трём людям пойти с правой стороны, а остальные трое с левой. Мы с командиром шли с правой. Сначала мы бросили гранату, побежали в пролом, вышли только двое: я и командир. Остальных искали, ползком по кругу, но не нашли. Мы с командиром, где ползком, где перебежками, а где и бегом, иногда прячась в развалинах, наконец, вырвались из полосы противника и встретили наших, они отвели нас в политотдел дивизии. Командир дивизии был там, попросил документы и был очень удивлён, что мы остались живы, так как поредевшие, в октябрьских боях, остатки нашего полка, действительно попали в окружение и почти все погибли, возможно на тот момент, только мы двое и остались.

Меня вместе с раненым и контуженным командиром переправили по госпиталям. Меня 100 км. от Сталинграда, в город Красноармейск, где я пролежал 3 месяца. А когда выписали, мне дали ограничение 1-ой степени, так как была перебита рука. Я был уже не годен к боевым действиям и меня отправили в запасной полк, на 4-х месячные курсы водителя. Отзанимавшись, нас отправили в г. Грозный за автомашинами. Потом в автополк резерва главного командования. Мы занимались перевозками боеприпасов, продуктов, живой силы почти к фронту. Работа была изматывающая, мы возили круглые сутки, в лучшем случае, мы отдыхали 1.5 часа в сутки. Потом нас отправили на 3-й Белорусский фронт в Восточную Пруссию. Там я тоже возил продукты и боеприпасы. На сильно бомбили, в мою машину как-то попала бомба, но меня отбросило на метров 20 от взорванной машины. Остался жив, повезло!

Победу встретил в Восточной Пруссии. Демобилизовался в декабре 1945 года. За боевые заслуги в Великой Отечественной войне

награжден орденом «Отечественная война II степени», медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

Когда пришёл домой, я уже никого из семьи в живых не застал, вся семья погибла. Старший брат погиб на фронте, будучи танкистом, а родителей и младшего брата расстреляли немцы. После войны я устроился таксистом, но я эту работу не любил и вскоре ушёл работать в автопарк водителем. В 1990 с семьей уехал в Израиль, а в 1998 году переехали в Канаду.

Зенитчики били и по самолетам и по танкам

Грубер Михаил Яковлевич
Участник боевых действий

Я родился 1 августа 1922 года в Житомирской области, в городе Радомышль. Окончив неполную среднюю школу, 16 –ти лет стал учиться на печатника в районной газете “Борьба за социализм” в городе Радомышле. В 17-ть лет я уже мог самостоятельно печатать газету. В 1939 году моего коллегу печатника призвали в Красную Армию, шла советско-финская война, я остался один в печатном цеху и начал самостоятельно печатать газеты с помощью редактора. Работая целую ночь, мы вместе с ним печатали газету тиражом в 1500 экземпляров. Это было немало для того времени.

В мае 1940 года меня призвали в ряды Красной Армии. Отправили меня служить в Одесскую область. 18 мая я надел форму красноармейца и начал службу в зенитной артиллерии, а вскоре Советский Союз присоединил к себе Бессарабию (Молдавия) и наша воинская часть передислоцировалась в город Болград , недалеко от границы с Румынией. Там я и встретил 22 июня и попал под бомбежку фашистской авиации. Тогда мы подумали, что напали румыны, потому что у них забрали Молдавию и они мстят, а оказалось, что на СССР напали гитлеровские войска вместе с румынами.

Нас построили по тревоге: объявили о приведении в боевую готовность, приказали проверить и вычистить винтовки, выдали патронташи и по 50 патронов (которые были в масле и их нужно было срочно очистить). После этого мы привели в боевую готовность наши 76 мм. зенитные пушки. Нужно сказать, что приводить эти пушки в боевое положение было очень неудобно, мы плохо справлялись с нормативами - 5 мин. и тратили на это гораздо больше времени. Потом на смену этих пушек придут 85 мм. пушки и в норматив в 2 мин. мы будем укладываться. В первый месяц войны мы сбили пару самолетов немцев. Здесь надо сказать, что зенитные пушки сами по себе стрелять по самолетам не могут и, тем более сбивать их, для этого нужны приборы управления зенитным огнем.

У нас был такой прибор отечественного производства, он назывался «ПУАЗО-2», и я работал на этом приборе. В приборе применялась синхронная электрическая передача выработанных данных для стрельбы, обеспечивающая их непрерывное поступление от прибора на орудие, что позволяло увеличить темп ведения огня и его точность, а также давало возможность стрелять по маневрирующим самолетам. Короче, прибор позволял решить задачу встречи снаряда с целью и выработать координаты упрежденной цели в пределах 700-12000 метров при высоте боле 9500 метров. Работа на этом приборе требовала длительной подготовки и определенных навыков и тренировки, я это все прошел и умело пользовался, и мне командование доверяло обучать этом делу

новичков.

В конце июля 1941 года из разрозненных батарей ПВО формировались зенитные дивизионы. Я попал в 504 отдельный зенитный дивизион, который оснастили 85 мм. зенитными пушками. Тогда на фронте была тяжёлая обстановка, немецкие танковые группы рвались на восток и командование приняло решение бросить зенитчиков на борьбу с танками врага. Нам довелось провести ряд успешных боев, но под натиском фашистов, нам приходилось отступать. Очень заметно тогда было преимущество фашистов в авиации, наземные части и население практически не прикрывались с воздуха. Потом, в конце 1942 года все начнет меняться, у нас появится много самолетов и будет очень хороший штурмовик «Ил -2».

Основная цель зенитчиков – не допустить вражеские бомбардировщики к охраняемым объектам, не дать им сбросить на цели их смертоносный груз. Мы, зенитчики, благодаря имевшемуся оборудованию и наземной системы наблюдения, следили за подлетом вражеских самолетов и, согласно имевшейся информации, вели по немецким самолетам заградительный огонь, чем вынуждали фрицев сбрасывать свои бомбы куда попало и удирать. У нас в зенитной артиллерии всегда было в достатке снарядов. Именно поэтому мы вели эффективный заградительный огонь.

Нас учили стрелять в лоб самолетам, а не за самолетом, так как это значило обнаружить себя и подвергнуться атаке. И ещё было важно – стрелять слажено, все 4 пушки батареи должны были стрелять как одна. У фашистов был такой самолет “Фокке Вульф -189”, наши летчики и наземные войска прозвали его “Рама”. Этот самолет летал и рассматривал цели. Мы по этому самолету не имели права стрелять, он бы нас сфотографировал, а потом налетели бы фашистские бомбардировщики или открыла огонь немецкая артиллерия. Мы этих самолетов очень боялись.

Зенитчики не только сражались с самолетами противника, но и участвовали в боях с немецкими танками и пехотой. Особенно на танкоопасных направлениях, и наш дивизион на Южном и Северо -Кавказском фронтах часто участвовал в таких боях, и тогда мы подбили много танков.

Мы долго отступали, отходили с боями и оказались за Краснодаром. Вышел приказ Сталина: « Ни шагу назад... Россия большая, но отступить больше некуда ...». Тех, кто бежал, бросал оружие, расстреливали . Севернее нас шла Сталинградская битва. Там, наконец, пришла первая большая победа. Разбили и пленили армию Паульса. Наш Северо-Кавказский фронт и Приморская армия тоже перешли в наступление и погнали немцев на запад. Наша часть участвовала в боях за освобождение Таманского полуострова и Крыма. Мы освобождали Керчь, Феодосию и Севастополь. В Крыму я впервые увидел большое количество пленных немцев и румын, а также власовцев, так мы называли крымских татар, которые воевали в гитлеровской армии.

Мне пришлось участвовать в боевых действиях в Венгрии, в боях за Будапешт. Сначала наши войска, в том числе и наш дивизион форсировали Дунай и создали 12 километровый плацдарм. Начались ожесточенные бои. Немцы бросали в бой много танков, и нашему дивизиону был дан приказ вести огонь по танкам и пехоте противника. Наши танковые части тоже участвовали в этих боях. Это был не 41 и не 42 годы, теперь мы били фрицев

по всем статьям и на земле, и в воздухе. После взятия Будапешта, мы пошли дальше в Австрию, на Вену. Там для меня и окончилась война. Но надо сказать, что мы еще неделю воевали. Немцы пробивались на запад, к американцам, и стреляли по нашим солдатам. Были жертвы, и это было очень обидно. А мне повезло, крупно повезло. Я остался жив и, более того не был даже ранен.

Заканчивая свое повествование, я хочу сказать, что у артиллериста, как и у пехотинца, лучшим другом для обеспечения безопасности является лопата. Только у пехоты это саперная лопатка, а у артиллериста - настоящая лопата. Сколько мы перелопатили кубометров земли, это наверное не посчитать. Ведь надо вырыть окоп для пушки, сделать бруствер, отрыть блиндаж, соединить позиции ходами сообщения. Это многие тысячи кубометров перелопаченной нами земли. Обычно ночью мы копали, а днем стреляли. Тяжелая это работа окапываться, но для боеспособности и сохранности необходима.

Наш 504-й отдельный артиллерийский зенитный дивизион был очень хорошей воинской частью. У нас была дружная семья, мы хорошо воевали, на счету дивизиона много сбитых самолетов и подбитых танков. Там, на войне в 1942 году, в самое тяжелое время, я стал коммунистом. Как и многие другие, я подписал заявление, которое мне дал наш командир. В нем было написано: "Хочу умереть за Сталина коммунистом".

После Победы меня забрали в армейскую газету, где я вернулся к своей гражданской профессии – печатника. А потом меня демобилизовали. Я вернулся в свой город, но мою маму в 1942 году немцы расстреляли. Я остался один. Уехал во Львов. Устроился в типографию. Меня взяли печатником в специальный цех, я печатал карточки. Тогда, в 1947 году в СССР еще была карточная система, которую отменяют в декабре. Потом я буду печатать книги и газеты.

В Канаду я приехал в 1979 году, меня на третий день взяла на работу канадская печатная компания, мне было 57 лет, взяли, потому что им очень были нужны печатники. А я знал все печатные машины: чешские, советские, немецкие. В этой компании я проработал 14 лет и потом ушел на пенсию.

В Канаде, по линии Генконсульства России, меня наградили четырьмя юбилейными медалями. Все военные награды СССР (а их было много) у меня отобрали при выезде в Канаду, так тогда было.

Мы родом из блокады

Гуревич Борис Еселевич

Житель блокадного Ленинграда

Я родился 30 декабря 1932 г. в Ленинграде. Перед войной мы жили на Шестой линии Васильевского острова, напротив кинотеатра «Форум» (позднее «Балтика»).

У нас была большая, дружная, гостеприимная семья. В доме не переводились гости: инженеры, актеры, военные. Мама перед войной окончила Второй Медицинский институт. Она была очень красивой. В одной из комнат стоял рояль «Gentch», мама прекрасно играла и пела. У нее было великолепное колоратурное сопрано.

Я ходил в так называемую «немецкую группу», в которой нас обучали языку, музыке и манерам. И если бы не война, все в моей жизни сложилось бы по-другому. В моей памяти до сих пор живы дни блокады, вся горечь потерь. Я не люблю об этом рассказывать, особенно, о самой страшной, голодной зиме 1941-42 гг., после которой чудом уцелели только мы с мамой. Слишком болезненные воспоминания.

Но в то же время, я понимаю, что никто кроме нас, оставшихся в живых, прошедших ад голода, бомбежек и обстрелов, но не сдавших город врагу, не сможет передать потомкам память о тех годах, нашу стойкость и силу духа, веру в победу, несмотря ни на что - все те черты, которые потом назовут «Ленинградским характером».

В августе 1941 г. нас, детей, городские власти решили эвакуировать на Валдай. Но не успели мы приехать на место, как прискакал верховой и закричал, что впереди немцы.

Мы на подводах повернули обратно, доехали до железнодорожной. Станции погрузились в поезд и поехали обратно в сторону Ленинграда. Через 2 часа на эшелон налетели «Мессершмиты» и, хотя на крышах некоторых вагонов были красные кресты, нас бомбили и обстреливали. Эшелон остановился, мы кинулись из вагонов прочь. Поезд горел, кругом стоны, крики раненых, огонь и кровь. Сделав свое черное дело, фашисты улетели. Вот так я впервые встретился с войной.

В сентябре 1941 г. горели Бадаевские склады, где были основные запасы продовольствия. Начался голод. Мы съели все, что могли: столярный

клей, варили кожаные ремни, меняли вещи на жмых (дуранду).

Были ежедневные сильные бомбежки. На Андреевский рынок, недалеко от нас, немцы сбросили тонную бомбу, был сильный удар. В январе 1942 г. в наш дом попала комбинированная бомба (по-современному это был напалм). Дворничиха, стоявшая у ворот, сгорела заживо, а мама, которая шла на дежурство в бомбоубежищ в соседний дом, успела отойти за угол и осталась жива.

Не было света, воды, тепла, а морозы доходили до 40 градусов. За водой, пока были силы, ходили с ведрами на саночках на Неву. В печках-буржуйках жгли мебель и книги. На одежду прикрепляли фосфорные пуговицы, которые светились в темноте.

В январе 1942 г. умер мой дед. Мы отвезли его на угол Большого проспекта и 7-ой линии, где складывали мертвых. Он был настоящим мужчиной и до последних дней дежурил на крыше, гасил зажигалки, прекращал панику среди жителей. Зажигательные бомбы (зажигалки), упав на крышу взрывались искрами и пламенем, как огромный бенгальский огонь. Их хватали клещами и кидали в ящики с песком, которые стояли на крыше. Несколько раз он брал меня с собой, и я помогал ему во время бомбежек гасить зажигалки.

Провожают на кладбище

В феврале умерла бабушка. Сил у нас уже не было, и мы ее с трудом вынесли на лестничную площадку, где ее потом забрали сандружинницы.

Мы с мамой уже не вставали, но на наше счастье с фронта заехал по делам в Ленинград старый знакомый нашей семьи. Увидев, что мы умираем, он достал казеина, что-то выделил из своего пайка, и мы пришли в себя.

Мама пошла работать врачом-терапевтом во Вторую поликлинику В.О.района, ее прикрепили к пункту усиленного питания (соевое молоко, хлеб, жмых).

Немцы по-прежнему жестоко бомбили и обстреливали город, причем стреляли по квадратам, пунктуально в одно и то же время. Мама брала меня с собой на работу- убьют, так вместе.

Весной и летом 1942 г. жить стало легче - появилась трава, крапива, лебеда. Жители города, кто смог, вышли на уборку улиц. Самое страшное осталось позади.

Затем я пошел учиться. В 1951 г. окончил 31-ю мужскую среднюю школу. По известным причинам меня не приняли ни на мехмат университета, ни в Военно-Механический институт. Работал сцепщиком на Октябрьской железной дороге, коллектором и буровым рабочим в геологической экспедиции на Севере.

В 1953 г. поступил в Ленинградский горный институт, по окончании которого уехал на Урал, на рудник.

После возвращения в Ленинград, работал на строительстве тоннелей (в том числе и в кессоне) на различных должностях. Строил тоннели в Ленинграде, Москве, Калининграде, Днепропетровске, Турции.

Жизнь и работа были нелегкими, но очень интересными. Мне доводилось 4 дня блуждать по тайге, имея только топор, краюху хлеба и несколько спичек. И все-таки я вышел на четвертый день к своим. Сутки я был в завале, вместе с взрывником, на шахте в Караганде, пока нас не откопали горноспасатели.

И в любых тяжелых жизненных и производственных ситуациях всегда выручала та жизненная школа, упорство, целеустремленность, корни которых в блокадном и послевоенном детстве.

Мои воспоминания о блокаде Ленинграда

Гуревич Рахиль Михайловна

Житель блокадного Ленинграда

Мои родители приехали в Ленинград в конце двадцатых годов из Белоруссии, из города Могилева. Я родилась в Ленинграде осенью 1932 года и считаю Ленинград своей Родиной. Мы жили на первом этаже, вернее, это был бельэтаж длинного четырехэтажного дома, где было три двора, застроенных в основном деревянными сараями. Большая коммунальная квартира с проходной кухней, где стояла плита, которую топили дровами и у каждой семьи был свой маленький столик для посуды.

В нашей комнате в 15-16 квадратных метров жили шесть человек, все стены были уставлены кроватями и кроватками.

Я очень хорошо помню, как 22 июня все взрослые окружили тарелки радио. Они становились все серьезней и озабоченней. Мы, дети, мало что понимали в сводках, но я очень хорошо помню голос Левитана: «Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза!» Так для меня началась Война...

Моего отца сначала не призвали в действующую армию по возрасту. Но когда кольцо блокады стало сужаться - фашисты занимали близкие пригороды, обстреливали город из пушек и забрасывали с воздуха бомбами - то его призвали в ополчение. Так назывались отряды, защищавшие город из последних сил, ведь все, кто пережил в Ленинграде это время, помнят, какая была в том году суровая зима.. Осенью я впервые стала ощущать чувство голода и мои братики тоже.. Мы все время просили у мамы добавки. Ввели карточки на все продукты питания и на керосин. Мама и бабушка целые дни бегали за исчезающими продуктами, отдавали нам часть своего пайка, но еды становилось все меньше. Мы ели оладьи из картофельных очисток и дуранду (твердые брикеты из отходов). У мамы тогда еще хватало сил вместе с другими соседками из нашего двора сбрасывать с чердака нашего дома зажигательные бомбы после фашистских налетов, а бабушка, совсем ослабев от голода, умерла. Бабушку увезли на саночках на кладбище. Я видела много таких саночек, их везли по Садовой улице женщины в черном, и тела умерших тоже были завернуты в темные тряпки.

Я помню, что папа приходил к нам несколько раз на побывку, ужасно похудевший, заросший бородой и очень голодный! Ведь он старался не есть трюфного, обменивал мясо на кашу и ему было хуже, чем другим бойцам-ополченцам. Мама старалась его обогреть и накормить, но что она

могла сделать?

В один из приходов папы домой, я невольно услышала его разговор с мамой, хотя они говорили очень тихо. Папа сказал, что если гитлеровцам удастся захватить наш город, то нам живыми оставаться нельзя. Он слышал, как поступали с евреями в Польше. Он принял уже твердое решение, но только пока обдумывает, каким образом его осуществить. Мама продолжала молчать...

Сейчас для меня удивительно и непостижимо, что я восприняла это известие совершенно спокойно: раз папа так решил - значит так и надо. Ему я верила беспрекословно. В мои 9 лет отец был для меня самым любимым и самым мудрым человеком. Хорошо помню, как все мы сидели вокруг «буржуйки» - так называлась небольшая печка из жести, установленная в центре комнаты, с большой вытяжной трубой, вставленной в форточку, и у меня текут слезы при мысли, что я больше не увижу своих маленьких братиков. Одному было тогда семь, а другому 3 года. Эта картина осталась в моей памяти на всю жизнь. К концу зимы я настолько ослабела, что не могла встать с кровати - ноги не держали. В это время, в январе сорок второго года, умер наш отец в военном госпитале. У мамы от такого известия спустились руки и пропала всякая воля к жизни, а ведь у нее на руках осталось трое маленьких детей. Когда мама перестала вставать с кровати, ее увезла к себе средняя сестра, которая жила с шестилетней дочкой на Таврической улице в большой коммунальной квартире в комнате в двенадцать квадратных метров. В апреле мама умерла, и мы трое остались круглыми сиротами. Меня спасло от смерти то, что младшая сестра моей мамы - женщина очень энергичная, смогла устроить меня в так называемый «стационар» - это была больница для таких, как я. Все лечение там сводилось к тому, что нас там немного лучше кормили. Я выжила, но сердце на всю жизнь осталось больным, позже в школе меня освобождали от физкультуры. Какое-то время мы все жили в этой комнате на Таврической. Помню только, что когда

мы приносили домой этот хлеб по карточкам, то не могли дождаться обеда, когда можно будет есть, совсем не думая об ужине и завтраке.

И вот открылась “Дорога жизни”. Женщин и детей вывозили из осажденного и голодающего города на «Большую землю». К тому времени умер сын у нашей тетушки, а эвакуироваться можно было только с маленьким ребенком. Тетушка взяла только меня, а моих братьев отвезла в распределитель по детским домам. Они попали в разные места: один - в Горьковскую область, а другой - в Ивановскую, но все-таки выжили. Но об этом мы узнали потом... Поездка на катере ночью через Ладожское озеро тоже запомнилась на всю жизнь. Катер, идущий за нами, фашисты разбомбили. Я своими глазами видела, как люди барахтались и тонули в холодной воде: старушки, женщины и дети. Все кричали, махали руками. Мы ждали, что и нас постигнет та же участь, но мы благополучно добрались до другого берега. Ура!!!

И вот мы оказались в Башкирии, в качестве эвакуированных, две женщины и две маленькие девочки. В селе Ключи, куда мы попали, конечно, не было такого голода, как в Ленинграде, но и сытой жизнь назвать тоже нельзя. В селе совсем не осталось мужчин, все были на фронте, а весь урожай, который бедные женщины выращивали на колхозных полях, тоже уходил на фронт. Но все-таки в некоторых семьях были коровы, куры. Люди как-то приспосабливались, особенно тяжелым был первый год. Но это уже другая история, ведь здесь я пишу о блокадных днях. Чтобы не заканчивать мои записки на такой печальной ноте, хочу сказать, что все мы после Победы вернулись в родной город, разыскали через общество «Красный Крест» моих братьев, и они тоже вернулись в Ленинград.

И когда в этом 2010 году Консульство Российской Федерации в городе Торонто вручило мне в торжественной обстановке две медали: «В честь 65-летия Победы в Великой Отечественной Войне» и «В честь годовщины снятия блокады Ленинграда», я решила написать все, что помню об этом времени, чтобы наши потомки знали свою историю.

Летчик-Штурмовик

Данциг Бениамин Шулимович

Участник боевых действий

Я родился 25 июня 1922 года в городе Москва. В 1940 году закончил среднюю школу. Я, как многие мальчишки и девочки, было такое время, Все хотели в авиацию. На сто мест, в Московское летное училище, было 980 кандидатов из школ одного района Москвы. Такой был конкурс, словно мы должны были стать космонавтами. Приняли 120 человек, 20 на случай отсева. Забегая вперед, скажу – с войны вернулись трое.

Так случилось, что училище, я окончил 22 июня 1941 года, в день начала Великой Отечественной войны. В этот день мне вручили предписание, согласно которого я должен был явиться в полк штурмовой авиации, расположенный в районе города Житомира на Украине. На третий день войны, рано утром, я прибыл к месту назначения. Увиденное потрясло – разбомбленный аэродром, горелые остовы самолетов, трупы убитых.

Комсостава части, в которую я прибыл, найти не удалось. Я не знал, что делать, куда ехать. Была полная паника, полный раздраз. Примкнул к отступающей артиллерийской части. Все происходило стихийно. Я и еще 8 командиров-летчиков нашли брошенную пожарную машину, выпросили 50 литров бензина и это дало нам возможность вырваться из грозящего окружения. Повидал я в те дни многое, видел как бросались танки и орудия, так как не было переправ. А людей немцы расстреливали с воздуха на берегу и в воде.

В конце июля я добрался до города Гороховец в Горьковской области, где был центр переформирования войск и получил направление в 22 авиадивизию Резерва Главного Командования. Там мне доверили командовать звеном самолетов-штурмовиков «ИЛ-2». В середине августа дивизия поступила в распоряжение Центрального, а затем Западного фронта. На этих фронтах, на земле и в воздухе шли ожесточенные бои. Летчики дивизии храбро сражались, нанося ощутимые потери немецким войскам. Свой первый боевой вылет я совершил в конце августа, с этого момента началось мое участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны. Фашисты рвались к Москве, наша дивизия имела задачу наносить удары по наступающим немецким войскам, их живой силе и технике Наши штурмовики с честью выполняли свой долг, нанося врагу ощутимые потери, но и у нас тоже были немалые потери. Полеты и бои были тяжелыми, это было время почти полного господства в воздухе

немецкой авиации. По положению, при выполнении боевого задания, нас штурмовиков, должны были прикрывать истребители, но их не хватало. В одном из боев, в небе под Тулой, мой самолет был подбит. Но я остался жив. За тот бой я получил свою первую награду – медаль «За отвагу». Потом я буду воевать в Заполярье, в небе Украины и Приднестровья, а заканчивать войну буду на 2 и 1 Белорусских фронтах.

Всю войну я пролетал на одном типе самолета – «ИЛ-2», бывали разные модификации. Это был самый массовый боевой самолет в Красной Армии, их было выпущено за войну свыше 36 тысяч. В Красной Армии он имел прозвище «Горбатый», так его называли за характерную форму фюзеляжа. Немцы дали ему прозвище «Черная смерть». Это был одномоторный самолет, смешанной конструкции, главная особенность – несущий бронированный корпус, защищенность броней двигателя, кабины пилота, радиаторов других агрегатов. В кабине минимум приборов. В первых выпусках самолет был двухместным, сзади был стрелок-радист. Потом остался только пилот, но зато появился дополнительный бак для топлива, а потом снова было место для стрелка – радиста, но его место не имело броневой защиты. Слабым местом самолета была его хвостовая часть и оперение и крылья они были деревянными. Самолет имел небольшую скорость полета – 440 км/ч и грузоподъемность 600 кг. Вообще слабоватый был самолет, не совершенный. Не очень то он сберегал экипаж. Не обладал маневренностью. Пикировать мог только под 45 градусов. Но как оружие против пехоты и танков был хорош, а на малой высоте был очень эффективен.

Хочу сказать, что воевал я на этом самолете удачно, четыре раза был ранен, остался жив, хотя и инвалид. До сих пор топчу грешную землю. Видимо, Господу Богу угодно меня сберегать. Я считаю войну работой. Это была работа грязная, тяжелая, кровавая, ужасная работа. Вот некоторые говорят, что они ничего не боялись, что они смелые и храбрые. Я хочу сказать, что это – враки. Человеку присуще бояться, но нужно делать дело. А на войне это значит убивать и разрушать. Это природа войны. Вот я и делал свое дело. Наша работа в авиации была такой, мы не только летали, но и отдыхали. Было три уровня отдыха – ты сидишь в самолете, второй уровень – ты должен быть одет и не можешь раздеться, а третий – ты можешь где-нибудь раздеться и поспать, например, на полу и это было счастьем. Тут я хочу сказать, что вот ты сидишь с летчиком, разговариваешь и вдруг, такой-то на выход, это значит он получил работу. Он улетает и не возвращается. А я с ним уже год, два года, и нам везло, а теперь он не вернулся. Ведь с летчиками, как если он ранен и не смог посадить машину... По статистике жизнь летчика на войне – восемь часов, восемь боевых часов. Это во всех армиях такая статистика была.

В конце декабря 1942 года нашу дивизию перебросили в Заполярье. Базировались мы на аэродромах «Ваенга -1» и «Ваенга-2» под Мурманском. Там базировались многие авиационные части. Кстати говоря, на эти аэродромы перегонялись в 1941-1943 годах английскими

летчиками самолеты истребители «Харрикейн» и «Спитфайр» поступавшие, по Ленд-Лизу, на вооружение нашей авиации. Это был очень сложный перегон. Надо было лететь над арктическими водами Баренцова моря, строго по курсу. Ведь если хоть немного отклонился с курса, то уже все - ориентиров никаких нет, и не спасет никто. Большое мужество для этого требовалось И вот был случай, прилетает на аэродром очередная партия самолетов, мы их встречаем, летчики выходят из кабин и спрашивают: «Где здесь женский туалет?». Мы были очень удивлены, ничего не могли понять, а потом они шлемы сняли. И мы увидели, что это девушки молодые. Это было интересно, это было для нас открытием. Такие сложнейшие перелеты-перегоны и девушки-летчики, мужественные и бесстрашные.

Тут уместно будет сказать, что в авиации Красной Армии было немало женщин-летчиц, героически сражавшихся на фронтах войны. Особенно хочется отметить тех летчиц, которые летали на бипланах «У-2» Они летали часто ночью, на малых высотах, и бомбили немецкие позиции прицельно. Немцы прозвали этих летчиц - «Ночные ведьмы» и очень их боялись. В основном это были молодые девчата, некоторым не было и 18 лет. Многие из них погибли.

Но вернусь в Заполярье, Здесь я пробыл 9 месяцев. Перед нашей дивизией была поставлена задача: охранять суда арктических конвоев доставлявших в Мурманск и Архангельск вооружение, продовольствие и материалы из США, Канады и Англии и уничтожать немецкие подводные лодки, которые стремились топить корабли этих конвоев. Это была сложная задача, так как в воздухе в то время господствовала немецкая авиация, располагавшаяся в оккупированной немцами Норвегии. Американские британские и канадские моряки, торговых судов, были мужественными людьми, ведь они были практически безоружными и с самолетами и подводными лодками им нечем было бороться, да потом они подводные лодки и не видели пока те перископ не высунут, а там торпеда и потопили.

А в воде, что несколько минут и все – гибель. Сколько их погибло в водах Баренцова моря , один Господь Бог знает, многие тысячи. Я все это видел. Видел людей бегающих по палубе тонущих кораблей , барахтающихся в воде. Сердце сжималось, слезы наворачивались. Помочь им, гибнущим, было невозможно А мы летаем, нам сверху видно все, видим подлодки и бомбим их. Но летать опасно. Фашистские «Мессеры», тут как тут, наших истребителей маловато. Завязываются воздушные бои, а это не наша задача, но ввязываемся. В одном из таких воздушных боев я получаю первое ранение. Попал в госпиталь, лечился. Встретил там одного парня-канадца, он знал русский язык, родители давно жили в Канаде, а он сам жил в Лондоне. Рассказывал о страшных бомбардировках Лондона немцами. и о том что король Лондон не покинул. Заканчивая рассказ о битве за Заполярье, хочу сказать что наша часть с честью выполнила поставленные задачи, а лично я был награжден орденом «Отечественная война I степени» и медалью «За оборону Заполярья». Кроме этого я награжден королевской медалью Англии

за участие в охране конвоев.

Мы, летчики, были привилегированной кастой. Мы всегда получали свои сто грамм водки, в бою мы или нет, а еще и американский шоколад, а наземные войска только в наступлении. Летчики могли в кабине поспать и погреться, а наземные войска и главное пехота не могли – и грелись у костров, когда это разрешала обстановка. Примечательная вещь, у пехоты сзади и спереди была выгоревшая шинель от костра. Пехотинцы и артиллерийские расчеты спали даже на ходу. Я уже говорил, что сверху видно все. Я видел собственными глазами в 1944 году в Белоруссии. Вы представляете Белоруссию тех времен. Там дорог вообще не было, А если распутица, то там дорога - это просто грязь. И по этой дороге идут пехотинцы. Я сверху вижу, что они идут и на ходу спят, А сзади машины, которые должны проехать – выедешь из этой колеи, вообще застрянешь. Они гудят – гудят, а люди хоть бы что. Но, наконец, потихоньку они расступились. Машина толкнула одного солдата. Он упал в грязь. Встает, и даже не смотрит кто его толкнул, В таком изнеможении они идут. Вот такая она – война, вот такой маленький эпизод.

Вообще на войне многое зависит от командира. У меня командир полка золотой был человек, сибиряк, но уже старый был полковник. Тридцать два года ему было, а для нас он был уже старый, мы его так и называли «старик». К тому времени срок обучения в летной школе сократили до полугода, а чему можно научиться за 10 – 12 летных часов? Что он мог? Только взлететь и сесть, А командир корпуса говорит командиру полка : «У тебя есть штат, давай 25 машин»: Там в корпусе не интересовало, могут молодые летчики летать или нет. И тут все зависело от командира полка, порядочный он человек или нет. Наш комполка посылал неопытных летчиков в звене с опытными, чтобы мы их в процессе боя учили. А другие этого не делали. Или вот: попасть после ранения в свою часть очень трудно было – целая бюрократическая волокита. Командир полка должен был писать представление, обращаться в дивизию, корпус. Мало кто это делал, не до того было, поэтому попасть назад в свою часть было практически невозможно, а я всегда после госпиталя возвращался в свою часть, мой командир полка всегда писал на меня заявку.

Все я о чем то, наверное важном, в моем понимании, но пора и о конце войны. В начале апреля 1945 года наша дивизия передислоцировалась в Германии в район города Франкфурта , под Берлином. Это было время практически полного господства в воздухе советской авиации и наши штурмовики уже действовали без сопровождения истребителей. На нашем небольшом участке фронта , я увидел столько войск различных родов, которых раньше я никогда не видел. Кроме нашей авиадивизии на аэродроме расположились еще 3 полка пикирующих бомбардировщиков. А на земле стояли 8 танковых дивизий , несколько полков самоходных орудий, 3 пехотных корпуса, множество зенитных расчетов., несколько дивизионов «Катюш» и 8 дивизионов прожекторов. Об артиллерии и минометах , я уже и не говорю. И вся эта масса войск готовилась к последним боям за Берлин. С 15 апреля весь наш полк находился в состоянии боевой готовности! Это,

наверное, было во всех войсках. Этот день и часть ночи были погружены в непривычную тишину... В 4 часа 35 минут команда: Вперед на Берлин!

Началось генеральное наступление. Это была очень тяжелая «работа» для всех родов войск, в том числе и для авиаторов. В день мы совершали по 10-12 вылетов, почти без отдыха. Я благополучно «отработал» до 29 апреля 10 часов 20 минут. В это время я в воздухе над Берлином был ранен осколком бронепрожигающего зенитного снаряда в стопу правой ноги. Чудом удалось посадить самолет на стадион. Из самолета меня вытащили солдаты Польской армии, возили на машине более пяти часов пока не нашли авиационный госпиталь. Газовая гангрена, ампутация ноги выше колена. Вот и все!!! Это было четвертое, уже тяжелое ранение. Последний свой боевой орден – орден Боевого Красного Знамени я получил уже в Москве, находясь на излечении в Московском военном госпитале №1. Кроме уже названных выше наград я имею еще два ордена «Красная Звезда», медали «За взятие Берлина» и «За Победу над Германией». В 1985 году был награжден вторым орденом «Отечественная война I степени». Награжден многими юбилейными медалями СССР, России, Украины и Канады.

После лечения в госпитале меня выписали инвалидом второй группы. Нужно было учиться, работать, содержать себя а в будущем семью, Я окончил Московский институт пищевой технологии, но по специальности не работал. Освоил профессию ювелира и работал им в Москве, до отъезда в Канаду. Женился на прекрасной девушке, она стала врачом. Она у меня все умеет делать, за что ни возьмется, красавица была в молодости, да я ее и сейчас люблю, как тогда. В Канаде я с 1989 года, по вызову сына.

ИЛ-2 над Берлином

В блокаде

Дисман Исаак Залманович
Житель блокадного Ленинграда

Я родился в Ленинграде 12-го октября 1930 г. в Смольнинском районе по адресу: ул. Очаковская, д. 8, кв. 70 (этот же дом по ул. Тверская, д.15). Мой отец Залман Мордухович работал токарем на заводе “Металлист” (ул. Тверская, д.1). Мама Рива Моисеевна работала там же в ОТК. Отец заболел туберкулезом легких и в июне 1934 г. умер.

Когда началась война, маму мобилизовали на рытьё противотанковых рвов под Лугу, а меня с сестрой отправили к дедушке с бабушкой в Жерновку (там не было бомбежек и обстрелов), самолеты пролетали низко над нами. В деревне было единственное кирпичное здание - это была школа милиции. Милиционеры тогда носили синюю форму. Была осень. Колхозники уже убрали урожай с полей. Мы с соседскими ребятами пошли на поле собирать оставшуюся после уборки на поле морковь. И вдруг, подняв голову, мы увидели над нами парашюты. Это на поле высадился немецкий десант в форме советских милиционеров. Против них выступили курсанты милиционеры. Мы залегли между грядками и наблюдали эту ожесточенную схватку.

Когда в сентябре 1941 г. началась блокада, моя семья (мама, её родители, младшая сестра и я) оказались в блокированном городе. Дедушка с бабушкой переехали к нам. Вскоре после начала войны в нашей школе был размещен штаб местной противовоздушной обороны (МПВО). Так как часть школьников к этому времени была эвакуирована, нас перевели в школу N 22 по адресу ул. Красной Конницы, д. 5, которую через короткое время занял военный госпиталь. Тогда все классы разместили по ближайшим бомбоубежищам района. Занятия шли по утрам, а артобстрелов по утрам не было. Я в то время учился в 4-м классе. Наш класс разместили в подвале 2-х этажного дома, который находился во дворе большого НИИ по адресу: Суворовский пр. д.50, угол ул. Красной Конницы. Напротив него, по адресу: Суворовский д.63 находился главный военный госпиталь Ленинграда. Поэтому в здании НИИ был устроен офицерский госпиталь. Это было время, когда уже были разрушены Бадаевские продовольственные склады, нарушено водоснабжение, были трудности с питанием. Видимо, в здании офицерского госпиталя была какая-то диверсия, так как в нём были заперты все входные массивные двери, когда в него попало несколько больших фугасных бомб. В подвалах этого здания, как говорили, хранились горючие

вещества, оставшиеся от деятельности института. Так как двери были закрыты, раненых никто не мог вынести. Те, кто мог двигаться, выбрасывали из окон матрасы и прыгали на них. Большинство разбивалось. Воды для тушения пожара не было. Бойцы МПВО окружили здание, не давая людям приблизиться к нему. Здание горело трое суток. Домик, в подвале которого мы учились, был снесён взрывной волной, но нас в нём уже не было. Занятия кончились за полчаса до этого ужаса. Все это я видел своими глазами.

Теперь мой класс перевели на территорию Смольного (Смольный пр. д.2). Во время бомбежек, которые начинались в 7 вечера, мы уходили в бомбоубежище. Затем, когда бомбёжки стали продолжаться почти всю ночь, мы стали проводить там все ночи. Когда началась холодная зима и стало меньше сил, вообще перестали спускаться в бомбоубежище. Кто-то посоветовал во время бомбежек сидеть около капитальных стен, поэтому все жители нашей коммунальной квартиры выходили из своих комнат и сидели около капитальной стены в коридоре. А в это же время диверсант из нашей квартиры через форточку пускал наводящие ракеты. Бойцы МПВО с крыши увидели это, прибежали. Это был молоденький матрос, жених соседки, побывавший в плену и завербованный там. Вскоре мы, мальчишки из нашего двора, стали помогать бойцам МПВО дежурить на крышах и чердаках, чтобы бороться с зажигательными бомбами. Бомбежки становились чаще, дежурства стали регулярными.

Однажды во время такого дежурства, находясь на крыше, я наблюдал первый в мире ночной таран. Лётчик Севастьянов протаранил фашистский бомбардировщик, который в воздухе развалился на части, фюзеляж его упал в излучину речки в Таврическом саду, напротив музея Суворова. Один немецкий лётчик выбросился с парашютом и остался жив. Его парашют запутался в электрических проводах на Таврической улице, так что ноги парашютиста не доставали до земли. Подбежавшие женщины щипцами для тушения зажигалок, подпрыгивая, пытались схватить его за ноги и стащить на землю. Подоспевшие бойцы МПВО отбили его, опасаясь скорой расправы, и увели в штаб. Я побежал за ними. Штаб был в моей бывшей школе №2 6, и я знал, как туда проникнуть. Допрос проходил в огромном физкультурном зале. Туда же приехал и Севастьянов, 19-летний короткостриженный деревенский парень. Он скромно сидел в сторонке. Переводил допрос боец МПВО, бывший учитель немецкого языка нашей школы. Но и без его перевода я всё понимал, так как идиш был моим первым языком (меня воспитывали бабушка и дедушка) После формальностей допроса пожилой седой вояка с крестами попросил показать ему сбившего его "асса". Его подвели к Севастьянову, и он не поверил, что такой молодой парень его сбил. "Я воевал в Африке, во Франции. Не надо надо мной насмехаться, можете меня расстрелять, я не могу поверить, что меня победил этот мальчик". Севастьянов выругался и отвернулся от протянутой ему руки.

В конце 70-х годов в районе Ладожского озера на одном из торфопредприятий был обнаружен истребитель с лётчиком в кабине. Как оказалось, это был Герой Советского Союза Севастьянов, не вернувшийся из боевого вылета. Его гроб провезли на артиллерийском лафете с севера на юг на Волкова кладбище через весь город. По обе стороны улиц стояли люди, провожая его.

Зима 1941-42 гг. была очень холодная- 40 градусов и без оттепелей. Для отопления и приготовления пищи мы в комнате выложили плиту из кирпичей. Чтобы её топить, разбирали деревянные шашки, отмостки во дворе, из пустых квартир забирали мебель, разбирали деревянные перегородки между квартирами. В пустующих комнатах мы находили кое-что, что можно было использовать для пропитания. Помню, нашли большой пакет крахмала для рубашек, из которого пекпи очень вкусные оладьи. В другой раз нашли пачку плиток столярного клея. Из него с лавровым листом варили студень. Я бы мог много еще рассказать ужасных вещей, например, как в соседней квартире мать съела своих двух малолетних детей.

Вспоминаю, как зимой 1941-42 гг. каждый день в классе начинался с переклички. Иногда кого-то не досчитывались. В один из дней вызывают по списку моего соседа Петю Плясова. Я говорю, что вчера после занятий он зашел в соседний со школой магазин, Смольный пр.6, схватил с весов чужой кусочек сырого мяса. Очередь накинута на него, он засунул мясо в рот. Бежать ему было некуда, он забился под каменную скамейку, и его забили ногами насмерть.

Весной 1942-го года в час общественно-полезных работ мы сажали в парке Смольного на газонах овощи. В последний день учебного года учительница сказала: “Вы не думайте, что мы вас переведем в следующий класс. Мы вас собирали только для того, чтобы вытащить вас из кроватей и немного подкормить”. Действительно, нам каждый день давали какой-то жиденький кисель и какую-нибудь мелкую рыбёшку или что-то подобное, что каждый норовил унести домой для родных, хоть за этим и следили. Весной на каждую семью выдали около ведра картошки для посадки во дворах. Но изголодавшиеся ленинградцы придумали не сажать целую картофелину, а только её верхушку с ростками, а остальное съедали. Однажды, когда никого не было дома, я пытался сварить одну картошину, но никак не мог дождаться, когда она сварится, и съел её сырой.

2-го февраля 1942 г.по дороге домой с работы мой дед, николаевский солдат, кларнетист, работавший столяром, упал без сил на Таврической улице. Об этом нам сказали соседи. На саночках мы привезли его домой. Говорить он уже не мог. Он вынул из кармана золотые часы, которыми наградил его Николай 1, и сунул мне их в руку. Я храню их до сих пор, как память о нём. На следующий день он умер. Он похоронен на Пискаревском кладбище. Бабушка слегла в тот же день и не приходила в сознание до смерти в августе 1942-го года. Когда бабушка умерла, мама решила, что

мы можем эвакуироваться. На грузовике нас довели до берега Ладоги, недалеко от посёлка Назия и высадили в лесу. На озере начался шторм, который продолжался три дня. Еды не было, не было крыши над головой.

В лесу скопилось много людей, ожидающих переправы на Большую Землю. Когда шторм кончился, всех погрузили на 13 катеров и под бомбежками и артобстрелом мы поплыли. Единственный катер, на котором плыли мы, достиг цели. Это была станция Лавровка. Там нас накормили и посадили на поезд, на котором мы доехали до Тихвина, только что освобожденного от немцев. В Тихвине мы прожили чуть больше месяца. Немцы вновь наступали на Тихвин и взяли его. Мы успели эвакуироваться на станцию Пестово, где мы прожили до возвращения в Ленинград после снятия блокады в 1944 г.

В Пеставе я закончил 4 и 5 класс. Летом работал на лесопильном заводе, сколачивал ящики для противотанковых мин ПМДБ.

В Ленинграде в 1949 г. я закончил школу и в 1954 г. Инженерно-строительный институт. Работал в проектировании строительства и восстановления Ленинграда. Руководил Ленинградским Отделением Научно-Исследовательского и Проектного Института “Промстальконструкция”. За работы получил Государственные премии. Будучи беспартийным евреем, был выездным, в 1968-69 гг. проектировал и участвовал в строительстве Шпортхалле в Берлине и Штадтхалле в г. Зуль в Тюрингии. В 70-е годы проектировал Дворец Спорта в Будапеште, в Москве Дворец Спорта “Олимпийский” и многое другое. В 1990 г. репатриировался в Израиль, где 10 лет работал успешно по специальности до отъезда в Канаду в 2000 г.

После блокады, моя младшая сестра осталась инвалидом 11 группы из-за мышечной дистрофии на всю жизнь и умерла в 1999 г., а мама прожила только 55 лет.

Отрывки из воспоминаний бывшего узника Жмеринского гетто

Дробнер Валентин Львович
Несовершеннолетний узник гетто

Спустя две недели после захвата немцами города Жмеринки, в многочисленных приказах, расклеенных по городу, евреям предписывалось не появляться на улицах без нарукавных повязок, указывающих на их национальную принадлежность. Когда решился территориальный вопрос о Транснистрии (Заднестровье), и городская власть в Жмеринке перешла к румынам, нарукавные повязки были заменены отличительным «медальоном» - желтой шестиконечной звездой на черном фоне, которую предписывалось носить на левой стороне груди всем евреям старше 11 лет. Приказ об организации гетто был издан еще немецкой администрацией. Вначале в гетто оказалось около полутора тысяч обитателей, а потом их ряды пополнились за счёт: во-первых, переселенцев-евреев из Северной Буковины и Бессарабии, а, во-вторых, в гетто стали появляться единичные беглецы, буквально выбравшиеся из ям после акций уничтожения, и из зон, где властвовали немцы. Это были местечки очень близко соседствовавшие со Жмеринкой (Браилов, Межиров), а также такие города как Винница, Проскуров. Добравшиеся до Жмеринского гетто люди обретали надежду. Дело в том, что румыны в Транснистрии массовых акций уничтожения евреев не проводили, и это позволяло чудом спасшимся беглецам, потерявшим всех близких и полностью утратившим имущество, хоть в какой-то степени надеяться на то, что их страдания в этом «Островке надежды» - Жмеринском гетто не повторятся.

В ноябре 1941 года гетто было обнесено колючей проволокой. Существовали двое ворот - верхние и нижние. Выход из гетто без специальных пропусков был категорически запрещен. Ворота охранялись полицией. Чтобы раздобыть хоть какую-нибудь еду, узники без «опознавательных знаков» умудрялись выбираться из гетто, минуя ворота. Вскоре после прибытия буковинских евреев за самовольный выход из гетто был повешен и распят на снятой с петель двери молодой зубной врач. К ногам его была прикреплена доска с надписью: «Такая участь ждет каждого, кто нарушит приказ властей». Власти три дня экспонировали труп, запретив его снимать, в назидание другим.

После появления в гетто Черновицкого юриста, которого все называли доктор Гершман, он стал шефом (его называли еще Президентом) гетто. Это был очень энергичный и подвижный господин, как показало

время, блестящий организатор, дипломат и хозяйственник, сумевший полностью овладеть властью и установить очень важные для относительно безопасного существования гетто наружные контакты. Он блестяще владел русским, румынским и немецким языками. Говорили, что он силен и во французском, ну и, разумеется, знал идиш. Доктор Гершмен был жестким человеком. Он ходил с плеткой, которую пускал в ход при малейшем неповиновении. Стараниями шефа в гетто была организована поликлиника и стационар, аптека, продовольственный магазин, вещевой склад для сирот и остро нуждающихся, столовая и баня. Почти до конца 1943 года функционировала открытая в 1942 году школа. Действовал еврейский театр, труппа которого попала в жмеринское гетто из Черновцов.

По инициативе Президента, Правление общины материально помогало сиротам и неимущим, что позволило избежать массовой гибели узников от голодной смерти. Известную роль сыграла столовая, располагавшаяся напротив дома, в котором жила наша семья, а также сердобольное отношение к нищим, проявляемое некоторыми более обеспеченными семьями.

В Браилове властвовал эсесовец по фамилии Граф. (или Kraft- по немецки «Сила»). В феврале 1942 года под его руководством была проведена акция полного истребления браиловских евреев.

Очевидцы рассказывали, что во рвы сбрасывали еще живых людей, и в течение нескольких дней земля над ними продолжала «дышать». Мои браиловские знакомые рассказали мне в гетто, как мальчик 4-5 лет с плачем обращался к маме во время экзекуции: «Мама, я ще хочу лейбаты» ...

За полгода в Жмеринское гетто из Браилова поступило около 300 беглецов, они сумели легализоваться на новом месте и чувствовали себя счастливыми, естественно, насколько можно чувствовать себя счастливыми за колючей проволокой. Но судьба не была к ним милостива.

Граф (или Крафт) добился почти полного возвращения иммигрантов; из 300 уцелевших беглецов, находившихся в Жмеринском гетто, в Браилово было препровождено 280 обреченных.

Это второе пронзительное событие (первым было распытие зубного врача) случилось в мае 1942 года. Администрация гетто для перерегистрации приказала браиловским евреям явиться на площадь. Это была западня. Из окон нашей квартиры я видел, как румынские жандармы окружили собравшихся и стали загонять в кирпичное здание недостроенного инкубатора. Творился настоящий кошмар. Крики и вопли разнеслись на всю округу. Несчастные поняли, что происходит злодейство. Людей согнали в колонну и под жестким конвоем румынских жандармов вывели за пределы гетто. Говорили, что там их передали немцам, но я этого не видел. В Браилове для них уже были приготовлены рвы и в тот же день акцию завершили. Выжило несколько мальчиков, сумевших взобраться на балки, на которых держались стропила (в помещении не было потолка), и

там затаились. Под крышей инкубатора укрылись 10-12 человек, а еще трое смогли убежать уже из колонны. Один мальчик, вырвавшись, спрятался в собачьей будке, а другой, в которого стреляли, но промахнулись, до вечера пролежал в ящике с вонючими перьями после убоя кур.

Пропуска на «русскую» территорию были платными. Я несколько раз проникал за пределы гетто контрабандным путем, что было весьма рискованно, но что практиковали мои сверстники. Открытие школы в гетто в 1942 году было знаменательным событием. Начальником жандармерии был красавец Ионеску, которому впору было сниматься в любовных мелодрамах. Он не отличался садистскими наклонностями, за ним не числилось никаких гнусностей по отношению к евреям. За весь период существования гетто он, я думаю, не ударил ни одного узника. Но у него в подчинении находились три солдата-сатрапа, которые, появляясь в гетто, не упускали случая, чтобы походя не отволтузить попавшего им на глаза еврея. Вот имена этих типов, которым надо было служить в сигуранце, а не в провинциальной жандармерии: Лацу, Крецу и Попеску. Их излюбленный прием - удары кованым сапогом по передней поверхности голени.

В 1943 году, обитатели гетто были удивлены тем, что исчезла колючая проволока, окутывавшая границы гетто. Оказалось, что это было проделано в связи с тем, что прибыла комиссия Международного Красного Креста. После ее отъезда все поняли, что это было сделано для того,

Гетто

чтобы кварталы, занимаемые гетто, не отличались от других районов города. «Гиды», сопровождавшие визитеров, говорили о превосходной жизни евреев, в на контакт с комиссией никто из обитателей гетто не решился. Как только комиссия покинула пределы гетто, проволочное ограждение было восстановлено. При отступлении немцев, чтобы не привлекать внимания, узники гетто сами ликвидировали ворота и колючую проволоку и без наводчика никто бы не догадался, что в городе существует гетто. 20 марта 1944 года - официальная дата дня освобождения. До полудня в гетто появились первые советские солдаты. Они были в погонах, о чем мы представления не имели. Описывать радость освобождения не берусь. Скажу только, что я испытал тогда такую эйфорию, которой не было у меня никогда в моей последующей жизни: ни окончание института, ни рождение моего единственного сына, ни завершение работы над диссертацией, ни защита ее, ни получение высшей квалификационной категории хирурга-уролога, ни присвоение ученой степени и ученого звания, ни пробуждение после операции, выполненной по жизненным показаниям, ни, наконец, переезд на жительство к сыну в Канаду, не сопровождалась таким волнением души.

Оккупация Жмеринки длилась 975 дней. Полный вариант моих воспоминаний находится в «Музее Холокоста» в Иерусалиме.

Партизанская Сталинская бригада

Жарницкий Даниил Семенович
Участник боевых действий. партизан

В состав бригады входили 3 партизанских полка: Полк имени Ленина В. И., Полк “За Родину”, Полк имени Кирова С. М. Базировалась бригада в основном на территории Винницкой области Украины. Командиром бригады был Кондратюк А. Г. под кличкой “Юра”. Командиром полка имени Ленина, в котором числился я, был Яцюк Ксенофонт Тихонович по кличке “Сеня”.

Вспоминается такой эпизод: весной 1942 года в штаб полка имени Ленина дошли сведения, что фашисты готовят карательную операцию против партизан и подпольщиков в населенных пунктах: Полевое, Дашев, Гайсин Винницкой области.

Для этой цели фашисты вызвали карательный отряд, который должен прибыть в жандармерию района Дашев такого-то числа. Командование бригады решило принять срочные меры для предотвращения этой акции. Для этой цели командование полка решило послать наблюдателей в район Дашева для определения количества пребывающих карателей и их уничтожения. Среди наблюдателей был и я- Жарницкий Даниил 1927 г. рождения. Помню, что это было воскресенье (Базарный день), и люди шли на базар, который располагался в селе Полевое, возле Дашева, где находилась жандармерия. Вот на запряженную лошадью повозку посадили меня и положили в повозку поросенка, который был разукрашен “зеленкой” вместо йода (йод был в дефиците), имитируя этим заразную болезнь, чтобы немцы не забрали больного поросенка. К задней ножке поросенка была привязана веревка, конец которой я держал в руках. Утром в воскресенье меня довезли до села Полевое, где выгрузили нас с поросенком на землю и повозка уехала. С извозчиком заранее договорились о встрече возле Каменогарекого сахарного завода. Проходя мимо здания жандармерии, я, погоняя кнутом поросенка, не спешил, жители же этого района старались обходить эту местность, боясь жандармов. И вот вскоре я увидел машину с немцами, которая повернула к зданию жандармерии. Когда каратели стали выгружаться из машины, я успел их посчитать. Их оказалось около тридцати человек. Они были вооружены автоматами и несколькими ручными пулеметами. После этого я ушел в сторону Каменогарекого завода, где я встретился с извозчиком, и мы вернулись в расположение партизанского отряда.

По прибытию в штаб полка я доложил командованию о результатах моего задания.

Мне объявили благодарность. Командование бригады устроило засаду и встретило карателей уничтожающим огнем. Забрав оружие убитых карателей, мы, партизаны, вернулись в свое расположение.

Советские партизаны — отец и сын. (1943)

Один эпизод войны

Забайта Александр Степанович

Участник боевых действий

Я родился 31 декабря 1922 года. Война застала нас с сестрой в г. Новоград-Волынском в Житомирской области, где мы проживали у родственников, родители наши умерли. Когда началась война мне было 18.5 лет. Началась эвакуация на восток, мы шли вместе с отступавшими войсками. Дошли до Курска, где меня призвали в ряды Красной Армии. В запасном полку меня выучили на связиста и водителя автомашины. После учебы я был направлен для прохождения службы в 173 отдельный батальон связи.

В этом батальоне начиная с Центрального фронта прошла вся моя фронтовая жизнь. Я участвовал в боях за освобождение городов и населенных пунктов России, Белоруссии, Украины, Польши и Чехословакии и закончил войну под Прагой.

Тяжела ноша связиста. Мы несли на себе катушки с проводами и кабелем через леса, болота, овраги, поля под бомбежками, артиллерийскими обстрелами, взрывами мин, так как знали, что без связи могут погибнуть наши товарищи.

Годы стерли в памяти многое. Мне запомнился один случай. Наши разведчики (5 бойцов), выходя с задания попали в окружение, отстреливались, но не могли вырваться из кольца. Мы, с переднего края наблюдали за этим боем и переживали за их судьбу. Очень хотелось им помочь и тут мы вспомнили, что несколько дней назад близко к тому месту мы протягивали кабель по болотистому дну глубокого оврага. Решили помочь нашим ребятам, поползли по оврагу к месту боя, по-одному вытащили их из окружения. Так мы спасли наших товарищей. Прошло столько лет, не помню их имена, одного звали Миша, вдруг кто-то прочитает и вспомнит этот эпизод с благодарностью за спасенные жизни. Кстати, за участие в этой маленькой операции, я был награжден орденом «Слава III степени».

Во время боев был дважды ранен, лечился в полевых госпиталях и всегда возвращался в свою часть. Никаких подвигов я не совершал, просто как и все, боролся за освобождение нашей Родины. За боевые заслуги, кроме указанного выше ордена, я был награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и многими юбилейными медалями, а в 1985 году получил орден «Отечественная война I степени».

Демобилизовался в 1947 году в звании старшего сержанта. Закончил Львовский индустриальный институт по специальности инженер-механик. Женился в 1955 году, имею двух дочерей и двух внуков.

Сегодня, мне хочется пожелать всем боевым товарищам, чтобы они и их семьи были здоровы и счастливы. Мы все это заслужили.

Мы делали танки

Зайцева Надежда Алексеевна

Участник трудового фронта

У каждого человека своя история, своя жизнь. Как сложилась моя жизнь? Когда я училась в школе, у меня была мечта стать преподавателем русского языка и литературы, как моя старшая сестра. А их у меня было пятеро и четыре брата, то есть я в семье была десятой.

В 1941 году, как только началась война, брат Александр 1924 года рождения ушел добровольцем на фронт. Его направили на курсы офицеров. Брата Виктора 1921 года рождения тоже в конце 1941 года призвали в Армию. Также в 1941 году после окончания занятий в школе 14-ти летнюю сестру Соню мама отправила в г. Куйбышев помогать старшей сестре, воспитывать трех маленьких детей, так как ее мужа призвали в армию. Она должна была идти работать. А Соня днем смотрела за детьми, а вечером училась в школе. В мае 1942 года умер папа от воспаления легких. Я одна осталась с мамой, все заботы легли на мои плечи. Мама стала получать пособие за умершего отца 86 рублей в месяц на нас двоих. Как только началась война, магазины

сразу опустели, не стало никаких продуктов: хлеба, муки, сахара, соли. Были введены карточки, но отоваривались они не всегда. Наступил голод. На базаре стакан соли стоил 100 рублей, буханка хлеба - 300 руб. Вот и пришлось мне, окончив 7 классов средней школы, идти работать, а учебу продолжать в вечерней школе.

Мои братья не вернулись с войны домой. Я пошла работать в 14 лет на завод, где работал мой папа и допризыва в армию мой старший брат Николай.

Сначала я работала в машинописном бюро в заводоуправлении, потом меня перевели в отдел обеспечения. Отдел находился рядом с отделом военной приемки. По роду своей деятельности я знакомила с особыми приказами и постановлениями руководства завода начальников цехов сталелитейного и мартеновского цехов непосредственно на их рабочем месте.

На нашем заводе отливали сталь и колеса для танков Т-34 и перевозили в г. Горький на автозавод, где производили танки Т-34. А чтобы ускорить и незаметно для врага доставить продукцию, проложили за три месяца через лес дорогу, по которой ночью с потушенными фарами возили из г. Кулебаки в г. Горький уже испытанную на нашем полигоне броню. В этом отделе на заводе я проработала с апреля 1944 г. по август 1949 г. В 1949 году я уехала в Москву к старшей сестре и работала там на заводе Ворошилова.

В Латышской Дивизии

Зарембо Исаак Романович

Участник боевых действий

Я родился 29 Июня 1925 в городе Краслава, Латвия. Там я учился в школе и окончил семь классов. Когда началась война, немецкие войска быстро продвигались к нашему городу и наша семья решила эвакуироваться. Эвакуировали нас в г. Горький, где я пошел учиться на парикмахера и окончив курс, получил диплом, начал работать по этой специальности. Но шла война, на заводах не хватало рабочих рук и меня мобилизовали работать на военный завод №729, который выпускал артиллерийские снаряды для Военно-морского флота.

Определили меня работать в термический цех. Условия работы в термическом цеху были очень тяжелыми. Сильные, здоровые мужчины, которые раньше работали в цеху, ушли на фронт. В цеху в основном работали женщины и подростки. Нагрузки на них были очень тяжелые. Многие не выдерживали, бросали работу, а порой даже умирали. Работали по 14-16 часов в сутки. Иногда оставались ночевать в цеху, чтобы утром рано встать и начать работать, вернее сберечь силы, тратившиеся на дорогу. Корпуса снарядов, которые мы обрабатывали, были очень тяжелые, сам снаряд в снаряженном состоянии весил 96 килограмм. Это для подростков была очень тяжелая работа. За готовой продукцией приезжали и забирали военные моряки. Проработал я до конца лета 1942-года (выдержать такую нагрузку было очень трудно) и я решил уйти в армию.

Но мне было 17 лет. До призыва оставалось полгода - год. Отправился я в Латышское представительство и попросился на фронт. Я сказал, что родился в 1924 году (прибавил год). Меня взяли в армию и направили в Латышскую стрелковую дивизию, которая находилась в Гороховецких лагерях под Горьким. Там меня обучали несколько месяцев. Вместе со мною в учебном полку, который готовил боевой состав для 43 гвардейской Латышской стрелковой дивизии проходили обучение латыши, евреи, русские, чуваша, татары, украинцы, белорусы. Все были молодые, в основном 1924 года рождения, тогда как раз этот возраст был призывной. Учили нас хорошо. По окончании учебы присвоили звание – младший сержант.

Из фронтовой жизни мне больше всего запомнился 1944 и 1945 годы. В начале июля 1944 года две Латышские стрелковые дивизии - 43 гвардейская и 308 сосредоточились на границе Латвии и были нацелены

на выход к реке Айвиексте и её форсирование. Служил я тогда в 319 стрелковом полку. Не помню точно, какое там расстояние, наверно более ста километров, но прошли мы его с упорными боями недели за три. Тогда же я участвовал в разведывательных операциях, или, как говорили на фронте, «ходил за языком», т.е. взять пленного, и желателно офицера.

Пленный нужен был чтобы подтвердить ранее полученную информацию, или дать новую, ценную для командования информацию. В той группе, с которой я шел в тот раз в разведку, я был самым молодым, двум другим было по 30-35 лет, у нас их звали «дедами». Ночью перешли линию фронта, углубились в оборону, увидели несколько землянок, около входа в которые, ходили часовые. «Деда» решили снять часовых, что поочередно мы и сделали тихо, без шума, кого оглушили, кому череп проломил, а кого ножом успокоили.

Я остался на улице, сторожить, чтобы предупредить возможное появление немцев. «Деда» зашли в одну из землянок там было 3 немца, двух успокоили, а одного высокого рыжего немца-офицера, связали засунули кляп и выволокли наружу. Вместе с пленным прихватили сигареты, шнапс и галеты. Эти несколько минут, которые я стоял на часах, были томительными и тревожными - каждая минута казалась часом. Обрато шли другой дорогой. Когда подошли к линии фронта, наши по нам открыли огонь, так как они не знали, что это свои, что здесь возвращается разведка.

Пронесло, все остались целы. Немца мы сдали в штаб. Нас всех наградили орденами Слава III степени. 2 августа 1944 года я получил ранение в левое бедро и попал на излечение в госпиталь в город Прейли.

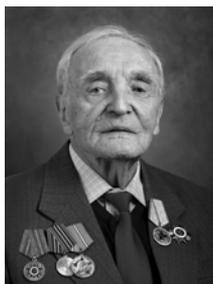
После излечения я попал в 94-й гвардейский артиллерийский полк 43-й гвардейской Латышской дивизии. В Латвии была Курляндская группировки немцев, состоящие из отборных солдат немецких войск СС (16 - ой Немецко-Латышский Легион). Они оказывали очень жесткое сопротивление. Боролись, так как им отступать было некуда. Наши разведчики узнали, что они отправляются на пароходах в Швецию. Наши самолеты- особенно У-2, где пилотами были женщины, обычно бомбили эти пароходы. Наша дивизия вела упорные бои в районе Добле-Ауце. Очень много воинов из нашей дивизии погибло в этих боях, а я получил второе ранение. Снова госпиталь, излечение и возвращение в свой гвардейский артиллерийский полк. Теперь я был командиром отделения связи. Запомнился мне бой 27 марта 1945 года, за который я получил медаль «За отвагу». На нашем участке фронта шла напряженная артиллерийская дуэль. Между КП-командным пунктом и НП – наблюдательным пунктом мое отделение должно было обеспечивать надежную связь. Но вот связь прекратилась, командир приказал немедленно восстановить. Послал одного связиста - связи нет. Посылаю другого - связь восстановлена, а через некоторое время связи опять нет. Командир дивизиона нервничает, не то слово. На устранение порыва иду я. Почти ползком добираюсь до

порыва, соединяю провода, но связи - нет, ползу дальше. Мины летят, снаряды рвутся, пули свистят, опять порыв устраняю, а связи нет вокруг - ад крошечный. Ползу дальше... Потом в наградном листе напишут « в бою 27 марта 1945 года младший сержант Заремба Исаак Романович под сильным артиллерийским и минометным огнем исправил 15 порывов связи, чем способствовал успеху боя и обеспечил бесперебойную связь КП и НП». И снова госпиталь. Теперь не ранение, а тяжелая болезнь. Там в госпитале я встретил Победу.

В тот день привозили раненых, которые сказали, что получен приказ о прекращении огня. Что творилось в госпитале словами рассказать невозможно. Я впервые видел как солдаты обнимались, целовались друг с другом. Все раненые вышли на улицы. Вышел начальник госпиталя и официально объявил, что война окончилась. Появились столы, принесли самогонку. Гуляли целый день, до позднего вечера.

После войны я продолжал работать парикмахером в г. Рига. Одно время был начальником службы бытовых услуг района. Работал я до 1999 года. В 1999 году я приехал в Канаду к своим детям.

Как я шёл по войне

Зверев Андрей Дмитриевич

Участник боевых действий, партизан

В 1941 году я закончил Александровскую среднюю школу в Донецкой области с аттестатом отличника. Мечтал поступить в какой-нибудь инженерный институт или в Институт журналистики. С аттестатом отличника принимали без экзаменов. Но осуществить эту мечту тогда не удалось: началась война. Нас, молодых мальчишек и девчонок, отправили копать противотанковые рвы под Павлоградом (городок недалеко от Днепра в направлении Днепропетровска). Мы не закончили еще свою работу, как немцы форсировали Днепр. Нас отправили домой.

Вскорости в наше село вошли немцы. И стали сразу же ходить по дворам, забирая все, что можно съесть: свиней, кур, овец, муку, всякие соленья и др. Ясно, что ничего не заплатив за это.

После первого эшелона немцев появился второй. Эти люди устанавливали свою власть. Колхозы оставили, не разогнали: так удобнее было обирать жителей села. Появились полицейские, они ходили по селу, высматривая, кто чем занимается.

В 1942 году, ближе к середине года, мы слышали артиллерийскую канонаду. Потом начался обстрел села. В нашу хату попал снаряд, снесло часть помещения, где стояла корова. Мы укрылись в подвале, который был вырыт в одной из комнат. Прошло некоторое время, и вдруг стук в нашу дверь. Отец пошел открывать дверь. Там стоял наш солдат и просил спасти его. Оказалось, село сначала заняли наши, потом появились со стороны Знаменовки немецкие танки и овладели селом. Солдата быстро привели в подвал, отец снял свою одежду и дал солдату. Не успел солдат переодеться, как в дверь сильно застучали прикладами. Немцы. Вывели всех нас во двор и построили в ряд. Сразу к Лева: “рус сольдат”. Он молодой, солдатского возраста, стриженный. Мы все замерли. У сарая на противоположной стороне улицы немцы постоили в ряд пять-шесть наших солдат и расстреляли в упор. Вдруг моя старшая сестра подбежала к Лева, обняла его и сказала, что это ее муж. Немцы немного смутились, посоветались и сказали “gut”. Вскоре немцы выгнали из фронтовой зоны всех жителей села, и мы направились на юг, пришли в хутор Петровка 3, где жил троюродный брат отца. С нами пошел и Лева. Весь хутор был забит немцами. Хозяин дома, узнав, что Лева солдат, потребовал немедленного его удаления: боялся, что кто-нибудь донесет на него и расстреляют всех нас и его семью.

Ночью Галя повела Леву назад, в Петровку, это километров пять. Лева благополучно перешел Самару и разыскал свою часть. Галя переписывалась с Левой и его сестрой, которая жила в Краснодарском крае. В 1945 г. под Будапештом Лева погиб.

В 1942 году немцы далеко продвинулись по нашей стране: подошли к Москве, Волге, заняли часть Кавказа. В нашем селе полицаи собрали всех девчонок, и их отправили на работы в Германию. Нас, мальчишек, погнали пешком в Донецк (тогда Сталино). Использовали для разгрузки и погрузки вагонов, очистки снега и др. После величайшего поражения немцев под Сталинградом нас повезли на запад, остановились в Шацке, районном центре Вольнской области.

Вскоре мы узнали, что в окружающих лесах действуют партизаны. И вот восьмьчеловек, среди них и я, решили бежать в лес, к партизанам. Попали в партизанский отряд им. Жукова. Нас хорошо приняли, но два дня проверяли. Мы стали партизанами.

Партизанские отряды, возникавшие на оккупированных врагом территориях, выполняли большую и важную работу, помогая Красной армии. Пускали под откос вражеские поезда, идущие на фронт, громили немецкие комендатуры, освобождали мальчишек и девчонок, собранных для отправки в Германию, препятствовали вывозу продуктов питания, древесины и др., даже земли: вагоны, заполненные прекрасным черноземом, отправлялись на запад. Мы, восем парнишек, что пришли в отряд, предложили руководству отряда план освобождения ребят, оставшихся в Шацке. Предложение наше было принято. Весь отряд Жукова направился в Шацк. Убито несколько десятков немцев, освобождены наши парни(около 200 человек), взяты продукты питания, белье и др.

После этой удачной операции встал вопрос о создании на базе двух отрядов третьего отряда: им. Ворошилова, им. Жукова и нового им. Зеленина. Я попал в отряд Зеленина.

Я воевал в отряде Зеленина с ноября 1943 г. по 1 июля 1944. Сразу был назначен редактором партизанской газеты. В ней описывались все действия, совершенные отрядом в указанное время. Экземпляры этой газеты хранятся в Государственном архиве Белоруссии.

Всего пришлось хлебнуть во время этой партизанской эпопеи: и голод, и холод, и болезни, и реальную смерть. Нашему отряду удалось пустить под откос много вражеских поездов. Мы постоянно следили за железной дорогой, взрывали поезда, считали, сколько поездов и с каким грузом идет на фронт и с фронта и передавали данные в штаб партизанского движения. Однажды послали трех человек, среди них был и я, за очередным слежением поездов. Мы подошли к железной дороге, выбрали удобное место и стали считать поезда. Через некоторое время по железной дороге слева направо от нас прошел взвод мадьярских солдат в желтых шинелях. Мы, конечно их видели, но этому факту не придали особого значения. И

напрасно. Вскорости справа от себя услышали какой-то тихий шум и хруст. Оглянулись и увидели тех самых мадьяр совсем близко от нас. Мы, естественно, сразу разбежались в разные стороны. Я побежал к большой ели. Хорваты за мной. Некоторое время так и бегали вокруг ели. Если бы они разделились и одна группа побежала в обратную сторону, они наверняка схватили бы меня живым. Но они не сообразили. Я, наконец, бросился в чащу леса и скрылся там. Пули свистеля рядом со мной, но мне повезло: не попали.

Пришел в отряд еле живой. Вернулись благополучно в отряд и два моих напарника. В отряде началось расследование: почему вдруг хорваты напали на нас. На следующий день собрали весь отряди перед ним выступил председатель трибунала. Он сказал: такой-то (и назвал имя одного из нашей тройки) приговорен к смерти за измену Родине. Тут же приговор был приведен в исполнение. Мы были в шоке.

Многое сделали бойцы отряда Зеленина до воссоединения с Красной армией. Мы контролировали не только железную дорогу, но и шоссе. Как-то расстреляли легковой автомобиль, который один, без охраны, ехал по дороге. Немцы убиты, в машине оказался портфель с ценными документами, который был отправлен в штаб. В села, подконтрольные нашему отряду, нередко проникали немцы и хорваты с целью грабежа: вывозили все, что было съедобное: коров, свиней, овец, зерно, картофель и др. Однажды на подводах хорошо вооруженные немцы и хорваты двинулись в лес. Мы пропустили их. Их было около тридцати человек. На обратном пути с большой поклажей мы встретили их. В бою большая часть немцев убита, 11 человек взяты в плен. Из наших никто не пострадал. По узкоколейке немцы вывозили из леса древесину для отправки в Германию. Мы устроили засаду. Немцев перебили, паровоз привели в негодность, рельсы сняли на значительном расстоянии.

К нам в отряд Зеленина стал прилетать самолет из штаба партизанского движения. Привозил оружие и продукты питания. От нас увозил раненых и письма. Приближался фронт. Немцы решили уничтожить партизан, действовавших в лесах. В партизанские зоны введены регулярные войска с танками, самолетами, артиллерией. Наши три отряда рассредоточились, разделившись еще на мелкие группы. Нам пришлось очень трудно, гибли люди, тонули в болотах. Наш отряд им. Зеленина, очень сильно поредевший, пробился из окружения.

Первого июля 1944 года мы встретились с бойцами Красной армии. Провели несколько совместных операций. Большую часть партизан послали в запасные полки. В одном из таких полков оказался и я. Месяц проходили боевую подготовку, затем нас послали на фронт.

По прибытии на фронт нас сразу направили на передовую. Приказали вырыть индивидуальные окопы и сидеть в них, ожидая сигнала об атаке. У меня был станковый пулемет, у моего напарника - пулеметные

ленты. Всю ночь, естественно, не спали. Рано утром начался артиллерийский обстрел немецких позиций. Через каких-то полчаса обстрел прекратился и дан сигнал об атаке. Мы с напарником влились в море атакующих, я тащил “максим”, напарник - ленты. Был настоящий ад: вокруг рвались снаряды, мины, летели пули. Я бежал вперед и не заметил, как исчез мой напарник. Впереди появился небольшой овражек. Я вскочил в него, осмотрелся и установил пулемет в направлении немецких позиций. Передо мной никого не было - ни наших, ни немцев. Я начал стрелять. Лента кончилась. Бой продолжался. Через некоторое время я услышал голоса наших солдат. Они собирали раненых и убитых. Я направился к ним.

Оставшихся в живых собрали вместе (несколько десятков солдат) и отвели в пустые немецкие окопы. Приказали расположиться там и быть настороже: немцы близко. Лейтенант, который нами командовал, занял блиндаж, установив там телефоны. Построив нас, спросил, кто с высшим образованием. Никого: здесь были парни 18- 20 лет. Кто со средним? Вышел я. Он приказал мне командовать солдатами наверху: расставить охрану в окопах с обеих сторон, смотреть за лесом, где засели немцы, докладывать ему о положении дел. И вот я повел солдатика по окопу, чтобы поставить на дежурство в определенном месте. На повороте в 90 гр. я столкнулся каска в каску с немцем: они тоже ставили посты. Мы сразу отпрянули назад - и я, и немец. Пошли с солдатом назад. Через несколько метров я остановился и приказал солдату стоять здесь. Но он был так напуган, что попросил прислать к нему еще кого-то. Я прислал.

Прошло несколько дней. Все было спокойно. И вот на смотровой площадке оказались человек пять-шесть наших солдат, среди них был и я. Мы наблюдали за лесом. Нам казалось, что в лесу что-то мелькает то в одном, то в другом месте. Мы сгрудились, прижав головы каска к каске. И вдруг послышался какой-то щелчек: рядом со мной стоявший солдат упал замертво. Стрелял снайпер. Вот к чему приводит неопытность.

Началось немецкое кортрнаступление. Недалеко от нас прошли немецкие танки. Из леса стали выползать немцыпокрытые ветками деревьев. Мы открыли стрельбу. Меня вызвал в землянку лейтенант и спросил о координатах для стрельбы артиллерии. Я сказал: 50 метров от окопов к лесу, откуда лезли немцы. И вот заработала наша артиллерия: снаряды и мины ложились прямо среди немцев. Они поползли назад. Я заметил, что один немец лежит на земле совсем близко от нас. Пришла мысль захватить его в плен. Я позвал двух солдат, и мы выскочили из окопа. Но немецкий пулеметчик прижал нас к земле. Я вскочил в воронку, два солдата - в другую. Нельзя высунуть голову: место пристреляно. Немецкого солдата на месте уже не было. Тогда я крикнул своим солдатам, что бы они возвращались в окоп, я их прикрою. Я стрелял из автомата по пулеметчику: он хорошо был виден. Благополучно вернулся и я в окоп.

Вскрости меня вызвал в блиндаж лейтенант и объявил, что

ночью уходим. Мне поручили отобрать 11-12 солдат для прикрытия. Когда основная группа солдат уйдет благополучно, тогда и нам можно было оставить позицию. Лейтенант ушел с солдатами без происшествий. Мы после определенной паузы постреляли в сторону немцев, потом стали уходить. Немцы насторожились, что-то, видно, заметив. Вдруг над нами зависло множество осветительных ракет. Стало видно как днем, мы были словно на ладони. Тут же на нас полетели мины, много. Я упал, потеряв сознание. Ко мне подполз один из солдат. Спросил, что со мной и дотащил меня до нашего госпиталя. Это километра три. Там обработали мою рану. Ко мне подходил лейтенант, благодарил за службу и обещал ходатайствовать о награде. Но никакой награды я так и не получил.

Поездом, набитом ранеными, я был доставлен в Грузию в госпиталь 15- 68, расположенный на горе, внизу шумел источник Боржомии. В этом госпитале я пролежал с сентября 1944 по май 1945 года. Мне сделали две сложных операции, но ногу все-таки спасли.

День Победы я встретил в Тбилиси по пути домой. 8 мая большая площадь перед железнодорожным вокзалом была заполнена тысячами ликующих людей. 16 мая я прибыл в родное село Петровка 2. Так закончилось мое шествие по войне.

Пулеметчик

ЮНОСТЬ НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Зверева Лидия Ивановна
Участник боевых действий

Я родилась 18 января 1925 года на станции Нырково Попаснянского района Луганской области Украины. Мой отец был директором местной школы, а мать, как и большинство жителей посёлка, работала на железной дороге. К началу войны я училась в девятом классе школы.

На войну я попала добровольцем в городе Красный Лиман на Донбассе в 1943 году, вскоре после освобождения города, когда наша армия уже наступала, а немец бежал, бешено сопротивляясь когда впереди была еще почти целая война. Летом этого года я закончила в школе девятый класс. Временно жила не с родителями (в нашем посёлке были только младшие классы), а на квартире в Красном Лимане. Недалеко от школы стояла воинская часть я пошла в нее и попросилась принять меня санитаркой. И меня приняли. Была зачислена в часть, которая по военному выражаясь, стояла в окрестностях Красного Лимана на Изюм-барвенковском направлении фронта, приняла присягу. Маленького роста, тихая и скромная девочка, типичная отличница, я еще в школе была обучена правилам оказания первой помощи раненому солдату.

О войне рассказать очень трудно. Даже об одном таком маленьком человечике. Однако решила выбрать наиболее напряженный в моей военной судьбе эпизод, который для меня растянулся на длительное время. Сразу скажу, что я не сделала на фронте героических подвигов, а старалась честно выполнять свой гуманный долг военной медсестры. Летом 1943 года наша часть стояла на нижнем берегу реки Северский Донец, а по высокому берегу были окопы немцев. Нас разделяло небольшое пространство, но спасал густой лес на обоих берегах. Усложняла ситуацию удобная возможность для работы снайперов, особенно с верхней стороны. Было лето. Довольно долго мы находились в окопах, в блиндажах, а санзвод располагался в палатке. Я даже не чувствовала себя солдатом. Даже ходила в своем домашнем платице. Помню, военную форму долго не давали (наверно не находился такой маленький размер).

Напряжённо думалось, что не иначе как готовится что-то на фронтах, что-то очень серьёзное. И в самом деле: тогда началась знаменитая Курская битва. Наш фронт, в том числе и наша часть поддерживали действия фронтов участвовавших в Курской битве, тоже пошла в наступление. Что было со мной? Я была ранена в начале августа 1943 года в этом наступлении

в бою под деревней Голая Долина.

Это был недень, а сплошной ад на земле. Рано утром началась наша мощная артподготовка, которая буквально рвала землю и небо несколько часов. Работала наша тяжелая артиллерия, гремели «Катюши». Вал за валом на малой высоте на вражеские позиции накатывались наши самолеты-штурмовики, бомбили, стреляли из крупнокалиберных пулеметов, Стреляли и наши минометы и пушки. Такого гула и сплошного дыма и сотрясения земли от взрывов бомб и снарядов я не видела и не слышала никогда. Представить себе, увидеть и даже вообразить себе и показать в кино просто невозможно.

В тот самый миг, когда артподготовка закончилась, мы рванулись из окопов и пошли в наступление. Оказалось, что вся мощь нашей артподготовки всё же не в силах была совсем подавить сопротивление фашистов. Мы бежим, а нам навстречу – тоже шквал огня. За дымом я ничего не вижу. Помню, перевязывала раненых и бежала дальше. Чисто по-детски боялась в дыму потеряться, отстать от своих и догнать тех, кто впереди. И вдруг взрыв где-то близко позади меня. Это прилетело из вражеского миномета. Обожгло массой мелких осколков ноги и спину. Бегу вперед. Снова мина из миномета уже впереди. И страшный удар в лоб. Звон в голове, я с размаху упала, потеряв сознание. Очнулась уже тогда, когда тут же, на месте поля боя под пулями меня перевязывал бинтом из моей сумки капитан Василий Вяткин. Понять не могу, как он на меня наткнулся. Будто следил за мной. Я и не знаю, уцелел ли он сам потом. Говорит: «Если можешь, ползи назад к нашим». Спрашиваю: «А где наши, а где немцы?». Я совсем потеряла ориентировку. Он мне: «Ползи в ту сторону по этому красному проводу в траве. Он тянется на наш наблюдательный пункт. Там тебе помогут». Видит – попластунски передвигается раненый солдат. И Вяткин поручил ему: «Доставь сестру в санвзвод». И мы под пулями поползли. Из санвзвода меня с другими ранеными везли сначала на телегах, потом долго по полю на грузовике. Многие тяжело раненые мужчины кричали от боли. Мне было легче: временами я теряла сознание и не чувствовала боли. Привезли в полевой палаточный госпиталь. Тут уже не стреляли. Запомнилось мирное ощущение тишины, вечерней прохлады, запаха свежей травы. Люди ходят в полный рост и смеются. Меня с моим черепным ранением тут не задерживали и повезли дальше.

К вечеру прибились к какому-то, вдребезги разбитому, железнодорожному вокзалу. В большом зале без окон и дверей, продуваемом сквозняком, пол был застелен соломой.

На носилках и прямо на соломе лежат сотни раненых. Сгрузили и нас. Меня положили прямо на солому и ушли. Ночь. Нет ни врачей, ни просто здоровых людей, никакой помощи и информации. Одним словом, прифронтовая полоса. Ночью я замерзла и застонала. Рядом лежавший раненый посоветовал нагрести на себя побольше соломы. Я так и сделала

и нагрелась. Под утро нас погрузили в вагоны. Уже несли на носилках. В товарных вагонах слева и справа от входа - нары в два этажа. Я полегче весом – и меня определили на второй этаж недалеко от маленького окна. Везли целый день очень быстро, везде – на зеленый свет, без остановки. К намникто не подходил, не спрашивал, все ли живы, нас даже не кормили: спешили поскорее вырвать из-под огня, от фронта в места, где нас станут спасать.

И всё же огонь битвы нас не отпускал. Ночьюна каком-то перегоне, на наш эшелон налетели немецкие бомбардировщики. Бомбили яростно и долго. Поезд становился.Все, кто мог, разбежались, спасаясь от бомб, пулеметного расстрела с самолетов и мелких осколков. Я не могла ни встать ни бежать (кроме ранения в голову и шею, я была ранена ещё и в ногу и руку). Лежу на втором этаже вагона у окна и с ужасом жду решения своей судьбы. Слева от меня раненый с загипсованными руками от страха инстинктивно полднулся и сел. И через окошко его тут же осколком убило. Когда бомбежка кончилась, долго не могли собрать уцелевших людей в вагоны. Потом обнаружилось, что нет машиниста и жив ли он...Слава Богу, оказался жив и обнаружили, что магистральные рельсы целы. Позней ночью мы прибыли на стагнцию Россошь Воронежской области .

И тут я была взволнована и поражена массовым проявлением чувства милосердия. Было ощущение, что в эту глухую военную ночь всё население города явилось на вокзальную площадь, чтобы побыстрее разгружать эшелон, спасать раненых, поскорее отправлять их в госпиталь и чтобы порожние вагоны скорее вернулись на фронт с боеприпасами, а с фронта – с другими ранеными. Разгрузка нашего эшелона шла быстро и чётко. Но машины не успевали перевозить людей по госпиталям. Поэтому в эту тёплую летнюю ночь носилки ставили прямо на асфальт привокзальной площади. Люди, разгрузив эшелон, разошлись по домам. А мы лежим уже спокойныесреди приветливого города, помню, под лунным августовским небом. Ждем свою очередь. Приподняла голову - и вижу огромную площадь, устеленную людьми на носилках. Мелькнула мысль: как на картине, кажется, В.Серова «После Куликовской битвы», только там погибшие воины, а здесь, слава Богу –живые.

Эта живая картина до сих пор стоит у меня перед глазами... Где-то в середине ночи я опять замерзла (кроме ветхой одёжки и бинтов на мне ничего не было). И я своим слабым голосом запищала: «холодно!». Рядом лежавший на носилках раненый приподнялся и стал кричать: «Где здесь ребенок? Почему здесь ребенок?» Говорю: «Я не ребенок, я раненая». Тогда рядом лежавшие солдаты стали кричать: «Возьмите сестру! Возьмите без очереди!». Подошли санитары, и меня отвезли в госпиталь. Тут и начался самый трудный этап борьбы за жизнь. Оказалось, что я не транспортабельная: с черепным ранением сначала надо пройти операциюс трепанацией черепа, а при хорошем исходе пролежать не меньше трёх

недель, чтобы прошло сотрясение мозга и только потом решать, что делать дальше и с головой, и с другимиранами с застрявшими в теле осколками. Операцию назначили сразу же. Оперировал (потом сказали мне) очень известный нейрохирург профессор Кессель, который служил в армии, и его пригласили оперировать. Операция шла под местным наркозом. Тогда еще не было аппаратов слежения за состоянием больного, поэтому, чтобы следить за моим состоянием, он разговаривал со мной: «Как тебя зовут?» - «Лида». «А сколько тебе лет?» - «Идет восемнадцатый» - «А школу успела закончить?» - «Нет. Только 9-й класс» и т.п.А потом всё было на войне, как на войне. Высокая температура, в бреду куда-то уплывает или проваливается кровать. Первую неделю даже ночью возле меня дежурил мой лечащий врач.

Не буду рассказывать про мои госпитальные месяцы. Прошло немало операций по удалению осколков и лечения ран на руке и на ноге.А мелкие осколки, застрявшие и просвечивающие из-под кожи,я долго сама выковыривала булавкой. А много недоступных для меня мелкихх осколков осталось во мне навсегда и почти до сих пор звенят во мне в металлоискателях аэропортов.

После Россоши меня перевезли в госпиталь в Балашов Саратовской области, где пережила ряд операций по удалению осколков, которые мне показывали на перевязках.Жалею, что не взяла хотябы один осколок на память о войне. А время шло. Я уже начала потихоньку ходить и меня перевезли выздоравливать на Кавказв Тбилиси, в большой госпиталь общешфронтового масштаба. Дни пошли спокойные и однообразные. Мне сказали, что по закону черепным раненым полагается три месяца отпуска, а потом – в свою часть на фронт. Пока я переживала свою госпитальную эпопею, длившуюся с третьего августа 1943-го года по май 1944-го, мне через всесоюзное бюро эвакуированных граждан, находящееся в Бугуруслане, нашли моих родителей на Урале в горорде Чкалове,бывшем Оренбурге. Но рана на лбу долго не заживала, из неё сочилась жидкость, а потом начало расти красное образование, которое в народе называют диким мясом. Попробовали, чтобы я походила без бинтов...

Однако не могу не рассказать, как я прощалась со своим госпиталем в Тбилиси. И как выяснилось потом – и с пребыванием в армии. Какбудто под занавес моего тбилисского бытования, произошло редкостное волнующее прощание. А было так. В госпиталь пришли маленькие дети: младшие школьники и детсад. Пришли порадовать солдат, годами отрванных от дома, семьи и детей. Проведать искалеченных и больных защитников страны, которым ещё предстояло пройти ещё почти половину войны. Появление детей в этом месте страданий и потерь было воспринятокак чудо. Все мы – ходящие ногами и с костылями, некоторых привезли в колясках, собрались в самом большом зале – в палате лежачих раненых мужчин. Пришли не только дети, но и врачи госпиталя, сёстры и рабочие. Дети вошли, как ангелы в этот страдательский зал. Нарядные и красивые, держатся друг

с другом за ручки. Воспитательницы рядом. Им навстречу раздались аплодисменты, как на выходе актеров в театре. А потом началось действие: читали стихи, пели и танцевали. А мы вспоминали своих домашних. И вдруг дети своими трогательными голосочками запели: «Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!». Никто не мог этого выдержать, вижу: заплакал один тяжело раненый, лежащий, за ним – второй и третий, а занима – один раненый красивым профессионально обученным голосом подхватил детское пение и громким голосом запел : «Идёт война народная.....» и весь зал запел: «Священная война!». Пели ходячие и лежащие, на костылях и в каталках. Пели доктора и сёстры, пелинянечки и воспитатели. Пел и плакал весь взрослый зал...

А дети поросто пели. ПЕЛИ ДЕТИ!!! А ПОБЕДА медленно, но верно приближалась. Но до неё надо было ещё дожить и пробыться. На этой высокой и до конца жизни незабываемой ноте закончилось моё пребывание в госпиталях и военная служба. Поскольку нашлись мои родители и я получила свою опеку, мне дали три месяца отпуска, для стерилизации забинтовали ,чтобы скрыть недо конца зажившую рану на лбу, и я помчалась на Урал в Оренбург к родителям.

На дорогу выдали мне«обмундирование»: мою старую фронтовую юбку, посеченную мелкимиосколками батальонных минометов, выгоревшие на солнце гимнастёрку и пилотку,а также старую-престарую шинельку, правда, по росту. Оформили документы, выдали «сухой паёк» на три дня: кусок хлеба и несколькопорошков горохового супа и попрощались. Путь на Урал далекий, а денег ни копейки. Не помню, как и сколько дней я добиралась до города на Урале. Скорее всего мой вид внушал проводникам чувство жалости, и меня брали без билетов. Так или иначе, но я доехала.

Сразу решили, что мне надо ходить в школу прямо завтра и прямо в десятый класс. Мои родители, фанатики непрерывной учёбы, и моя привычка вечно учиться, не учитывала, что у меня рана на голове, что я больная, что измучена и беспредельно устала и что через три месяца мне снова надо было в свою часть на фронт. Короче: я пошла в школу, за три месяца пригтовилась и сдала экзамены на аттестат с отличием. Когда мой отпуск закончился, я пошла в венкомат. Комиссия признала меня негодной к военной службе. А медики признали меня инвалидом второй группы (рана ещё не зажила и кроме раны была трещина в черепе). А мне исполнилось 18 лет и я стала юным ветераном войны, которая всё еще продолжалась. Через месяцвсей семьёйв эшелоне харьковского мединститута, в котором работала на кафедре нормальной анатомии моя старшая сестра Оля, мы вернулись из эвакуации в Харьков.Это было лето 1944-го года. И я была зачислена в Харьковский университет на филологический факультет. В 1949 его закончила и была направлена на рабоу в Черновицкий университет на филологический факультет.

Вышла замуж и родила двух сыновей. Проработалав университете

40 лет. В эти годы защитила в Киевском университете сначала кандидатскую диссертацию и получила ученую степень кандидата филологических наук и звание доцента. А через несколько лет в Киеве в украинской Академии Наук защитила и докторскую диссертацию. В Москве Высшая Аттестационная Комиссия утвердила меня в степени доктора филологических наук и в звании профессора. Мои сыновья закончили в Москве известный институт МИФИ.

В Канаде я живу с мужем с 2002 года. В Торонто живут и работают мои сыновья. У меня 15 внуков и правнуков.

Сестра милосердия

Зверкова Александра Дмитриевна
Участник боевых действий

Родом я из Сибири. Из детства остался в памяти город Прокопьевск Кемеровской области с его многочисленными дымящимися трубами, да еще наша большая семья, состоящая из родителей да семи детей. Отец работал на шахте, мать вела большое хозяйство да воспитывала, как могла, многочисленное семейство.

У нас был огород и небольшое количество домашних животных (корова, куры и т.д.) Мы, дети, трудились по хозяйству наравне со взрослыми и жили дружно. Младшие дети ходили в школу, а взрослые обзаводились семьями. Окончив семь классов, я поступила на двухгодичные курсы медсестер, после окончания, которых работала медицинской сестрой в детском саду. Я и представить себе не могла, что медицинские знания понадобятся Родине на поле боя.

В воскресенье 21 июня мы услышали, что началась война, утром

немецко-фашистская авиация бомбит наши города, немцы перешли наши границы. Я поняла, что мой долг быть там, где раненые солдаты нуждаются в моей помощи. Я пошла в военкомат с просьбой отправить меня на фронт, но мне ответили, что время мое еще не пришло. Мне было 17 лет. Вскоре я услышала, что в нашем городе формируется добровольческая Сибирская дивизия. Я обратилась в пункт сбора добровольцев и вскоре была зачислена санитаркой в санроту полка 22-й Сибирской добровольческой дивизии. Так начался мой боевой путь в санитарной роте Первого стрелкового батальона. События развивались стремительно, и уже в 1942 г. я участвовала в боях, в качестве санинструктора на Смоленском направлении, когда наши войска гнали немцев от Москвы. Какому количеству раненых я успела оказать медицинскую помощь, сказать не берусь. В памяти моей сохранились повязки да эвакуация с поля боя на шинелях в места укрытия, спасая бойцов от вторичного ранения. Мое участие в боях длилось недолго. В одном из боев 1943 г. я была контужена и лечилась в госпитале. А осенью 1943 г. меня демобилизовали, и я была награждена медалью “За боевые заслуги” и орденом “Отечественной Войны 11 степени”. Вернулась в Кемеровский институт физической культуры. Окончив его, работала преподавателем в средней школе физического воспитания. Вышла замуж, воспитала дочь. Муж умер в 1982 году. Живу в Канаде более 10 лет.

Военные 16, 18, 19 и 24 года

Звонкин Наум Нахимович

Участник боевых действий

Я родился 10 октября 1926 года в Белоруссии, в г. Бобруйск. Отец мой был краснодеревщиком, делал мебель. Сестра училась в Ленинградском институте авиации на факультете приборостроения, а вторая сестра - в Гомеле в медицинском институте. Когда началась война я учился в школе и окончил семь классов. Для нашей семьи, война начала 26-го июня, когда по радио и по телефону передавали, чтобы мы быстро оставили город, так как больше ста самолетов будут бомбить город и аэродром. В этот день мы переходили реку Березина. Когда-то, Наполеон строил на этой реке оборонительные сооружения. Когда мы по мосту перешли реку, я увидел, что красноармейцы тянули провода и понял, они готовят взрыв моста, чтобы наступающие немецкие войска не перешли по нему на другую сторону. После нашего перехода обратно уже не пускали.

Мы пошли пешком на юго - восток и прошли более 100 километров. Мама у нас была больная и мы ей помогали, как могли. Было такое местечко, Пропойск в 90 километрах от Гомеля, мы направились туда, чтобы забрать сестру, так как Гомель тоже бомбили.. На барже мы добрались до Гомеля, переночевали в пустом здании школы, видели как ходили и грабили мародёры. Утром пошли на вокзал, ждали поезд. Когда поезд пришел, все сразу бросились к нему буквально штурмовали вагоны. Доехали до Киева.

В первый день войны центр Киева здорово разбомбили, мы пробывали там неделю и нас направили в Ростов. Когда прибыли в Ростов, то его тоже бомбили. Там на вокзале и около него было много беженцев. Власти сформировали эшелон и отправили его в Сталинград. Там строили завод, на котором должны были выпускать аэросани, на лыжах с шпанголами и пулеметом. На этом заводе начали работать мой отец и я, нам давали 400гр хлеба и пол литра супа в день. Мы там работали по 12 часов, спали в общежитии, там мы проработали около полугода. В 1942 году зима в Сталинграде была очень суровая, местные жители говорили, что 50 лет назад была такая зима, температура доходила до 50 градусов из-за ветра и мороза. Это я помню хорошо. Когда подходили немцы, завод эвакуировали на Урал, а мы отправились в Казахстан , на станцию Уштобе, тогда это была Талды-Курганская область. Там мы жили и питались очень скудно, вернее в холоде и голоде. Спали в глинобитном домике, вчетвером на полу. Однажды проснулись, а мама оказалась мертвой.

В Уштобе, в конце 1942 года, я стал военнообязанным , мне было 16 лет. Попал я в запасной полк, учили стрелять, колоть штыком, ползать по пластунски , бегать и всему, что нужно делать и знать солдату. В нашем полку в основном были казахи, узбеки и киргизы, русских было мало. В первые дни давали борщ в котелке на десять человек, куски сала, узбеки сало не ели. А когда нас вывели в поле рыть окопы , траншеи и укрытия для артиллерии, а земля была очень каменистая, то после восьми часов таких занятий на столах ничего не оставалось. В этом полку я пробыл весь 1943-й год. В 1944 году нас отправили на фронт, тогда мне еще не было 18.

Попал я на 3 Белорусский фронт, в составе которого и воевал до конца войны, сначала под командованием Героя Советского Союза генерала армии И.Д. Черняховского, а после его гибели под командованием Героя Советского Союза Маршала А.М. Василевского . Начал я воевать в Белоруссии, а затем фронт пришел в Восточную Пруссию. Я был пулеметчиком, моим оружием был ручной пулемет Дегтярева (РПД), который с диском весил 10,4 кг. Тяжеловато, но хорошее было оружие. Так мы дошли до Кенингсберга.

Как-то меня с напарником послали патрулировать по взятому уже Кенингсбергу. Патрулируем и видим на приусадебном участке , в развалинах одного из разрушенных двухэтажных домов копается мужчина.. Мы подошли и спросили что он тут делает. Он что-то нам ответил по немецки.

Мы не поняли и забрали его в комендатуру. В комендатуре доложили, что и как. Его допросили . Оказалось, что он директор музея, который располагался в этих развалинах и в котором хранились большие коллекции драгоценностей Восточной Пруссии. В комендатуре определились: ехать, смотреть. Нас вызвал майор из комендатуры и сказал, что если мы хорошо отработаем и найдем драгоценности, то нас отблагодарят и дадут отпуск домой. Мы обрадовались и организовали рабочих из немцев и все там откопали и разобрали. Я спустился вниз, там был ход с человеческий рост и тяжелая железная дверь. Вскоре танкисты привезли автоген , вырезали дверь и мы увидели несметные богатства в золоте и серебре, там даже были ящики с золотыми и серебряными часами и лежала планка с 50 –ю орденами - наградами Пруссии. Мы взламывали топорами ящики и видели серебряную посуду, расшитую золотом и серебром одежду. Приехал какой-то генерал и распорядился ордена отправить в Москву , а все остальное погрузить в “студебекеры “ и вывезти. Я хотел взять себе часы, но мне не дали и не поблагодарили, и в отпуск не отпустили.

Что кончилась война мы узнали поздно вечером 8 мая, все кричали “УРА” и палили из оружия.

Началась демобилизация старших возрастов, нас оставшихся объединили в один корпус, а затем , в один прекрасный день - в эшелон и через всю страну на Дальний Восток, на войну с Японией. Мне довелось участвовать в операции по овладению Курильскими островами , а именно островом Парамушир. Нас высаживали с пограничного катера. Был

густой туман. Высадили семь человек, два командира и нас пятеро солдат. Это был весь наш взвод, как мы числились. На этом острове потом я отслужил полтора года. Это был маленький пограничный пост. А всего я отслужил в армии семь лет и восемь месяцев, демобилизовался в 1950-ом году и вернулся в родную Беларусь. За участие в боевых действиях имею правительственные награды: орден «Отечественная война II степени», медали «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией», «За Победу над Японией» и много юбилейных медалей.

Когда я демобилизовался мне было 24 года. Нужно было устраивать свою жизнь. В армии я получил специальность шофера и по этой специальности я стал работать водителем автобуса, одновременно учась в автодорожном техникуме. Женился, воспитал двоих сыновей. В Канаду приехал в 1991 году.

Бойцы с РПД под Кенигсбергом

Детские воспоминания

Зильберман Леонид Давыдович
Несовершеннолетний узник гетто

Оглушая воздух выстрелами, в тихое еврейское местечко Бричево ворвались несколько легковооружённых румынских конных жандармов. С первых же часов появления жандармов, в местечке начались грабежи, провоцируемые местными молдавскими националистами. Услышав шум мародёров, ворвавшихся в переднюю часть нашего дома, мама быстро подхватила меня на руки и, завернув в наспех найденную шаль, выбежала через заднее крыльцо во двор, за которым простирался небольшой пустырь. Впереди нас была невысокая деревянная изгородь, позади - центральная улица местечка, которая представляла смертельную опасность. Стремясь уйти подальше от дороги, мама побежала к изгороди, держа меня на руках. Моё лицо было повернуто к дороге и это позволило мне отчетливо увидеть появление конного жандарма, стреляющего на скаку. Обратив внимание на наше бегство, он остановил коня и направил винтовку в нашу сторону. Перелезая через изгородь, мама шалью за что-то зацепилась, и упала по её другую сторону, инстинктивно накрыв меня своим телом. Выстрел прозвучал практически одновременно с нашим падением, и, очевидно решив, что его пуля настигла цель, жандарм удалился. Весь день мы прятались в близлежащем кукурузном поле, а с наступлением сумерек, вернулись домой. В середине августа всем евреям было велено собраться с вещами к зданию школы. Всех собравшихся построили в колонну и под охраной считанных румынских солдат погнали, как скот, в сторону Днестра. По дороге к колонне присоединяли евреев из других местечек. Жандармы били прикладами по голове тех, кто замедлял движение колонны, либо пытался оказать помощь своим родственникам. Больных, неспособных самостоятельно передвигаться, отводили в сторону и тут же, на виду у всех, расстреливали. Длительное движение пешком оказалось для меня трудным, и я горько захныкал: «Мама, я уже не могу столько ходить». Но мама, держа свою тяжёлую ношу за плечами, строгим голосом сказала: «Сынок, ты уже большой мальчик и понимаешь, что если мы остановимся, то нас убьют». Очевидно, возникшее глубокое чувство сострадания к родителям побудило пятилетнего малыша найти в себе внутренние силы каждый день шагать в колонне взрослых людей, стараясь от них не отставать. Пешеходный переход до берегов реки Буг протяжённостью в 220 км через месяц закончился и затем начались другие невыносимые страдания, которые узники гетто

переживали в течении 30 месяцев.

В моей памяти навсегда запомнилась картина одной из облав, которые время от времени проводились в гетто фашистами и ещё более страшная картина, когда они зажигательными снарядами из танка прямой наводкой били по деревенским хатам, заживо сжигая людей, подозреваемых в связях с партизанами.

В середине марта 1944-го войска 3-го Украинского фронта принесли долгожданное освобождение узникам лагерей Южного Буга. Большинство людей выглядели крайне истощенными.

Но видели бы вы, как светились их глаза, увидевших не в мечте, а наяву солдат Советской Армии. Радость освобождения сменилась для бывших узников желанием вернуться на родину. Не дожидаясь возможности воспользоваться транспортом, мама и я отправились в дорогу пешком в Молдавию. Долгими днями шли мы проселочными дорогами в сторону Днестра, останавливаясь на ночевку в близлежащих деревнях. На подходе к городу Могилев-Подольский мы примкнули к военному обозу, который переплавлялся на правый берег реки, где для фронта формировался железнодорожный состав с военной техникой. Неожиданно громко завывла сирена, извещавшая о воздушной тревоге. Мы вместе с солдатами поспешно побежали в боевое укрытие. Начали раздаваться артиллерийские выстрелы, но вскоре прозвучал отбой. Вражеский самолет-разведчик был сбит огнем зенитных батарей и с визгом рухнул на землю. Уходящий на фронт военный состав довёз нас до родных мест.

Таким образом, у меня есть все основания утверждать, что, будучи в восьмилетнем возрасте, ещё не успевший сесть за школьную парту, я участвовал в боевых действиях Второй Мировой Войны.

Блокадная зима 1941-42гг

Ильинская Наталья Борисовна
Житель блокадного Ленинграда

Я пережила в Ленинграде самую тяжелую блокадную зиму. Мои родители были врачами. Папа был мобилизован на третий день войны, а мама стала военным врачом. Мы с братом, мне было 12 лет, а ему - 9, оказались в блокаде. Я хорошо запомнила первый налет на город. Это случилось 8 сентября. Мы с братом были на улице, когда завывли сирены, и сразу кинулись проходными дворами домой, но не успели добежать до парадной, когда вдруг раздались звуки похожие на то, будто кто-то кидает в металлический таз пригоршнями мелкие камни. Враг был так близко, что его самолеты появлялись над городом одновременно с сигналом тревоги. Мы прятались в бомбоубежище. Оно было оборудовано в подвале нашего дома. Это убежище было комбинированным - на случай газовой атаки в нем были в отдельной комнате установлены фильтры для очистки воздуха.

Я расскажу только о том, чему была свидетельницей и что пришлось пережить или испытать мне самой.

В первые налеты на город, кроме обычных бомб, сбрасывали много зажигалок. От таких зажигалок и сгорели Бадаевские склады с продовольствием. Для тушения зажигалок были организованы бригады дежурных. На нашей крыше дежурили, кроме женщин, знакомые мне мальчики из бывшего 6-го а класса. Почти все они потом умерли от голода. После первых тревог и бомбежек, вылетели все стекла из наших огромных окон. Постепенно мы перебрались в ванную и на кухню, окно которой выходило во двор и стекла остались целыми, где мы, дети, спали на сундуках и даже на плите. Сентябрь был очень беспокойным - занятия в школе не начались. Только в конце месяца, 27 сентября, объявили, что младшие классы начинают заниматься. Их уроки проходили в бомбоубежище на улице Рубинштейна. С 1 октября возобновились занятия и у 5-7 классов.

Октябрь мне запомнился тем, что налеты продолжались почти непрерывно, особенно по вечерам. Мой брат заболел воспалением легких, его положили в больницу, но потом взяли оттуда, поскольку там у него таскали еду. Первое время, после возвращения Олега домой, дядя Шура носил его каждую тревогу вниз, а потом назад в квартиру на 3-ий этаж, пока тете не удалось договориться с ответственной за бомбоубежище, чтобы нам разрешили занять комнату, в которой находились машины для очистки воздуха. Кроме машин, там стояла садовая скамейка и большой стол. Мы

перестали подниматься в квартиру во время кратких отбоев и не только Олег, но и я, и моя подруга Инесса спали на этом большом столе. К концу длинной тревоги дышать в переполненном убежище становилось трудно, и мы вдвоем с Инессой, пока могли, крутили ручку агрегата.

Я продолжала ходить в школу: занимались три раза в неделю по два-три урока. С каждым разом приходило все меньше ребят, и в ноябре на занятиях присутствовало не больше шести-восьми человек. Из-за холода в одном помещении, перегороженном школьной доской, занимались два класса. Мы не раздевались, чернила в чернильницах на партах замерзали и писать было невозможно. Многие приходили из-за тарелки супа, которую давали без вырезания талонов из карточки. Запах у этого супа - он варился из дрожжей - был отвратительный, и я так и не решилась его попробовать. Еще до морозов мы успели перенести все небольшие запасы дров из сарая в квартиру. Зима 41 года отличалась сильными морозами и снегопадом. Благодаря морозам, удалось по льду Ладожского озера наладить Дорогу жизни - снабжение города оружием и продовольствием. Замерз водопровод. Нельзя была пользоваться уборной. Добыча воды превратилась в серьезную проблему. До Невы было далеко, а из Фонтанки брать воду было страшно: все ее берега были загажены - туда выливали параши.

Каждый день у нас был горячий суп, пускай в большую кастрюлю опускались всего две ложки крупы. Тетя умудрялась из казалось бы несъедобных вещей приготовить такое, что мы ели и нахваливали: например, студень из пачки столярного клея, сохранившейся среди дедушкиных инструментов или лепешки из кофейной гущи. На мою долю выпала добыча воды. Сначала вода еще текла в бывшей прачечной, потом она сохранялась только в некоторых подвалах.

За водой стояли большие очереди, иногда приходилось выстаивать больше часа и это на морозе больше 30 градусов! Для того, чтобы не отморозить щеки, все в очереди стояли с закутанными лицами, когда в узкие прорези видны только глаза, а вокруг рта нависает на шарфах сугроб. Тут и не различишь, кто перед тобой - старик, женщина или подросток. Только один день воды в городе не было совсем. В этот день ее не было даже для выпечки хлеба, и карточки нам отоварили горсточкой муки. Я сгребала поварешкой нетронутый чистый снег с навесов над входом в подвалы в нашу посуду. Дома снег был растоплен, воду вскипятили на буржуйке и даже в такой день мы пили чай. Принесенный из булочной дядей Шурой хлеб делили на порции, и каждый был волен сам решать: съесть ли ему всю порцию сразу или отламывать по небольшому кусочку, растянув на полдня. Хуже всего голод переносили мальчики и мужчины, они погибали первыми, женщины оказались более стойкими.

Я приведу примеры двух самых ярких событий той зимы, которые показывают, как даже в таких нечеловеческих условиях можно было просто оставаться Людьми.

Событие первое - мое посещение спектакля театра Музыкальной комедии «Три мушкетера». Зал был полон. Конечно, все зрители были в пальто и полушубках, а на сцене артистки были так легко одеты! Спектакль принимался бурными аплодисментами.

Событие второе - в январе в детской поликлинике, напротив Кузнечного рынка, была организована елка для детей, с представлением и угощением. Как и остальные зрители, мы не снимали ни пальто, ни шапок, а выступавшие перед нами артисты цирка были в одних обтягивающих трико. Запомнился фокусник. С каким напряжением я следила за фокусом с настоящим яйцом! Фокусник вытаскивал яйцо то из рукава, то изо рта, перекачивал его по руке, а я все думала - а вдруг яйцо в всмятку или оно сырое - зачем же с ним так обращаться - вдруг оно упадет или разобьется? После концерта мы спустились в подвал, где был простыней накрыт длинный стол, а по бокам стояли скамейки. В алюминиевые миски девушки в военных ватниках разложили каждому по ложке каши или чего-то горячего, а рядом с мисками положили по тоненькому ломтику хлеба. Может быть было еще что-то, но я не помню. А вот этот тонюсенький ломтик хлеба запомнился мне на всю жизнь.

Настоящей героиней была моя мама. Из госпиталя она приходила каждый день пешком после целого дня работы, идя посредине улицы, чтобы не затащили в подворотню и не отняли из противогазной сумки полулитровую баночку, наполненную только на самом дне ее довольствием

Школьник Миша Никитин у кухонной плиты
в блокадном Ленинграде. Январь 1942

за день, исключая порцию супа. Все она приносила нам в семью, где делилось на всех. А утром, еще в темноте, дорога назад и неясно, где сейчас обстрел.

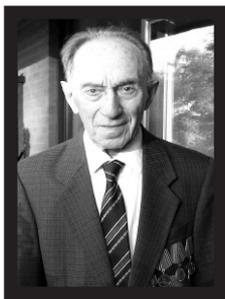
Мой отец - Борис Вячеславович Ильинский находился в армии с третьего дня войны до 1946 г. По делам службы ему приходилось бывать в городе в Санитарном управлении. Так как мы жили недалеко от комендатуры, отец мог забежать к нам домой. Для нас это был настоящий праздник. Отец не курил и полагающиеся ему папиросы доставались моим дяде с тетей. Зная о предстоящей командировке, папа откладывал черные сухари и куски сахара в небольшой мешочек, содержимое которого высыпалось на стол и съедалось.

С выездом на Большую землю помог случай: из папиной части на Большую землю за медикаментами шла пустая полуторка. Решено было на ней вывезти несколько семей сотрудников. Вот так и получилось, что 28 февраля 1942 года мы выехали из Ленинграда на Большую Землю. Вместе с нами ехали еще две семьи. Отец принимал участие в обеспечении прорыва и снятия блокады. Был награжден орденом. И мама и папа получили медали «За оборону Ленинграда». В заключение набольшие стихи, написанные мною о блокаде:

*Я раньше жила на Фонтанке реке,
Возле дома Фонтанного невдалеке,
В дом Толстовский ходила зимой за водой,
Той, что еле тянулась алмазной струей.
Что алмазы! - Сравненье для наших лишь дней
Нитью Парки тянулась - вот это верней!
За алмаз не достанешь в блокаду воды,
Не растопишь им печь, не спасешь от беды.
И стояла часами в мороз за водой
Средь толпы молчаливой, как будто немой.
И не знали стоящие у колодца,
Что потом это мужеством назовется.*

*Примечание:

Парки - богини судьбы. Они пряли нить, когда она обрывалась, человек умирал.

Мы давали фронту солдатские шинели

Интенберг Гидалий Моисеевич
Участник трудового фронта

Я родился в райцентре Брагин, Гомельская область, на юго-востоке Белоруссии, 20 августа 1920 года. Учился в школе и подрабатывал счетоводом в колхозе. После окончания 10-го класса меня направили преподавать в сельскую школу, в начальных классах. В 1939 году, я попытался поступить в «МАИ» (Московский авиационный институт), но там я к сожалению по конкурсу не прошёл, и мне предложили поступить в Текстильный институт, на что я и согласился. Меня приняли в Московский текстильный институт на механический факультет. Но закончить его нормально и в срок, мне было не суждено из-за начал Великой Отечественной войны.

К сентябрю 1941 г., в связи с боевыми действиями и ухудшением ситуации на фронте, всех студентов отправили на строительство оборонных укреплений, под Москвой. Мы строили противотанковые надолбы, бетонные укрепления, копали противотанковые рвы. Немцы наступали и мы, строя отступали, приближаясь всё ближе и ближе к Москве. С середины сентября, нас уже начали бомбить. Строительство шло таким образом: каждый должен был вырыть свой окопчик. Некоторым раздали ружья, в случае прорыва, но не всем. В случае бомбежки, прятались в окоп и после окончания обратно приступали к строительству. Однако, количество жертв было серьезным. В один прекрасный день, в октябре 1941г., из-за приближения врага всем сказали ехать обратно в Москву.

В институте ректор сказал, что по поручению министра, всех кто на третьем курсе отправляют на текстильные предприятия для производства солдатской одежды. Каждому вручили повестку и я попал на текстильную фабрику в Иваново. У меня был уже определенный теоретический багаж, но все это нужно было приложить на практике. Меня назначили мастером, которым я проработал до 1943 года. Это были тяжелые, порою драматические времена. Был голод, еда была в минимальных количествах, в это время на фабрике работали одни женщины. Люди работали в 3 смены, так как не хватало рабочей силы. Спали и ели там же, так как сил добраться до дома часто просто не было. Если люди не могли просыпаться, спрашивали с руководителя. Раз в две недели отпускали помыться. Условия работы были настолько критические, что у многих не выдерживало сердце и они умирали прямо на работе. Это был настоящий трудовой фронт для людей, смотреть и переживать это было страшно.

В 1943 году, по распоряжению председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР Косыгина Алексея Николаевича, нас вернули в Москву, в институт для окончания учебы.

В конце 1944 года я защитил диплом и был направлен на фабрику по производству тканей для шинелей в Подольск, фабрика носила название «имени 1-го Мая». На фабрике я вскоре был назначен главным инженером. В 1946 году, меня перевели на фабрику «Красный суконщик», в Москве, где я проработал главным инженером до 1982 года.. Когда я ушёл на пенсию, меня ещё оставили на несколько лет в качестве консультанта.

Награждён медалями «За победу над Германией», «За трудовую доблесть», и многими юбилейными медалями.

Летом 1944 года

Итсон Игорь Яковлевич
Участник боевых действий

Я призван в армию в январе 1943 года, когда шла ожесточенная битва с врагом на всех фронтах. Мне пришлось участвовать во многих боевых действиях. Расскажу лишь об одном эпизоде. В составе 28-й мотострелковой бригады 8-го танкового корпуса Первого Белорусского фронта, я участвовал летом 1944 года в боях на территории Польши.

В то время я был командиром взвода. Находился при командире батальона так как оставшийся личный состав после боев под Варшавой передал на пополнение других взводов. В таком же положении оказался и другой старший сержант Колдин. Мы с ним ждали обещанное пополнение. Неожиданно пришло сообщение разведки: немцы снялись со своих позиций и отходят тремя группами по 70-80 человек каждая. В их первой группе - транспортер с крупно-калиберным пулеметом, а в третьей - 2 транспортера с минометами.

Наш Комбриг приказал срочно организовать небольшую группу и преградить отход немцев. Комбат сказал: - "У меня под рукой нет людей. 2-3 роты расположились далеко. Я решил, что ты (это я), старший сержант Колдин и мой ординарец Логунов с ручным пулеметом составите эту группу. Кстати, Логунов хороший пулеметчик. Старшим группы назначаю Колдина. Вы должны быстро, незаметно выйти на дорогу, по которой идет команда немцев и задержать её продвижение до подхода танков и мотопехоты нашего 2-го батальона. Разрешаю противогазы оставить здесь. На подготовку даю 15 минут.»

Мы в каждый вещмешок положили по 2 диска для ручного пулемета и в одну сумку от противогаса 6 гранат «Ф-1» (лимонка), и 2 магазина для автоматов «ППШ». И с таким небогатым арсеналом, но довольно тяжелым, тронулись в путь.

Благодаря тому, что Колдин очень хорошо по карте ориентировался на местности, быстро достигли дороги, опередив немцев почти на полчаса. Успели осмотреть местность, на которой было много окопов, траншей в полный профиль и хорошо сохранившихся.

Выбрали окоп выше дороги метров на 15-20. Он почти не просматривался с дороги, так как зарос высокой травой. Присмотрели и второй окоп, примерно в 300 метрах от первого и дальше от дороги, на

случай смены позиции при отходе.

Успели подготовить гранаты. У каждой гранаты выпрямили усики чеки чтобы за кольцо выдернуть чеку левой рукой, а правой быть готовым бросить ее. Решили не открывать огня раньше, чем первое подразделение немцев окажется под нашим окопом. Даже если будет страшно, все равно подпустить немцев поближе.

Когда первое подразделение немцев оказалось под нашим окопом (были видны их лица, слышны их голоса) бросили 3 гранаты. Просвистели осколки и мы наблюдали, как взлетел вверх крупно-калиберный пулемет вместе с немцем. Ура!

Бросили еще 3 гранаты и открыли и открыли огонь из автоматов, а ручной пулемет (Дегтярева) начал обстрел второго и третьего подразделений немцев. Этот пулемет может стрелять прицельно на 600 метров, только успевай менять диски. Пулемет бил короткими очередями. Увлечлись, зато немцы понесли большие потери. Колдин дал команду перебежать в дальний окоп, который мы присмотрели заранее. Когда были в этом окопе, увидели как немцы обстреливают окоп, который мы покинули.

Разрывы мин почти накрывали нас: с нового окопа стрелять из автоматов бесполезно – далеко и стволы настолько накалились, что нельзя было дотронуться до кожухов, которые прикрывают стволы в автомате «ППШ». Огонь вел ручной пулемет, а мы с Колдиным стали помогать пулеметчикам. Подносили диски, заряжали их. Зарядили последний диск, а он оказался трассирующим. Как только открыли огонь по трассе, немцы увидели откуда ведется стрельба. Окоп, оказалось, соединен холмом сообщения (траншея в полный профиль закреплена по бокам прутьями). Достреляв диск, не стали ждать когда немцы накроют нас минами. Побежали по ходу, метров 100, очутились в блиндаже, который не плохо сохранился. На душе у всех стало легче. Но опять, а если блиндаж накроет минами, мы окажемся под бревнами наката.

Вдруг услышали скрежет гусениц. Выглянув из блиндажа увидели вдали наши танки и родную мотопехоту 2-го батальона. Танкисты дали 2 залпа из орудий броневойно-зажигательными снарядами по транспортерам с минометами и несколько залпов осколочными снарядами и... Немцы стали сдаваться!

А мы, истратившие весь боезаряд и силы, стали думать как добраться до расположения батальона. Сориентировавшись по карте, часа через два, оказались в своем батальоне. Нас встретил Комбат. Колдин стал докладывать о выполнении приказа командиру. Но комбат его остановил и сказал, что комбриг с командного пункта в бинокль видел наши действия, когда мы были в первом окопе, а когда перебежали во второй, потерял нас из вида. Ему очень понравилось как взлетел в воздух крупно-калиберный пулемет с немцем. Он выразил личную благодарность за службу и приказал представить вас к орденам Славы. Через полмесяца перед строем, в

торжественной обстановке, их нам вручили.

Комбат выразил свою личную благодарность и сказал: «Старшина! Накормить и выдать фронтовые.» Старшина указание выполнил.

Хочу сказать, что старший сержант Колдин Василий Павлович, - о котором шла речь, - бывший капитан Красной Армии. В 1939 году окончил пехотные училища. Участвовал в войне с финнами. В начале Отечественной войны со своей дивизией попал в окружение. Спрятав документы, в одиночку вышел из окружения, и попал в лагерь для тех, кто был в плену, окружении и проходил особую проверку. Благодаря тому, что он уроженец Новосибирска, а его отец – секретарь райкома партии, проверка была ускорена и его отправили на фронт рядовым. Он храбро воевал в пехоте, дослужился до старшего сержанта, был ранен. После изменения направлен в запасной полк, а затем – в нашу часть старшим сержантом на должность командира взвода. Вот таким был один из эпизодов моей фронтовой жизни.

После окончания войны я продолжал служить в Советской армии, а в 1949 году поступил в Ленинградское военно-морское инженерно-техническое училище на электротехнический факультет, по окончании которого выпущен с присвоенным званием «лейтенант» и с дипломом инженера-электромеханика.

В 1984 году ушел в отставку в звании полковника, прослужив в Советской Армии 37 календарных лет. Приятно, что Родина высоко оценила мой ратный труд, наградив орденами Отечественной война I и II степеней», «Слава III степени», «Красная Звезда», «За Взятие Кенигсберга», «За взятие Берлина», тремя медалями «За безупречную воинскую службу» и 17 другими медалями.

Сейчас живу с семьей в Канаде.

В память о войне

Кауфман Иосиф Самуилович

Участник войны

*И память нам покоя не дает,
И совесть нас с тобою частенько гложет,
И тридцать лет, и триста лет пройдет,
Никто у нас войны забыть не сможет.*

Я не писатель, не поэт, не критик. Никакого отношения к этому не имею. Являюсь членом Ассоциации ветеранов II Мировой Войны из Советского Союза, отношусь к наиболее молодой категории этих людей .

Тем не менее, оставшиеся в живых сегодня, это люди прожившие и пережившие 70 лет большой и сложной жизни. Многое было на этом пути, многое позабыто. Но вот годы войны, несмотря даже на наш мальчишеский возраст того времени, память цепко держит и хранит до сих пор, и каждый год войны, и все важные события, дорогих людей, и песни тех лет. Сколько лет прошло, а всё помнится и вспоминается. У каждого была своя война, своя судьба, своя жизнь, но до сих пор это держится в памяти как Великая Отечественная Война.

По этому поводу я посвятил несколько стихов.

Помянем

*Лежат в земле сырой
Серёжка с Малой Бронной
И Витька с Маховой.*

Е. Винокуров

*И положили в шар земной
Его, как в мовзалеи,
А он всего лишь был солдат
Пехоты рядовой.*

С. Орлов

*И нет уж тех дивизий и полков
Ушли и роты, и взвода в седые дали,*

Нет пушек тех, снарядов и бойцов,
Как память - на живых блестят медали.
И жизни отдавали за страну,
Те чистые, как ангелы ребята,
В рай души улетали тех юнцов,
Оставшиеся вечно женихами.
Расплачивалась жизнями страна,
Коль не желала быть порабождённой,
А кости тех молоденьких ребят
Хранит земля, как памятник священный.
С надеждой ждали матери сынков,
Сквозь боль сердец, не знавшие покоя,
Но к Господу их души шли и шли
В то царство вечное небесное святое.
Хранит Земля в гробах или без них,
Как мощи их нетленные земные.
Молитесь же за вечный их покой,
Вы - люди на планете все живые.
Пусть будет им уютно там в раю,
Где вечна молодость, за мужество награда.
Но лучше б стариками на Земле
Сегодня жили навшие солдаты.
Погибших всех в той адовой войне,
Ведь до сих пор не сосчитали.
Считайте! Чтобы память на Земле,
Для всех живых была напоминаньем.
Пусть каждый хоть единожды в году,
Помянет хоть единого солдата,,
Они ведь отдавали жизнь свою,
Спасая человечество от ада.
Помянем!

И память нам покоя не дает

*И совесть нас с тобой частенько гложет
И 30 лет и 300 лет пройдет
Никто у нас войны забрать не сможет.*

М. Ножкин

*Мы ребята рождения 20-х годов,
Легендарное племя истории,
Хоть не каждый из нас был на подвиг готов,
Жизнь туда нам дороги пророчила.
Биографии наши скупы и скромны,*

Но под каждую строчкой той жизни,
Это летопись бывшей Великой страны,
Из которой в историю вышли мы.
В те лихие и тяжкие годы беды,
Как мы быстро выросли мужая,
И учились мы жить по законам войны,
Но в суровой борьбе выживая.
Атеисты мы были с рожденья тогда,
Не было то великой бедою,
Но когда в каждый дом постучалась война,
Весь народ был крещен той Священной войною.
Ненасытную жаждой глотала война
Эти юные, чистые души, А кого миновала такая судьба,
До сих пор он той памятью дышит.
И народ верил в то что фашизм победим,
Верил в лозунг "Все Фронту- Победе!
И ковалось в бою, и в труде, и в тылу,
Это сладкое слово Победа!
Все рассказано тысячи раз о войне,
Знать об этом должны поколенья,
А тот подвиг, что был совершен на войне,
Он не может быть предан забвенью.
Наши души всегда греет Вечный огонь,
Этот памятник вечным солдатам,
Возлагая к подножью свой скромный букет,
Каждый вспомнит что было когда-то.
Как могли, так служили Отчизне всегда,
Нам за это и сейчас не обидно,
О делах вспоминаем теперь иногда,
Но, как прожили жизнь, нам не стыдно.
Кто остался в живых в этой страшной войне,
Всем Победа еще раз рожденье.
Отмечайте всегда день рожденья вдвойне,
В юбилей- еще с награждением.

41й год.

Вставай страна огомная
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною
С проклятою ордой.

В. Лебедев Кумач

Мальчишками в 15 юных лет,

Мы жили беззаботно, бед не зная,
И верили врагов всех победим,
Как это делали герои: Шорс, Чапаев.
Но жизнь коварно обманула нас,
Мы песни пели, что война придет лишь завтра.
Война дождалась раннего утра,
И на рассвете к нам пришла сегодня.
Все рухнуло в один прекрасный час,
И мысли, и мечты, с войной явленья,
Пропал мой семиклассный аттестат,
Исчез наш мир, как чудное мгновенье.
Пошли трагичные повестки по домам,
Которые несли военкоматы,
С повестками и слезы в каждый дом,
Вот этим уж была война богата.
И в горем, опаленной той стране,
Трудились, воевали все народы,
Еще теперь не можем мы понять,
Как это выдержали все 4года?
Война не только ведь история страны,
Она событие библейского сраженья,
И сохранит Земля все это 1000 лет,
И память сохранят все поколения.
Несем потери в мирные уж дни,
Уходят тихо воины – солдаты,
Без боя, пуль, ранений и войны,
Но на войне полученных когда- то.
Для них и нас, живущих на Земле,
Вовек мы не забудем эти годы
И страшный 41 й год беды,
И радостный, желанный 45- й.

Настал черед пришла пора

*Идем, друзья, идем
За все, чем жили мы всегда
За все, что завтра ждем .
М. Исаковский*

*И лет не мало - 70 прошло!
Когда людьми Планета обжитая,
Живет без Мировой войны,
Одна, среди планет такая.
Ей это благо дал народ,*

Который взял на свои плечи,
Беду и тяжесть Мировой
Второй войны на белом свете.
В цветущем месяце весны,
Поставил точку- День Победы,
Чтоб всем живущим на Земле,
Войны не приходили беды.
Ах, сколько жизней молодых
Взяла Земля в свои объятия,
И сколько унесла война,
Людей ни в чем не виноватых.
И мрамор всех могильных плит,
Укрыл их памятью и славой,
И кто погиб не позабыт,
И чтим, и помним их по праву.
И кто бы что не говорил,
И как бы факты не крутили,
Но роль Советского бойца,
Историю обогатила.
Проходит время и года,
У ветеранов тают силы,
Но память о победном дне
Всегда свежа, неугасима.

Гетто –Лагерь – Партизаны - Фронт

Кац Евгений Львович

Участник боевых действий, партизан

Я, Евгений Кац, родился 3 октября 1925 года в городе Дисна. Тогда это была Западная Белоруссия и входили мы в Польшу, а город Витебск, который был в Советской Белоруссии находился от нас в 145 километрах. В нашей семье было 5 детей и я был самый младший. Учился я в польской школе. 17 сентября 1939 года Красная Армия перешла советско-польскую границу и Западная Белоруссия вошла в состав Белорусской ССР. Мне было тогда 14 лет и я продолжал учиться в школе.

22 июня 1941 года началась война, мне еще не было 16 лет и я только закончил восьмой класс, был совсем молодым. Но началась война и я увидел и хлебнул всю её отвратительную изнанку. Уже 4 июля немцы пришли в наш город и начали грабить, насиловать, убивать еврейское население. Еврейских девочек насиловали прямо на улицах. Евреев «маркировали» желтыми звездами Давида, чтобы все знали, что это евреи. Это было гетто. Начались ужасные дни бесправия и унижения.

Как то ночью в самом начале оккупации к нам в дом пришли 3 немца. Они вытащили мою 19-летнюю сестру, забрали её с собою, измучили и изнасиловали. Потом мы нашли её мертвой и изуродованной до неузнаваемости. Мы тайком ночью похоронили её. После этого мы бежали из города, но пройдя километров 15, попали на полицаев и нас вернули обратно.

В один из дней немцы приказали всему еврейскому населению, под угрозой расстрела собраться на центральной площади в 4 часа утра и вывели всех собравшихся за город в концентрационный лагерь, где почти не давали есть и заставляли работать по 14-15 часов в день. Тех, кто не мог работать, или, по мнению охраны работал плохо, наказывали – били плеткой. Плетки были сделаны из колючей проволоки и разрезали тело, когда ими били. Меня ранили 3 раза, один раз прямо по лицу и повредили нос. Жили мы в такой тесноте, что невозможно было даже сесть, люди умирали стоя, негде было даже повернуться. Голод был страшный, моя мама умерла от голода 8 февраля 1942 года. Нам не разрешали передавать какие-либо передачи. 14 июня 1942 года приехало гестапо и окружили концлагерь. Потом они заставили нас выкопать большие ямы, согнали к ним людей и начали их расстреливать из пулемета, но так как был туман, много людей смогли убежать. Детей не расстреливали, а бросали заживо в ямы, чтобы

не тратить патроны. У моей племянницы немец убил ребенка на руках и она сама понесла его в яму. Нас сгоняли, расстреливали: латыши, литовцы, украинцы, крымские татары, они все помогали немцам. Все началось в 11 утра и закончилось в 7 часов вечера.

Мы с братом сбежали с этой самой ямы, больше месяца не могли встретиться, боялись людей. Потом встретился один пастух, который свел нас, а затем он переправил нас к партизанам в партизанскую бригаду Ветрова, в отряд которым командовал Конопелько Андрей Иванович. Он был похож на героя из ковбойских фильмов, отлично стрелял из винтовки с любых положений. Начались партизанские будни: хождение в разведку, наблюдение за передвижением войск по дорогам и наблюдение за воинскими эшелонами на железной дороге, вооруженные вылазки на немцев и полицаев, подрыв железнодорожных путей, судили и казнили захваченных полицаев, ну и добывали пропитание-голодно было. Как-то в январские дни 1943 года мы зашли в одну деревню к знакомым партизанам людям и попросили покушать, они поставили нам на стол еду, а сами донесли полицаям. Пришел комендант полиции с пулеметом в руках и отрядом из 10 человек и нас хотели расстрелять прямо в доме, но потом выволокли на улицу. Моего брата застрелили и добили палками, а в меня не попали и я убежал. Я долго плутал по лесу, переждал остаток ночи и весь день, а потом вышел к другой деревне, добрался к одному знакомому в этой деревне, он мне налил стакан самогона чтобы я согрелся, я у него переночевал на сеновале, а потом вернулся в отряд, но не в свой, а под Минском в Ушатском районе. Это был большой по численности отряд и в его составе я участвовал в так называемой рельсовой войне весной и летом 1943 года.

Мы взрывали мосты, подрывали железнодорожные пути. Однажды мы взорвали большой эшелон с танками. Хорошо помню, как танки летели в речку. Ещё запомнился взрыв железнодорожного полотна, когда сошло с рельсов много вагонов, а всего там было 40 вагонов с немцами и мы их обстреливали. А еще мы взорвали эшелон с ранеными немцами, после этого их хоронили около трех дней.

Немцам часто надоедали наши успешные действия и они бросали против партизан регулярные части. Однажды они собрали против партизан около 4 дивизий и авиацию. Немецкие самолеты сбрасывали на нас фугасы и ящики касетных бомб, в форме бутылок из-под молока, которые взрывались и сжигали все вокруг, даже железо плавилось. За 6 недель боев с карателями партизаны понесли большие потери, но и немцам досталось. Немцы взяли партизан в окружение, состоящие из 4 колец. В этой карательной операции на стороне немцев были формирования, состоящие из крымских татар и части СС. Командование партизан приняло решение прорываться. 4 мая 1944 года, мы дошли до железной дороги. Когда стемнело, то мы пошли на штурм. Немцы установили на железной дороге платформы, мешки с песком и пулеметы, стреляющими трассирующими пулями, но нам удалось

взорвать несколько платформ с пулеметами и вырваться из окружения в Западную Белоруссию. Очень много убитых было с обеих сторон.

27 июня 1944 года наш партизанский отряд соединился с наступающей Красной Армией. Белоруссия была вся освобождена. Кончилась партизанская жизнь, впереди была служба в Красной Армии, в которую меня призвали 24 октября 1944 года. Попал я на 3 Белорусский фронт. Фронт наступал на Кенигсберг. Наша часть совершила марш бросок. Шли мы четверо суток, проходя в день по 60 километров, спали на ходу. Пришли на место и сходу нас бросили в бой. Я был при станковом пулемете и по глупости подпустил немцев на близкое расстояние, и в мой пулемет бросили гранату. Взрывом меня ранило в ладонь и меня отправили в госпиталь. По пути из госпиталя, я завернул домой. Мои родные были очень рады меня видеть, потому что до этого они получили по ошибке похоронку, что я погиб.

После госпиталя я попал в 938 стрелковый ордена Кутузова полк, 306 стрелковой Рабшевской Краснознамённой дивизии. Мы вели бои в Курляндии. В то время я был телефонистом взвода связи. В наступательном бою 1 апреля 1945 года несколько раз рвалась связь между командным пунктом полка и подразделениями. В один из таких порывов я получил приказ восстановить связь. Под сильным артиллерийским и минометным обстрелом я обнаружил и восстановил 6 порывов связи. Вернулся живым и доложил о выполнении приказа, а через две недели меня наградили за это медалью «За отвагу».

8 мая 1945 г. в два часа дня на нашем участке фронта немцы подняли белые флаги и начали сдаваться. Окончилась война с Германией. Но нашей дивизии предстояло еще повоевать с Японией. Нас погрузили в товарные вагоны и повезли на Дальний Восток - 13000 километров. Но пока мы ехали война кончилась. Американцы сбросили на Японию две атомные бомбы, а наши войска разгромили Квантунскую армию Японии. Нас передислоцировали в Узбекистан, в город Самарканд, где я прослужил до демобилизации в 1946 году..

За участие в партизанском движении я был награжден медалью «Партизану Великой Отечественной войны I степени» и был также награждён медалью «За победу над Германией».

После демобилизации я жил в городе Рига, где 11 лет проработал в жилищном управлении города. В 1957 году иммигрировал в Польшу, устроился на работу водителем такси, и начал искать родственников по всему миру. В 1960 году, я переехал в Канаду с женой и сыном, с \$638 в кармане. Я не знал языка, и меня знакомый партизан устроил на работу в магазин одежды в центре Торонто. Но спустя несколько лет я открыл собственный мебельный бизнес, чем и занимался все это время. Помимо мебельного бизнеса я активно занимался фермерским хозяйством. За все время моей работы я ни разу не взял на работу немца. Однажды пришел ко

мне устраиваться на работу один австриец, и я ему отказал. Мой партнер спросил меня “а почему ты его не взял?”. Я сказал: “During the war 65% of SS officers were Austrians. I have enough reasons to explain why I have done that”. (Во время войны 65% офицеров СС были австрийцами. У меня достаточно оснований объяснить почему я так решил).

Некоторые воспоминания о войне

Кевеш Лазарь Ефимович
Участник боевых действий

Я родился в городе Гомеле, Белорусская ССР, в семье врачей. Вскоре после моего рождения, семья переехала в Ленинград, где родился мой брат Лева и где я прожил большую часть жизни

Отец, Ефим Лазаревич, врач-рентгенолог, в предвоенные годы был научным сотрудником Центрального рентгено-радиологического института, мать, Мария Аркадьевна, врач-педиатр, работала в одной из детских поликлиник.

В первые дни войны отец был мобилизован и направлен на Карельский фронт. Мать незадолго до начала блокады Ленинграда получила приказ о назначении врачом эвакопоезда (большого товарного эшелона) для эвакуации детей в Сибирь, в город Барнаул. Мама, естественно, взяла меня и брата с собой, но до Сибири мы с братом не доехали, а сошли с поезда в городе Кирове (ныне Вятка), куда в то время уже были эвакуированы из Москвы некоторые наши родственники. Благополучно доставив детей в Барнаул, мама вернулась в г. Киров, где стала работать хирургом в одном из эвакогоспиталей. Мы же с братом продолжали учебу в школе. Он – в шестом классе, я – в десятом.

По окончании школы в 1942 году я был призван в армию и направлен военкоматом в Ленинградскую Военно-морскую медицинскую Академию, которая в то время находилась в г. Кирове. Затем два года учебы в Академии – в самое напряженное для страны время. Летом 1944 года Академия была возвращена в Ленинград, где стала частью действующей армии, до конца войны выполняла свои новые медицинские задачи в пределах оперативной зоны действующего Балтийского флота и Ленинградского фронта. Важнейшей из этих задач, являлось с участием курсантов, оказание квалифицированной медицинской помощи раненым морякам Балтийского флота и воинам Ленинградского фронта с целью скорейшего возвращения их в строй.

Естественно, что учебный процесс в этот период существенно изменился – необходимо было без ущерба для качества совмещать учебу с работой в клиниках.

Работа эта была весьма напряженной и продолжительной, так как имела отношение не только к учебному процессу, но и носила характер помощи лечебному персоналу. Конкретный вид этой помощи зависел

от уровня подготовки того или иного курсанта, от количества курсов, которые он успел окончить. Так как я к тому моменту окончил только второй курс, т.е. успел изучить лишь теоретические дисциплины, знание которых необходимы будущему врачу, а с практической медициной еще не соприкасался, то и помощь моя носила преимущественно подсобный характер. Хочу особо подчеркнуть, что никаких героических поступков в процессе этой работы я не совершал и откровенно говоря, не стал бы писать эти строки, если бы не желание рассказать об отце, о его военной службе в блокадном Ленинграде.

Как я уже упомянул, в первые дни войны он был направлен на Карельский фронт. Но вскоре неожиданно для него, был переведен на Ленинградский фронт, а точнее - в блокадный Ленинград.

Дело в том, что в тот момент командование Ленинградским фронтом приняло решение о создании в Ленинграде специализированного госпиталя для хирургического лечения защитников города, раненых в грудь. Причина такого решения была в том, что раненых в грудь было очень много, а необходимое хирургическое лечение их в большинстве госпиталей не могло быть осуществлено, так как эта область хирургии до войны была еще слабо развита.

Главным хирургом специализированного торакального госпиталя (от латинского слова торакас – грудная клетка) стал один из ведущих хирургов страны, главный хирург Ленинградского и Северного фронтов профессор Петр Андреевич Куприянов. В период организации госпиталя он попросил главного рентгенолога Ленинградского фронта профессора Михаила Исаевича Неменова направить для работы в госпиталь высококвалифицированного рентгенолога, ибо оперировать раненых в грудь без точной предварительной диагностики характера и объема поврежденных органов грудной полости, без распознавания застрявших в груди металлических инородных тел – осколков снарядов и пуль, и главное, точного определения их локализации, невозможно. Решались же все эти диагностические задачи в то время главным образом с помощью рентгенологического метода исследования, Профессор М.И. Неменов, основатель и директор Центрального рентгено-радиологического института, принял решение направить в организуемый госпиталь моего отца, которого хорошо знал по работе в этом институте. Именно тогда отец и был переведен с Карельского фронта в блокадный Ленинград.

Специализированный торакальный госпиталь был расположен в хорошо известном ленинградцам Инженерном замке – резиденции императора Павла I.

Работа в госпитале была очень напряженной, так как поток раненых был практически непрерывным. Рентгенологические исследования, рассказывал отец, иногда приходилось делать не только днем но и ночью. Сложность работы отца заключалась еще и в том, что он был назначен не

только рентгенологом но и начмедом госпиталя. Чтобы успевать со всеми своими обязанностями, главное, чтобы иметь возможность вовремя провести необходимые исследования, он отгородил часть своего большого по площади и объему рентгеновского кабинета легкой перегородкой и превратил отгороженную часть в свою жилую комнату.

Благодаря этому он практически всегда находился на своем рабочем месте и в любой момент мог провести необходимые исследования.

На протяжении длительного периода времени отец не выходил из госпиталя, напряженная работа не позволяла этого делать. Но иногда он вспоминал о нашем доме. Цел ли он? Ведь город постоянно подвергался бомбежке и обстрелу из дальнобойных орудий. И вот однажды, когда выдался небольшой перерыв в поступлении раненых, он решил посмотреть цел ли наш дом, тем боле, что он находился не более, чем в полчаса ходьбы от Инженерного замка. Получив разрешение начальника госпиталя, он направился к дому. Подойдя к нему, увидел страшную картину. Половина большого дома была полностью разрушена, другая половина, в которой находилась наша квартира, была цела. Получив представление о состоянии дома, отец сразу же направился обратно в госпиталь. Когда вошел в Каштановую алею, ведущую к Инженерному замку, то увидел в конце ее, у стен замка, группу людей. Это было странно. «Что за люди, что они там делают»- подумал он. Когда подошел ближе то увидел, что у стен замка стояли сотрудники госпиталя. «Что случилось, что вы здесь делаете?»- спросил он их.

Оказалось, что с полчаса тому назад в замок попала бомба, Бомба была небольшой мощности, разрушения были относительно невелики, главное же, - не было человеческих жертв. Но ... был полностью разрушен рентгеновский кабинет, в котором работал и жил отец. Стало очевидно, что не покинь он госпиталь в тот день и час, его не было бы в живых.

Я рассказал об этом эпизоде в военной службе отца, чтобы лишний раз напомнить об обстановке , в которой жили и работали ленинградцы в блокадный период.

Очень быстро в госпитале был создан новый рентгеновский кабинет и работа продолжалась. Благодаря функционированию госпиталя были сохранены здоровье, а во многих случаях и жизнь большого числа раненых. В этом его главная заслуга. Но как врач не могу не сказать и о том, что работа специализированного торакального госпиталя позволила поднять диагностику и хирургическое лечение ранений грудной клетки на новый, более высокий уровень.

Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что вскоре после окончания войны на одном из заседаний Ученого совета Военно-морской медицинской Академии им С.М. Кирова состоялась защита двух докторских диссертаций. Одну из них, посвященную хирургическому лечению огнестрельных ранений груди, защищал ближайший сотрудник

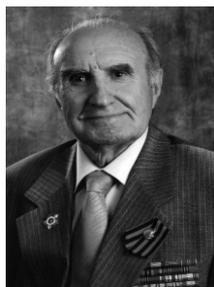
П.А.Куприянова по торакальному госпиталю и его академической хирургической клинике, будущий академик АМН СССР Иван Степанович Колесников. Другую диссертацию, посвященную рентгенодиагностике слепых огнестрельных ранений грудной клетки, защищал мой отец Ефим Лазаревич Кевеш.

А спустя год после защиты обе диссертации были опубликованы в виде монографий. В предисловии к монографии отца, вице –президент АМН СССР П.А. Куприянов написал: «Если мы имеем известные успехи в ориентации в положении инородного тела в легких или в сердце и имеем уверенность, что на операции обнаружим инородное тело, то в этом отношении мы обязаны выработанной автором методике определения локализации инородных тел в грудной полости, отличающейся простотой, доступностью и законченностью.»

По окончанию войны, когда торакальный госпиталь был закрыт, отец мог демобилизоваться, но П.А. Куприянов предложил ему остаться на военной службе, чтобы продолжить совместную работу в его хирургической клинике в Военно-морской медицинской Академии им, С.М. Кирова. Отец принял это предложение, и они еще много лет работали вместе.

В заключении не могу не сказать несколько слов о послевоенной судьбе моих сокурсников по учебе в Военно–морской медицинской Академии им. С.М. Кирова. Ответственное отношение к учебе и напряженная практическая работа в клиниках в период войны, а также пример выдающихся учителей – академиков Ю. Ю. Джанелидзе, А. А. Мясникова и других сыграли значительную роль в их дальнейшем профессиональном росте. Многие из них сами стали прекрасными врачами, видными деятелями медицины - докторами наук, профессорами, академиками. А старшина нашего курса Федор Иванович Комаров стал еще и главным военным медиком страны – Начальником Центрального военно-медицинского управления Министерства обороны СССР.

Маньчжурская операция

Кичигин Анатолий Валентинович

Участник боевых действий

Я родился 7 ноября 1925г. в селе Борское Самарской области. 4 января 1943г. со школьной скамьи был призван в ряды Красной Армии и направлен на Дальневосточный фронт. С января по июнь 1943г. я курсант школы младшего командного состава запасного полка связи, дислоцированного в с. Князе-Волконское Хабаровского края. После окончания школы в звании младшего сержанта, был направлен в г. Хабаровск на должность помощника командира взвода отдельной роты связи 255-ой стрелковой дивизии 15-ой армии.

Солдатские будни проходили в постоянном совершенствовании боевой подготовки в условиях постоянных провокаций со стороны японской Квантунской армии, дислоцированной в Маньчжурии. Многочисленные учения и марш-броски, проходили в условиях приближенных к боевым, при любой погоде.

Взвод, включающий личный состав пункта сбора донесений и группу авиасигнальщиков, нес постоянное боевое дежурство на здании штаба дивизии с целью своевременного обнаружения возможного налёта японских самолётов.

В декабре 1944г. в плане подготовки войны с Японией на базе отдельной роты связи был сформирован 630-й отдельный батальон связи, и я в звании старшего сержанта был назначен начальником пункта сбора донесений 255-ой стрелковой дивизии.

Весной 1945г. батальон принял пополнение воинов, закалённых в боях с немецкими фашистами. Чувствовалось, что надвигаются события заключительного этапа Второй мировой войны. Нам, хорошо знавшим дальневосточный театр военных действий, вместе с бойцами с хорошим боевым опытом предстояло выполнить свой военный долг, помня оставшиеся как в сказке «Штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни».

С 9 августа по 3 сентября 1945г. участвовал в боях с японской Квантунской армией в составе Второго Дальневосточного фронта в направлении городов Фунцзян-Цзямусы-Харбин. Несмотря на проливные дожди и распутицу, взвод обеспечил надёжную телефонную, радиосвязь и связь посыльными с полками и штабом армии.

После занятия Харбина 20 августа 1945г. наш 630-й батальон вместе с другими частями дивизии был переброшен в порт Ванина, где была посадка

на корабли Тихоокеанского флота. Небольшая эскадра шла в направлении о. Хоккайдо, но встреченная американскими фрегатами, после объявления о «сбитии» с курса, направилась на Камчатку. Пять послевоенных лет, вплоть до демобилизации в июле 1950-го в звании старшего сержанта, я прослужил на Камчатке.

В 1955-м году закончил Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина, где прошел трудовой путь от студента до профессора, проректора института. Награждён орденами Отечественной войны второй степени, Трудового Красного знамени, медалями «За победу над Японией», «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», юбилейными медалями; занесён в книгу почёта РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина; почётный нефтяник, почётный работник газовой промышленности. В 2003-м г. по приглашению дочери вместе с женой переехал в Канаду.

Учитывая недостаточную освещенность в средствах массовой информации о противостоянии СССР и Японии в 30-40-х гг. прошлого столетия, и завершающей его фазы в период мощной и блестяще проведённой Маньчжурской операции, приведшей к окончанию Второй Мировой войны, мне хотелось на страницах этого сборника привлечь внимание к этим событиям. Что из этого получилось - судить нашим читателям.

При подготовке материала были использованы сведения, освещенные в книгах Маршала А. М. Василевского «Дело всей жизни», П. Н. Бобылева «Великая Отечественная война», вопросы и ответы и др.

Обстановка на Дальнем Востоке перед нападением Германии на Советский Союз.

Явная опасность войны СССР с Японией возникла со второй половины 1930-х годов. В 1938г. произошли столкновения в районе оз. Хасан, а в 1939г. сражение на о. Халхин-Гол, на границе Монголии и Маньчжоу-Го. В 1940г. был создан Дальневосточный фронт, что указывало на реальный риск начала войны.

Обострение ситуации на западных границах заставило СССР искать компромисса в отношениях с Японией. Япония, в свою очередь, выбирая между вариантами агрессии против СССР на севере и против США и Великобритании на юге, все более склонялась к последнему варианту и стремилась обезопасить себя со стороны СССР. Результатом временного совпадения интересов двух стран стало подписание 13 апреля 1941г. Пакта о нейтралитете между СССР и Японией. И когда все государства «оси» объявили войну СССР, Япония оставалась нейтральной страной.

Однако на границе с СССР японцы держали Квантунскую армию – самую крупную группировку своих сухопутных войск, которая уже в 1939г. достигла 300 тыс. солдат и офицеров. Вдоль советских и монгольских границ японцы заблаговременно соорудили 17 укрепленных районов (УР), из них 8 общей протяженностью около 800 км – против Приморья. Каждый

УР простирался от 50 до 100 км по фронту и 50 км в глубину.

Оборонительные сооружения состояли из хорошо замаскированных дотов и дзотов, рвов, проволочных заграждений, 20-и метровых металлических вышек с бронированными колпаками. На вышках сидели пулеметчики-смертники. При этом японские войска вели себя так, как будто вот-вот собираются нарушить нейтралитет. В 1941г. японские войска нарушали сухопутную границу 136 раз, в 1942 – 229 раз, в 1943 – 433 раза. Японский флот блокировал советские дальневосточные порты. С лета 1941г. по конец 1944г. были задержаны 178 судов СССР, а 18 были потоплены японскими кораблями и подводными лодками.

Наличие на Дальнем Востоке крупных японских сил и вызывающее поведение японцев вынуждало командование советских войск держать в Приморье, Монголии и Забайкалье крупные военные силы, которые очень бы пригодились на советско - германском фронте. Фактически все это время на Дальнем Востоке велась позиционная война, в которой были и убитые и раненые. В 1941г. после начала Великой Отечественной войны (ВОВ), Квантунская армия на своем военном совете утвердила план «Кантокуэн» (особые маневры Квантунской армии). Фактически это был стратегический план нападения на СССР на Маньчжурской границе.

Нападение Германии на СССР и позиция Японии.

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941г. вызвало в Токио острую правительственную дискуссию на целых 10 дней. На немедленном вступлении в войну с СССР особенно настаивал министр иностранных дел Мацуока, заявлявший о возможности игнорирования «Пакта о нейтралитете», одновременно заверяя немецкого министра иностранных дел Риббентропа о готовности Японии к нападению на СССР.

На окончательное решение Японии повлияло известное высказывание Бисмарка о том, что для союза нужно два партнера: наездник и осел. Правительство страны Восходящего солнца в новой ситуации могло быть только ослом, коим оно быть не желало. В итоге правительственной дискуссии премьер-министр Тодзио высказал возобладавшую точку зрения: «Престиж Японии необычайно поднимется, если мы нападём на Советский Союз, когда он, как спелая хурма, будет готов упасть на землю.»

Т.о. в Токио решили немножко подождать, явно ожидая успеха германских армий в кампании 1941г. Это делалось не взирая на угрозы Германского вермахта значительно урезать аппетиты Японии в отношении Сибири в случае победы Германии над СССР.

СССР вынужден был держать на Востоке от 32 до 52 расчетных дивизий сухопутных войск общей численностью более 1 млн человек. Так что помощь «невоюющей» Японии воюющей гитлеровской Германии была вполне ощутимой.

Обстановка на ДВ перед началом войны с Японией

Американские руководители и историки не раз заявляли, что без вступления в войну СССР она продолжалась бы еще не менее года и стоила бы дополнительно несколько миллионов человеческих жизней. Главнокомандующий американскими вооруженными силами в бассейне Тихого океана генерал Макартур считал, что «Победа над Японией может быть гарантирована лишь в том случае, если будут разгромлены сухопутные силы.»

На заседании Большой тройки в Ялте Сталин обещал союзникам вступить в войну с Японией через 2-3 месяца после капитуляции Германии, что было с большим удовлетворением воспринято союзниками.

5 апреля 1945г. правительству Японии было официально объявлено о денонсации Советско-японского пакта о нейтралитете от 13.04.1941г. В заявлении указывалось, что пакт был подписан до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией и Великобританией и США, являющимися союзниками СССР. При таком положении, пакт потерял свой смысл, и его продление стало невозможным.

6 и 9 августа 1945г. по приказу президента США Г. Трумана японские города Хиросима и Нагасаки подверглись атомной бомбардировке в надежде, что Япония капитулирует перед США до вступления СССР в войну с Японией. Но эти расчёты не оправдались. И только после объявления Советским Союзом войны Японии заставило премьер-министра Судзуки заявить 09.08.45г: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны».

10.08.45г. император Японии Хирохито согласился с предложением своего правительства и 14.08.45г. подписал заявление о капитуляции, к неудовлетворению японской военщины, ратующей за продолжение войны. Маньчжурская операция 1945 года

По данным Главнокомандующего советскими войсками маршала А.М. Василевского к началу войны японская армия на Дальнем Востоке вместе с марионеточными войсками местных правителей насчитывала свыше 1 млн. человек. Солдаты были воспитаны в духе милитаризма, полного повиновения, крайнего фанатизма самопожертвования.

Для ускорения разгрома японских войск и скорейшего окончания войны Ставкой и Генеральным штабом в срочном порядке была осуществлена стратегическая перегруппировка сил и средств с западного театра военных действий на Дальний Восток. Были переброшены три общевойсковых и одна танковая армия в составе 12 корпусов или 39 дивизий, а также ряд других соединений и частей различных родов войск.

Цель Маньчжурской операции состояла в том, чтобы разгромить японскую Квантунскую армию, освободить Сев.-Вост. Китай и Северную

Корею и тем самым лишить Японию военно-экономической базы на материке, (плацдарма агрессии против СССР и МНР) и ускорить завершение 2-ой Мировой войны.

Предусматривалось нанесение двух основных (с тер. МНР и Приморья) и нескольких вспомогательных ударов по сходящимся в центре Маньчжурии направлениям, что обеспечивало рассеивание основных сил Квантунской армии и разгром их по частям. Операция проводилась на фронте протяженностью более 5000 км, на глубину 200-800 км на сложном театре военных действий (ТВД) с пустынно-степной, горной, лесисто-болотистой, таежной местностью с крупными реками. Японское командование готовилось оказать упорное сопротивление в приграничных укрепленных районах (УР).

9 августа ударные группировки фронтов перешли в наступление с тер. МНР и Забайкалья на хингано-мукденском, из Приамурья – на Сунгарийском и из Приморья на харбино-гиринском направлениях. Войска Забайкальского фронта под командованием маршала Сов. Союза Р.Я. Малиновского к 18-19 августа преодолели безводные степи, пустыню Гоби и горные хребты Б. Хингана, разгромили Калганскую, Солуньскую и Хайларскую группировки противника и устремились в центральные районы Сев.-Вост. Китая. Войска 1-го Дальневосточного фронта (команд. Маршал Сов. Союза К. А. Мерецков), наступавшие навстречу Забайкальскому фронту, прорвали полосу пограничных укрепленных районов противника, отразили в р-не Муданьцзяна сильные контрудары японских войск и 20 авг. вошли в Гирин и совместно с соединениями 2-го Дальневост. фронта — в Харбин.

25-я армия во взаимодействии с высаженными мор. десантами Тихоок. флота освободила порты Сев. Кореи — Юки, Расин, Сейсин и Вонсан, а затем и всю Сев. Корею до 38-й параллели, отрезав японские войска от метрополии. Войска 2-го Дальневост. фронта, Камчатский оборонит. район; (команд. ген. армии М. А. Пуркаев) во взаимодействии с Краснознам. Амур, флотилией (командующий контр-адм. Н. В. Антонов) успешно форсировали рр. Амур и Уссури, прорвали долговрем. оборону пр-ка в р-нах Сахалина (Хэйхэ), Фугдина (Фуцзинь), преодолели горный хребет М. Хинган и 20 авг. совместно с войсками 1-го Дальневост. фронта овладели Харбином. Т. о., к 20 авг. сов. войска продвинулись в глубь Сев.-Вост. Китая на 400— 800 км, с В.— на 200—300 км и с С. — на 200—300 км. Они вышли на Маньчжурскую равнину (Сунляо), расчленили япон. войска на ряд изолированных группировок и завершили их окружение.

Своими победами над ударными силами фаш. блока в Европе и блестящей победой в Маньчжурии Советский Союз внёс решающий вклад в поражение милитаристской Японии. Советский солдат поставил последнюю точку в окончании 2-ой Мировой войны.

В Сталинградской битве

Килевич Мария Иосифовна

Участник боевых действий

Когда началась война, мне шел 20-ый год, жили мы с мамой в городе Николаев, на Украине. Мама была серьезно больна и поэтому я, окончив 8 классов, пошла работать на Николаевский судостроительный завод имени Андре Марти, все в городе называли этот завод «Андремарти». Это было очень крупное предприятие, которое строило военные корабли разного класса, даже подводные лодки для военно-морского флота Советского Союза. Работала я в отделе технического контроля.

Когда началась война на заводе начали выпускать авиабомбы, но вражеские войска рвались к Днепру, к моему городу. В августе 1941 года началась массовая эвакуация на восток промышленных предприятий и населения. Вместе с заводом эвакуировались и мы с мамой. Путь наш лежал в город Астрахань. Ехали мы долго, в начале пути нас часто обстреливали и бомбили немецкие самолеты. В Астрахани нас встретили хорошо. Мы сняли комнату и я сразу пошла работать на завод. Вначале я была ученицей, а потом получила разряд и стала обрабатывать заготовки снарядов. Работали мы много, почти без выходных – фронту нужны были снаряды и мы их давали.

Однажды, это было весной 1942 года, меня пригласили в дирекцию завода и сказали, что сейчас впервые идет призыв в армию женщин. Согласна ли я? Я ответила, что согласна. Но на моем иждивении находится больная мама и я должна посоветоваться. Мама заплакала. На нашем семейном совете мы решили, идет страшная война, родину защищать должен каждый. Конечно же мама хотела, чтобы я выжила...

Нас молодых работниц завода, а это была немалая группа, отправили на пароходе в Сталинград. Разместили в бывшем доме отдыха, где был пункт первичной военной подготовки призванных в армию. За полтора месяца мы усвоили уставы воинской службы, научились стрелять, бросать гранаты, четко шагать в строю... Затем нас распределили по воинским частям, расположенным в Сталинграде. Я получила назначение в зенитный артиллерийский дивизион, который охранял Сталинградский тракторный завод (СТЗ) и стала связисткой-разведчицей на одной из батарей.

Наша батарея разместились на крышах зданий и корпусов завода, а именно наша установка на крыше пятиэтажного здания. В боевой расчет входили и девушки. Моей обязанностью было следить за воздушной обстановкой

вокруг завода с помощью специального оборудования. К тому же, у меня были хороший слух и зрение. Я могла своевременно определить какой самолет в воздухе, его приблизительную скорость полета, удаленность от завода и быстро передать эти сведения командиру батареи. Это была нелегкая и ответственная работа, учитывая, что когда начались бомбежки города жара стояла на крыше сорок градусов, а наземные боевые действия все ближе и ближе были к городским окраинам. Но я свои обязанности выполняла добросовестно, помогая артиллеристам-зенитчикам, о чем свидетельствует то, что меня перевели на эту же должность в штаб дивизиона.

Однажды, это было уже наверно в декабре, находясь на своем посту, слышу возмущение начальника штаба – с одной из батарей прекратилась связь. Начальник штаба вызывает связиста, чтобы направить его на устранение порыва телефонного провода. Оказывается, что тот еще не вернулся с выполнения другого порыва. Тогда я беру сумку связиста с инструментами и иду вдоль провода, проложенного по земле, искать порыв. Прошла метров четыреста и увидела лежащее лицом вниз мужскую фигуру. Это был немец. Мне показалось, что он неживой. На всякий случай обошла его сзади, чтобы он, если живой, не схватил меня за ноги. Наставила на него автомат и убедилась, что он мертв. Но лежит он прямо на проводе. Необходимо проверить порыв под ним. С брезгливостью и большим трудом перевернула труп. Порыв оказался именно здесь. Соединила концы, заизолировала. Батарея и штаб ответили: связь есть. А немец, кроме брезгливости вызвал у меня тогда чувство ненависти и боли...

Я хочу сказать несколько слов о заводчанах, работниках Сталинградского тракторного завода и не только его, но и заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады». Все они трудились не покладая рук, выпуская свою продукцию, нужную для обороны города до тех пор, пока их территория не стала ареной боев. Пока солдаты удерживали свои позиции, ведя огонь по врагу и нанося ему урон, рабочие заводов ремонтировали поврежденные танки и орудия в непосредственной близости от поля боя, а иногда и на самом поле боя. Это была неоценимая помощь фронту. На тракторном заводе продолжали собираться танки, которые часто укомплектовывались экипажами, состоящими из работников завода, и сразу же отправлялись в бой.

Наступил 1943 год, а с ним пришла и окончательная победа наших войск в Сталинградской битве. С огромной радостью мы встретили сообщение о том, что наши войска взяли в плен остатки 6-ой немецкой армии во главе с фельдмаршалом Паульсом.

Победа в Сталинградской битве стала коренным переломом в ходе Великой Отечественной войны и оказала серьезное влияние на дальнейший ход всей Второй Мировой войны.

Вскоре после окончания боев под Сталинградом, наш зенитно-артиллерийский полк, который стал теперь гвардейским, был

передислоцирован с Волги на Дон. Здесь мы охраняли большой мост через Дон, по которому переправлялись наступающие наши войска. Немцы не только бомбили и обстреливали мост, но и несколько раз атаковали его охрану. Во время одной из этих атак я была ранена в ногу, девушка лежавшая недалеко от меня была убита. Мне повезло.

Потом будет Белорусская операция и наступление на Вильнюс. Здесь я и встретила долгожданную Победу, в достижение которой я внесла свой скромный вклад. Награждена медалями «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

Демобилизовалась в июле 1945 года. Вышла замуж за военного. Долго жила и работала в Вильнюсе. В Канаду приехала в 1975 году.

Моя судьба

Коварский Сейдер Лазаревич

Участник боевых действий

Я родился 16 июня 1925 года в городке Свинтян, возле Вильнюса, тогда это была Польша и весь этот край назывался Западной Белоруссией. 1 сентября 1939 года гитлеровская Германия напала на Польшу и началась II Мировая война. Польская армия не смогла противостоять немецким войскам и война приближалась к нашей местности. Для нас, еврейского населения, создавалась непосредственная угроза, мы знали, что нацисты уничтожают евреев. 17 сентября мы услышали, что Красная Армия вошла в Западную Белоруссию. Наш город хорошо встретил красноармейцев и командиров Красной Армии, мы были довольны, что пришла Красная Армия, а не фашисты и что избежали войны. Западная Белоруссия стала территорией Белорусской ССР. В 1940 году Красная Армия вошла в Литву и образовалась Литовская ССР, при этом из состава Белоруссии в Литву был передан город Вильнюс с прилегающей к нему территорией, включая и наш город. Надо сказать, что нас это мало радовало, так как литовцы к нам относились нехорошо.

Война все-таки пришла к нам. Мне шел 17 год, я успел закончить 8 классов. 22 июня, в воскресенье, я был в Вильнюсе в гостях у моего дяди. Рано утром мы услышали гул самолетов и услышали взрывы. Позже нам сказали, что немцы напали и началась война. Днем об этом объявил в своем выступлении Молотов. Меня срочно отправили к себе домой. Немцы быстро продвигались к нашему городку, это 80 км. от Вильнюса и населению предложили уходить на восток. Мы добрались на поезде до Минска, но и там уже немцы бомбили во всю и мы поехали в Смоленск, а оттуда в Саратов. Там нас распределили по районам области и наша семья попала в один из совхозов, где я работал на разных работах.

Нас было три брата. Старший ушел в армию в формировавшуюся в конце 1941 года Литовскую дивизию, в этой дивизии почти половина состава были евреи. Второй брат 1924 года рождения ушел в армию в 1942 году, а меня призвали летом 1943 года. К этому времени я уже знал, что старший брат погиб на фронте. Он был минометчиком и, когда его товарищи пошли в атаку, он их поддерживал огнем из своего миномета. Его ранило, он как то перетянул рану и продолжал бой. Потом его заберут в госпиталь, где он скончается от потери крови. Когда меня будут призывать в армию, я буду проситься в его дивизию, но меня отправят в Казахстан в запасной полк. Там

я буду учиться несколько месяцев, а затем нас отправят в район Ладожского озера, где одно время будут учить форсированию водных преград, а затем я буду участвовать в боях на Ленинградском фронте, а именно в снятии блокады с Ленинграда, освобождении города Гатчина, который находился в 45 километрах от Ленинграда.

Немцы отступая от Ленинграда отчаянно сопротивлялись, взрывали все что можно, все было заминировано, мосты через реку Ижору были взорваны. В тот год зима была теплая и Ижора не замерзла, вот игодились навыки по форсированию рек. Город брали штурмом, буквально выбивали немцев из каждого дома и подвала. 26 января город был освобожден. Я видел страшную картину разрушения города, практически не осталось ни одного целого здания. Разрушен и разграблен дворцовый ансамбль Императора Павла I. Наша часть пошла дальше на город Нарву. Там немцы сильно укрепились, мы встретили сильное сопротивление, артобстрел и бомбежки и вынуждены были прекратить наступление и перейти к активной обороне.

В начале лета 1944 года Ленинградский фронт готовил наступление на Карельском перешейке с целью освобождения города Выборг и дальнейшего наступления на Финляндию. Там была сосредоточена сильная группировка немецких и финских войск. Нужно было брать знаменитую «Линию Маннергейма» и нашу дивизию перебросили на этот участок фронта. 10 июня после почти 3-х часовой артподготовки наши войска начали штурм первой полосы обороны противника, а всего этих полос было три. Наши войска прошли за 10 дней 110-120 км. и 20 июня штурмом овладели городом Выборг. Финны и немцы ушли в скалы и оттуда обстреливали наступающие уже на финской территории наши войска. Я тогда был разведчиком и нас посылали в глубь финской территории на разведку, мы бывали в 80 км. от столицы Финляндии, города Хельсинки. В середине июля активные действия на нашем фронте прекратились и нашу дивизию перекинули обратно под Нарву.

Мы стояли между Финским заливом и Нарвой и ночью видели как немцы жгут город. Нашему подразделению разведчиков дали приказ: провести на танках разведку боем, выявить возможные пути прорыва, а там все заминировано. Дали танки, начали разведку, но один из танков подорвался, меня контузило и я попал в медсанбат. Нарву наши войска взяли 26 июля и вошли в Эстонию. Я пробыл в медсанбате две недели и получил направление в разведроту 48 Краснознаменной Ропшинской стрелковой дивизии, этому очень способствовало знание мною немецкого языка. Я попал в начало Тартуской наступательной операции, которая началась 10 августа, а 26 августа Тарту был освобожден. Началась подготовка к наступлению на Ригу. Мы, разведчики, выполняли различные задания командования, которые помогали разрабатывать план наступления. Наступление на рижском направлении началось в середине сентября.

Немцы сопротивлялись упорно, но решающий бросок наших войск позволил успешно 13 октября взять Ригу, не допустив разрушения города. Наша часть тогда входила уже в состав 3 Прибалтийского фронта, в 42 армию.

Уже после Риги, вернувшись с задания, я узнал, что к нам в роту прислали немцев - перебежчиков, было странно, но командованию виднее. Вскоре группу наших разведчиков, в том числе и меня послали с этими немцами (они были в форме немецких солдат) на задание, они повели нас особой тропой по минному полю, только они знали, где можно было пройти. Мы прошли в заданный район, спрятались, а немцы пошли дальше. Мы были не далеко от немецких траншей и могли наблюдать как их там встретили, им принесли какую-ту еду, они там кушали и вдруг в небе разорвалась ракета и озарила все вокруг. Я прыгнул в какую- то глубокую воронку и это спасло меня. Немцы открыли огонь по всему их переднему краю, один из осколков попал моему товарищу –Алексею в живот и его не стало, а мне осколок попал в ногу и я самостоятельно выбраться из воронки не мог. Но разведчики своих никогда не бросают и я услышал, что меня кто-то позвал: “Сашка, Сашка...” Мы были 50 метров от немцев. Меня вытащили из воронки и на плащ-палатке, где ползком, а где и согнувшись дотащили до наших окопов, подняли и так донесли до расположения . После медсанбата у меня осколок останется в ноге, а я через некоторое , положенное для такого ранения время, вернусь в свою часть. Когда я добрался до своих разведчиков, обнаружил, что немцев уже забрали.

Война продолжалась, пришла зима 1945 года – январь. Нам было поручено совершить марш - бросок в несколько километров и утром поставить дымовую завесу. Вышли мы в заданный район и вдруг напоролись на немцев, взорвалась брошенная граната, меня ранило осколками в лицо , попало в глаз, я упал и тут я увидел одним глазом, что один, из впереди стоящих немец, хочет выстрелить в меня. Я и забыл что у меня есть ранение, выхватил гранату и бросил в них, их разорвало на кусочки. Несмотря на кровь и с одним глазом я сообразил, что я ведь один и надо взять документы у немцев, чтобы подтвердить, что было боестолкновение. Я начал обыскивать трупы, нашел солдатскую книжку и какую-то бумажку. Потом окажется, что дивизия в которой служил немец, имела крест. Я принес все это моему командиру, а он дал мне зеркало, чтобы я посмотрел на свой разбитый глаз. И тут произошло следующее: немцы пошли в контратаку, причем в их порядках были “пантеры” и меня снова ранило осколком в грудь, пробило легкое и осколок остался в корке печени. Я был в сознании и меня через медсанбат отправили в эвакогоспиталь, где вытянули кровь из легких и переправили в госпиталь в Ленинград. Там меня поставили на ноги и, когда у меня начались сильные головные боли, сделали операцию на глазу, а потом мне поставят глазной протез. В госпитале я пробуду до октября 1945 года и буду выписан с инвалидностью второй группы.

В Ленинграде был мой дядя, который работал на киностудии, и я буду жить у него и искать свою семью . Окажется , что моих родителей убили. На родине в Свинтяне я нашел своего брата, который тоже был инвалидом войны, вот что она проклятая сделала с нами. В Ленинграде жить я не смог, очень влажно и у меня от этой влажности все начинало болеть. Я уехал на родину. Потом была Польша, Германия в 1948 году, там у меня уже был ребёнок. Затем я уехал в Израиль. Там я не мог учиться из-за глаза. Занялся торговлей, открыл магазин, продавал мясо на карточки. Из Израйля в 1983 году уехал в Канаду. Я здесь занимаюсь сбором архивов о войне .

В 2012 году меня признали ветераном Канады. Такова моя судьба.

На Могилевском направлении

Коган Исаак Исаевич

Участник боевых действий

Я родился 30 марта 1926 года в селе Рокитино Киевской области. В памяти осталось голодное, трудное детство. Мать не работала, воспитывала двух детей, отец был служащим. Я и сестра учились в школе. Когда началась война мне было 15 лет. Я, мать и сестра уехали в эвакуацию на Урал, в Челябинскую область. Отец и двоюродный брат пошли на войну. Отец прошёл всю войну, дважды был ранен и дошёл до Берлина. Когда мне исполнилось 17 лет я был худой и маленького роста. Пошёл я в военкомат проситься добровольно на фронт. Военком посмотрел мой паспорт и говорит: «Иди паренек, подрасти немного, а потом мы тебя призовем в армию». В армию меня призовут в июне 1943 года и отправят в город Чебаркуль в 24 учебный стрелковый полк проходить военную подготовку.

После окончания обучения меня направят в действующую армию на 2 Белорусский фронт, где я воевал в 885 стрелковом полку 290 стрелковой дивизии до конца июня 1944 года когда я получил свое второе, теперь уже тяжелое ранение. А первое ранение было легкое, осколочное в голову и обошлось полевым госпиталем и возвращением в свой полк.

Боевых эпизодов было много, я хочу рассказать об одном из них. Летом 1944 года наш полк участвовал в операции «Багратион» - освобождении Белоруссии, в первом ее этапе Могилевской операции. Операция началась 23 июня. Бои были тяжелые. Немцы ожесточенно сопротивлялись нашему наступлению. У них были хорошо укрепленные позиции, плотный артиллерийский, минометный и пулеметный огонь. У нас были большие потери, особенно командного состава. Но наши солдаты шли вперед, за пять дней мы продвинулись километром на 80.

Особенно мне запомнилось 28 июня. Мы наступали. Бой шел в районе деревни Бутино. Ранено нашего командира взвода. Я и еще трое солдат бросились его спасать. Ранение у него было тяжелое в живот и ногу. Мы на плащ-палатке потащили его в тыл. Но тут немцы усилили огонь из минометов и пулеметов, пули свистели над нашими головами. Командира нам спасти не удалось, он умер на наших глазах от большого кровотечения, которое нам не удалось остановить. Одна из мин разорвалась рядом с нами, осколки накрыли нас, попали и в мертвого командира, мне в обе ноги и еще в трех солдат. Каким-то образом мы все свалились в какую-то холодную и мокрую канаву, у нас хватило сил затащить туда и тело командира. В канаве

лежали и другие погибшие и раненые. Вдруг пошел сильный дождь, он скоро прекратился, но в канаве скопилась вода и мы все промокли насквозь и лежали в воде. Бой уходил вперед. Все это случилось до полудня. Мы долго ждали и очень замерзли пока нас не вытащили из канавы и погрузили на санитарные повозки и доставили в полевой госпиталь, там обработали раны. А так как у меня было тяжелое ранение, то меня отправили в санитарный поезд, в результате я оказался в подмосковном госпитале. Врачи не смогли извлечь осколки, так как это было связано с угрозой жизни и оставили их, но сделали все чтобы спасти мне ноги, за что я им безмерно благодарен. Ну а осколки, так и находятся в моих ногах всю мою жизнь и служат напоминанием о моей боевой молодости.

Уже в санитарном поезде я узнал, что полки нашей дивизии в этот же день, 28 июня, к вечеру, освободили город Могилев и нашей дивизии было присвоено наименование «Могилевская» и она была награждена орденом «Красного Знамени». В этом отмечалась и частица моего ратного труда. В госпитале я пролежал почти полгода и был комиссован, как тогда говорили, «подчистую».

Когда меня демобилизовали я работал в Москве на телефонной станции. Когда узнал что семья вернулась из эвакуации, тоже вернулся в Киев.

После войны окончил курсы и проработал 40 лет механиком швейных машин на фабрике. Потом мы с семьёй уехали в Израиль, а после переехали в Канаду.

За боевые заслуги я был награжден орденом «Отечественная война II степени», медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

Приближается 70-летие Победы и все люди, живущие на земле должны помнить о той войне, о той трагедии, которая случилась в 1939-1945 годах и не допустить повторения подобного. А ветераны войны, дожившие до этой великой даты, должны нести правду об этой войне подрастающему поколению и давать отпор недобросовестным попыткам переписать историю войны и уменьшить значение нашей Победы.

Во имя спасения раненых

Козловский Юзеф Исаакович

Участник боевых действий

Статья написана в 2007г. к 62-ой годовщине Победы.

Дорогие ветераны! Приближается 9 мая, 62-я годовщина нашей Победы! Ваша боевая судьба - наглядный пример тому, каким трудом и лишениями была достигнута Победа. Поэтому она безгранично ценна тем, что позволила людям жить сейчас, в мирное время, осознавая, что сотни тысяч жизней и судеб были положены на ее алтарь. К сожалению, в некоторых странах средства массовой информации приписывают основную заслугу в разгроме фашизма союзникам.

Не будем судить их строго: каждая страна ценит прежде всего свои заслуги. Завидовать можно только тому, как страна относится к своим ветеранам войны и заботится о них. Канада может быть этому примерам.

Вспоминая войну, мы отдаем должное главному труженику войны - пехоте, "богу войны" - артиллерии, танкистам, летчикам, но несправедливо умалчиваем о службе, которая спасала раненых, возвращала им жизнь, возвращала в строй опытных обстрелянных бойцов: из каждых десяти раненых медики возвращали в строй более семи (72,6 %). Спасение раненых зависело от вовремя и правильно оказанной первой медицинской помощи и выноса их в надежное укрытие. Понимая значимость этого, Приказом Верховного главнокомандующего NQ 427 от декабря 1942 года был установлен порядок поощрения младшего звена медицинской службы - санитаров, санитаров-носильщиков, санитарных инструкторов: - за вынос с поля боя 10 раненых с оружием, награждались медалью "За отвагу"; - за вынос с поля боя 15 раненых с оружием, награждались орденом «Красной Звезды»; - за вынос с поля боя 20 раненых с оружием, награждались орденом «Красного Знамени».

Медикам приходилось не только спасать раненых, оказывая им медицинскую помощь, но и защищать раненых, ведя бой с противником. Таких эпизодов только в полку, где мне пришлось возглавить медицинскую службу можно бы привести немало, ограничусь двумя.

Военфельдшер Леня Колончиков под огнем противника выносил раненых с поля боя, оказывая им первую медицинскую помощь, и перетаскивал их в глубокую воронку от авиабомбы. Неожиданно со стороны деревни Суходол (восточнее г. Орла) показались в ражеские солдаты. Они наступали в том направлении, где были укрыты раненые и где единственным здоровым был Колончиков. Вынести раненых в безопасное место фельдшер

уже не мог, а бросить их тоже не мог. Оставалось одно - принять бой. И вдруг фельдшер услышал: “Командуй, браток, не стесняйся”. Это был слабый голос одного из раненых: “Одному тебе долго не продержаться, а мы будем помогать. Только поверни меня на лупок”. Набольшая группа вышедших из строя воинов встретила гитлеровцев метким огнем, отбила несколько атак, но потеряла своего вожака.

Санинструктор Нина Леснова за оказание первой медицинской помощи и вынос с поля боя 61 раненого была награждена орденом «Красной Звезды»

Военные медики постоянно совершенствовали объем оказываемой медицинской помощи и максимально приближали ее к району боевых действий. В полковом медпункте осуществлялись такие важные лечебные действия, спасавшие жизнь раненых, как переливание крови, транспортная иммобилизация переломов, противошоковая терапия, закрытие пневмоторакса (окклюзивная повязка) при ранении грудной клетки, вагосимпатическая блокада и многое другое. То, что сегодня можно встретить ветерана войны вполне здоровым с “золотой” или красной нашивками, - свидетельство труда военных медиков.

29 июня 1943 года, Москва, Центральный Дом Красной Армии, в зале выпускники Военного факультета Второго московского мединститута.

С напутственным словом военным медикам выступает начальник Главного военно-санитарного управления Красной Армии генерал-полковник медслужбы Ефим Иванович Смирнов. Объявляется приказ о присвоении нам звания «Капитан медслужбы». На следующий день - распределение на фронт. На школьной доске выписаны названия 14-ти фронтов, в том числе Дальневосточный. Мое внимание привлекают три: Западный, Брянский и Центральный. Недолго раздумывая, прошу направить меня на Брянский фронт в надежде, что, возможно, удастся принять участие в боях за освобождение Белоруссии, родного города Дубровно. Впоследствии надеждам моим суждено было сбыться.

29 сентября 1943 года восточнее городов Жлобин, Рогачев мы с боями вступили в Белоруссию. Недолгие сборы, и мы, 24 капитана медслужбы, уже в штабе тыла фронта в лесу в районе г.Тулы. Получаю предписание для прохождения дальнейшей службы в 63-ю армию (командующий генерал-лейтенант Колпакчи), как оказалось, нацеленную для наступления в направлении г.Орла. Началась Курская битва.

Я, 22-летний юноша, был назначен начальником медслужбы 457 стрелкового полка 129 стрелковой дивизии. С этого момента был обязан организовывать и обеспечивать медицинскую помощь личному составу. Полк в составе дивизии в первом эшелоне прорывал укрепленную в течение двух лет оборону противника. Должность ответственная, справлюсь ли? Ведь речь идет о спасении жизни людей. Оказывается, война - это очень скорая школа, она заставляет действовать, а не мудрить.

В составе 457 Белостокского Краснознаменного стрелкового полка 129 Орловской Краснознаменной ордена Кутузова стрелковой дивизии я участвовал в боях на Курской Дуге, в освобождении городов Орел, Брянск, Рогачев, Жлобин, Кировск, Бобруйск, Волковыск, Белосток. Во взятии городов Ортельсбург, Браунсберг, Кенигсберг, Берлин.

В блокадном Ленинграде

Королева Тамара Анатольевна
Житель блокадного Ленинграда

Я, Тамара Анатольевна Королёва, родилась в городе Ленинграде 30 марта 1928 года. В мае 1941 года закончила 5-ый класс с похвальной грамотой. Когда началась война я была в Ленинграде и готовилась к поездке в пионерский лагерь на вторую смену. Нас в начале июля отправили в лагерь. Ведь никто не думал, что так сложится обстановка под Ленинградом, мы не доехали до лагеря. Попали под бомбежку и по команде старших высыпали из вагонов в лес, прятаться. Потом снова в вагоны, проехали немного и снова бомбежка и в лес. Потом разбомбили железнодорожное полотно и мы обратно в Ленинград, по области добирались трое суток. Еще раз попадали под бомбежку и много раз видели в небе, над своими головами, зловещие немецкие самолеты с огромными крестами.

Ленинград нас встретил строгостью, народным ополчением, работой взрослых по созданию оборонительных укреплений, воздушными тревогами. Началась эвакуация предприятий и населения. Мы с мамой и младшей сестрой не успели эвакуироваться, остались в городе. В сентябре началась блокада. Начались варварские бомбардировки и артобстрелы. Немецкие бомбардировщики сбрасывали на город тысячи зажигательных бомб. Сожгли Бадаевские склады, где хранились запасы продовольствия. Это был страшный пожар. Пламя бушевало, а дым поднимался выше облаков. Сгорело все, город был обречен на голод. Вспоминаю, что был какой-то день, когда немцы совершили на город 24 налета. В первые дни сентября мы еще ходили в школу, но вскоре они начали закрываться и я так и осталась с 5-ю классами образования в возрасте 13 лет. Наступила пора тяжелых и трагических испытаний.

В конце осени 1941 года во время артобстрела в наш дом днем попал снаряд, в 5-ый этаж, он срикошетил и влетел через окно в нашу комнату и попал прямо в кровать и там взорвался. Нам и другим жильцам квартиры повезло, мы в этот момент находились на лестничной площадке. Двери все вырвало, нас выкинуло взрывной волной и мы покатались вниз по лестнице. Получили ушибы и царапины, а я вообще осталась без царапинки. Нам повезло тем, что это произошло днем, а не ночью. Повезло вдвойне, остались живы и домоуправ дала комнату в одной коммуналке, она была свободна, так как люди оттуда эвакуировались. Удобств в доме уже не было, не было и воды. Ходила за водой к Неве. До морозов это было ничего,

А с морозами...

Помню однажды я шла по большому проспекту Васильевского острова и вижу пролетел немецкий самолет и летят листовки. Подняла одну из них и прочитала “Доедайте соевые бобы приготавливайте гробы”. Вот так советовали фашисты. Но не так думали ленинградцы. Мы боролись, мы хотели выжить и жить.

Наступила зима. Такой суровой зимы Ленинград давно не знал. Хлеб 125 грамм, да и то не всегда доставался. За водой я ходила с санками к проруби на Неве. К санкам привязывала несколько больших кастрюль, наполняла их и остороженько, чтобы не слишком расплескать, везла домой. Однажды на моем пути оказался матросский патруль, со словами о помощи довести воду до дома, так как они сочли, что я была ещё ребёнком. Разговорившись, они спросили сколько мне лет, я ответила что уже 16 (соврала), тогда они пригласили меня прийти в их штаб и стать вольнонаёмной. Я так и сделала, и этим я выжила и помогла выжить маме и сестре. Пришла в штаб, меня оформили в морские мастерские, научили работать на станках (токарном и строгательном). В скором времени я начала самостоятельно изготавливать поручаемые мне детали для ремонта судов и изготовления снарядов, выполняя свой план и порой намного перевыполняя. Благодаря этой работе я подкармливала маму и сестру пищей, которую мне давали.

Приходилось выполнять и другие работы, которые поручало мне мое военное начальство. Как –то мне приказали помогать хоронить покойников. Я заходила в квартиры, они все были открыты, находила умерших людей, старалась найти их документы, заворачивала их в простынь, вытаскивала на улицу и везла на санях по 17-ой линии Васильевского острова на Смоленское кладбище. Там была вырыта братская могила, в которую мы сваливали покойников. Делала я это всё очень смело. Потом мой командир - капитан II ранга поручил мне отработать, не помню сколько часов, в госпитале. Там я дежурила санитаркой, мне было 15 лет и я делала все, что мне поручали.

А вот с санками связан такой случай. Той лютой зимой мы с мамой пошли к бабушке на другой берег Невы. Взяли с собой и сестренку, посадили, вернее положили на санки, идем по реке. Навстречу идет женщина и говорит нам – “Вы ребенка потеряли”. Я оглянулась и увидела, что сестренка лежит в снегу. Она так была истощена, настолько была легкая, что я даже не почувствовала, что на санках ее нет. А бабушка и бабушка вскоре умерли от истощения.

Пришла весна 1942 года. В мае мой командир поручил мне собрать по домам всех оставшихся в живых детей, которые остались без родителей. Было решение отправить их на большую землю (так называли в Ленинграде территорию не оккупированную гитлеровцами). Дали нам большую баржу и катер, погрузили туда этих детей, а мне приказали их сопроводить через Ладожское озеро. Я конечно же смиренно согласилась, но по истечении 2-3

дней, мне сообщили, что вместо меня поедет другой человек. К великому сожалению, по пути следования, эту баржу немецкие бомбардировщики разбомбили, не оставив в живых никого, ни сопровождающего, ни детей. Смерть меня миновала уже в который раз за всё время войны.

Мое военное начальство проявляло заботу о том, чтобы мы, кто работал по вольному найму и не окончил школу, могли получить образование. Меня, в 1944 году, направили на учёбу в школу для переростков, где я закончила 6-ой и 7-ой классы.

Нет сил все вспоминать и рассказывать. Это очень тяжелые, порою трагические воспоминания. Все жители блокадного Ленинграда боролись за свое выживание и все, в силу своих возможностей, отдавали все для достижения победы над злейшим врагом – фашизмом. Еще шла война, а в 1944 году командование части, в которой я служила вручило мне медаль “За оборону Ленинграда”, тем самым отметив мои скромные заслуги в защите города. Потом, после войны, меня будут награждать всеми юбилейными наградами, связанными с Великой Отечественной войной.

В конце войны я познакомилась с молодым офицером. Мы полюбили друг друга и когда мне исполнилось 18 лет – поженились. 9 мая 1947 года, в день Победы, у меня родился сын, потом будет дочь. Служба кадрового офицера связана с многочисленными переездами. Жили в Калининграде, Вильнюсе, Киеве. Муж умер в 1981 год в звании – полковника. В Канаду я приехала в 2001 году к сыну. У меня четверо внуков и четверо правнуков.

В боях с бандитскими формированиями

Кравец Борис Семёнович
Участник боевых действий

Я родился 23-го августа 1927г. в г. Наровля, Беларусь. До 1941-го учился в школе. Отец у меня был военным, имел звание «полковой комиссар» и носил в петлице три шпалы. До войны он бы военным комиссаром в Наровле.

Уже ночью 22 июня, когда началась война, он ушел из дома и больше мы его не видели. Потом, много времени спустя, мы получили известие, что он пропал без вести. Я остался с матерью и младшими братьями Маратом, 1937 г.р., и Владимиром, 1940 г.р. Нас срочно эвакуировали, посадили на баржу и повезли по Припяти в сторону Киева. По пути следования образовался целый караван из нескольких барж. Между Киевом и Днепропетровском нас бомбили, две баржи потопили. Из Днепропетровска нас отправили в Краснодарский край - станицу Медведевку. Это была казачья станица. Пробыли там 2 месяца. Вскоре к станции начали подходить немецкие войска, и нас эвакуировали теперь уже в Махачкалу. Затем мы уехали в Узбекскую ССР, город Янгикурган, в Намаганской области. Мать пошла работать уборщицей в школу, а через год, когда мне исполнилось 15 лет, я пошел работать на военный завод, научился оттачивать гильзы. Работали по 12 часов в день. В это время мой годовалый братик умер от воспаления легких.

Летом 1944 года Красная Армия освободила Минск, а вскоре и всю Беларусь. В Августе 1944 года наша семья вернулась в Минск. Мать с братиком уехали в Наровлю, а меня призвали в армию - попал я в пограничный полк, который был передан Белорусской ССР. После освобождения у Белоруссии не было границ. В лесах бродили и грызались банды бандеровцев, власовцев, и отступавших недобитых немцев. Наш полк был предан Народному Комиссариату Государственной Безопасности БССР. Командиром полка был Николаев, комиссаром Жуков, начальником штаба Филатов. Я был рядовым, и служил в так называемых заградительных отрядах на белорусской, литовской и украинской территориях. Первое мое сражение было на стыке Белоруссии и Литвы, в д. Василишки, с отступающими немецкими и прибалтийскими националистическими группировками. Затем подразделения полка пошли в сторону Каунаса и дальше по территории Восточной Пруссии дошли до тех мест, где в то время взорвали генерала армии Черниховского (командующего Белорусским 3-им

фронтом). На этом пути мы вступали в боевые столкновения с немцами, бежавшими из Кёнигсберга, а также прибалтийскими, белорусскими и украинскими группировками, которые не признавали советскую власть. Так же были и польские группировки из так называемой Армии Крайовой и польских частей СС. Там в боях у меня погиб близкий товарищ, это случилось в декабре 1944-го года, он был убит снайпером. За участие в ликвидации одной из банд меня наградили медалью “За отвагу”. В 1945-ом я также получил медаль «За победу над Германией». В 1985 году, в связи с 40-летием Победы, меня наградили орденом «Отечественной войны II степени».

Кончилась война. Мне было 18 лет, был я тогда помощником оперуполномоченного. Меня отправили учиться в училище госбезопасности. С июля 1945 я был курсантом. Набрали 17 евреев, а затем 15 отчислили. В училище из нас готовили оперативно-следственных работников. Во время учебы нас постоянно снимали с учебы и отправляли в Львовскую область на борьбу с бандеровцами. Там все было сложно, так как их поддерживало сельское население. Выпустили из училища в 1948-м году в звании лейтенанта. Направили работать в лагерь военнопленных под Минском. В лагере было до 2000 пленных.

Работая в органах МГБ, я экстерном окончил среднюю школу, а в июне 1951 года, так же экстерном, закончил Мозырский государственный педагогический институт. В октябре 1952 г. я попал под сокращение органов государственной безопасности из-за того, что я еврей. Мне пришлось идти в учителя и заочно заканчивать Минский государственный педагогический институт имени Горького – исторический факультет, одновременно работая учителем. В этой должности я проработал семь лет. Затем, до 1990 года, работал директором школы в Мозыре. У меня было 3200 учеников. В 1990г. была вероятность еврейских погромов, поэтому пришлось уехать в Израиль. В 2001 я приехал в Канаду к сыну.

“Катюша” в битве за Берлин

Креинин Яков Вульфович
Участник боевых действий

Я родился 29 августа 1923 года в г. Ставрополь. С мая 1941 года в рядах Красной Армии. Войну встретил, будучи курсантом Московского артиллерийского училища им. Л.Б. Красина, сначала нас готовили как артиллеристов полевой артиллерии, а затем перепрофилировали на выпуск командиров ракетных минометных установок. Будучи курсантом этого училища, мне довелось участвовать в историческом Параде на Красной площади в Москве 7 ноября 1941 года. В марте 1942 года окончил училище и был выпущен лейтенантом - командиром огневого взвода.

Уже в начале лета 1942 года участвовал в боях под Харьковом. Затем была Сталинградская битва, Курская дуга, освобождение Украины, Польши. В 1943 году за боевые действия на Курской дуге был награжден орденом «Красная Звезда».

Я хочу рассказать о роде войск, в котором я воевал, и об участии гвардейских реактивных минометов «катюша» в битве за Берлин. Реактивные минометные установки уже осенью 1941 года, под Ельней, под командованием капитана Ивана Флерова, навели на немцев такой ужас, от которого они тряслись всю войну. На вид боевая машина гвардейских реактивных минометов была проста и неказиста, напоминала пожарную машину. Однако, эта боевая машина с ласковым именем «катюша», была грозным оружием Красной Армии. Чтобы показать огневую мощь этого оружия, достаточно сказать, что по количеству снарядов в залпе мощность дивизиона реактивных установок М-8 и М-13 в 11-32 раза превосходила мощность дивизионов полевой артиллерии, на вооружении которых были орудия близкого калибра.

Возможно, это не всем интересно, но я коротко расскажу, как работает «катюша». Стреляли мы реактивными снарядами диаметром 132 мм. На снаряд сзади навинчивалась реактивная часть, со специальным порохом. Газы, образовавшиеся после сгорания пороха, толкали мину - снаряд в направлении цели. Управление стрельбой велось из кабины автомобиля, на котором была смонтирована установка, по специально разработанным правилам, при помощи специального прибора. Дальность составляла 4,5 км. В первое время установки крепились на автомобилях «ЗИС-6», а потом - в основном на высоко проходимых грузовиках автомобилей «Студебеккер».

Хочется еще раз подчеркнуть боевую мощь этого грозного для наших врагов оружия – залп полка реактивных минометных установок, а это 36 пусковых установок, составлял 576 снарядов калибра 132, при этом живая сила и боевая техника противника уничтожались на площади 100 гектаров.

Из этого становится ясным, что наибольшая эффективность применения реактивной артиллерии была при сосредоточении значительного числа боевых машин на главном направлении действия наших войск. Так и было в Берлинской операции, участником которой я был в качестве командира батареи БМ-13, в составе 303-го Гвардейского Краснознаменного орденов Кутузова II степени и Александра Невского Лодзинского (позднее и Бранденбургского) минометного полка.

1-й Белорусский фронт под командованием маршала Жукова Г.К. начал наступление на Берлин 16 апреля в 4 часа утра невиданной по своей мощи артподготовкой, такого не было ни на одном фронте за всю войну. Отмечу, что только гвардейских минометных дивизионов «катюш» на берлинском направлении было 219, при общем количестве дивизионов 519 в Красной Армии на этот период. У солдат и офицеров артиллеристов, и у нас - минометчиков, вообще было правило - при мощных артобстрелах, помимо своей работы, орать изо всех сил, чтобы уравновешивать давление на барабанные перепонки, дабы они не лопались и из ушей не текла кровь, но в этой страшной канонаде это не действовало, у многих текла кровь из ушей. Ракетные снаряды срывались с установок огненными пачками и, рассекая ночь, оставляя длинные белые следы. Ужаснейший шум, производимый ими, перерастал в непрерывный звук «ИИИИиии...», который буквально не прерывался и выл, выл, выл, выматывая душу. Это бывало и раньше, но сейчас на участке фронта в несколько десятков километров было столько артиллерийских стволов, что и не счесть. И в громе этой артиллерийской канонады была и моя батарея БМ-13, которая одновременно давала залп из 64 мин-снарядов.

Про наши «катюши» даже песню «Катюша» переименовали и там были такие слова:

*« Пусть фрицы помнят русские катюши,
Пусть услышат, как они поют,
Из врага вытряхивают души,
А своим отвагу придают! »*

Тяжелые бои развернулись. Немцы отчаянно сопротивлялись, но наши части рвались к Берлину, и вот 23-25 апреля мы оказались в пригороде Берлина, и где начались тяжелейшие уличные бои. Моей батарее пришлось вести огонь прямой наводкой по огневым точкам противника по домам, превращенным в узлы сопротивления. Как говорится, выкуривали немчуру с занятых позиций. Творилось что-то невообразимое, рушились дома, сплошные завалы на улицах, гарь, дым, пыль стояла столбом, все ревели

и содрогалось. Немцы метались по разрушенным и оставленным домам, стреляли из автоматов, пулеметов, минометов, фауст-патронов, из каждой развалины, из каждого окна, стрельнули из одного, и бегут к другому, чтобы не накрыли, но мы их накрывали.

30 апреля был взят Рейхстаг, и на нем было водружено Красное знамя Победы, а 2 мая гарнизон Берлина капитулировал.

За время боев за Берлин моя батарея уничтожила 10 танков, 10 автомашин, сотни гитлеровцев, много огневых точек противника и другие опорные пункты. Я был награжден орденом «Отечественной войны II степени» и медалью «За взятие Берлина». Позднее мне как и всем участникам боевых действий, вручили медаль «За Победу над Германией».

В Канаде живу с семьей сына с 1995 года.

Девушка из «ВНОС»

Кулик Анна Алексеевна
Участник боевых действий

Я родилась 17 марта, 1923 года в городе Лукьянов, Нижегородской области, в большой семье. Мама умерла, когда мне было 12 лет. Закончив 8 классов пошла учиться в школу бухгалтеров. Когда началась война, мне шел девятнадцатый год. В Красную Армию меня призвали по комсомольскому призыву 12 апреля 1942 года. Я попала служить в 29-й отдельный батальон «ВНОС» Московского округа ПВО. Что это за часть такая? Батальон «ВНОС» – это батальон воздушного наблюдения, оповещения и связи. Моя служба началась в учебном подразделении, которое находилось в моем родном городе, а штаб нашего батальона находился в городе Арзамас. Началась напряженная учеба. Подъем в 6.00, зарядка, завтрак, обед, ужин: отбой в 11.00. А в промежутке - учеба, учеба, учеба. Физическая подготовка, строевая подготовка, перебежки и ползание по-пластунски, рытье ям и ходов сообщения, изучение винтовки, противогаса, стрельба, метание гранат, учили нас и телефонной технике, а главное - визуальному изучению фашистских самолетов по альбому и их звуковым характеристикам. Нас учили по отдельным частям самолетов: хвост, крылья, фюзеляж определять тип самолета.

Мы должны были также уметь определять курс и высоту полета. Жили мы в казарменном помещении, спали на двухэтажных нарах. Старшина у нас был мужчина-украинец, к нам, когда мы были в своем помещении, он не заходил, а приоткрывал дверь и кричал «Подъем», ну, а мы в первые дни хотели поспать лишнюю минутку, понежиться, и тогда он говорил командиру роты: «Товарищ капитан, они сплять, сплять, як свинина». Мы возмущались, ну а потом все пришло в норму. Одевали нас хорошо - юбки, гимнастерки, а зимой ватные штаны и телогрейки. И хотя до дома было рукой подать, нас в увольнение не отпускали.

Когда мы закончили курс обучения, нас распределили по наблюдательным постам в Горьковской (Нижегородской) области. Задача была - наблюдать за небом и не пропустить фашистские самолеты к Горькому, к крупному промышленному городу, одному из центров оборонной промышленности с большим количеством населения. Что такое наблюдательный пост – это обычно вышка деревянной конструкции, расположенная в лесу, над кронами деревьев, оборудованная полевым телефоном или радиостанцией. Конечно, у тебя бинокль. Но главное - глаза

и уши, и все внимание небу.

Есть и другой вид наблюдения, но об этом потом. Сначала я была на наблюдательном посту под городом Балахна, потом под городом Сергач, конечно, это тыл, но вероятность налетов немецкой авиации на Горький была очень велика. И немцы несколько раз прорывались к городу и бомбили его. Но объединенными усилиями зенитчиков, истребительной авиации и наших «вносовцев» большинство налетов было сорвано, и немцы бросали бомбы где попало. Обычно пост состоял из пяти человек, располагались они друг от друга на расстоянии 7 км. Дежурили по 2 человека в день, ночью и днем. Если замечали самолеты, то моментально передавали по полевому телефону курс, высоту и тип самолета. Ночью определяли самолеты по звуку. Немцы свои самолеты заправляли другим бензином, поэтому отличать рев их двигателей мы научились быстро, и почти безошибочно определяли «юнкерсов», «хенкелей» и «мессеров». Вначале было нелегко, особенно доставалось при подъеме на вышку, почти все девушки до крови обдирали коленки, но потом наловчились, и все пошло своим чередом. Правда, со мною под селом Чернявское был случай, когда на меня набросились волки - спасибо колхозникам, которые меня спасли, я была в неопишемом ужасе.

В январе 1943 года наш батальон в полном составе (здесь я должна сказать, что наш батальон практически весь состоял из девочек) погрузили в городе Арзамасе в теплушки (товарный вагон, оборудованный 2-х этажными нарами и печкой предназначенный для перевозки людей). Эшелон шел на фронт. Мы не знали, куда нас везут. Потом увидели по станциям, что движемся на Москву, обогнули ее по окружной железной дороге и поехали на юго-запад в район Курска, там тогда шли бои за его освобождение. В теплушке мы всегда были наготове, так как по пути следования были бомбежки, ночами по очереди дежурили. Спали, не раздеваясь, в сапогах, и, когда хотели повернуться, кто-то из девочек подавал голос: «Девочки, давайте перевернемся на другой бок». На одной из станций мы попали под тяжелую бомбежку, все горело вокруг, разбомбили и наш эшелон, затем нам дали новые вагоны, и мы поехали дальше. Вся наша дорога от Москвы шла по освобожденной от фашистов территории. Из раскрытых дверей теплушек мы видели выжженные деревни и разрушенные маленькие города Подмосковья, Тульской и Орловской областей. Под насыпью виднелись остовы обгоревших вагонов, разбитые машины, искореженные рельсы, перепаханная снарядами и бомбами земля, глубокие воронки. Чувствовалось приближение фронта.

Нас высадили на каком-то полустанке, кругом был лес, а вдали зарево - это горел город Курск, который наши войска освободили 8 февраля 1943 года. Весь город горел, станция была разрушена, все пути искорежены. Мы входили в город со стороны вокзала, в снегу лежали как попало солдаты и офицеры - наши, советские, и немцы, очень много было их, видно, они остались лежать после атаки. По городу шли пешим строем.

Дома разрушены, нет людей, одни развалины, по асфальту или булыжной мостовой идти было трудно, все было исковеркано и утопало в смеси грязи и снега. В первую же ночь мы попали под бомбежку. Уцелели. Потом нас разместили в уцелевшем доме, и мы начали нести службу в городе. Наши посты наблюдения тогда располагались, как правило, в разрушенных зданиях, на их верхних, уцелевших этажах, там, где был хороший обзор. Как-то нашей группе (наблюдательному посту) поручили найти место для запасного наблюдательного пункта. Пошли искать в развалинах что-то подходящее. Остановились около одного большого разрушенного дома. Почему-то около него было разбросано много соломы. Только хотели войти во внутрь, как из-за угла дома вынырнул немецкий самолет и начал поливать нас пулями, мы даже не успели его услышать. Пули свистели прямо по соломе около моих ног. Куда бежать? Кто-то бросился в развалины, а я в какую-то яму. Там мы попрятались, и правильно сделали, немец вернулся, но ничего не увидел и улетел.

Готовилась Курская операция. Наш батальон распределили по постам на всем протяжении предстоящего сражения в полосе Центрального фронта, которым командовал Константин Рокоссовский. Задача была поставлена: засекаать воздушные атаки фашистских самолетов и своевременно сообщать командованию. Наш наблюдательный пост расположился возле села Верхний Реут в Фатежском районе Курской области. До передовой было с севера километров 25, а с запада километров 60. Здесь, на Курской дуге, мы прослушивали самолеты врага по другой технологии. Мы вырывали углубления в земле и из них прослушивали звук вражеских самолетов, он был четче слышен, это упрощало определение курса движения самолетов. Кроме этих углублений, каждый пост отрывал себе землянку, где мы отдыхали, питались, где был полевой телефон или рация. Обычно, когда замечали самолеты, к углублению передвигались бегом, а немцы, если уже были на подлете, замечали это и обстреливали этот район. Но Бог нас миловал.

Когда начались бои на Курской дуге, в воздухе и на земле творилось что-то страшное. Немцы пытались прорвать нашу оборону. Артобстрел доходил до нас, а немецкие самолеты, отгоняемые нашими зенитчиками и истребителями, бросали бомбы где попало и поворачивали назад. А нам доставалось!, а именно - рвалась связь и ее надо было срочно восстанавливать. Как-то пропала связь, и командир поста послал меня и еще одну девочку найти порыв и восстановить связь. Мы нашли порыв и успели соединить кабель, и тут появился «мессер» и начал поливать нас очередями, пули свистели вокруг. Мы прыгнули в наполненную водой и грязью траншею, нам было чуть ли не по-горло. И это спасло нас. У нас была еще катушка с кабелем. Промокли мы до нитки и выползли из траншеи все в грязи, еще раз проверили кабель, и предстали перед девочками на посту в этом виде, они нас даже сначала не узнали, а потом хохотали. Что-то подобное бывало не

раз...

После Курской битвы несколько девушек из нашего батальона перевели в другую часть. Это был 1571-й зенитно-артиллерийский полк 77-й дивизии ПВО. Там меня направили на учебу на хим. инструктора, и в этом качестве в составе 8-й батареи этого полка я участвовала в освобождении Прибалтики и города Таллина. После освобождения Таллина наш полк охранял воздушное пространство в этом районе ПВО.

Войну я закончила в звании сержанта. Награждена орденом «Отечественной войны II степени», медалью «За победу над Германией», несколькими юбилейными медалями.

После демобилизации работала бухгалтером в разных организациях до ухода на пенсию в 1978 году. В Канаде живу с сентября 2003 года.

Мой личный счет фашизму

Лакриц Михаил Леонидович

Участник боевых действий

Маленькое предисловие

Приближается 75-летие Победы в Великой Отечественной войне. 75-летие Победы антигитлеровской коалиции над немецким фашизмом и их союзниками. Война, развязанная гитлеровской Германией, стоила человечеству многих миллионов человеческих жизней. Наш союзник по антигитлеровской коалиции - Канада - потеряла 45 тысяч человек. Советский Союз потерял около 28 миллионов человек. Еврейский народ потерял миллион своих собратьев. У моей семьи есть свой личный счет к Гитлеру, к фашизму.

Между Жмеринкой и Хмельницком, на Украине, есть городок Деражня, в прошлом еврейское местечко. Жили в нем люди разных национальностей, жили дружно. Но грянула война... Осенью 1942 года фашисты убили четыре тысячи жителей этого украинского городка только за то, что они были евреями. Их тела лежат в земле, на кирпичном заводе. Там мои родные и близкие: мама и папа, дяди и тети – 14 человек. Мои сестра и брат погибли на фронте, в боях при обороне города Винница. Вот что принесла нам война, развязанная коричневой чумой – фашизмом.

Я родился 24 марта 1922 года. В Красную Армию был призван в феврале сорок первого года и направлен в школу младших авиаспециалистов в эстонский город Тарту. 22 июня перед строем преподавателей и курсантов было объявлено о начале войны. Выдали нам лопаты, ломы, кирки, и приказали строить линию обороны на берегу реки Тартула. Через два дня нас сменила пехотная часть, а курсантов отвели к аэродрому готовиться к наступлению на поселок, в который высадился немецкий десант, обстреливающий наши взлетающие самолеты. Во время наступления немцы открыли по нам сильный огонь... Вдруг я почувствовал удар в правую ногу, нагнувшись, увидел, что голенище сапога пробито, и при нажатии ощутил боль и выступившую кровь... Здесь и произошло моё первое боевое крещение и первое моё ранение. К счастью, пуля прошла по касательной, не задела кость ноги. По-настоящему осознание ужаса начавшейся войны наступило чуть позже, когда нашу колонну, направляющуюся в Псков, бомбила и расстреливала из пулеметов немецкая авиация. Были убитые и раненые.

После войны прошли десятилетия, но в памяти моей сохранились наиболее яркие эпизоды фронтовой жизни. Расскажу об одном из них. В начале апреля 1942 года я был направлен на Волховский фронт – под Ленинград. Здесь меня, имеющего воинское звание «сержант», назначили командиром отделения разведроты 559-го стрелкового полка, 191-ой стрелковой дивизии. Со своим отделением я участвовал во многих операциях и рейдах в тылу врага. Мы за полгода взяли 8 «языков» и добыли много ценных разведанных о противнике.

В ходе одной из операций мы проникли вглубь обороны противника на 12-14 километров. На второй день рейда обнаружили на лесной поляне автобус, который охранял немецкий часовой. Дождавшись ночи, три разведчика подползли к автобусу и «сняли» часового. Получив сигнал, что путь свободен, я с тремя другими разведчиками направился к автобусу, тихонько открыли дверь и обнаружили спящего немца. Мы заскочили в автобус, прижали спящего к кровати, закрыли ему рот, вытащили из-под подушки его пистолет. Обыскали всё помещение, забрали документы и топографические карты. Затем оглушили немца прикладом по голове, вставили кляп в рот, связали, надели на голову вещмешок, завернули в плащ-палатку, вытащили из автобуса. Дозор, который нас охранял, сообщил, что все спокойно. И мы быстро ушли в глубь леса. Потом, сменяя друг друга, быстро несли свою «добычу» на плечах. Затем развязали ему ноги и заставили передвигаться самостоятельно, но все время проверяли, чтобы кляп был на месте. Под утро вернулись в свое расположение и передали «языка» в живом виде в штаб полка. Утром в нашу землянку пришли командир роты и начальник разведки полка, поблагодарили за пленного и сообщили, что это ценный немецкий офицер. За успешные действия в разведке все солдаты нашего отделения были награждены: кто медалью «За отвагу», кто медалью «За боевые заслуги», лично я получил свою первую награду - медаль «За отвагу», которая и по сей день остается для меня самой дорогой реликвией Великой Отечественной войны.

8 сентября 1942 года, при ведении разведки боем, я был ранен, и направлен на лечение в город Вологда в 442-й эвакогоспиталь, где проходил лечение семь месяцев, до мая 1943 года. В госпитале, когда не мог заснуть, разные мысли были в голове, размышлял о жизни на передовой, которая зависит от личного поведения каждого солдата, сержанта, офицера в бою, и от бойцов-товарищей, которые тебе подчинены, и за которых ты несешь ответственность. К сожалению, потери не минули и наше небольшое воинское подразделение – в боях с фашистами погибли трое моих товарищей, разведчиков. Вообще, война ужасна в своей неразумности и неразумна в своей беспечности.

После выписки из госпиталя меня направили на реабилитацию, но вместо нее я попал в Котласское военное училище танко-самоходной артиллерии. После окончания обучения, в августе 1944 года, мне присвоили

звание «младший лейтенант» и направили на I Украинский фронт в 40-ю гвардейскую дивизию, в 587-ой танко-самоходный батальон. В рядах этой дивизии участвовал в освобождении Чехословакии и боях в Австрии.

В апреле 1945 года, при взятии города Каплица в Чехословакии, нашим танко-самоходным батальоном была успешно отражена атака немецких танков. Мой взвод в этом бою подбил три танка противника, не имея своих потерь. За этот бой я был награжден орденом «Отечественной войны II степени».

Я никогда не забуду годы войны и всегда буду помнить моих боевых товарищей, павших смертью храбрых в боях за наше будущее.

Великий русский писатель Л. Н. Толстой говорил: «На войне мужественно поступает тот, кто, невзирая на смертельную опасность, продолжает исполнять свой служебный долг». Я исполнил долг защитника Отечества – СССР. Был дважды ранен. Кроме указанных выше наград был награжден орденами «Отечественной войны I степени», «Красной звезды», второй медалью «За отвагу», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией», а также награжден многими юбилейными медалями.

После войны продолжал служить в Советской армии, в Прикарпатском военном округе, до увольнения в запас в 1962 году. За выслугу лет награжден медалью «За боевые заслуги» и Орденом «Красной звезды». Последнее воинское звание – майор. 28 лет работал в Ивано-Франковском областном объединении «Укрсельхозтехника».

С 1995 года живу с женой в Канаде. Сын, дочь, трое внуков и пять правнуков тоже живут в Торонто.

Воспоминания сына полка

Левин Александр Маркович

Участник войны

Историю прислал участник Великой Отечественной войны, «сын полка», капитан Советской Армии в отставке, инженер-механик. Бывший узник еврейского гетто в Рокитно (Украина), я стал очевидцем страшных событий времен фашистской оккупации.

Мы, дети леса, за полтора года нашего бегства от фашистов и добровольного заключения так одичали, что сразу и не поняли, что происходит, когда услышали артиллерийские залпы. А это стремительно наступала Красная Армия, которая 6 января 1944 года освободила наш Рокитно. Казалось, кончились наши мучения, наши страдания, и мы покинули лес, который нас так вначале пугал, а потом превратился в нашего спасителя, в нашего бога. Но нас ждали ужасные новости о нашей семье и всей нашей еврейской общине, а впереди - неопределенность и одиночество. В город стали собираться чудом уцелевшие узники гетто, их было не более трех десятков. Мы со старшим моим братом Самуилом, узнав о трагической судьбе нашей семьи, устремились к польской семье Врублевских, с которыми наша семья была в дружбе. Эти добрые люди дали кое-какую одежду, накормили, и даже оставили на ночлег.

Рано утром, направляясь в центр города, мы встретили старшину - красноармейца по фамилии А.Гуринович, который расспросил нас о случившемся в городе и порекомендовал Самуилу записаться добровольцем в полевой госпиталь. Брат так и поступил, убедившись вначале, что и я тоже буду как-то определен. Старшина тут же повел меня к начальнику полевого госпиталя Ng2408 13-й армии 1-го Украинского фронта Борису Марковичу Крупкину. Это был плотный, широколобый, симпатичный мужчина. Он внимательно выслушал рассказ старшины и велел ему отвести меня в армейскую баню (какое это было блаженство - помыться горячей водой, впервые за долгие месяцы лесной жизни!), а также дал указание подобрать какую-нибудь военную форму до момента, когда для меня сошьют новую. Так я был зачислен воспитанником этого госпиталя, сыном полка. С первого дня я почувствовал теплоту и человеческое внимание всего коллектива медиков, и приступил к своим обязанностям, в которые входило помогать в аптеке заворачивать порошки, а впоследствии приносить почту раненым солдатам и офицерам. С каждым днем я приобретал все больше и больше друзей, но меня тянуло ближе к фронту, чтобы по возможности отомстить

фашистам.

Так начался новый этап в моей жизни. Я был общим любимцем госпиталя, каждый хотел обогреть теплом маленького человека, перенесшего ужасы войны. Красная Армия с тяжелыми боями продвигалась на Запад. По количеству поступающих раненых можно было определить сложности той или иной операции; я видел своими глазами раненых солдат и офицеров, их страдания и мужество. И поныне я слышу их крики, я вижу окровавленные повязки, сделанные в медсанбате на скорую руку, слышу стоны, я чувствую запах ран, и это преследует меня и по сегодняшний день. Несмотря на некоторую отдаленность от передовой линии фронта, полевой госпиталь постоянно находился под угрозой воздушных налетов «мессершмиттов».

Вспоминается одна из таких бомбежек в городе Дубна. В этот момент мы с начальником аптеки несли лекарства, но взрывная волна отбросила нас к стене. Мы отделались набольшими ушибами, и сразу же помчались к хирургическому отделению, к которому и направлялись, и с ужасом увидели, что здание почти разрушено, а раненые... Нет, лучше об этом не рассказывать!.. Надо отдать должное мужеству военных медиков. Авиационные и артиллерийские обстрелы не останавливали их самоотверженный труд, а иногда они проводили операции при отсутствии электричества, при свете керосиновых ламп. С продвижением Красной Армии, овладевавшей важными стратегическими пунктами, мы все больше узнавали о тех зверствах, которые чинили фашисты. Первое мое знакомство с ужасами концентрационного лагеря произошло в Польше, в городе Жешув. Мы встречали очевидцев, которые рассказывали об этом, но наши солдаты, как могли, оберегали меня, ведь не зажали еще мои собственные раны...

В конце июля 1944 года мы уже были в центральной части Польши, в городе Сандомир. Там мне посчастливилось - я встретился с братом. Мне пришлось видеть плененных немцев - это уже были не те храбрецы, которые позировали для фотографий. Но пришлось видеть и жителей городов и сел, которые двигались по дорогам с колясками с малыми детьми в сторону уже освобожденных районов. Наш полевой госпиталь, следуя за своей армией, тоже вступил на немецкую землю. Мне, фронтовому мальчишке, пришлось увидеть последствия этой страшной войны. Я до сих пор не могу понять, как могло человечество это допустить!

Наступил март 1945 года. С приближением победы над фашистами был издан приказ Верховного Главнокомандующего И. Сталина: всех воспитанников воинских частей отправить в тыл, в детские дома для продолжения учебы. У всех этих детей была лишь одна жизненная суровая школа, а теперь им предстояло получить общеобразовательную подготовку и путевку в жизнь. Приказ был издан шестьдесят лет назад, в апреле 1945 года. Для меня открывался дотоле неведомый мир. Я попал

в московский пересыльный пункт, куда направлялись выздоровевшие раненные из госпиталей тыла, оттуда их потом отправляли на фронт. Я все время думал о своей мечте - стать профессиональным военным, но начальство пункта планировало нас отправить в ремесленное училище. Но это было не для меня, и во время отправки я... сбежал.

По дороге случайно встретил командира 86-й ОМСР капитана И.Мусихина, который меня определил воспитанником этого подразделения. Опять на моем пути встретился добрый, чуткий человек, который не только определил в свою часть, но и поручил своей жене, учительнице по профессии, обучать меня русскому языку. Я с большим прилежанием относился к ее урокам, и у меня еще оставалось время бродить по Москве. Я посещал кинотеатры, куда проходил бесплатно как участник войны.

Великая человеческая радость - конец Второй мировой войны - меня застала в столице. Радио неподражаемым голосом Юрия Левитана извещало о великой победе народа. Трудно передать радость жителей Москвы: люди танцевали, плакали, военных целовали. Я не мог просто так пройти по улице, меня обнимали, угощали, каждый хотел пригласить к себе домой. Я мечтал стать воспитанником суворовского училища. Следуя совету капитана Мусихина, я пошел в Еврейский антифашистский комитет, который находился на Кропоткинской улице. Там меня принял сам председатель этого комитета Соломон Михайлович Михоэлс. Опять на моем пути встретился Человек - великий Человек. С ним я общался на языке своего детства, на идиш. По его распоряжению мне был выделен пропуск в Еврейский театр, подготовлено ходатайство в приемную суворовских училищ, которое тоже находилось недалеко от Кропоткинской улицы. В Еврейском антифашистском комитете я познакомился с журналистом. Позже в еврейской газете «Эйникайт» появилась статья «Хавер Ройтерармеер» - первая публикация о нелегкой судьбе сына полка. Моя московская жизнь продолжилась недолго, так как вскоре меня вызвали на экзамен в приемную суворовских училищ, и через некоторое время я стал курсантом Воронежского суворовского училища. Так началась моя офицерская мирная воинская служба, но годы Великой Отечественной войны оставили в моей жизни неизгладимый след.

Во фронтовом госпитале

Лейкина Мария Зальмовна

Участник боевых действий

Мне идет 98 год, я родилась 25 сентября 1917 года в небольшом городе Каменка, на Украине. Когда я была подростком, наша семья переехала в город Брагин Гомельской области, на границе Белоруссии и Украины. Потом начался голод и я уехала к родственникам в Москву, там заканчивала школу. В 1938 году поступила в Московский институт иностранных языков. В июне 1941 года, когда началась война, я, как и многие студенты, готовилась к экзаменам в институте. И вдруг война. Узнав об этом, я сильно плакала – предчувствовала большую беду.

У меня было две сестры и два брата. Старшего брата мобилизовали, он пропал без вести на фронте. Старшая сестра жила в Московской области, и не попала под оккупацию, что спасло ей жизнь. Младшая сестра была со мной в Москве, и это тоже стало спасением. В конце войны мы узнали, что остальные родственники, оставшиеся на оккупированной фашистами территории, были расстреляны.

Когда немцы подошли к Москве, мы с младшей сестрой эвакуировались из Москвы вместе с моей близкой подругой. У нее отец был командиром Красной Армии, он вывез нас троих из Москвы по направлению города Горького (теперь Нижний Новгород) и оставил нас на станции, где останавливались поезда, мы сели на поезд и доехали до Екатириенбурга, где находился центр размещения эвакуированных. Нас с сестрой распределили на жительство в город Аша, но вскоре нас отправили на ускоренные 2-х-3-х месячные курсы медсестер. Шёл 1942 год, нас призвали в Красную Армию и направили на Юго-Западный фронт работать медсестрами во фронтовом передвижном госпитале. Затем наш госпиталь входил в состав 3-его Украинского фронта, в нем я проработала до конца войны.

Работа медперсонала в госпиталях во время войны очень тяжелая как физически, так и психологически. Вы невольно становитесь свидетелями и соучастниками человеческой драмы, тяжелых, нескончаемых, порою нечеловеческих мук. Кровь, гной, повязки и перевязки, гипс, шины, уколы, смерть, стоны и крики раненых, просьба пить, пить, пить, сестра, сестренка, родненькая и кое-что похлеще – вот что ты слышишь и делаешь каждый день и каждую ночь. А еще разгрузка, переноска и погрузка раненых. Так как я была невысокого роста, да еще и весила маловато, то мне было тяжело переносить раненых, и меня вскоре сделали палатной сестрой,

где я послушно и прилежно ухаживала за ранеными. Так как у меня было неоконченное высшее образование (я не успела защитить диплом), я хорошо владела английским и немного немецким языками, ну а русским прекрасно, меня впоследствии перевели в администрацию госпиталя на делопроизводство. По должности я была рядовой.

Особенно запомнился мне 1944 год. В составе 3 Украинского фронта наш госпиталь освобождал Украину, шёл через города Николаев, Одессу, дальше – через Румынию в Венгрию. Некоторые раненые попадали к нам в госпиталь по два-три раза. Но после третьего раза уже не возвращались.

В Венгрии мы чуть не попали в окружение. Нужно сказать, что мы очень испугались, конечно, и за себя, но особенно за наших раненых. Всем раздали винтовки, даже тем раненым, которые могли их удержать. Готовились к худшему, но все же прорвались наши танки и освободили нас, а некоторые отважные танкисты пополнили наш госпиталь. Вскоре после этого наш госпиталь срочно перебазировали в сторону Югославии. Нам было приказано помогать партизанам Тито. С октября 1944 года по начало 1945-го наш госпиталь работал с армией маршала Югославии Иосипа Броз Тито. Когда наш госпиталь приехал в Югославию, нас очень тепло встречали партизаны, они кричали: “Сталин! Тито! Сталин! Тито!”, нам устроили роскошный ужин и подали вино.

В феврале 1945-го года наш госпиталь вернули в Венгрию под Будапешт, там шли тяжелые бои и было много раненых. После боев под Будапештом госпиталь двигался с войсками фронта на Австрию, на Вену, где мы узнали новость о Победе. Это был очень радостный день, запомнившийся на всю жизнь.

В конце 1945-го года я демобилизовалась. Награждена орденом «Отечественной войны II степени» и медалью “За победу над Германией”. Когда вернулась обратно в Москву, защитила диплом и стала преподавать английский язык вначале на курсах офицеров, а потом в Московском институте физкультуры.

В 1995 году мы с мужем уехали в Канаду, вслед за сыном.

Я служил в войсках связи

Литвачук Алексей Исаевич

Участник боевых действий

Я родился в г. Виннице 22 июля 1921 года. В 1940 г. я был призван в Красную Армию, и был этим доволен. В довоенные годы служба в армии была в почете. Если парень не служил в армии, на него девчонки не смотрели. Воспитанию патриотизма у молодежи способствовали тогда пионерская и комсомольская организации, учебные заведения, вся советская действительность и ее пропаганда.

Начало моей службы в РККА совпало с присоединением Бессарабии к СССР и образованием Молдавской ССР. Мы вошли в Бессарабию в конце июня, и наша часть была расквартирована в г. Кишиневе, в казармах бывшей румынской армии. Служил я в 262-ом отдельном батальоне связи 35-го стрелкового корпуса Одесского военного округа под руководством тов. Васильева, который получил военный опыт на Советско-финляндской войне. Здесь я неплохо освоил специальность линейного надсмотрщика связи. С мая 1941 года наш батальон дислоцировался в лагере под Кишиневом, недалеко от границы с Румынией. Лето было солнечное, теплое, особенно в начале июня. Служба проходила хорошо.

Ночью 22 июня нас всех подняли по тревоге... Днем мы услышали выступление по радио В.М. Молотова – Наркома иностранных дел СССР. Он говорил, что немецкие войска без объявления войны перешли границу и ведут бои по всей границе на нашей территории. Мне на всю жизнь запомнились его слова «Враг будет разбит, Победа будет за нами». После его выступления командир нашей роты перед строем назвал 20 фамилий красноармейцев, в том числе и мою, и приказал выйти из строя и срочно получить на складе запас боеприпасов и необходимое полевое снаряжение. Как помню – я взял пару гранат и из патронного ящика несколько десятков патронов. Нас посадили в машину и повезли на юго-запад от Кишинева в местечко Хынчешты, приблизительно в 35 километрах от границы. По пути увидели горящую нефтебазу, это уже подожгли немецкие летчики, также в сторону границы двигалась военная техника. Война чувствовалась уже во всем. В нескольких километрах за местечком Хынчешты уже были вырыты окопы, в них наше подразделение и разместилось, и мы начали оборудовать для себя огневые точки. Последовал приказ: внимательно смотреть в сторону границы. 22 июня был очень жаркий день, к вечеру стало душно. Вдруг прозвучала команда: приготовиться к бою. Мы увидели

«мамалыжников», так в войну называли румынских солдат. Но они повернули немного на левый фланг, а перед нами оказалась группа немецких солдат. Они шли шеренгой, спокойно, словно на прогулке, словно хозяева. В этой группе особенно выделялся один немец высокого роста, с закатанными выше локтей рукавами их мышинового цвета формы, с автоматом в руках. Он шел прямо на меня... Оставалось метров 50. Я прицелился, и, в какую-то долю секунды во мне произошел всплеск чувства неприязни и ненависти к врагу - нажал на спусковой курок своей винтовки.

Немец вначале поднял руки с автоматом вверх, потом наклонился вперед, упал, и больше не поднимался... В своей роте я был метким стрелком. Это был мой первый немец в первом бою. Так начался мой боевой путь на войне. Но мы ведь связисты, и нас вернули в батальон, а наше место заняла пехота.

Кишинев и его аэродром немцы сильно бомбили. Румыны войдут в город в середине июля, а мы отойдем к Дубоссарам, затем к Тирасполю.

Потом с тяжелыми боями части нашей армии будут отходить по Украине, оставляя города и села. Поздней осенью мы попадем в резервный фронт, пройдем переформирование, вольемся в 94-ый полк связи 49-ой армии и займем оборону западнее г. Серпухова. Вот так мы двигались от южной границы СССР до Подмосковья. Это было тяжелое время. Немцы рвались к Москве, бои шли на окраинах г. Тулы, части 49-ой армии выдержали натиск фашистских войск и остановили их. Задача нашего полка была - обеспечивать связь с частями армии, и нам приходилось тянуть связь на разных направлениях. За передним краем нашей обороны мы видели скопление свежих воинских частей, это были, как мы их называли, сибирские стрелковые дивизии. Именно они помогли отстоять Москву, да и потом были основной силой нашего наступления. Было много военной техники, и странные машины, у которых верх был покрыт брезентом, мы подумали «понтонь», но зачем они зимой, и почему у каждой машины часовой? Позже мы узнали, что это было секретное - оружие «катюши». По всему чувствовалось, что готовится контрнаступление. И еще одно оружие было на нашей стороне - это «Генерал мороз», температура достигала 30 -35 градусов. Но наши войска к морозу привычны, да и одеты были тепло; ватные штаны, ватники, полушубки, валенки, у нас в полку было хорошее питание.

И вот наступил день наступления, накануне каждому из нас дали фляжку водки и сухой паек, в котором была даже колбаса, консервы, концентрат гречневой каши и сухари, а также индивидуальные пакеты на случай ранения. Патронов было вдоволь, дали нам и гранаты. 6 декабря в 3 часа ночи нас подняли по тревоге. Началась мощная артподготовка, и наша армия начала свое наступление. Полк связи двигался за боевыми порядками наступавших - тянул линии связи, обслуживал их, занимался прослушиванием немцев и т.д. Иногда по ходу выполнения своих

обязанностей мы вступали в бой с немцами.

Вот увидели штабные землянки немцев, завязали бой с охраной, а потом забросали землянки гранатами. Всех, кто там был, ликвидировали, у нас на этот раз потерь не было. По ходу наступления мы видели много брошенной немцами техники и вооружений - в освобожденных населенных пунктах Шатово, Петрищевское, Барсуки, Оленьи горы и других местах. Видел я и совершенно замерзших немцев. Немцы, отступая, жгли подряд все деревни.

Одно из наших подразделений вошло в деревню Клинзавод, по счастью, немцы не успели её сжечь. Нескольким нашим связистам, в том числе и мне, было поручено протянуть туда связь, чтобы узнать обстановку. Катушки за спину, и тянем связь. Вдруг сильный взрыв. Немцы заминировали места около дороги, убило командира отделения Кардаша и еще двух человек (они разматывали катушку кабеля). Задание надо выполнять, мы пошли далее и зашли в Клинзавод. Вдали увидели наш танк, видимо, подбитый, а за ним – траншею и землянки, около которых стояли канистры и насосы. Это означало, что немецкие “факельщики” (поджигатели) неподалеку. Мы расположились рядом с нашими солдатами, которые ранее вошли в деревню, и начали подключать связь. Вдруг недалеко от нас стоящий дом взорвался, затем еще один, мы быстро заняли оборону. Догадались, что в землянках есть немчура, ну я и пополз к землянке и швырнул гранату.

За три месяца зимнего наступления наша 49-ая армия и мой 49-ый полк связи продвинулись на запад более чем на 200 км., и фронт встал в районе города Юхнов на Смоленском направлении. Меня, как немного знавшего немецкий язык, часто привлекали к работе на УСП (Усилительная станция прослушивания) для прослушивания переговоров немцев. Этот аппарат позволял прослушивать телефонные разговоры без подключения к телефонным проводам. Вспоминаю 20 мая 1943 года, нас, группу связистов переодетых в гражданскую одежду, забросили в тыл противника на 15 км, поставив задачу с помощью УСП прослушивать переговоры штаба крупного немецкого соединения и сообщать полученную информацию в наш штаб. Мы расположились и замаскировались в небольшой канаве за километр-полтора от немецкого штаба. «Заземлили» нашу УСП, надели наушники и стали «работать». Четыре часа наша группа нормально принимала и отсылала информацию в штаб полка. Вдруг вдали послышался приглушенный лай собаки. Мы догадались, что нас обнаружили немцы. Известно, что немцы усиленно охраняли свои узлы связи. Через некоторое время фашисты забросали нас гранатами. Одна из гранат упала за метр от меня. Я молниеносно схватил ее и бросил, но она взорвалась в воздухе передо мной. Её осколками был тяжело ранен в голову, в левую руку и правый бок. Хорошо, что группа поддержки помогла нам возвратиться на нашу базу и вынести меня. Других потерь не было. Задание было выполнено.

После четырехмесячного лечения в госпиталях медкомиссия

признала меня «годен к нестроевой». Недолго отдохнув, я продолжил службу в тыловых частях. День Победы встретил в Ровно. Демобилизовался в декабре 1945 года. Имею государственные награды: орден «Отечественной войны I степени», медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и другие юбилейные медали.

После войны окончил строительный техникум, работал прорабом на стройках в г. Виннице, а затем в г. Ташкенте.

В Канаде живу с женой с 1995 года.

Ленинградская симфония

Лихачева Гита Яковлевна

Житель блокадного Ленинграда

Участник трудового фронта

Я родилась в Ленинграде 31 декабря 1919 года, жила на Фонтанке. В 1937г. поступила в 1-ый Медицинский Институт в Ленинграде. Когда началась война, я заканчивала 5 курс института и готовилась к выпускным экзаменам. Война все изменила. Сначала все, в том числе и я, думали, что война закончится через два месяца. Но через два месяца немцы были на подходе к Ленинграду. График занятий в институте изменили, мы проучились всё лето, а потом сдавали экзамены. Нас направили на работу в госпитали и больницы города, а дипломы мы получили только осенью 1942 года. Хочу отметить, что первые три курса нашего института были эвакуированы на Северный Кавказ. Видимо, думали, что там будет спокойно, но в 1942 году они попали под оккупацию и многие погибли.

В конце августа – первых числах сентября фронт приблизился непосредственно к городу. Окопы переднего края обороны оказались в 4-х километрах от Кировского завода и в 16 километрах от Зимнего дворца. Немцы замкнули кольцо, и город оказался в блокаде. Это случилось 8 сентября 1941 года. Начались систематические бомбёжки, с немецкой аккуратностью, в одно и тоже время. В семь вечера, когда люди приходили домой с работы, начиналась воздушная тревога, все торопились в бомбоубежище - в подвалы, некоторые из которых были подтоплены водой. От бомбёжек и артобстрелов в городе возникло большое количество пожаров и огромные разрушения, почти все окна в домах были выбиты. В нашем доме все окна были выбиты и заколочены досками. Единственное место, где можно было согреться, находилось в ванной; мы грелись от колонки, которая нагревалась и отапливала комнату.

Но самое главное во всем этом наступившем аду было то, что немцы разбомбили все продовольственные склады, а главное – Бадаевские склады, где огонь уничтожил все продовольственные запасы города, что в условиях сложившейся блокады означало снижение рациона питания до крайнего минимума, и голод. Немцы разбомбили большинство электроподстанций и лишили город электричества. Был поврежден водопровод, и город остался без питьевой воды. Разбомбили хлебозаводы. Это был стратегический ход фашистов, чтобы уничтожить город. Им помогала наступившая зима 1941-1942 года, которая была крайне суровой, температура доходила до 41 градуса мороза.

Положение осложнялось еще тем, что в Ленинграде, помимо его жителей, оказались жители пригородов – Гатчины, Пушкино, Стрельни и других, которые бежали от немцев. И все это население нужно было кормить, а ресурсов не было. Вначале еще отоваривали карточки, которых на образовавшееся население не хватало.

Потом начали урезать нормы, и, наконец, начали давать по 125 граммов хлеба – на каждого без исключения. Правительством принимались все меры по доставке продовольствия и другого необходимого для жизни. Сотни летчиков занимались доставкой по воздуху, это давало возможность держаться. А потом... Открыли Дорогу жизни, это был путь по Ладожскому озеру, который связывал Ленинград с большой землей. Эта дорога дала воздух городу - пошли продукты, обмундирование воинам, боеприпасы, материалы и оборудование. Прибавили норму хлеба. Город начал оживать, продолжал бороться.

Я с начала блокады работала в больнице в должности врача, хотя диплом мне выдали только осенью 1942 года. Наша больница была частично предназначена для дистрофиков, а частично была госпиталем для наших солдат и офицеров, защищавших город. И тех и других было много. Было очень тяжёлое время. Не хватало всего: лекарств, перевязочных материалов, о донорской крови я и не говорю, работали при свечах, только очень сложные операции делали при свете от движка. Питание – все те же 125 грамм хлеба. Число умирающих от голода у нас росло, иногда доходило до 100 человек в день, а в городе голодных людей добивал мороз, в день умирало от 4000 до 7000 человек. Видеть это, представить это, ни тогда, ни сегодня нет человеческих сил.

Одно время у меня было желание, чтобы меня взяли в армию, там все-таки было лучше с питанием. Деньги тогда совсем не имели значения, цены были заоблачные, все говорили о воде, еде, какой уж там госпиталь с освещением. Но я оставалась на положении работающей блокадницы и пробыла в этом положении всю блокаду.

Когда пришли весна и лето 1942 года, жить стало немного легче. Горожане начали очищать свой город от разрушений и грязи. Вместо цветов на скверах, бульварах, во дворах и на свободных площадках начали высаживать, в основном, картошку и лук. Интересно сажали картошку, не целую, не половинки, а вырезали каждый глазок и сажали. Все было расписано, каждому по 2-3 сотки. Посевы охранялись добровольными дружинами.

Ленинград – город огромных культурных традиций, славных артистических коллективов, и когда позволила обстановка в городе, заработал Театр Музыкальной Комедии, единственный неэвакуированный театр. Театр работал в здании Театра им. А.С.Пушкина и давал по два представления в день. Артисты начали показывать спектакли «Сильва», «Веселая вдова», весь венский репертуар, и даже новые постановки.

Воздушные тревоги часто прерывали действие, и зрители вынуждены были спускаться в бомбоубежище и сидеть там до конца авианалета.

В истории блокады Ленинграда особое место занимает Дмитрий Дмитриевич Шостакович и его седьмая симфония (Ленинградская). Дмитрий Дмитриевич начал писать свою симфонию в осажденном Ленинграде – там в первые месяцы блокады он написал большую её часть. Потом его перевезли в Куйбышев, и там он закончил своё бессмертное творение, посвященное Ленинграду. 9 августа 1942 года эта симфония впервые прозвучала в Ленинграде, в консерватории, в исполнении Большого симфонического оркестра Ленинградского радиокомитета. Первый концерт транслировался по радио и его слушали все ленинградцы, его также слышали немцы. Они были поражены, они думали, что город мертв, а город жил, творил и боролся. Музыка произвела сильное эмоциональное воздействие на слушателей, многие плакали. Музыка вселила в людей веру в победу и безграничную любовь к своему городу и всей стране. Потом эти концерты повторялись два раза в неделю, и на одном из них побывала и я. Надо было видеть оркестрантов—осунувшихся, исхудавших, их искали по всему Ленинграду и в воинских частях, с каким подъемом они играли, а их слушателями в зале были бойцы Ленинградского фронта, моряки Балтийского флота и исхудавшие жители блокадного города. Я знала Дмитрия Дмитриевича Шостаковича лично. Он был очень добрый, скромный человек с редчайшим музыкальным талантом. После войны ему будет присуждена премия Сибелиуса в Финляндии: самая высокая награда в музыке.

В 1943г. в Ленинграде я вышла замуж за Михаила Петровича

Лихачева—офицера, который служил во 2 ударной армии. Он был трижды ранен, и один раз лежал в нашем госпитальном отделении, там мы и познакомились, а позже поженились. Иногда я ездила к нему на передовую, нам давали пропуски. Однажды я приехала к мужу в Ольгино – они были расквартированы на переднем крае, в первом эшелоне. Муж сказал: «Скорее уезжай в город». В ту ночь они пошли в наступление, и была прорвана блокада.

Всю войну я провела в Ленинграде, в блокадном городе с первого до последнего дня, и все время работала врачом. В блокаде от голода умер мой отец, мама и брат были в эвакуации и вернулись обратно в город. За свой незаметный, но нужный труд я получила медаль «За оборону Ленинграда» и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Награждена многими юбилейными медалями.

В 1949г. мы с мужем жили в ГДР, там муж служил 4 года, я работала врачом. После возвращения в Ленинград я работала главным врачом Поликлиники писателей. Заведовала там 29 лет. В Канаду переехала с семьей в 1990 году.

СЫН ГОСПИТАЛЯ

Лабок Марк Ильич

Житель блокадного Ленинграда

Мне было 11 лет, когда я выступал в госпитале перед молодыми выздоравливающими ранеными бойцами, которые были всего на 6-7 лет старше меня, но уже участвовали в боях. Они снова торопились на фронт, чтобы успеть добить фашистов. Мы давали им концерт, на котором я посвятил им свое первое в жизни стихотворение “В атаку, воин молодой!”. Я его помню наизусть до сих пор. Мне его потом с фронта привез после войны мой отец, капитан И.Н.Лабок, которому я послал свой стих в действующую армию на его полевую почту. Тогда, в 1944 году, он был начальником и главврачом санитарного поезда. Вот это стихотворение:

В АТАКУ, ВОИН МОЛОДОЙ!

Прошел уж сорок третий год, Сорок четвертый наступил.
К победе Родина идет -
Врагу не хватит места для могил!

Враг в суматохе отступает. Свою шкуру он хочет спасти. Он в рабство людей угоняет, Но от расплаты ему не уйти!

За наших угнанных людей, За выжженные хаты
Придёт для бешеных зверей
Жестокий час расплаты!

Чтоб уничтожить гадину немецкую,
Чтоб разгромить врага любой ценой,
За нашу Родину Советскую -
В атаку, воин молодой!

Молодым бойцам стихотворение понравилось. Они даже выучили его наизусть. А я стал сыном госпиталя - мне выдали пилотку, гимнастерку, галифе - полный комплект солдатской формы и я с гордостью в ней выступал и даже ходил в свой 6-Б класс 183-ей мужской средней школы на Кирочной улице в Ленинграде, вплоть до конца 1945 года. Потом форма стала мала.

Труд во имя Победы

Лундина Любовь Моисеевна
Участник трудового фронта

Родилась я в 1923 году в г. Унеча Брянской области. В июне 1941 года закончила среднюю школу и хотела ехать в Москву поступать в медицинский институт. Утром 22 июня я услышала по радио: фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. С огромным огорчением и ненавистью к фашизму я, как и все советские люди, восприняла эту трагическую весть. Теперь, подумала я, с учебой надо повременить.

С фронта поступали сообщения, что наши войска в жестоких боях с врагом отступают, оставляя наши города и села. Наш город, крупный железнодорожный узел, подвергался сильным бомбардировкам. В городе шел массовый призыв в Красную Армию и эвакуация населения и предприятий вглубь страны.

Встречаясь с выпускниками школы, которые еще по возрасту или по другим уважительным причинам не подлежали призыву в армию, мы обсуждали, как нам поступить? Остаться в городе под игом фашистов нельзя. На борьбу с фашистами поднялся весь народ, и раз нам нельзя на фронт, нужно идти трудиться и делать все необходимое для победы над врагом. Так патриотически настроена была тогда молодежь нашей страны. Воспитанию патриотизма и любви к своей Родине способствовала средняя и высшая школы, пионерская и комсомольская организации, вся общественная жизнь страны.

Наша молодежная группа, в которой было уже человек двадцать, решила добровольно ехать помогать фронту работой в тылу. Нас разместили в товарном вагоне эвако-поезда и повезли на восток. На станции «Жердевка» в Тамбовской области нас высадили и сразу повезли на колхозное поле, где в те дни шла уборка зерновых культур-ржи, пшеницы, ячменя. Работу мы выполняли разную – косили хлебные культуры, вязали снопы, подвозили на ток, где обмолачивали, а затем доставляли зерно на элеватор. Я, например, подавала снопы в молотилку. Работали мы все дружно, с утра до темна. Никто не жаловался на усталость, хотя было нелегко: жара 30-35 градусов, пыль, бытовые неудобства. Все знали, что это настоящая помощь фронту. Мы быстро научились выполнять многие сельхозработы, даже сами запрягали лошадей, рабочих волов, и управляли ими.

Так сложилось, что в 1942 году фронт начал приближаться к Тамбовской области, и нас снова в товарных вагонах отправили в Казахстан,

в Карагандинскую область, поселок Самаркандский, который в последствии станет городом Темиртау. Здесь развернулось строительство крупного военного завода по производству танков и пушек. Разместили нас в бараке. О бытовых удобствах, конечно, не приходилось и думать. Но мы духом не падали. Распределили нас на разные строительные участки. Я попала на строительство водоканала, по которому вода должна была поступать к заводу. Здесь меня назначили поваром, чтобы кормить сто человек. Я не хотела этого. Но надо было кормить людей, и я начала готовить. В помощники мне выделили мужчину, который мыл котлы, столовую посуду и подвозил воду. Продуктами снабжали неплохо: мука, крупы, мясо (конина), овощи. Но на сто человек приготовить еду, особенно обед – это тяжелый труд. Спать приходилось по 3-4 часа в сутки.

После завершения строительства водоканала нас направили на строительство заводских цехов и других помещений. Конечно, техники на стройке было много, но и ручного, физического труда требовалось тоже немало. Здесь меня назначили бригадиром комсомольско-молодежной бригады, в которой было двадцать человек. Видимо, здесь сыграло роль то, что в комсомол я вступила еще в школе, и была комсоргом класса. Наша работа состояла в том, чтобы по шатающимся деревянным мостикам носилками или тачками доставлять каменщикам кирпич, цемент, песок и другие материалы для возведения стен и перекрытий цехов. Мы свою работу выполняли быстро и качественно. Часто приходилось задерживаться после смены, чтобы подготовить задел материалов для каменщиков, чтобы с утра они не простаивали. Мы понимали, что время военное и фронту нужны танки и пушки. Наша комсомольско-молодежная бригада была в числе передовых в строительном-монтажном управлении. О ней писали в заводской газете, а однажды всей бригаде были вручены пригласительные билеты в городской драмтеатр.

Завод сдали в эксплуатацию досрочно, и он начал выпускать свою продукцию. На фронт пошли танки. Радости всех строителей и рабочих завода не было предела. А меня перевели работать на электростанцию, я должна была с помощью механизмов подавать на конвейерную ленту уголь, который поступал в огромные печи. Здесь работали посменно - днем и ночью. Приходилось трудиться по 10-12 часов в сутки. Но все трудности я преодолевала как и прежде.

Там, на заводе, я встретила долгожданный день Победы. Трудно передать словами радость и гордость за нашу страну, разгромившую фашизм и принесшую народам мира – мир. Горжусь тем, что и мой скромный труд влился в общий поток свершений во имя победы над врагом. За свой самоотверженный труд я была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

После войны я еще два года работала на заводе. В 1947 году переехала в Москву, выучилась на финансового работника, и 51 год

проработала в системе Сбербанка СССР. За свой труд в Сбербанке была награждена медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», и многими юбилейными медалями в честь Победы в Великой Отечественной войне.

С 1992 года живу с двумя сыновьями и их семьями в Канаде, в Торонто.

На востоке

Людковский Евсей Самарьевич

Участник боевых действий

Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд.

Твардовский

В конце августа 1941г. наша поредевшая семья покинула г.Брянск, в котором мы жили последние годы. Мы уезжали под аккомпанемент сигналов воздушной тревоги и глухих разрывов авиабомб. После десятидневного путешествия на разных видах транспорта мы остановились на реке Вятка в городе Вятские Поляны, который нам был определен как место временного жительства.

В Вятских Полянах было одно небольшое предприятие, на котором изготавливали катушки (шпулки) для ткацких станков. Масштабы этой «шпулочной» фабрики представить себе нетрудно. До сих пор не могу понять, как Вятские Поляны смогли принять, расселить и обеспечить, по тем временам сносно, два больших машиностроительных завода из Подмоскovie со всеми рабочими и оборудованием, и нас, неорганизованных приезжих, и как буквально за несколько месяцев фабрика превратилась в базовый завод по изготовлению «ППШ» (пулемет-пистолет Шпагина).

На площадках, подготовленных для цехов, заливали бетонные фундаменты, на которые устанавливали станки и другое оборудование, привезенное эвакуированными заводами, и одновременно начинали возводить стены будущих цехов. Крыши еще не было, стены не возведены, а автоматы «ППШ» уже пошли на фронт. А теперь добавьте к этой «картине» позднюю осень, которая на р. Вятке отнюдь не теплая, а изрядно дождливая, и рабочих, трудившихся в таких условиях по 12 и более часов в сутки без выходных, и вам станут понятны слова «За доблестный труд», начертанные на известной всем медали.

Мне было 15 лет, я учился в 8-м классе Вятско-Полянской школы, которая, по общему мнению приехавших из разных городов учеников, была не хуже их прежних школ.

Одновременно вся мужская часть старших классов училась на курсах трактористов на машино-тракторной станции (МТС). В мае 1942г. после экзаменов в школе и сдачи экзамена в МТС вновь испеченные трактористы были распределены по тракторным отрядам. В каждом отряде было примерно 8-10 человек и по несколько колесных тракторов СТЗ-ХТЗ.

Все опытные трактористы, бригадиры и механики МТС были призваны в армию, а их места заняли молодые колхозницы, которые, как и мы, только весной получили права на управление трактором.

Когда я вспоминаю свою работу в отряде, то мне кажется, что это был один сплошной рабочий день, так как мы работали днем и ночью, с небольшим перерывом на отдых. Но, как говорится, не боги горшки обжигают. Наш отряд закончил сезон вполне удовлетворительно.

Сезон 1943 г. я не завершил, поскольку военкомат отправил группу допризывников, в том числе и меня, в военное училище. Меня определили в Ленинградское артиллерийское техническое училище. Я не буду подробно рассказывать об учебе, могу только сказать, что было трудно и учиться, и привыкать к воинской службе.

После войны я прослужил в армии больше двадцати лет, но такой организованности, как в училище, несмотря на трудности военного времени, я нигде не встречал. Состав курсантов был очень пестрым как по возрасту и по образованию, так и по боевому опыту. И тем не менее никакой дедовщины или даже признаков неуставных отношений не было и в помине.

В начале лета 1945 г. несколько выпускников, в том числе и я, прибыли в так называемую «Группу Войск» на Дальнем Востоке. Впереди была война с Японией.

Группа Войск в дальнейшем преобразовалась в Первый Дальневосточный Фронт, готовый к наступлению на японскую Квантунскую армию, расположенную в оккупированных Манчжурии и Корее.

По роду моей службы мне довелось повидать основную часть войск, находившихся в исходном положении перед наступлением. Граница была рядом. В моей памяти запечатлелась грандиозная картина мощи нашей армии: сотни танков, бронетранспортеров, орудий, инженерной техники, и множество бойцов, большинство из которых прошло через войну с Германией. Вся эта армада располагалась без какой-либо маскировки. На мой вопрос: «Почему пренебрегают маскировкой?» один офицер ответил: «Во-первых, они и так знают, что будет война с нами. Во-вторых, пусть смотрят и не строят иллюзий относительно исхода войны. А в-третьих, вести воздушную разведку они не могут, так как наша авиация надежно прикрывает Группу Войск с воздуха». Правда, появился один японский самолет, и в тот же момент был сбит нашим истребителем.

Война с японцами началась в ночь на 9-е августа 1945 года. Жестокие приграничные бои продолжались примерно 10-12 дней. У нас, конечно, были потери. Война есть война. Но хваленая Квантунская армия перестала существовать. Началась массовая сдача в плен японских войск. Части армии сдали оружие нашим представителям, и под командой своих и наших офицеров были направлены на железнодорожную станцию, где их погрузили в вагоны. В каждой колонне пленных обязательно был красный

флаг. Однажды я видел плакат с очень коротким, но емким лозунгом: «Мы - демократы», написанный по-русски. В Квантунской армии вообще было много офицеров, однако они потерпели сокрушительное поражение. Противостоять мощному удару Красной Армии они не смогли. На направлении наступления группировки наших войск, в которую входила часть, где я служил, узлом сопротивления был укрепленный район с центром в г.Муданьдзян. В этом районе бои были наиболее упорными. Здесь остановилось движение нашей части, дальше она не пошла. Здесь мы обнаружили, что дальше вглубь страны не было никакой сколько-нибудь сносной дороги. Вероятно, японские стратеги считали, что воевать они будут на нашей территории. В Муданьдзян из центра страны вела только железная дорога, по которой японский генштаб, видимо, рассчитывал подвести войска, а дальше двинуть их уже своим ходом на Дальний Восток. Но это уже другая история.

1й Дальневосточный фронт

Восстановление железных дорог

Ляхтер /Фантельсон Иза Наумовна
Участник трудового фронта

Я родилась в городе Полтаве, на Украине. С 1930 года жила в городе Харькове, где в 1941 году окончила 9 классов средней школы, там же и встретила войну.

Немецко-фашистские войска приближались к Харькову, и наша семья, как и многие другие, в конце лета 1941 года эвакуировалась на Восток. Путь наш был далекий, сначала по железной дороге, потом по Каспию в город Красноводск, Туркмения. И там семья не остановилась, а переехала в Фергану, Узбекистан. Там я сразу пошла работать. Когда немцев погнали от Сталинграда, с Северного Кавказа я переехала в Грузию, в Тбилиси. Там в январе 1943 года я сделала свой выбор на всю войну – пошла работать по вольному найму в УВВР-20, которое входило тогда в состав Северо-Кавказского фронта, а затем в состав Южного, 4-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов.

Хочу пояснить, что это за управление такое «УВВР». Это Управления военно-восстановительных работ. Они находились в системе Наркомата путей сообщений СССР и входили в состав действующей армии. Они были при каждом фронте. Задача этих Управлений – быстрее восстановление железных дорог, железнодорожных мостов, всего путевого хозяйства и подвижного состава. Начальники этих Управлений были и начальниками Железнодорожных войск фронта. Начальником нашего УВВР-20 был гвардии генерал-майор технической службы Николай Владимирович Казаков. Впоследствии, за успешное восстановление железных дорог и обеспечение железнодорожных перевозок ему будет присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В состав Управления военно-восстановительных работ входили: головные ремонтно-восстановительные поезда (горемы), поезда для восстановления водоснабжения (водоремы), поезда для восстановления связи и сигнализации (связьремы), мостовые восстановительные поезда (мостопоезда), поезда по ремонту подвижного состава(подремы) и другие специализированные подразделения. Такая узкая специализация позволяла быстро решать стоящие задачи по восстановлению железных дорог, без которых фронт просто не мог существовать...

Хочу отметить, что мы, вольнонаемные, числились в действующей армии, и на нас распространялось действие Уставов Красной Армии и все

льготы, положенные военнослужащим и членам их семей.

Наши УВВР двигались за войсками. Мы передвигались в этих поездах, мы жили в этих поездах и работали в этих поездах. Товарные и пассажирские вагоны были переоборудованы под жилые помещения и ремонтные мастерские. Среди ремонтников было много фронтовиков, которые после ранений были комиссованы и работали теперь по вольному найму. Лично я не была ремонтником, я работала в бухгалтерии, сначала счетоводом-картотечником, а потом помощником старшего бухгалтера. Но все невзгоды и радости той прифронтовой походной жизни я прошла с лихвой.

Да, мы не были на передовой, но немецкая авиация нас бомбила и обстреливала, всячески мешала работе восстановителей. Мне на всю жизнь запомнилась первая для меня бомбежка. Это было зимой 1943 года на станции Батайск – крупном железнодорожном узле. Наши поезда восстанавливали железнодорожное полотно и мосты на участке Батайск - Ростов. Базировались мы на станции Батайск. Однажды ночью прозвучал сигнал воздушной тревоги. Мы высыпали из вагонов и побежали в поле подальше от путей и вагонов. Но спрятаться было нельзя - в воздухе висели светильники и освещали все на земле, а над головами летали фашистские самолеты, свистели пули и рвались бомбы. Я не знаю таких слов, которые могли бы объяснить, какой ужас чувствует 19-летняя девушка и вообще любой человек, зная, что тебя сейчас может разорвать на куски. А жить-то очень хочется. И таких ситуаций было много.

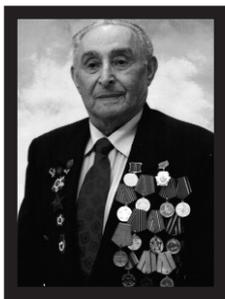
Армия освобождала все новые и новые города и села, а мы двигались за ней и занимались восстановлением разрушенного путевого хозяйства. Запомнилось мне восстановление путей под Запорожьем и моста через Днепр. За эту работу всему УВВР-20 была объявлена благодарность, а многие ремонтники были удостоены государственных наград.

Когда мы оказались на территории Польши, нас перестали бомбить, и мы поняли, что немец выдохся и наша победа близка. Фронт неумолимо приближался к границам Германии. В это время меня перевели в одно из подразделений нашего Управления в «Водорем-5». Мы восстанавливали железную дорогу на Варшаву и после Варшавы - на Запад. Когда мы вошли в Германию, наши мастерские перевели на автомобили, а нас, работников, расселили по квартирам. Последний участок железной дороги, который мы восстанавливали, был Кюстрин – Берлин. И пришла долгожданная Победа! Нас перед строем благодарили и награждали медалями.

Потом было возвращение на Родину. Мы возвращались на Украину. Подо Львовом нас обстреляли бандеровцы, и на платформе с грузовиками убили двух часовых. Это было далекое эхо войны. Во Львове наш «Водрем» подчинили Львовской железной дороге, а я уволилась.

Ничего героического я на войне не совершала, но свой скромный вклад в разгром фашизма я внесла.

После войны работала бухгалтером в различных организациях. В Канаду приехала в 1991 году. Здесь живут два моих сына, трое внуков и пятеро правнуков.

Мой военный путь

Макальский Борис Соломонович

Участник боевых действий

Я родился 13 января 1923 года в городе Белая Церковь Киевской области. Призван в Красную Армию в 1940 году. В начале Великой Отечественной войны был выпущен из Ленинградского военного артиллерийского училища в звании лейтенанта и направлен служить командиром взвода в пятый артиллерийский дивизион, который оборонял город Ленинград. Взвод состоял из 30 человек и имел на вооружении 12 орудий – минометы, винтовки и другое снаряжение.

С грустью вспоминаю все тяжкие месяцы, которые перенесли армия и все жители блокадного Ленинграда. Озверелый враг ежедневно обстреливал и бомбил город.

Красная Армия героически обороняла город. Рабочие, служащие, студенты, вся молодежь всячески помогали ей в этом. Блокадному Ленинграду неоценимую помощь оказала вся страна. Продовольствие, медикаменты и другие необходимые товары нам сбрасывали по ночам самолеты. Армия делилась всем этим с городским населением. Город выстоял, Ленинград победил.

После снятия блокады наша армия с тяжелыми боями освободила город Выборг. На подходе к Хельсинки нашу воинскую часть сняли с Ленинградского фронта и передислоцировали на Яско-Кишинёвское направление. Наступление советских войск продолжалось, немцев изгоняли из оккупированных ими территорий.

Мне пришлось участвовать в освобождении Белоруссии, Украины, Молдавии Чехословакии, в боях в Венгрии, Австрии. За время пребывания на фронте семь раз был ранен. Но после лечения в госпитале, а чаще всего в медсанбате – снова на передовую, в свою часть, подразделение.

Война – это строгий экзаменатор лучших человеческих качеств, выдержки человека, его находчивости и решительности. И эти замечательные черты присущи большинству фронтовиков Отечественной войны. На память приходит один из эпизодов.

В 1945 году при наступлении на Будапешт мое подразделение вместе с несколькими другими оказалось в окружении немцев, спустившихся с гор в неожиданном месте. При выходе с боями из недельного окружения я был тяжело ранен в позвоночник. Несмотря на это, мне удалось вывести из

окружения свое подразделение и военную технику без потерь. За это был удостоен высокой награды – ордена «Красной Звезды».

Горжусь, что мой фронтовой путь по достоинству оценен Родиной. Кроме упомянутого ордена, я награжден орденом «Отечественной войны II степени», медалями: «За оборону Ленинграда», «За взятие Будапешта», «За Победу над Германией» и многими другими юбилейными медалями.

Победу встретил в Австрии: утром 9 мая 1945 г. на территории воинской части послышалась оружейная стрельба, громкое «Ура», песни. Радости не было предела. В 10 часов объявили: «Война окончена».

Демобилизация фронтовиков началась в сентябре 1945 года. Меня назначили начальником первого эшелона демобилизованных, направляемых в город Киев. В Киеве меня положили на операцию в 408-й окружной военный госпиталь. Но устранить осколки позвоночника не удалось. Так я и живу с ними, и с удостоверением инвалида войны второй группы.

В 1972 году иммигрировал в Израиль, затем 15 лет проживал в Бельгии, где выполнял разную работу. С 1990 года вместе с семьей переехал в Канаду, к сыновьям.

Защищая Севастополь

Мелькумов Арам Багдасарович
Участник боевых действий

Родился я 1 мая 1922 года на Кавказе, в Нагорном Карабахе, в армянской семье. Тогда так же, как и сейчас, этот район был яблоком раздора между Азербайджаном и Арменией. Но так сложилось, что я почти всю жизнь прожил в Баку, в столице Азербайджана. Там, после окончания средней школы был призван в Красную Армию в самом начале войны.

Из запасного полка, где проходил короткую военную подготовку, был направлен служить краснофлотцем на Черноморский флот, точнее в укрепрайон под Севастополем. Здесь на обрывистом берегу была сооружена мощная 35-я батарея прикрытия с дальностью стрельбы до 45 километров. Эта батарея входила в состав действующей армии. Чтобы произвести один выстрел, нужно было заложить в орудие 30-ти пудовый снаряд из нескольких пудов пороха. Однажды произошла трагедия. Заряжая, обслуга допустила ошибку – раньше времени открыла замок. И весь уже горящий порох выстрелил назад из орудия и все 32 артиллериста погибли.

Немецкая авиация непрерывно бомбила укрепрайон. Моряки, одетые в черное обмундирование, были хорошей мишенью для воздушных стервятников. Вот командование и решило переодеть батареиную обслугу в армейские «хаки». Но и это не помогло. Через некоторое время все орудия-гиганты были выведены из строя и из «освободившихся» артиллеристов сформировали пехотное подразделение. Вот тут-то я принял, по сути, первое боевое крещение.

Это было в районе Мекензиевых гор. Ударная группа, куда вошла вся наша батареиная обслуга, получила приказ потеснить противника на 400 метров, чтобы «выровнять фронт». И еще было такое задание – «в плен немцев не брать, уничтожать до единого». Когда раздалась команда «вперед, в атаку!», я бросился из окопа... ползком. Молодой был, неопытный. В кино, конечно, я видел, что в атаку бегут во весь рост, и с криком: «За Родину, За Сталина!». Но здесь, когда с неба сыплются бомбы и летят снаряды и мины, бегом долго не поатакуешь. И я быстро-быстро пополз... Внезапно услышал, что впереди кто-то стреляет. Приостановился, приподнял голову и вижу – мне навстречу... ползет немец. Худой, в очках, и одеяло через плечо свернутое. Я отполз в сторону. Надо было просто выстрелить и убить. Не решился. Вскочил на ноги и направил на врага винтовку с прижатым штыком. Он быстро отбросил от себя оружие и закричал: «Рус – штык

ненадо!» В ответ я прокричал единственное немецкое слово, которое знал: «Хальт!», значит - вставай! Повел его назад за линию окопов. Все время я что-то прикрикивал. Пришли к нашим. Лейтенант Миловидов приказал отвести в штаб. Пошли. Но я не знал где штаб. Первый день на передовой. Бреду с немцем. Навстречу краснофлотцы: «Куда ведешь!» - спрашивают. «Приказали в штаб!», «На кой черт тебе нужен штаб? Застрели - и баста». Я подошел к немцу и выстрелил. Он упал на спину, раскинув длинные худые руки. Очки свалились, глаза были широко открыты. Это был первый враг, которого я убил. С тех пор я осмелел и не боялся уже ничего.

Давно это было, Но в памяти сохраняются подобные ситуации, которые были в те огненные годы. Видимо, они запечатлеваются навечно.

Вспоминаю случай, произошедший под Севастополем, когда я был тяжело ранен осколками минометного снаряда. Разорвался он сзади окопа, тогда я стрелял по немцам из бруствера окопа. Почувствовал, что осколки продырявили меня во многих местах. Обессилел, положил голову на бруствер и закрыл глаза. Ибо в тот момент вспомнил убитого товарища, который лежал мертвый на дне окопа с открытыми глазами. Это меня так ужаснуло! Показалось, что я уже умираю и нужно закрыть глаза, чтобы они не остались открытыми. Тут я глубоко вздохнул. Поднял голову, оглянулся вокруг и увидел, что оба моих соседа по окопу – справа и слева – убиты. Как раз в это время наши перешли в атаку, немцы отступили, и меня подобрала и отвела в санчасть. Ранен я был в четырех местах. Особенно тяжело в

Морпехи идут в атаку

левую лопатку, осколок прошел в 2 сантиметрах от сердца... В госпиталь, в Севастополь меня отправили на телеге, но я с нее слез, ибо была страшная тряска и боль была невероятная. Стоял я у дороги, опираясь на винтовку, ждал появления машины, сделать хотя бы шаг я не мог. Почувствовал безнадежность и обреченность. Увидела меня, беспомощного молодого морячка, который еле стоял на ногах, одна жалостливая женщина. Она помогла найти машину, которая привезла меня в Севастополь, в госпиталь. В госпитале мне сделали несколько сложных операций. Одна большая рана под левой лопаткой заживала особенно долго. Когда, покидая госпиталь, нашел свое матросское обмундирование, в левом кармане обнаружил свой комсомольский билет, залитый уже засохшей кровью. Он стал моим самым дорогим фронтовым сувениром на всю жизнь... До Победы тогда еще было так далеко, и так много еще предстояло тяжелых боев.

За боевые заслуги награжден орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За оборону Севастополя», «За Победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

После окончания войны еще два года служил в Советской армии. Демобилизовался в 1947 году в звании младшего лейтенанта интендантской службы, и возвратился в Баку.

В Канаде живу с женой с 1993 года. Здесь же живет и наш сын со своей семьей.

Радиотелеграфист

Миронопольский Абрам Маркович

Участник боевых действий

Я родился 3 марта 1914 года в селе Ивановка Маньковского района Киевской области. 3 марта 2014 года мне исполнилось 100 лет. Целый век я прожил. В моем младенчестве началась I Мировая война. Я был участником Великой Отечественной войны – II Мировой войны. Считаю счастьем и горжусь тем, что довелось участвовать в Параде Победы на Красной Площади в Москве 22 июня 1945 года. Учился я в сельской школе, а затем в фабрично-заводском училище-интернате при Днепропетровском металлургическом заводе им. Петровского (Фабзауч). По окончании работал в разливочном цехе завода. Параллельно с работой учился на педагогических курсах. После окончания курсов был направлен на работу в сельскую школу – учителем математики.

В Красную Армию был призван в январе 1940 года. Служил в батальоне аэродромного обслуживания в должности старшего радиотелеграфиста. Затем был направлен в полк связи при 28-й армии, где служил командиром отделения, начальником радиостанции. Мне неоднократно приходилось со своей радиостанцией корректировать огонь нашей артиллерии, находясь за передовой линией наших войск.

Однажды был накрыт артиллерией немцев. Чудом выжил, укрывшись сначала в воронке, а потом ползком выбрался к своим. Был награжден орденом “Красной Звезды”. По долгу службы обеспечивал связь штаба армии со штабом фронта и с Москвой. Участвовал во взятии Кенигсберга, в боях за Берлин. Войну закончил в городе Цитау, где был расположен штаб 28 армии. Принимал участие в Параде Победы в Москве 22 июня 1945 года в составе сводного полка 1-го Украинского фронта, был правофланговым.

Демобилизовался в декабре 1945 года. Вернулся в г.Днепропетровск. Женился. Учился в медицинском училище, по окончании работал врачом и главным врачом в районных больницах Днепропетровщины. Имею 2-х сыновей. В Канаде живу в семье старшего сына с 2000 года.

Два эпизода из фронтовой ЖИЗНИ

Модилевский Давид Аронович
Участник боевых действий

Я родился 13 января 1925 года на Украине в селе Топорище, Волынского района, Житомирской области. Окончив 7 классов, поступил учиться в Житомирский техникум, который готовил специалистов по обработке древесины.

Надвигающаяся война прервала мою учебу. Уже в 12 часов дня 22 июня немецкий бомбардировщик бросал бомбы на Житомир. Появившийся в воздухе наш истребитель, видимо, пытался догнать и атаковать фрица, но этого сделать ему не удалось – скорость не та. Я тогда почувствовал разницу в качестве авиационной техники. Житомир, можно сказать, город приграничный. Поэтому сразу началась его эвакуация. Наша семья эвакуировалась вместе с отступающими войсками. Эвакуировались мы в Казахстан, в город Джамбул.

В Красную Армию меня призвали 15 мая 1943 года, и направили учиться во Второе Туркестанское пулеметное училище, расположенное в городе Мары (Туркмения), которое я окончил с отличием в конце сентября 1944 года. Мне, как и другим курсантам, было присвоено звание «Младший лейтенант». Всех офицеров нашего курса одним эшеленом отправили на формирование в город Белая Церковь. Там я еще некоторое время находился в офицерском резерве.

Однажды, в 2 часа ночи, нас подняли, построили. Слышу команду: отличники учебы – три шага вперед! Нас вышло двое. Меня назначили командиром минометного взвода, в 63-й гвардейский стрелковый полк, 23-й Дновской Краснознаменной гвардейской стрелковой дивизии, 3-й ударной армии, на Первый Белорусский фронт. Я был доволен: миномет – грозное оружие. В этом я убедился в первом «крещении» под Варшавой.

Наш полк шел 10 километров лесной дорогой к месту своих позиций. Обнаружив нас, фрицы вели шквальный артиллерийский огонь на протяжении всего пути. Снаряды рвались в 100-150 метрах от дороги, но ни один не попал в наших солдат. Это – счастье! Выйдя из леса, разведка донесла, что за небольшой речушкой на нашем пути, в окопах, сосредоточилось подразделение немцев – человек 80. Выстрелами из пулеметов и автоматов их не поразить. Командир полка, назвав мою фамилию, приказал: «Накрыть минометным огнем». Что я и сделал со своими солдатами первыми выстрелами. Как стало известно потом, 15-20 фрицев «остались насовсем» в

окопах...

Однажды, заняв удобную позицию, мы приготовились к стрельбе. Мне сообщили, что работает немецкий снайпер, мешает расчетам вести огонь. Был январь, земля покрыта снегом. Я ползком выдвинулся вперед, чтобы выяснить обстановку. Слышу свист и разрыв одной, второй пули, но они не долетают до меня. Значит, снайпер стреляет по мне разрывными пулями, и они разрываются, не долетая до меня, потому что на своем пути соприкасаются с бурьяном и лесной порослью. Я знаю, что снайперские винтовки и сами снайперы у немцев хороши, поражают цели на далекое расстояние и с первых выстрелов. А я – даже без каски... Распластался на снегу и «замер». Видимо фриц подумал, что я мертв и направил свои выстрелы на другие цели. Снова – счастье! А я его засек, и мы его «накрыли». Ничто не могло остановить нашего продвижения вперед – на Запад.

Во время участия в боевых действиях на фронте подобных эпизодов было немало, их все не перескажешь. Войну я закончил в звании старшего лейтенанта. Награжден орденом «Отечественной войны II степени», орденом «Красной Звезды», медалью «За Победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

Давид Аронович скончался 9 ноября 2013 года.

Украинский фронт

Новаченко Борис Андреевич

Участник боевых действий

Ни одна республика Союза не была так истерзана и истоптана фашистским сапогом, как моя родная Украина. Вспоминаю рабочий поселок на окраине Гданцевского района Кривого Рога, близ железнодорожной станции (ныне она носит название Кривой Рог-Западный). В том поселке я родился и рос на улице, пролегающей вдоль железнодорожного полотна. Эта улица существует и поныне, и называется она так же – Верхняя Антоновка. Построенное в начале 1900-х годов на этой улице моим дедом саманное жилище, в котором прошло мое детство, сохранилось до наших дней, и в нем по сей день проживает моя родня. Старая печь нашей хаты давно развалилась, но она до сих пор согревает меня. Неподалеку от дома расположено одноэтажное здание железнодорожной 7-летней школы, которую я закончил с отличием в июне 1940 года. Во дворе родного дома каждый год расцветает сад с двумя грушевыми деревьями, посаженными домочадцами около века тому назад. В километре от дома, в тени берез и тополей Гданцевского кладбища покоятся мои родные – мать, дед и бабушка. Неподалеку от их могил расположен воинский участок, где в братских захоронениях лежат тысячи жителей Кривого Рога, погибшие от рук фашистских захватчиков. Среди них в братской могиле номер 9 покоится мой друг детства, партизан Александр Граничник.

В марте 1944 года в свои 18 лет я был стрелком 37-й армии 3-го Украинского Фронта. Мы отвоевывали у фашистских захватчиков оккупированные города и села на юге Украинской ССР. 2 апреля 1944 года на подступах к Тирасполю наша рота приступила к наведению понтонного моста через реку Днестр. В тот день мы подверглись мощному налету немецких бомбардировщиков. Одна из бомб приземлилась и разорвалась вблизи от меня, подкинув на два метра вверх. Я потерял сознание, и через несколько дней очнулся в медсанбате. Гудела голова, ныла забинтованная рука. Медсестра сообщила, что я получил контузию и меня направляют на лечение в тыловой госпиталь в Новоукраинку (небольшой город в Кировоградской области). С окончанием двухмесячного госпитального лечения и одного месяца службы в резервном полку при щадящем режиме, я был признан медкомиссией здоровым и годным к дальнейшей строевой службе. 11 июля 1944 года литерный эшелон, где я занял свое место в теплушке, умчал меня в западном направлении в штаб тыла 1-го Украинского фронта,

в сторону Сандомирского плацдарма. Там я был определен в учебный дивизион фронтового запасного артполка, где велась подготовка младших командиров артиллерийской оптической и топогеодезической разведки, а также командиров оружейных расчетов и радистов-телеграфистов.

К концу августа 1944 года, в результате проведенной Львовско-Сандомирской операции советские войска завершили освобождение от немецкой оккупации всей территории Украинской ССР в границах 1941 года. Понеся огромные потери, немецко-фашистские дивизии вынуждены были прекратить активные действия и на несколько месяцев перейти к жесткой обороне на всем протяжении плацдарма. Для 1-го Украинского фронта наступил период затишья, который затянулся вплоть до января 1945 года. Тем временем в начале сентября, в составе 3-й гвардейской танковой армии генерала П. С. Рыбалко, на территории плацдарма начала формироваться новая 199-я отдельная лёгко-артиллерийская бригада. Туда из 3-го Белорусского фронта был передан 202-й легкий артиллерийский полк из 2-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва РГК. В этот полк, по окончании учебы в декабре 1944 года, с присвоением мне звания младшего сержанта, я был зачислен вычислителем штабной батареи.

Наступил 1945-й Победный год. Главное командование Красной Армии готовилось к осуществлению Сандомирско-Силезской операции. Первые десять дней января наша бригада, находясь в восточной части Польши, несколько раз без боев меняла свои позиции, передвигаясь преимущественно ночными маршами. 10-го января мы находились у пунктов Вежбице и Подлесье, где 12-го января произошло первое в 1945 году наше боестолкновение с противником. С раннего утра немецкая артиллерия и минометы проводили массированный налет на боевые порядки стрелкового полка, который нам предстояло поддерживать в прорыве обороны противника. Вскоре наша бригада приступила к мощной артиллерийской подготовке, которая продолжалась около двух часов. 7500 выстрелов из 76-мм и 850 выстрелов из 100-мм орудий подавили все ранее замеченные цели врага. После артиллерийской подготовки наша бригада устремилась за танковым и механизированным корпусами, которые прорывались в направлении населенного пункта Рембув. На протяжении января месяца мы двигались от Вислы к Одере, осуществляя перенос боевых действий на территорию Германии, что предвещало грядущий разгром войск противника.

За период боев с 12 по 31 января наша бригада уничтожила три 50-мм орудия, два «тигра», два средних танка, 26 автомашин, пять пулеметов, два самоходных орудия, подавила огонь семь артиллерийских и пять минометных батарей противника, подбила четыре бронетранспортера, рассеяла и частично уничтожила до 3000 солдат и офицеров вермахта, отразила две контратаки, взяла в плен 155 человек. Бригада при этом потеряла 14 автомашин уничтоженными и 9 разбитыми, 13 - 76-мм

пушек, 3 - 100-мм пушки. В личном составе бригада потеряла убитыми: одного офицера, десять сержантов, 16 рядовых; ранеными: четырех офицеров, 90 человек рядовых и сержантов. В целом, подготовительный период, предшествующий операции в частях бригады, дал исключительно положительные результаты. Висло-Одерская операция к началу февраля была завершена. Важнейшими факторами успеха в ней были высокий уровень эффективности артиллерийского огня и хорошая мобильность сил и средств. Среднесуточный темп наступления наших войск достигал порядка 25-50 км в день, в танковых армиях он доходил и до 70 км в день. Дорога, по которой мы двигались к Берлину, была усеяна телами немецких солдат и офицеров, раздавленными или брошенными полевыми пушками, повозками, автомашинами с продовольствием, обмундированием и снаряжением, оружием, боеприпасами и тому подобным.

10 февраля 3-я гв. танковая армия П. С. Рыбалко форсировала реки Бобер и Квейс, однако из-за быстрого продвижения всех родов войск нашей армии стал увеличиваться разрыв между общевойсковыми и танковыми соединениями. Разрыв приводил к распылению сил и к последующим затруднениям в продвижении вперед. По этой причине главнокомандующий 1-го Украинского Фронта И. С. Конев был вынужден 12 февраля разворачивать танковую армию Рыбалко с нашей бригадой на восток. Нелегко пришлось нам особенно в эти дни февраля. Вспоминается бой, произошедший в 229-м соседнем полку 19 числа. Местность вокруг была лесистая, что давало противнику больше маневров для атак из засады. 229-й полк находился на марше, как вдруг две немецкие самоходные штурмовые установки «фердинанд» внезапно вышли из опушки леса. Ринувшись на полных скоростях и достигнув за считанные секунды тылов дивизиона, вражеские самоходки подошли вплотную к орудийным расчетам двух батарей и принялись расстреливать их в упор. Личный состав не успел ничего предпринять, как уже минутой спустя 76-мм пушки двух наших батарей были охвачены огнем. После атаки «фердинанды» в таком же скором темпе скрылись в лесу. Эта вылазка врага обернулась бойцам выговором от командира бригады. На деле выходило так, что двумя батареями не было произведено ни единого выстрела, а общие потери составили 7 орудийных расчетов. Весь личный состав батарей, оставшихся без пушек, в тот же день был передан в распоряжение других подразделений полка и храбро сражался в период с 20 по 28 февраля, поддерживая танковую бригаду, за что получил благодарность от командира 6-го гвардейского танкового корпуса.

В конце февраля часть личного состава 199 легкой артиллерийской бригады в количестве двенадцати человек, в числе которых был и я, командующий 3-й гвардейской танковой армии генерал П. С. Рыбалко приказал передать в распоряжение 200-го Гвардейского легкого артиллерийского Келецкого Краснознаменного Ордена Богдана Хмельницкого и Александра Невского полка 3-й гвардейской легкой

артиллерийской Бахмачско-Киевской Краснознаменной Ордена Кутузова и Суворова бригады 1-ой гвардейской артиллерийской Глуховской Краснознаменной Ордена Суворова и Богдана Хмельницкого дивизии прорыва РКК. В составе этого полка я воевал с начала марта вплоть до окончания войны. В новом 200-м гв. полку судьба меня свела со многими интересными и отважными людьми со всех уголков нашей бескрайней Родины. Новоприбывшего вычислителя батареи в тот же день приветливо встретили два воронежца: то были Герой Советского Союза гвардии капитан Кашеев Михаил Александрович, который состоял в должности начальника топографической службы полка, и капитан Шапошников Митрофан, состоявший в должности начальника разведки полка. Быстро переговорив со мной, капитан Кашеев назначил меня начальником отделения топографической разведки штабной батареи.

Вспоминаю Мачулу Алексея Матвеевича 1909 года рождения, старшину, с которым у меня сразу завязались дружеские отношения; лейтенанта Некрасова из Москвы – начальника топографического взвода; водителя Пархоменко из Сталинграда, который водил наш полковой «Шевролет»; рядового с редкой фамилией Отченаш из Молдавии, который в совершенстве владел немецким языком и после войны работал с Вальтером Ульбрихтом – будущим руководителем ГДР.

Хочу отдельно рассказать о рядовом Хоменкове Владимире из Калуги – вычислителе взвода управления полка. Помню, как однажды немцы контратаковали нашу бригаду. Когда вражеские автоматчики вышли в район прямого выстрела, батарея начала бить прямой наводкой, расстреливая в упор противника. В батарее имелись потери от автоматного огня. Володя Хоменков, рискуя жизнью, находясь под пулями врага, вынес с поля боя 3-х рядовых и одного офицера, и тем самым спас жизнь четырем воинам. За этот подвиг он был награжден орденом Красной Звезды.

В начале марта 1945 года наша 3-я гвардейская легкая артиллерийская бригада дислоцировалась в районе города Бад Мускау, где соединения поддерживаемого нами стрелкового корпуса готовились к предстоящим боям по ликвидации вражеского плацдарма на правом берегу реки Нейсе. Каждый километр продвижения давался нашим стрелковым частям и соединениям с огромным трудом. В те дни артиллеристам часто приходилось вступать в ближние бои, доходившие порой до рукопашных схваток. 18 апреля наша бригада участвовала в боях за город Адлик Дубрау, где лишь один оружейный расчет гвардии сержанта Д. А. Плужникова, непрерывно менявший позицию, уничтожил пять станковых пулеметов и до взвода вражеской пехоты. Всего же в бою за Адлик Дубрау бригада уничтожила 17 пулеметных гнезд, одно самоходное орудие «фердинанд» и более роты гитлеровцев.

В тот же день, чтобы избежать окружения, большая колонна пехоты вермахта на бронетранспортерах медленно выдвинулась в район

Галлинхену, но через несколько минут ее буквально разорвали на части мощные взрывы: оба полка нашей бригады открыли беглый огонь из всех орудий осколочными снарядами. Вскоре над вражеской колонной появились наши «илы» и с бреющего полета довершили начатое артиллеристами дело. На лугу осталось несколько сгоревших танков, броневиков и две самоходки.

26 апреля 3-я гвардейская легкая артиллерийская бригада вместе со стрелковыми и артиллерийскими частями 21-го стрелкового корпуса перекрыли дороги севернее Краусник - Одерин, по которым ожидалось продвижение нескольких пехотных и танковых соединений франкфуртско-губенской группировки немцев. Гитлеровцы шли скученно, напролом. Советские пехотинцы, артиллеристы и танкисты вынуждены были вести борьбу с фашистскими танками и автоматчиками в ближнем бою, уничтожая их с коротких расстояний, так как по обе стороны автостреды стоял могучий лес, мешавший применению артиллерии. В ночь на 29 апреля крупные силы пехоты гитлеровцев с танками и артиллерией контратаковали из леса и устремились к позициям артиллеристов, прикрывавшим подступы к автострате на Дрезден. Батареи полка стояли плотно, интервалы между орудиями не превышали 50 метров. В этих промежутках командир полка гвардии подполковник Батрутдинов расположил личный состав взводов управления, связистов, шоферов, разведчиков - всех, кто мог стрелять из личного оружия, пулеметов, противотанковых ружей, трофейных фаустпатронов. Парторг 5-й батареи гвардии старший сержант Свиныхов

Артиллеристы ведут огонь

возглавил один из расчетов, заменив раненого командира этого орудия. Пушка стреляла по гитлеровцам прямой наводкой. Когда же она была разбита фаустпатроном, расчет продолжал уничтожать фашистов гранатами и из личного оружия. Геройски погиб в этой схватке парторг Свинухов, но его товарищи не пропустили гитлеровцев к автострате.

Нередко мне, начальнику отделения топографической разведки штабной батареи, приходилось с товарищами выезжать на разведку пути прохода нашего 200-го легкого артиллерийского полка.

1 мая утром, выехав на разведку пути в район Меккендорф под Дрезденом, наш «Виллис» попал в засаду. Немецкие солдаты из кустов с короткой дистанции открыли стрельбу по нашей машине. Мои товарищи ответили решительным огнем из автоматов, я же кинулся к станковому пулемету, установленному на задней части «Виллиса», и вместе со всеми принялся строчить по цели.

Трудно сказать, сколько по времени продолжалась эта стычка с противником. Может, то были всего несколько секунд, но в такие моменты вся жизнь, концентрируясь, в одно мгновение пролетает в сознании человека. Чувствуя плечо товарища, осознаешь ответственность за происходящее и прилагаешь все усилия воли для уничтожения врага. Чудом избежав потерь с нашей стороны, нами было ликвидировано несколько немецких солдат, остальные же были взяты в плен и дали ценные сведения о своих частях.

Таких случаев, когда жизнь, кажется, вот-вот оборвется, на моем боевом пути было немало, но этот короткий эпизод я упомянул потому, что он был отражен в наградном листе от 13 мая 1945 года для представления меня к первой в моей жизни боевой награде – ордену Красной Звезды. 16 мая 1945 года мне исполнилось 20 лет, а на следующий день 17 мая, в торжественной обстановке, орден Красной Звезды был мне вручен командиром 3-й гвардейской легкой артиллерийской бригады Героём Советского Союза Жагалой Виктором Макарьевичем.

Не дойдя нескольких десятков километров до Берлина, 3 мая наша 3-я гвардейская легкая артиллерийская бригада в составе своей артиллерийской дивизии сделала разворот и совершила 150-километровый марш в сторону Дрездена. К вечеру 5 мая оба полка нашей бригады развернули свои боевые порядки на западном берегу реки Эльба, южнее города Риза. Артиллерийские батареи заняли здесь противотанковую оборону с задачей прикрыть плацдарм от возможных контратак пехоты и танков противника, стремившихся соединиться с дрезденской группировкой гитлеровцев, упорно не желавшей сложить оружие. В течение 6-8 мая полки нашей бригады несколько раз меняли свои огневые позиции, вели бои то на восточном, то на западном берегу Эльбы, неуклонно приближаясь к Дрездену. К вечеру 8 мая 1945 года военный комендант Дрездена отдал приказ гарнизону о безоговорочной капитуляции. Сотни гитлеровских солдат и офицеров, бросая оружие, начали сдаваться в плен. К вечеру того

же дня, после полковых митингов, проходивших на берегу живописного городского озера с хорошо оборудованными пляжами и набережными, солдаты и офицеры нашей бригады долго не расходились, пели фронтовые песни, взволнованно обсуждали события последних дней. Все понимали, что война подходит к концу.

Но война для нашей бригады в тот день не закончилась. Вечером 8 мая командир бригады В.И. Жагала был вызван в штаб армии, где командарм сообщил, что группировка вражеских войск, оккупировавшая Чехословакию, не пожелала сложить оружия. Бригада получила приказ войти в состав передового отряда, которому предстояло в течение 24 часов преодолеть Рудные горы, вступить на территорию Чехословакии, достичь города Мельник, овладеть им, и удерживать его до подхода главных сил армии.

8 мая в 22.00 наша бригада выдвинулась из Дрездена и всю ночь медленно двигалась через горный перевал, преодолевая заминированные лесные завалы и отдельные участки дороги, рассеивая вражеские группы огнем танковых пушек и пулеметов. К рассвету мы вышли, наконец, на равнинную местность, и на предельных скоростях устремились вперед. Потери в личном составе были небольшие, но переживали мы их особенно тяжело, ведь каждый из нас знал, что это последние дни войны. Но и радости было много: от Рудных гор до самого конечного пункта нашего маршрута по обеим сторонам дороги стояли ликующие толпы народа. Люди забрасывали наши машины цветами, горячо приветствуя своих освободителей.

9 мая наш отряд достиг города Мельник и в коротком бою разбил его гарнизон. Развернувшись, наши полки заняли круговую оборону, оседлав все перекрестки дорог, шлюзы у устья реки Влтава. К концу дня нам стало уже известно, что в Берлине подписан акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Все мы с огромной радостью и душевным волнением восприняли эту весть.

10 и 11 мая стрелковый и танковый полки отряда при огневой поддержке нашей бригады занимались ликвидацией отдельных разрозненных групп противника. 12 мая бои прекратились. Военные действия для нас закончились. В подразделениях бригады царил всеобщее ликование, проходили митинги личного состава. Воины обменивались домашними адресами, договаривались о послевоенных встречах. Родовались, смеялись и плакали, праздновали долгожданную Победу! Первые дни после Победы прошли как во сне. Вскоре наша бригада передислоцировалась на территорию Австрии, в город Аленштайн, где уже находились другие соединения и части 1-й гвардейской Глуховской ордена Ленина, Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого артиллерийской дивизии прорыва. Мне присвоили звание старшего сержанта и наградили медалями: «За Боевые Заслуги», «За Победу над Германией», «За взятие Берлина» и «За Освобождение Праги». Капитан

Кашцев назначил меня начальником вычислительной команды полка, и я принял решение продолжать службу в рядах Советских Вооруженных Сил и посвятить свою дальнейшую жизнь службе Отечеству!

До конца 1946 года наша дивизия продолжала дислоцироваться в Австрии. Осенью, получив по военным льготам продовольствие, я был отпущен на месячную побывку. Поездами я ехал из Вены через Бухарест на восток Украины на родину, в Кривой Рог. Так, осенью 1946 года состоялась моя первая послевоенная встреча с родными. После 900-дневной немецкой оккупации города чудом остались живы мой младший девятилетний брат Адик и 75-летняя бабушка Василиса Сидоровна.

По пути обратно в дивизию я остановился в Черкассах. Там, на перроне станции я присмотрелся – на путях стоял эшелон, перегруженный новыми 152-мм гаубицами, которыми накануне был оснащен наш полк. Я полюбопытствовал у часового – что за эшелон и откуда? Оказалось, пока я находился на побывке, наша бригада из Австрии осуществляла передислокацию в поселок Желкув в 30 км от Львова, и этот эшелон, по случайности, как раз оказался эшелонем нашего полка, следовавшим из Австрии в направлении Желкува. Поэтому мне больше не пришлось возвращаться в Австрию. Впрыгнув на подножку состава, через несколько часов я очень скоро оказался в расположении своего полка. Служил я в армии до 1975 года. Военная служба, нелегкие фронтовые дороги, боевые друзья-товарищи остались в памяти навсегда. Никогда не забыть мне боевых соратников моих. Их беззаветное служение Отчизне является высоким примером для подражания. Считаю своим долгом ежедневно чтить память о тех, кто отстоял свободу и независимость нашего Отечества.

От Воронежа до Праги

Новоминская Роза Борисовна

Участник боевых действий

Я родилась в городе Житомире, на Украине в 1921 году. В 1937 году окончила семилетку. Так сложилось, что я рано потеряла маму и осталась с двумя братьями и сестрой, которая поступила в педагогический институт, а я начала учиться на бухгалтера. Потом я поступила в Житомирское медучилище, закончила его в 1940 году, и начала работать медсестрой. Отец перед самой войной сильно заболел и умер в июле 1941 года, в возрасте 40 лет. Я осталась с двумя братьями. Старший брат поступил в ремесленное училище, а младший остался со мною, немцы уже бомбили город, началась эвакуация, и нас с братом тоже эвакуировали.

Мы ехали в товарных вагонах, дорогой нас бомбили и обстреливали фашистские летчики. Порою от всего случившегося и увиденного я редела и рвала на себе волосы. Несмотря на все опасности, мы уцелели, и добрались до Сталинградской области, Еланский район.

Я хотела устроиться на работу медработником, но мне сказали, что у них все занято и им не нужны медсестры. Но я оказалась нужна армии - меня через месяц призвали в Красную Армию и послали учиться в Камышин. Перед уходом в армию я попросила семью бригадира тракторного отряда, у которой не было детей, взять к себе моего младшего брата, и они его взяли.

В Камышине нас поселили в здании одной из школ. Мы проходили курс молодого бойца, учились стрелять из пистолета и винтовки, осваивали профессию фронтовой медсестры. Там я заболела от недоедания, по всему телу пошли фурункулы, а когда выздоровела и вернулась в часть, пришло время отправиться на фронт.

Попала я на Брянский фронт, где бои были такие жестокие, что от нашей 280-ой стрелковой дивизии почти ничего не осталось, её расформировали, а я попала в 81-ую стрелковую дивизию на Воронежский фронт, шел уже 1942 год. Потом будут другие фронты, снова Брянский, затем Белорусский, 1-й Украинский и 4-й Украинский.

Всю войну я работала медсестрой сначала в медроте, а потом в медсанбате. Это была моя фронтовая семья, с ними я прошла от Воронежа до Праги. Много было страшного, особенно во время битвы на Курской дуге. Бомбили, стреляли, горела вся земля... Наш медсанбат двигался вместе с дивизией, к нам поступали раненые непосредственно с поля боя. Операции делали при свете самодельных источников света, сделанных

из гильз. Потом, когда мы перешли в наступление, появились движки и электроосвещение. Всю войну я ни разу не спала под крышей дома, только в землянках и палатках. Однажды, когда я спала со своей подругой в палатке на вениках, укрывшись шинелями, зашёл военврач-майор и сказал: «Надеюсь, что наступит день, когда вы снимете эти сапоги и оденете туфельки на каблуках». И его слова исполнились!

За бои по освобождению г. Калинковичи нашей дивизии присвоили почетное наименование «Калинковическая». За успешное выполнение заданий командования по разгрому немецко-фашистских войск дивизия была награждена орденами Красного Знамени и Суворова II степени.

Войну я закончила в Чехословакии, правда, так сложились военные обстоятельства, что Победу мы отмечали только 21 мая. Демобилизовали меня в декабре 1945 года.

Я награждена орденами: «Отечественной войны II степени», «Красной Звезды», медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и всеми юбилейными медалями.

К сожалению, когда я уезжала в Израиль, все мои медали украли, но документы сохранились.

После демобилизации я поехала к сестре, которая нашла меня еще в 1944 году. Она жила в г. Олевске, Житомирской области, где работала учительницей русского и украинского языков, а её муж был директором школы. Братьев я потеряла на войне, они добровольно ушли на фронт. Про старшего я ничего не слышала, а младший воевал в Западной Украине, я получила от него весточку в июле 1944 года, а после войны его не оказалось ни в каких списках. Вот что сделала война с моей семьей. В Олевске я устроилась в больницу и работала там медсестрой. В больнице я встретила моего будущего мужа. Мы поженились и поехали во Львов, на его родину, где я работала тоже медсестрой, пока не переехала в Израиль, а потом в Канаду.

Я - военный врач

Овсей Зиновий Бенедиктович

Участник боевых действий

Я родился 5 июня 1919 года в городе Енакиево, на Донбассе, Украина, там же закончил среднюю школу и поехал в центр Донбасса (тогда он назывался Сталино, сейчас Донецк) получать высшее образование. Под влиянием друзей поступил в медицинский институт. После того, как закончился пятый курс, мне оставалось сдать последний экзамен по гигиене, и это приходилось на 22 июня 1941 года.

В этот день мы с моим товарищем Петей Хортовым ехали в институт к 10 утра. На улицах и около института из репродукторов лилась музыка, была полная идиллия прекрасной жизни. Но когда мы пришли в институт, то заметили, что все студенты о чем-то переговариваются. Петя пошёл к ребятам и узнал, что немецкая авиация бомбила Киев и Минск. В 12 часов дня выступил Молотов и сказал, что фашистская Германия вероломно напала на нашу страну. Сказал так: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». И хотя в воздухе в то лето пахло войной, это было для нас неожиданным. К собравшимся студентам пришел заведующий кафедрой и попросил нас сдать зачетки и прийти на следующий день. На следующий день в институт пришли трое военных из военкомата и сказали, что 29 июня нам надлежит явиться с вещами. Я поехал домой в Енакиево, у нас была паника, так как мои родители уже пережили одну войну, и знали, что это такое.

В назначенный день мы собрались в военкомате, и нас отправили поездом на Киев, и, хотя мы не знали конечного пункта нашего прибытия, у нас в поезде было хорошее настроение. Мы проехали станцию Бахмач, не останавливаясь, пели песни и играли на гитаре, было весело. Когда проехали от этой станции еще 50 км., то увидели, что Бахмач весь горит, его разбомбили немецкие самолеты в пух и прах, на нас это произвело страшное впечатление.

Остановились на станции Бровары под Киевом, и увидели, как парни танцуют с девочками под музыку, мы очень этому удивились. Здесь, недалеко от станции, формировались воинские части. Нам выдали новенькое обмундирование и произвели в старших лейтенантов медицинской службы.

В Броварах мы услышали выступление Сталина. Он обратился к стране с необычным воззванием. Он сказал: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей Армии и Флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!».

Он призвал к всенародной Отечественной войне. Это имело громадное моральное воздействие на всех.

Там, в Броварах, однажды раздалась команда построиться полукругом, вывели двух пожилых людей в красноармейской форме, зачитали приказ, что они дезертиры, и на наших глазах их расстреляли. Красноармейцы, участвовавшие в расстреле, в первый раз промахнулись, на второй ранили, и только на третий убили. На всех присутствовавших это произвело неизгладимое впечатление.

Наконец мы получили назначение в качестве полковых врачей в находящуюся на формировании 304-ю стрелковую дивизию. Буквально через 12-15 дней в составе этой дивизии мы вступили в бои на Юго-Западном фронте в районе Умани, где немцы нас хорошо потрепали, нам пришлось с тяжелыми оборонительными боями отходить до Днепра и за него.

Потери у нас были большие, и мы, еще молодые врачи, не имевшие достаточной практики, сразу превратились в хирургов, и, где могли, оперировали, останавливали кровь, накладывали шины, обрабатывали раны и отправляли в тыл. Раненых было много. От усталости мы порою валились с ног. Но на этом наше отступление еще не закончилось. Немцам удалось форсировать Днепр, и мы с тяжелыми боями отходили на Харьков.

Отступали мы тяжело - непрерывные бомбежки, прорывы немецких танков, разбитые проселочные дороги, осенняя непогодица с проливными дождями и заморозками, непролазная грязь - что может быть хуже для раненых и медперсонала. Основным нашим транспортом были колесные коляски и лошади, гужевого транспорт, он утонул в дорожной грязи, а мы врачи, сестры и легко раненые, по пояс в этой грязи, тянули лошадей и вытаскивали, толкали эти повозки.

После того как мы оставили Харьков, фронт стабилизировался и нас отвели на переформирование. Мы, врачи, попали в резерв медработников, было нас там больше чем положено, и к нам приезжали покупатели, выбирали врачей - мне было тогда 22 года.

В один прекрасный день прибежал мой товарищ Володя Борончук и сказал, что набирают в медсанбат 13-й гвардейской стрелковой дивизии, командиром которой был Александр Ильич Родимцев, Герой Советского Союза - это звание он получил еще в 1937 году за бой в Испании.

В эту дивизию прибыло много сибиряков. Их тогда называли «сибирские стрелки» за то, что они стреляли без промаха. В медсанбат этой дивизии попал и я. Среди врачей нашего медсанбата были представители различных национальностей, был один Турсунов - узбек, русские, евреи, украинцы, татарин. В полевой госпиталь нам доставляли раненых, мы их осматривали, кого лечили на месте, кого-то отправляли дальше.

В 1941-1942 г.г. у нас в госпитале были проблемы с продовольствием, но мы их решали при помощи пронырливых ребят из числа выздоравливающих, они ходили по селам и доставали там птицу,

яйца и прочее. В результате удавалось организовать нормальное питание, и даже улучшенное. Махорка, сигареты были, а вот насчет поспать для медперсонала было трудно, работы было очень много.

И еще одно хочу сказать. На фронте бывало затишье, и тогда к нам приезжали артисты, поэты, писатели – развлекать нас, выполняя свой патриотический долг, и надо сказать – доставляли нам всем радостные минуты.

В марте 1942 года наша дивизия вела бои под Курском, там наше медицинское начальство придумало создавать мини-медсанбаты – два врача-хирурга, три медсестры, два санитар и шофер с автомашиной – для выполнения оперативной задачи останавливать кровотечения и проводить противошоковые мероприятия. Мы должны были быстро передислоцироваться в места ожесточенных боев и там моментально разворачиваться, т.е. сестры и санитары быстро разбивали палатку, водитель подключал переносную фару, просовывал её через окошко и в палатке появлялся свет, и начиналась наша работа. Мы оказывали раненым первую помощь, а затем отправляли в госпиталь. Именно по такой схеме мы работали во время Харьковской наступательной операции в апреле-мае 1942 года, которая нашей армии не удалась, и мы вынуждены были отступить с большими потерями, в их число попал и я.

Это случилось 22 мая, когда я сопровождал нашу санитарную машину с ранеными в полевой госпиталь при медсанбате. Немецкий «Мессершмитт» атаковал нашу машину, движущуюся по дороге и имеющую на тенте опознавательный знак - красный крест. По законам военного времени машины красного креста атаковать нельзя, да разве для фашистов есть законы. Немецкий летчик стрелял разрывными пулями, повторно ранив почти всех находившихся в кузове машины раненых, и попал также в меня, прострелив обе ноги. Шофер чудом уцелел и доставил нас по назначению.

С моим ранением, которое считалось тяжелым, меня отправили эвакогоспиталем по железной дороге в глубокий тыл. Стучали колеса, мы лежали на полках плацкартных вагонов, было чисто, кормили хорошо, обслуживавшие нас врачи и сестры были внимательны, заботливы и предупредительны. Они делали все, чтобы уменьшить наши боли и поднять наше моральное состояние. Перевязки, обработки ран делались регулярно и на должном уровне, даже при острой необходимости делались экстренные операции. Раненых распределяли по стационарным госпиталям в городах по пути следования, при наличии мест, по профилю госпиталя.

Так я добрался до города Джамбула (в н. вр. город Тараз), это юг Казахстана на границе с Киргизией. Там, в госпитале, я пролежал 10 месяцев, перенес четыре операции, и был выписан, как не годный к службе в армии.

Интересно, в Джамбуле был госпиталь для военнопленных немцев, хорватов и итальянцев. В основном у них была дистрофия. Их хорошо кормили и лечили, возможно, лучше чем нас. Не в пример фашистам

мы выполняли законы о военнопленных. Я даже подружился с одним итальянцем – Каролем. Хотел у него научиться итальянскому языку.

После выписки из госпиталя я остался в Джамбуле, там в 1943 году я женился. Моя жена работала медсестрой, затем мы переехали в Харьков, а оттуда в Вильнюс, где я встретил День Победы и где жил до отъезда в Канаду. Все это время я занимался общей хирургией и научной работой. За заслуги перед Родиной в период войны награжден орденами «Отечественной войны I степени», «Красной Звезды», медалью «За победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

В Канаде живу с 1999 года, приехал к сыну.

В Сталинграде

Парфенов Николай Васильевич

Участник боевых действий

Тракторный завод, конец августа - начало сентября 1942 г.

Я, находясь около 5-го танкового цеха, услышал звук моторов немецких стервятников. Через мгновение я увидел их боевой порядок, несколько напоминающий порядок летящих журавлей. Самолеты приближались к заводу все ближе и ближе. Никто не препятствует их полету, никто не ведет по ним огонь. Где же Красная Армия? Где же ПВО? Становится страшно, что будет с заводом? Спасенья нет. Еще несколько секунд, и откуда ни возьмись, огонь открыла зенитная батарея, а может быть, и дивизион, прикрывающий важный объект. Я получил душевное облегчение - боевой порядок из 10-15-ти самолетов, выглядевший в виде клина, был нарушен. Точно в это же время на помощь зениткам поспешила группа советских самолетов.

Завязался ожесточенный воздушный бой. Несколько немецких бомбардировщиков, оставляя шлейф густого черного дыма, устремились по нисходящей траектории и взорвались. Ни одна бомба не упала на завод.

Одна из зенитных установок "гнездилась" на крыше 5-ти этажного здания завода. На огневой позиции этой зенитки все время дежурили девушки в военной форме. В боевой расчет входила девушка по имени Соня. Как и все, она была молоденькой, красивой, скромной и очень стройной. Этот бой для нее, мне кажется, был первым боевым крещением. Девушка Соня сегодня состоит в нашей ассоциации и величают ее Софья Иосифовна Килевич.

До сего времени в моей памяти осталось исключительно точное по времени взаимодействие зенитного подразделения с авиацией советских войск. Это взаимодействие является одним из элементов российского военного искусства. Российское военное искусство явилось одним из источников Победы над фашистской Германией, именно командный состав Красной Армии в 1942 г. прекрасно владел наукой побеждать. Сталинградская битва - тому подтверждение.

На войне я был минометчиком и комсоргом батальона

Перевалов Николай Иванович
Участник боевых действий

Я, Перевалов Николай Иванович, родился 24 ноября 1920 года в России. Место рождения: Кировская область, деревня Буданы. Семья у нас была небольшая, кроме меня была еще одна сестра. Детство моё было тяжелым. В два года у меня умерла мама во время родов, а в 11 лет я потерял отца от сыпного тифа. Кроме того, мою мамеху парализовало, когда мне было 16 лет, поэтому все дела по хозяйству перешли ко мне.

Закончил я 4 класса в 1933 году, и до войны больше нигде не учился. Работать я начал в колхозе пастухом коров и лошадей, а в 16 лет меня назначили завхозом колхоза.

В 18 лет я уже стал бригадиром колхоза (избран был членом правления колхоза). В этой должности я встретил войну. С июня по сентябрь 1941 года я три раза обращался в райвоенкомат, чтобы меня призвали в армию и отправили на фронт – сражаться за Родину. Лишь в третий раз призвали. А отказывали потому, что я не слышал правым ухом. Причина крылась в том, что мне в детстве сделали неудачную операцию на ухо.

Когда меня призвали, попал я служить в Карельскую республику, распределили меня в роту обслуживания военного госпиталя. Но я все время просился на фронт, и вскоре меня перевели в 104-ю стрелковую дивизию, которая держала фронт недалеко от государственной границы с Финляндией, помню, что это было в районе Аллакттури-Куоляярви, недалеко от Кандалакши. Забегая вперед, скажу, что фронт там зимой 1941 года стабилизировался и дивизия держала оборону на том участке до осени 1944 года, ведя порою ожесточенные бои местного значения. Мне пришлось воевать здесь с апреля 1942 года до октября 1943 года. Я освоил миномет и был очень хорошим наводчиком.

Я был поставлен командиром роты первым номером, и если требовалось открыть стрельбу на подавление, командир роты обращался обязательно ко мне. А я с этим справлялся на отлично. За что и был награжден медалью “За боевые заслуги». Прослужил наводчиком я 1,5 года.

В этот период я был дважды ранен. Впервые это случилось в июне 1942 года при обстреле территории минометной роты. Осколок от разрыва снаряда попал мне в спину и через лопатку прошёл в грудь, остановившись в 2 - 3 миллиметрах от лёгкого (как говорили врачи при рентгене). Этот осколок около 1 сантиметра до сих пор находится там же.

После ранения я находился в полевом госпитале 6 дней, после чего я

возвратился опять в свою роту.

Второе ранение я получил в течение месяца после первого – в спину, ниже ребер и левее позвоночника.

Получил я второе ранение так... Шёл я около барака как-то между боями, и вдруг неожиданно упал немецкий снаряд, осколком ранивший меня. Это было случайное ранение. В этот раз мне сразу сделали операцию и удалили осколок.

В октябре 1943 года меня назначили на офицерскую должность - я стал комсоргом батальона. Теперь я занимался политико-воспитательной работой среди личного состава батальона и мобилизацией их, особенно комсомольцев и молодых бойцов, на выполнение боевых задач.

В феврале 1944 года меня направили на курсы подготовки офицеров. По окончании курсов меня направили на Мурманский фронт: в 10-ю гвардейскую дивизию в 28-ой гвардейский полк – комсоргом батальона. Мне было присвоено офицерское звание – младший лейтенант.

Я снова занимался воспитанием комсомольцев и молодёжи по мобилизации их на выполнение боевых действий. Это было время, когда готовилось наше наступление с целью изгнания немцев с нашей земли и с севера Норвегии.

И вот настал день, когда войска фронта перешли в наступление и изгнали немцев с севера России и Норвегии. Мне пришлось участвовать в Петсамо-Киркинесской операции, форсировать реку Печенги и освободить город Печенги. После чего наша дивизия участвовала в наступательных боях на Киркенесе. Поставленную перед нашей дивизией задачу она выполнила. И

дивизию отвели на переформирование, нас готовили к наступлению в Польшу и Германии.

В декабре 1944 года и в начале 1945 года нашу 10-ю гвардейскую дивизию отправили в Польшу для наступления на Германию, для продолжения военных действий по уничтожению фашистов и их окончательного разгрома. Нам довелось участвовать в Восточно-Померанской военной операции.

Первый город, который мы взяли после ожесточенных боев, назывался Бальденберг. Это был город в Германии, на западе от Варшавы. Затем наступали на север по Пруссии (название мест не помню) до Балтийского моря, до впадения реки Одер в Балтийское море. Пришлось снова заниматься форсированием реки, теперь на Одере в ее дельте на Свиномоде. Там, на острове Узеом, и закончилась война 8 мая 1945 года.

За время наступления в Германии меня наградили орденом «Красной Звезды» и «Отечественной войны I степени». Получил я эти награды за то, что очень хорошо и мужественно участвовал в боях в качестве комсорга батальона. Занимался я политическим воспитанием молодёжи, мобилизуя и подготавливая их к боям.

После окончания войны я ещё почти десять лет служил в армии. Мне пришлось закончить вечернюю школу и получить аттестат зрелости, Это было во время моей службы на Чукотке в 1949-1953 годах.

С Чукотки я был направлен служить в одну из частей расположенных на Камчатке. Спустя год меня уволили в запас. Когда я находился в запасе, мне, соответственно, присваивали очередные воинские звания: майора, подполковника и полковника.

По увольнении в запас я направился жить на Украину в город Черновцы. Там я окончил курсы по подготовке бухгалтеров, и долгие годы работал на должности главного бухгалтера в различных организациях.

В 1964 году я закончил Львовский филиал Киевского института народного хозяйства. С 1966 года я работал в Запорожском речном порту, в школе бухгалтеров, военным руководителем, где проводил занятия с юношами по подготовке к службе в армии. Потом меня перевели в “Областную среднюю бухгалтерскую школу”, где я проработал до 1990-го года, после ушёл на пенсию.

У меня две дочери, две внучки, один внук и шесть правнуков. В Канаде живу с 2010 года. Мне скоро 99 лет. У меня очень плохая память, поэтому в моих воспоминаниях могут быть некоторые неточности.

Фотомеханик Истребительного Авиаполка

Пидлисна Ольга Ивановна
Участник боевых действий

Я родилась 20 июня 1922-го года в селе Леонидовка Северо-Казахстанской области. Окончила семь классов школы и поступила в педагогическое училище в городе Петропавловске. По окончании училища работала в сельской школе учительницей младших классов. Сообщение о нападении фашисткой Германии на нашу страну встретила с тревогой и печалью. По радио передавались тревожные сводки, наши войска после тяжелых ожесточенных боев оставляли город за городом. Никому не говоря, даже маме, пошла в военкомат и подала заявление о добровольном вступлении в ряды Красной Армии.

Меня направили в 8-й запасной истребительный полк, который базировался на аэродроме «Багай-Барановка» в районе железнодорожной станции Сенная, в Саратовской области. Этот полк готовил кадры для авиационных частей, вооруженных самолетами ЯК- авиамехаников разных специальностей и летчиков. Меня учили на авиамеханика по вооружениям, курс обучения завершился в конце 1942 года. В то время на аэродроме шло переформирование полков 265-й истребительной дивизии 402-го истребительного авиационного полка и 812-го истребительного авиационного полка.

Меня направили в 402-й полк для прохождения службы по специальности. В апреле 1943 года оба полка вылетели на фронт аэродром, и начались боевые будни. 265-я истребительная авиационная дивизия входила в состав 3-го истребительного авиационного корпуса, которым командовал сначала полковник, а затем генерал-майор, генерал-лейтенант Герой Советского Союза Савицкий Евгений Яковлевич. Наш 402-й полк участвовал в боях на Северо-Кавказском фронте, в Донбассе, под Мелитополем, в районе Сиваша, в Крыму, и над Севастополем. Вместе с нашим полком действовал и 812-й полк.

Потом были Белоруссия и Литва, Висло-Одерская операция и Берлин. Оба полка были награждены орденами Красного Знамени и Суворова III степени, получили звание Севастопольских. За время войны летчики 402-го полка сбили 810 самолетов противника, а летчики 812-го сбили 434 самолета.

Летчики летали: охраняли боевые порядки наступающих войск, участвовали в воздушных боях, в штурмовках, а я на земле обеспечивала их боеготовность - снаряжала установленные на самолетах пушки и пулеметы и обслуживала эту боевую технику. Летчики полка летали на самолетах ЯК-1,

ЯК-9 и ЯК-3. Сейчас, порою говорят, что у нас были плохие самолеты, а вот летчики нашего полка свои самолеты хвалили, и особенно ЯК-3.

Авиамехаником по вооружению я была до лета 1944 года. Еще раньше ко мне пришла любовь, в меня влюбился старшина – командир отделения фото-механиков соседнего 812-го полка Вася Кистанкин, и вскоре мы поженились. Он начал меня обучать фотографированию. Мне это понравилось, и я вскоре стала делать хорошие снимки. А потом он каким-то способом уговорил свое начальство и командира 812-го полка майора Михаила Васильевича Власова вытребовать меня из 402-го полка. К нашему великому счастью это удалось, и я стала фото-механиком. Выдали мне фотоаппарат, вооружили пистолетом «ТТ» и планшеткой, и я начала работать. Об этой профессии на войне мало кто знает, а между тем она имела немалое значение: необходимо было документально фиксировать сбитые самолеты противника в местах их падения. В моем «архиве» в конце войны было более 30 таких самолетов.

В моей военной службе было много разных эпизодов. Во-первых, я хочу сказать, что и в запасном полку, и вообще в авиационных частях царила дружественная, доброжелательная обстановка, мы были друг другу как брат и сестра, люди были очень хорошие. На мой взгляд – это отличительная черта всей авиации. У нас, девушек, была хорошая удобная форма, питание было нормальное. Летчики нам дарили свой шоколад и влюблялись. Когда я еще была в запасном полку на аэродроме «Багай-Барановка», а это был очень большой аэродром, и там формировались и переформировались авиачасти и происходило обучение молодых летчиков полетам на новых самолетах, на которых им предстояло летать. Обучение – это сильно сказано, шел 1942 год, так, несколько часов налета – и на фронт. Так вот, там со мной приключилась первая мимолетная любовь. Мне было 20 лет, я была привлекательна, и в меня влюбился совсем молоденький летчик. Он был армянин, звали его Сурен, стройный и стеснительный. Он ухаживал за мной несколько скоротечных дней. Однажды ночью он нашел меня в темноте, лег возле меня и пролежал так всю ночь. А утром его эскадрилья улетела на фронт. Больше я его не видела и вестей не получала. Такая вот была мгновенная платоническая любовь.

Кажется, под Тихорецком, или в Донбассе немцы совершили налет на аэродром, где мы базировались. Я попала под бомбежку первый раз, испугалась, побежала куда глаза глядят, влетела в маскировочную сетку, пробилась ее и оказалась в руках пожилого авиамеханика. Страх прошел. Смеялись долго.

Так сложилось, что мой, тогда уже 812-й полк еще раз попал на аэродром «Багай-Барановка», было это после операции по прикрытию наших войск при переправе через реку Неман в сентябре 1944 года. Полк должен был получить новые самолеты – ЯК-3 и переучивать летный состав. И мне крупно повезло, за хорошую работу мне дали краткосрочный отпуск для поездки на родину. От Саратовской области до Северо-Казахстанской области не так уж далеко. Я поехала к себе домой, встретилась с мамой, побывала в школе, где я преподавала до ухода в армию. Мои ученики подросли, повзрослели. Встретили меня тепло. Я рассказала им о наших летчиках. Они были горды

тем, что их учительница добровольно ушла на фронт.

В последних числах войны, 2 мая 1945 года, во время Берлинской операции я попала в небольшое окружение. Меня вместе с офицером-летчиком послали на «Виллисе» с шофером снимать сбитый нашим летчиком немецкий самолет, где-то за 50 километров под Берлином. Сфотографировали самолет и собрались обратно, и вдруг обнаружили, что находимся в окружении большого количества фашистов. Два пистолета на троих вряд ли могли нам помочь. Казалось, путь к своим отрезан. Однако, немцы вели себя как-то странно: на нас никто не обратил внимания, и спустя какое-то время выяснилось, что фашисты сами прорываются – бегут в сторону американских войск, дабы не попасть в плен к бойцам Красной Армии. Вот так, толпой, в плен к американцам. А мы решили прорываться... В полку начали беспокоиться, время для возвращения прошло, а нас нет. Беспокоился мой муж, а командир полка утешал его: «Вернется твоя Ольга!». Наконец, мы появились на нашем «Виллисе». Надо ли говорить, какой бурной и радостной была встреча! Задание выполнено! Все живы, а через шесть дней пришла долгожданная Великая Победа.

Войну наш полк закончил на аэродроме под Берлином. Мне довелось после капитуляции Германии несколько раз бывать в Берлине с офицерами полка, а также с моим мужем. Мы ездили осматривать Берлин, к Рейхстагу, делали фотографии. В одной из таких поездок мы оказались в одной машине с Василием Сталиным, который командовал в Берлинской операции 286-й истребительной авиадивизией нашей 16-й авиационной армии. А еще у меня был случай - я фотографировала Ивана Кожедуба, тогда гвардии майора и дважды Героя Советского Союза (всего сбил 62 самолета немцев).

Я довольна тем, что внесла свой скромный вклад в Победу над фашистской Германией. Родина достойно оценила это, наградив меня орденом «Отечественной войны II степени», медалями «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», и многими юбилейными медалями.

Демобилизовалась я в 1945 году. Жила в Сочи, затем во Львове. Родила дочь. Работала на военном заводе в фотолaborатории. В Канаду приехала в 2000 году.

Украденное детство

Побережский Александр Григорьевич
Несовершеннолетний узник гетто

Мои горькие строки о пережитом периоде с 1941 по 1944 годы в фашистском концентрационном лагере смерти я пишу для сегодняшней молодёжи, чтобы она знала о том, что нам пришлось пережить...

Перо дрожит. Голову едва поднимаю. Ведь я инвалид. Писать трудно в прямом и в переносном смысле. Но не писать нельзя. Все должны знать, особенно молодёжь, нашу историю, историю уничтожения евреев; должны знать, что такое фашистские концлагеря, где мы теряли близких, лишались здоровья, становились калеками. Пусть у них откроются глаза и на то, как встречали на родине бывших узников после войны. Про цветы и музыку не говорю. Не до них тогда было. Скажу про упрёки, обвинения, оскорбления, которые раздавались в наш адрес. А за что, спрашивается? За то, что тяжело заплатились? За то, что остались в живых?

Моя семья жила в Брацлаве Винницкой области. Перед началом войны отца призвали в армию. С нами, тремя детьми (мне, старшему, было тогда 10 лет), остались мать и старая бабушка. Сразу после захвата Брацлава фашисты организовали гетто. Что оно собой представляло? Часть территории, обнесённая колючей проволокой, на которую со всего города были насильственно перемещены евреи. Круглосуточно шло уплотнение людей на несоответствующую жилплощадь. Всех заставили носить вырезанные из жёлтого материала шестиконечные звёзды на верхней одежде: одну - на спине; вторую - на груди. Круглосуточно немцы, румыны и полицаи вели патрулирование, чтобы, не дай бог, никто не вышел из гетто. Утром 31-го декабря 1941 года нас разбудили каратели и велели выйти на площадь.

Был сильный мороз. На площади множество подвод; полицаи и румыны подгоняли людей нагайками. Когда собралась большая часть еврейского населения, был дан приказ: стариков и детей погрузить на подводы, а остальных этапом отправить в концлагерь с. Печера Шпикавского (ныне Тульчинского) района. Расстояние 22 км. Спусти 8 км пути несколько человек были убиты, в основном, старики. Вечером нас загнали в конюшню, где целую ночь румыны с полициями пьянствовали, встречая 1942 год, и одновременно грабили оставшиеся украшения у людей. Утром следующего дня продолжалось этапирование. К вечеру прибыли в расположение концлагеря.

Трёхэтажное здание лагеря была заполнено евреями из г. Тульчина. Нас разместили в подвальном помещении основного корпуса, в котором была

душевая установка. Спали мы вповалку, на полу. Кроватей или нар не было, как не было и столов, стульев, примитивных тумбочек или шкафчиков. Холод, голод с каждым часом ослабляли организм, приближали болезни, а затем - смерть. Сначала свирепствовали простудные заболевания. Постепенно уходили в небытие старики и дети. К весне в лагерь пригнали евреев из Бессарабии, разместили их на хозяйственном дворе во вспомогательных бараках.

Некоторые географические данные о лагере. Вся территория (от входа) - проходная; справа - вторые железные ворота, где проходил обмен вещей на продукты, а затем - длинный трёхметровый бетонный забор, наверху которого забетонированное битое стекло из бутылок. Однажды один из узников поднялся наверх и тут же был убит полицаем. Так до конца существования лагеря никто и близко не подходил к забору, тянувшемуся до самой реки Южный Буг. Слева от центрального трехэтажного корпуса размещались барачные помещения, ограждённые колючей проволокой. Позади центрального корпуса ступеньки, которые вели к Бугу, их было очень много, так как спуск крутой. Всё это поместье до революции принадлежало графу Потоцкому. До и после войны там функционировал костно-туберкулёзный санаторий. Как жили? Сначала пищу добывали путём обмена одежды на еду у жителей села. Затем в лагере была организована группа подростков, во главе которой был мальчик 13-14 лет. Ночью мы выходили за территорию лагеря (в обход полицаяв), шли на колхозные поля, находили кочаны с мороженой свёклой, и приносили в лагерь, этим продлевая часы, дни жизни. Были неудачи: попадались к полицаям, которые избивали нас до полусмерти. Помню, однажды пошли с мамой к воротам, где проводился обмен вещей на продукты. В это время подкрался полицай и начал меня избивать палкой. Мама умоляла его отпустить меня, но тот не успокоился, пока не увидел кровь. Пришлось отлежаться.

Была большая завшивленность. Летом нам разрешали купаться. Питьевой воды не было: использовалась вода из речушки или Южног Буга, варили на снегу. В 1942 году началась эпидемия брюшного и сыпного тифа. Эти заболевания унесли громадное количество жизней. К осени в лагерь приехали немцы. Они выгнали всех на улицу в общую колонну, отбирая работоспособных - за пределы с. Печера. В это же время был погром: кто остался в помещении, безоговорочно был расстрелян. Увезённые узники после выполненных работ тоже были уничтожены, и до сих пор нельзя найти их могилы. Оставшийся людской "брак" должен был быть расстрелян (через пару дней). Однажды мы увидели множество крестьян, идущих с лопатами мимо лагеря. Когда мы спросили у них, куда они идут, те ответили: "Копать ямы для вас". И, действительно, за день усилиями крестьян всего села, согнанных румынами и полицаями, были вырыты три траншеи больших размеров возле леса, на окраине села Печера. В действительности расстрел оставшихся отбракованных людей по какой-то причине не осуществился. Суждения были разные, но истинную правду никто не знал... За последний год с небольшим две с половиной траншеи были заполнены трупами: умирали от тяжёлого

истощения, болезней... Архивная справка. В период с 1941 по 1944 годы было выслано в концлагерь Печера 4340 человек, из них умерли, расстреляны и замучены 4030 человек.

Раскалёнными, неостывшими осколками сидит в нас лагерь. Мы чувствуем его кожей, нервами. Он жжёт сознание. И годы не стирают памяти о нём, о боли тяжёлых утрат... Помню, как однажды, выходя из лагеря на улицу (это было зимой), увидел в проходе подвала детские трупы, среди них я узнал сверстника, с которым играл до войны. Будучи в подавленном состоянии, я рыдал, как маленький, а ведь мне уже было полных тринадцать лет. Смерть была рядом.

У нас не было детства: его украли гитлеровские изверги, бросившие в годы войны самых маленьких советских граждан за колючую проволоку. Прошли годы, на братской могиле погибших узников фашистского концлагеря, возле леса с. Печера, установлен памятник "Скорбящая мать". 22 июня, в день 47-й годовщины начала Великой Отечественной войны в Киеве собрались на первую Всесоюзную встречу бывшие малолетние узники нацистских концлагерей, имеющие общую судьбу и избегающие заглядывать в своё истерзанное детство.

И всё-таки, жизнь нас не раздавила: мы выдержали, выстояли, спасла собственная немислимая, невообразимая вера. В моём сознании не укладывается мысль, почему в Израиле, где проживает большое количество узников фашистских концлагерей, они, по сути, остались в тени, незамеченными.

Непонятно, почему на протяжении столь длительного времени в еврейской стране не решён вопрос о статусе малолетних узников фашистских концлагерей. Кому, казалось бы, особенно должна быть понятна судьба чудом оставшихся в живых бывших детей концлагерей, как не еврейскому правительству.

Я верю, что в Израиле на государственном уровне будет создана организация, которая отстоит права и интересы тех, кто в период войны пострадал за колючей проволокой нацистских фабрик смерти и подавления, кто потерял там силы и здоровье, лишившись родных и близких.

Брянский фронт - 1943

Покрашевский Наум Пейсахович

Участник боевых действий

Меня зовут Покрашевский Наум Пейсахович. Я родился 11 февраля 1925 года в Киеве. Начало войны встретил там же, первая бомбежка была рано утром 22 июня 1941 года. Но это было для нас не страшно, потому что удар был нанесён по авиационному заводу на окраине города, и мы его слабо почувствовали. Настроение тогда в первые дни войны было военно-боевое, и мы думали, что вот-вот отбросим врага, но немцы быстро наступали, так что все начали готовиться к эвакуации. Точную дату эвакуации я не помню, но, видимо, это случилось в середине июля.

Эвакуировали нас по Днепру, до его низовий, там пересаживали на железную дорогу. К концу июля мы уже были в Сталинграде. Там, на каком-то стадионе, нас рассортировали-расквартировали. Мы попали в село Бархуны, Владимирского района Сталинградской области. Там я начал работать на местной МТС и осваивать все машины. Работал хорошо, и в последствии сел на трактор и стал поднимать зябь. Первую зарплату мне выдали зерном, и это помогло нашей семье не голодать в течение всех военных лет.

Когда наступила зима, мы переехали в город Энгельс, в Саратовскую область. Там я стал работать строгальщиком на бронетанковой рембазе №84. Мы строгаги гусеницы для танков. Сначала их нашлаивали, а потом выстрагивали. Так я проработал до конца ноября, когда в один из дней был призван в ряды Красной Армии.

Сначала я попал в подготовительное училище, вместе с которым пришлось участвовать в заключительном этапе Сталинградской битвы, там я получил ранение в ногу. Оправившись, я был направлен в 3-е Орджоникидзевское военно-пехотное училище.

В училище нас очень хорошо готовили к службе в армии, только вот автоматов не было, их нам выдали на фронте уже в 1943. Выпустили меня в звании сержанта.

Где-то в апреле месяце всё наше училище отправили на Брянский фронт. Попал я в 169-ю дивизию, 434-й полк. В боях на Брянском фронте я провел всего 4 месяца, с начала апреля по 8 августа, когда меня тяжело ранило. За это время было много всяких боевых случаев. Мы были молоды, безгранично смелые, нас ничего не останавливало. Больше всего на фронте мне запомнилась мокрая шинель. Идешь ты в атаку, и тебя роняет в грязь

минометный и пулеметный обстрел, а когда ты снова поднимаешься, на тебя давит набухшая и вся пропитавшаяся грязью и водой шинель.

Нашей 169-й стрелковой дивизии довелось участвовать в битве на Курской дуге. Мы наступали севернее г. Орла, и в июльских боях освободили много населенных пунктов. Орел наш Брянский фронт освободил 5 августа.

Дивизия продолжала наступательные действия, и во время них, выполняя приказ по минированию немецкого ДОТа, я получил тяжелое осколочное ранение в грудь - это произошло 8 августа. Нас было четверо бойцов, которым был дан этот приказ. Приказ мы выполнили, но в живых остался я один, и то - тяжело раненый. Меня спасла девушка, медицинская сестра, которая вытащила меня, истекающего кровью. Сколько она меня тащила, я не знаю, но дотащила до госпиталя, где мне остановили кровь и сделали операцию. Я остался жив только благодаря этой девушке, вытащившей меня с поля боя. Я потом её очень долго искал, хотел отблагодарить, но на мои письма и запросы ответа не было.

Помню, как из этого госпиталя нас везли на подводах на полевой аэродром, где базировались самолеты ПО-2. У них были специальные гондолы, приспособленные под носилки с ранеными. Нас эвакуировали в город Иваново, где мне в госпитале сделали две или три операции.

Оправившись от операций, я попал в 204-й фронтовой запасной стрелковый полк. С этим полком я прошел Второй Прибалтийский фронт, а потом и Ленинградский фронт. В этом полку меня направили в батальон выздоравливающих, в нем все солдаты, получившие ранения и вернувшиеся в строй, проходили восстановление и окончательно поправлялись для последующей полноценной службы. Их готовили и физически, и в морально-политическом плане.

Меня назначили комсоргом батальона, и я начал заниматься политико-воспитательной работой. Это была очень важная работа. В ней

Медсестра

участвовали командиры, политработники, и я. Мы рассказывали солдатам о положении на фронтах, о героизме воинов. Говорили об их здоровье и выздоровлении, о том, что они выглядят нормально, что война еще не окончилась, и завтра им опять в бой, и нужно быть готовыми к новым боевым действиям. Вся эта работа велась по хорошо составленному плану и очень ответственно, ведь от её качества зависела боеспособность готовящегося пополнения фронтовых частей. За участие в этой работе меня наградили медалью «За боевые заслуги».

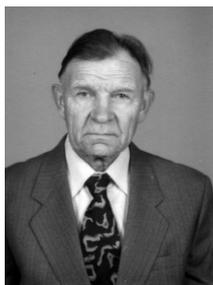
Война закончилась 9 мая 1945 года, но я считаю, что моя война закончилась в 1969 году, когда мне в Киеве, в госпитале инвалидов войны, сделали операцию по извлечению осколков из легкого, которые меня все это время тревожили.

Я демобилизовался из армии в 1946 году, поехал домой в Киев. Но сначала я остановился в Москве, зашел в Мавзолей, также навестил нашего замполита, который уже демобилизовался и жил в Москве. Потом приехал в Киев, и в первые дни не знал, куда идти. Отец погиб под Харьковом в 42-ом, мать с детьми еще была в эвакуации. Надумал я пойти к своим одноклассникам по школе. У них я и переночевал. Дом, где мы жили, был разрушен. Я был без специальности, без образования, без ничего, я пошел на приём к тогдашнему председателю городского совета. Знаете, что он мне сказал? Посоветовал уехать в другой город, там будет легче найти работу и жильё. Это мне, человеку, который родился и вырос в Киеве, прошел войну и вернулся в родной город! Трудно передать, что мне пришлось пережить! Хорошо, что мои бывшие одноклассники прописали меня к ним в общежитие.

В итоге я стал строителем по профессии, работал начальником строительного участка, ездил по всему Союзу. В основном мы строили спортивные объекты. Так что мне много где пришлось побывать: в Казахстане, Латвии, Литве. Нас везде очень хорошо принимали, помню это до сих пор.

После того как мы приехали в Канаду, мы стали добиваться того, чтобы нас, ветеранов Великой Отечественной войны, приравнивали к канадским ветеранам Второй Мировой войны. Рассмотрение этого вопроса продолжалось долго, но у нас получилось – теперь мы вместе с канадскими ветеранами стали участниками Второй Мировой войны и получили все причитающиеся этому статусу льготы, мы теперь полноправные участники боевых действий Второй Мировой войны. Лет 10-15 назад мы вместе с ними участвовали в парадах, отмечали праздники в ресторанах. Почему этого нет теперь, что случилось, не пойму.

В заключение хочу сказать, что я не думал, что после моего ранения я долго проживу. Меня, как я говорил выше, тревожили осколки. Мне трудно было дышать. Но именно советские хирурги мне подарили жизнь, и я живу уже 95 лет.

О том, что помню

Попов Александр Федорович

Участник боевых действий

Новый 1941 год, прежде всего, запомнился тем, что от нас, троих маленьких детей и отца, ушла мама. И хотя мы знали, что жила она в районе между Новосибирской и Кемеровской областями, мы, к сожалению, никогда её больше не видели... Я родился 5 июня 1925 года и был старшим среди братьев, поэтому пришлось мало учиться, много и тяжело работать, чтобы помогать отцу. Отец устроил меня разнорабочим на железнодорожной станции, когда мне исполнилось 16 лет.

Начало войны не испугало. Она казалась далеко, и мы верили, что наша Красная Армия непобедимая. Тяжести жизни отнимали все силы, и некогда было тревожиться.

В начале 1942 г., так и не закончив школу, я был призван и распределен в военную школу Отличных стрелков снайперской подготовки Приволжского военного округа. Осенью, в связи с критическим положением на фронте, группу курсантов, в которую входил и я, направили под Махачкалу Дагестанской АССР для содействия в обороне Кавказа. В настоящих боях участвовать не довелось. В основном мы были задействованы в строительстве оборонительных рубежей и укреплений. Нас берегли, давали время осмотреться и возмужать. Полученные же позже медали “За оборону Кавказа” можно было расценивать как аванс Родины перед более серьезными испытаниями.

К концу 1942 г. значительную часть курсантов, которых не оставили на фронте, направили обратно в школу, где меня учили снайперскому делу и навыкам разведки расположения противника. Подготовка заняла около года, и в 1943 г. я попал на 2-й Украинский Фронт в отдельную разведроту 202-й стрелковой дивизии. Впереди же было немало других воинских частей, но обычно в памяти остается первая и последняя. На войне как на войне, военному успеху сопутствовали ранения, лечение в госпиталях, после выписки из которых, как правило, ждала новая часть.

Работа снайпера предельно ясна и не вызывала у меня сомнений. Жестокий и сильный враг вероломно напал на нашу землю и его нужно было истреблять. Для этого приходилось постоянно наблюдать за расположением немецкой обороны. За то, что я в итоге уничтожил 8 фашистских солдат и ещё троих взял в плен, меня наградили медалью “За Отвагу”. Она мне, как и каждому солдату, особенно дорога, несмотря на то, что позже я получил

ордена Славы III степени и «Красной Звезды».

Став курсантом армейских курсов младших лейтенантов, продолжал воевать. Помню, как отражали контратаки противника, поддерживаемые самоходными орудиями; уничтожали группы немцев, оставшиеся в тылу наших войск, под интенсивным огнём форсировали реки.

Дети, школьники, молодые люди на встречах с ветеранами часто спрашивают, были ли у меня на войне необычные ситуации. Об одной из таких ещё не рассказывал. Однажды в составе разведгруппы возвращался с задания. Мы доставляли двух захваченных так называемых “языков” в лице немецких офицеров. Неожиданно встретили нашу группу разведки с соседнего участка фронта. После короткого разговора командиров групп одного немца передали “соседям”. Вернувшись в расположение нашей части, мы были уверены, что задание выполнили образцово. Однако для нас всё закончилось плохо. Выяснилось, что наш командир подарил одного “языка”, чтобы облегчить жизнь другим разведчикам. Для нас это обернулось медвежьей услугой.

В итоге я попал в 114-ю отдельную штрафную роту. В конце 1944 г. мы участвовали в наступательной операции, в одном из боёв которой я был ранен. После этого долго лечился в госпитале. Некоторые награды мне вернули, часть других нашлась через много лет после войны. Пребывание в “штрафниках” отразилось в дальнейшем на долгой сверхсрочной службе в армии. Высоких званий не сыскал, членом партии не состоял. После службы долго работал в Добровольном Обществе Содействия Армии, Aviации и Флоту (ДОСААФ). За оборонно-массовую работу среди молодёжи отмечен высшей наградой “Почетный знак ДОСААФ СССР”.

Главным же в моей жизни стало то, что удалось сберечь честь смолоду и внести личный вклад в нашу общую Великую Победу, без которой не родились бы наши с вами дети, внуки и правнуки. Я также очень рад тому, что все наши родители, как и моя мать, могли гордиться своими детьми - беззаветными солдатами Союза Советских Социалистических Республик, спасших мир от фашизма.

Лучинецкое гетто

Постельник Якива Гершкович
Несовершеннолетний узник гетто

*Помню, как призрак, людские колонны
Дорогами в бесконечно шли.
Всюду раздавались проклятья, стоны
Люди больше идти не могли.
Не люди - дикие звери нас гнали,
И не было уже пути назад.
Толпы шли в неведомые дали,
Где в лапах смерти стонал набат...
Не идти - не избежать было пули,
Горя всем хватало через край.
Люди, как тени, шли и ноги пухли,
Сжимаясь от боли, хоть рыдай.
До сих пор во сне тихий шепот таеет
В живом потоке гибнувших людей
И мамин голос, что по пальцам считает
Дорогих ее сердцу детей.
Шлоймопы, Гецолы, Мирколы, Мойше,
Загибает пальчики она,
Киволы, Шмипкопы и что-то больше...
Но не сходится цифра одна.
С ужасом снова и снова считает,
Забыв с кого начинать ей счет,
Из старой сумки макух вынимает
И нам его по крохам дает.
Закутанные в рваных тряпках ноги
От холода немели в тисках,
Но я шел, не выбирая дороги,
А боль отдавалась в висках.
Зимнее утро. Метет все поземка.
Дети идут, уткнувшись в тряпье.
Снег скрипит натянуто звонко
И холод забирает из тела тепло.*

Вот село. В дверь дома, боясь их скрипа,
Бессильно стучу и стучу,
Иль хлеба дадут кусочек без крика,
Иль палкой удар отхвачу.
Грубый голос вмиг сковал мое тело,
Ждать недолго пришлось у двери:
«Пришел вон, жидовня!» И эхо звенело
Болью отдаваясь в детской груди.
А в доме другом собак натравили,
И я с братом рванули стрелой,
Но возвращались и хлеба просили
В надежде жалости людской.
Полуголые к мусорным отбросам
Люди, словно призраки или,
Разгребали мерзлый снег по откосам,
Чтоб съестное найти себе смогли.

Наше жильё и тиф.

Мы в комнатке маленькой ютились
С окном - ничего в нем не видеть.
На пол, шуриша соломой, мы ложились
Семеро детей, отец да мать.
Зима. Вьюга воет и стыннут души.
Мороз все сковал. Белым-бело.
А мы в соломе острый голод глушим
И думы, словно снегом, замело.
Не спится. Нам очень хочется кушать.
Боль и урчание в животе.
О еде сказку не хочется слушать,
Но мама все вторит ее во тьме.
И вдруг мамин крик, пронзающий душу,
Поднял нас, мы фитилек зажгли,
И он сквозь ночь проник в эту сушу
Могильной толици мерзлой земли.
Мы похоронили сестренку Шану,
Тихо, уж не было сил говорить.
Да о чем говорить? Уповать на рану
Иль на смерть, не успев пожить?
Ночь, окутав семью шалью черной,
К нам беду с собой принесла,
Затаившись тифом в соломе сорной
Путь к маме и брату нашла.

Тиф зловецим зевом черной смерти
Щупальцами душит маня,
И мое естество в жадной мести
С ужасом сжимает меня.
Я сегодня в снегу нашел кусочки
Мерзлых свеклы, лука, и врагу назло
Отруби в рукаве от сорочки,
От которых воню несло.
А находки свои принес я домой.
Но братья принесли побольше,
Мать суп замысловатый сварила двойной
Деля, чтоб хватило надольше.

Баня.

“Сегодня банный день” - сказала мама
И дети, раздевшись догола, Счищали вшей на печную раму
Буржуйки, раскаленной добела.
Исписаны тела наши ранами,
Болезни кожи на них легли
И надо бы лечиться нам ваннами,
А мы умыться даже не могли.
Умываться мы могли только летом
В загрязненной речке за селом.
Сотни людей, страдающих в этом гетто.
Здесь наслаждались солнцем и теплом.
На мытье был особый счастливый час,
Когда жандармы напивались,
Тогда им, конечно, было не до нас
Они иначе развлекались...
Освобождение.
И памятен день освобожденья,
О, великий день! Танки блестя
На солнце, рвали вражьи загражденья,
Мир освобождая для меня.
Я хочу, чтоб живые помнили это,
Чтоб не черствели временем сердца
Пусть символом нам не будет гетто,
А память живая в нем до конца.
08.06.1994 г.

Воспоминания зенитчика – защитника Ленинграда

Рабинович Валентин Исаакович
Участник боевых действий

КОМБАТ

Человеку штатскому, никогда не служившему в армии, на всякий случай, прежде, чем употреблять слово «комбат», следует выяснить, представитель какого рода войск имеется в виду. Потому что в стрелковых частях комбатами принято называть командиров батальонов, а в артиллерийских – командиров батарей. Так было не всегда. В царской армии во избежание недоразумений – ведь командир батальона по своему служебному положению находится на ступеньку выше – командир батареи именовался не комбатом, а комбатаром.

Во Вторую Мировую войну в нашем полку еще пели сочиненную в годы Первой Мировой песню с такими словами: “А там на комбатарском пункте отравленный хлорной волной под разбитой треногой буссоли умирал командир молодой.” Однако, в русском языке, как и во многих других, безударные слоги редуцируются, поэтому комбатар сперва превратился в комбатра, а потом комбата. Единственный известный мне случай, когда правила русского языка взяли верх над армейскими порядками. Но это так, к слову.

Лично мне в армии на редкость повезло – всю войну я прослужил на одной и той же батарее, и комбатов у меня было всего три. Сначала щеголеватый и улыбчивый выпускник Ленинградской артиллерийской академии капитан Анатолий Лесовой, отличавшийся отменной вежливостью, которого, к моему величайшему сожалению, быстро забрали в другой дивизион начальником штаба. Выпускника академии сменил только что выпущенный из арт-училища лейтенант Иван Бовыкин, такой молоденький, что за глаза его никто иначе, как Ванюшей, не называл. Ванюша никогда не улыбался, а самую обыкновенную команду, ну, например, «Ряды, вздвой!», подавал с таким зверским выражением лица, как будто посылал нас в штыковую атаку. Зато третьим и последним моим комбатом был человек, которого в солдатских разговорах все и всегда называли по имени-отчеству: Петр Яковлевич. Петр Яковлевич Кочетков был одним из двух моих однополчан, еще до войны награжденных орденом. Другим орденосцем был наш полковой командир Рожков. В отличие от майора Рожкова, получившего Орден Красного знамени за Монголию, капитан

Кочетков свою «Звездочку» получил не за участие в боевых действиях, а как стахановец. В середине тридцатых годов в СССР началось так называемое стахановское движение. В каждой рабочей профессии начальство выбирало какого-нибудь расторопного мужичка (или бабёнку) и делало из него (нее) своего рода чемпиона (чемпионку). Чемпионом по сапожному делу был объявлен сапожник Сметанин, чемпионом по железнодорожным делам – паровозный машинист Бусыгин, чемпионкой по пахоте – трактористка Ангелина, чемпионками по ткачеству – ткачихи сестры Виноградовы. А началась вся эта показуха с шахтера Алексея Стаханова, объявленного чемпионом по добыче каменного угля.

Как раз в самый разгар этой кампании в рабоче-крестьянскую Красную Армию был призван расторопный колхозный бригадир Петя Кочетков. Его тут же определили в полковую школу, которую возглавлял смекалистый майор Зенгбуш. Однажды, наблюдая, как ловко, в считанные доли секунды красноармеец Кочетков ставит трубку, то есть устанавливает гаечным ключом заданное деление на дистанционном взрывателе зажатого между ляжками двухпудового зенитного снаряда, майор сообразил, что стахановское движение возможно и в армии. Он подал соответствующий рапорт, высокое начальство одобрило инициативу, и через месяц Петя Кочетков, победив на соревнованиях всех конкурентов, удостоился звания «Лучший трубочный Ленинградского Особого Военного округа». А еще через месяц сам командующий округом Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов от имени и по поручению Верховного Совета СССР привинтил ему на гимнастерку Орден Красной Звезды. Возвращаться в родной колхоз красноармеец-орденоносец, естественно, не стал, а подал заявление о приеме в Ленинградское зенитно-артиллерийское училище. К нам на батарею Петр Яковлевич прибыл в одну из сентябрьских ночей 1942 года. Накануне, из-за скверно выбранной позиции – на болоте, где нельзя было как следует закопаться, от непрерывного минометного и артиллерийского обстрела и неоднократной бомбежки, мы потеряли нашего незадачливого комбата Ванюшу Бовыкина, обоих командиров взводов, половину орудийщиков, разведчиков и связистов. Вдобавок, прямым попаданием мины у нас разворотило кухонный котел. И курева ни у кого из уцелевших батарейцев не осталось ни на одну закрутку. Новый комбат прибыл на нашу позицию в полночь, когда остатки батареи, выбравшись из подтопленных болотной жижей котлованов и щелей, задавали храпака, пользуясь тем, что находившийся в полутора километрах от нас противник занимался тем же самым, и на всей передовой стояла прямо-таки сказочная тишина. Я проснулся от упоительного запаха махорочного дыма, и только после того, как принял от дежурного бычок и парочку раз затянулся, услышал ровное гудение тягача, на котором прибыл к нам наш спаситель. К рассвету с помощью этого тягача батарея успела покинуть засеченную немцами старую позицию, перебраться на другую – на хорошем, сухом

месте и там как следует замаскироваться. Пока нас не отвели в тыл на переформирование, мы отъедались и обкуривались, благо хозяйственный Петр Яковлевич прибыл к нам не с пустыми руками. Сам же он, как выяснилось впоследствии, вел непрерывный огонь по самолетам противника, в результате чего к пикировщику, сбитому нами в предыдущий день, прибавились еще четыре сбитых самолета врага, которые, согласно актам, подписанным нашими фронтовыми соседями, «дымя, со значительным снижением, удалились за линию фронта и там упали».

За участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм – такова была официальная формула – три человека из нашей батареи были удостоены правительственных наград.

Командир орудийного расчета Валера Лапшин, принявший на себя командование батареей после того, как бомбой разворотило командный пункт с находившимися в нем Бовыкиным и обоими командирами взводов, и сбивший прямой наводкой второй пикировавший на нас Юнкерс-87, удостоился медали «За боевые заслуги». Такой же медалью наградили и меня. Видимо, по той причине, что в последний день нашего пребывания на передовой нас посетил Зенгбуш, ставший к тому времени нашим полковым командиром, и на него произвела впечатление моя забинтованная голова и изодранная осколками шинель. Голову мне забинтовали, потому что ее задел на излете острый осколок мины. Шинель же была продырявлена тогда, когда во время очередной стрельбы по немецким самолетам я снял ее, чтоб было сподручней управляться с дальномером, и бросил на бруствер. Других забинтованных на батарее уже не было – всех по-настоящему раненых отправили в санбат. Третьим награжденным был Петр Яковлевич, наш новый комбат. Он получил Орден Отечественной войны первой степени. Правильно говорил великий русский полководец Александр Васильевич Суворов – воевать нужно не числом, а умением.

Нежданно-негаданно

Рац Яков Львович

Участник боевых действий

В моей фронтовой биографии не было каких-либо героических поступков, которые могут заинтересовать читателей. Однако, был один случай, который мне кажется необычным. Во всяком случае, я не слышал и не читал о чем-то подобном, за исключением одного кинофильма, но в более «упрощенном» виде.

Это произошло в действующей армии, но не связано с боевыми действиями. В декабре 1943 года я покинул госпиталь, где находился на излечении после тяжелого ранения, полученного летом того же года. Госпиталь был расположен на территории Уральского военного округа со штабом в Свердловске. Вот туда-то, в отдел кадров, и лежал мой путь. В ожидании назначения на новое место службы я несколько раз побывал в кино. Один из фильмов - "Жди меня", всколыхнул в памяти воспоминания о случае, произошедшем в моей судьбе весной того же года.

Чтобы дальнейшее было понятно, я должен вернуться назад по времени, в 1941 год. В июле я был призван в Красную Армию, в числе многих сотен призывников вывезен на барже из Ленинграда; затем направлен в 1-е Ульяновское танковое училище, по окончании которого в звании "лейтенант" попал в действующую армию.

Папа не подлежал призыву по возрасту и продолжал работать. В начале февраля 1942 года он погиб в блокадном Ленинграде от голода и холода. Мама - врач, вскоре после моего ухода была призвана и направлена в один из ленинградских госпиталей. Туда же поступила работать сестра. В начале января 1943 года госпиталь был вывезен по ледовой Дороге жизни из Ленинграда и направлен на другой участок фронта. Мы потеряли друг друга из виду.

Как я узнал уже после войны, всякий раз, когда мама встречала в госпитале молодых лейтенантов-танкистов, она пыталась навести обо мне какие-либо справки. И вот однажды, когда она дежурила по госпиталю, произошел «Его Величество Случай»: молодой лейтенант танкист привез сержанта, раненого гранатой. Между мамой и лейтенантом произошел разговор, который я могу воспроизвести, конечно, лишь приблизительно. Мама : Какое училище окончил?

Лейтенант: 1-е Ульяновское (чуть-чуть «тепло») М.: Когда?

Л.: Летом 42-го года («теплее»)

М.: В каком был батальоне?

Л.: В четвертом (совсем «тепло»)

М.: А знал ли такого? (называет мою фамилию)

Л.: У нас было много народу, но если покажете фотографию, может быть, вспомню. (Мама показывает фотографию.)

Возглас лейтенанта: Так ведь это Яшка! («горячо»)

Мы с ним были в соседних ротах, располагавшихся в одной большой казарме, а спальные места находились поблизости. (Это второе совпадение).

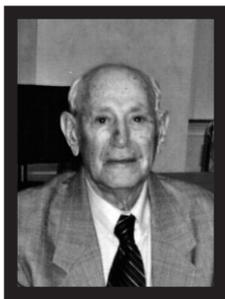
М. (с надеждой и тревогой): А где он сейчас может быть?

Л.: Я не знаю, но еду сейчас к новому месту службы, где по слухам, есть наши ребята. Дайте на всякий случай письмо.

Я в это время проходил службу на Юго-Западном фронте в танковой бригаде. Однажды я совершенно случайно встретил товарища по училищу (это третье совпадение), который проходил службу в соседней танковой бригаде того же стрелкового корпуса. Он мне сообщил, что к ним прибыл Чугунов (это тот лейтенант, это уже четвертое совпадение). И для меня у него есть письмо. В мгновение ока я получил письмо. Я, разумеется, ответил и, наверное, не одним письмом. И наша связь с мамой уже не прерывалась никогда. Я не знаю, жив ли ты, мой старый товарищ Чугунов, но, в любом случае, спасибо тебе большое за то, что ты оказал мне такую неоценимую услугу в то грозное время! ... Прошло много лет. Однажды, перебирая старые фотографии и письма военных лет, оставшиеся от мамы, я обнаружил открытку - одну из тех, что тогда ей отправил. Смотрю на дату отправки и удивляюсь: 9 мая 1943 года (!) Вот еще одно, пятое, совпадение. А теперь хочу вернуться к началу своего рассказа, к фильму «Жди меня». Тем, кто его забыл или не видел, я вкратце расскажу содержание. Наш самолет во время боя был подбит и сел на оккупированной территории. В перестрелке в живых остался только один летчик, который в бессознательном состоянии попал к партизанам. Сослуживцы и друзья были уверены, что он погиб. Но только жена верит, что он жив. Она отправляет письмо мужу с их другом, который летит в партизанский край. И письмо находит адресата!

Мне приходилось слышать, в том числе и от фронтовиков, что К.Симонов (автор сценария, как и того знаменитого стихотворения «Жди меня») придумал этот сюжет, что так не бывает. Да нет, бывает! Было, даже с гораздо большим числом совпадений!

Мы прикрывали небо Баку

Розенберг Зяма Исаакович

Участник боевых действий

Я, Зяма Исаакович Розенберг, родился 20 мая 1919 года в городе Новоград-Волынский на Украине. Семья была многодетная, четыре брата и четыре сестры. Детство было тяжелое, да тут еще страшный голод на Украине в 1933 году. Все родственники разъехались. В 1933 умер мой отец. Я окончил 7 классов еврейской школы и уехал к старшей сестре в г. Коростень. Мне было 14 лет. Во дворе дома, где я жил была колодочная фабрика, и я пошел туда работать.

20 Декабря 1939 года, когда шла советско-финская война, меня призвали в Красную Армию, но на ту войну я не попал. Направили меня в город Баку, где в зенитно-артиллерийском полку прослужил до начала Великой Отечественной войны.

О начале войны мы узнали в летних лагерях. Нас по тревоге подняли и передислоцировали весь наш 195-й зенитно-артиллерийский полк на остров Артема, в 50 километрах от Баку. Там мы оборудовали землянки для жилья и позиции для каждого орудия, и приготовились к отражению атак немецкой авиации. В этом полку я прослужил всю войну сначала рядовым, а затем командиром орудийного расчета в звании младший сержант.

В начале войны наш полк входил в состав одного из 3-х зенитно-артиллерийских корпусов, созданных для прикрытия Ленинграда, Москвы и Баку. Весной 1942 года, в связи с возможным обострением военной обстановки на юге страны было принято решение создать Бакинскую армию ПВО. Наряду с полками истребительной авиации и другими частями в составе этой армии было 7 зенитно-артиллерийских полков, в том числе и наш. Общая задача была - прикрыть от ударов с воздуха нефтедобывающего района СССР, города Баку и окружающих его промыслов, а также путей транспортировки нефти. Там, где был расположен наш полк, на острове Артема и близлежащих районах были расположены основные нефтепромыслы Азербайджана. Гитлеровское командование отлично понимало значение бакинской нефти для войны, поэтому стремилось прорваться к Баку по земле и парализовать работу нефтепромыслов с воздуха. Наша задача состояла в том, чтобы не допустить немецких летчиков к этим объектам.

Особая активность немецкой авиации пришлась на сентябрь-декабрь 1942 года. Но все попытки прорваться к Баку закончились крахом.

Истребительная авиация и зенитчики плотным заградительным огнем разрушили все попытки немцев прорваться к Баку и уничтожили их самолеты еще на дальних подступах к городу. Но и нам на острове, в зоне нашей ответственности, приходилось быть всегда готовыми к бою и вести заградительный огонь. И не один немецкий стервятник не прорвался. Мы выполнили поставленную задачу. Обеспечили бесперебойную работу нефтепромыслов. Нефть и нефтепродукты шли на фронт все возрастающим потоком.

Интересно отметить, что более 85% авиационного бензина в войну было произведено из бакинской нефти. Это был подвиг нефтяников, их героический труд во имя победы, а мы, зенитчики, обеспечивали им их безопасность.

О победе я узнал на острове Артема, где прослужил всю войну. Когда услышали о победе, все выбежали из землянок и начали целоваться, обниматься, танцевать. Радость наша была безгранична. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

После окончания войны я приехал на жительство в Ригу. В Риге меня приняли на работу в органы МГБ. Там я проработал 6 лет. Когда возникло «дело еврейских врачей», в 1953 г. меня уволили. Потом работал в различных организациях. Последняя работа на Рижском заводе пластмассовых изделий – механиком по оборудованию. В Канаде живу с 1991 года.

Полночное солнце

Сакар Валентин Иванович

Участник боевых действий

Я родился 4 ноября 1921 года в городе Ейске Краснодарского края. В 1933 году семья переехала в город Подольск, где я, в 1939 году, практически с отличием окончил среднюю школу. Очень хотелось поступить в институт, но не удалось. Пошел работать на Подольский механический завод (бывший завод «Зингер», выпускал швейные машинки «Зингер» - мечта каждой советской семьи). Почти два года успешно работал литейщиком.

В мае 1939 года был призван в Красную Армию. До начала войны оставалось немного больше месяца. Меня, как «сына врага народа», не отправили в боевые части, а определили в 514-й строительный батальон, который находился в Мурманской области, на полуострове Рыбачий в Баренцевом море. Добирались мы туда сначала на поезде до Мурманска, а затем морем на барже с буксиром. Хорошо помню эту баржу, мало приспособленную для перевозки людей, невыносимую качку и ожидание вечера, который так и не наступал: вот оно – полночное солнце, долгий заполярный день.

Нам предстояло строить военный аэродром. Обмундировали нас, выдали каждому трехлинейную винтовку образца 1891 года (такая была на вооружении Красной Армии в то время) без патронов, противогаз, саперную лопатку. А для выполнения работ по строительству: топор, двуручную пилу, лом, совковую лопату – это на двоих. И начали мы строить аэродром. Через какое-то время в нашу бухту приплыла баржа с продовольствием и строительными материалами. Поступила команда на разгрузку... Неожиданно из-за сопки появился самолет У-2 (кукурузник) с красными звездами, покачал крыльями... и начал кидать бомбы. Раздался трехэтажный мат: «Ослеп, что ли, сволочь...».

Оказалось, не ослеп, это немцы на захваченном на земле советском самолете таким образом решили произвести бомбежку военного объекта. Так мы узнали, что уже несколько дней идет война, а начальство, непонятно по каким причинам, скрывало это от нас. Так лично для меня началась война и мое участие в обороне Заполярья.

Было отступление, бегство по сопкам и болотам, парами и группами до реки под названием Западная Лица. Потом по этой реке пойдет линия фронта. А долина реки получит название «долина смерти». Но это будет потом, а тогда в начале июля 1941 года там была проверка и сортировка. Тех, кто бросил винтовку, – в штрафбат, остальных - рыть окопы, блиндажи и

прочие оборонительные сооружения.

Мы создавали оборону. Я оказался в 242-м стрелковом полку. Держали оборону на Кестингском направлении против немецко-финских войск. Они атаковали нас, мы контратаковали их. В одном из боев, во время нашей контратаки, я был ранен пулемётной очередью. Пуля пробила левое бедро и застряла в правом. До сих пор так и ношу её как «награду». Три месяца по госпиталиям, и затем опять в Карелию в 337-й стрелковый полк западнее Беломорска. Так как был годен только к нестроевой и имел среднее образование, назначили в химслужбу полка. Там я окончательно поправился от ранения и стал годным к строевой.

В 1942 году шло второе формирование 32-й армии. Однажды меня вызвали в штаб полка, там собрали несколько человек: латышей, эстонцев, финнов, карелов. Беседовал с нами майор Вершинин. Отобрал шесть человек, в том числе и меня, и отправил нас в разведотдел штаба 32-й армии. Отряд разведчиков находился недалеко от селения Паданы у Сегежского озера. Здесь я прослужил зиму и лето 1942-43 годов, участвовал в ряде разведывательных операций. Особенно печальной была одна зимняя разведывательная операция, где погибли четверо солдат и двое были тяжело ранены.

Зимой по озеру до западного берега, занятого финнами, километров двадцать. В 2-3 километрах от финского берега небольшой островок, который не охранялся. Была поставлена задача: за ночь пересечь озеро, на островке переждать день, и ближе к ночи атаковать штаб финской части с целью захватить документы и «языка», с чем и вернуться в расположение своей части, держась строго на восток. Задействован был весь наш отряд – 40 человек во главе с командиром Заломаем и его замполитом, недавно прибывшим из училища молоденьким худеньким лейтенантом. Озеро перешли без приключений, день провели на острове, как и планировали. Холодно, костры жечь нельзя... использовали спирт для подогрева чая. Но кое-кто заливал его и «за воротник». Нам, крепким ребята не беда, но молоденькому лейтенанту, как оказалось потом, это сильно испортило карьеру.

В соответствии с планом операции мы шли вдоль берега до первого окрика. Когда с берега прокричали «стой, кто идёт?» (разумеется, по-фински) наши финны, якобы с обидой, отвечали: «мы всю неделю по тылам русских шастали, а вы, тыловые крысы, в тепле к Рождеству готовитесь да ещё орёте, чего доброго и стрелять начнёте по своим и т.д.» В общем завели перебранку, мат-перемат (по фински), чтобы выиграть время и подготовиться к штурму берега. И вдруг! С хвоста нашей колонны раздаётся вопль: «За Родину, За Сталина, вперёд!!!» Это прокричал своим визгливым голосом лейтенант. Много ли надо худенькому пареньку, чтобы одуреть. Спирт есть спирт, да ещё без сна... В тот же миг «голова» нашей колонны была обстреляна и капитан Заломай дал команду отходить. А мне персонально шепнул: «Сакар, оставайся здесь и прикрывай наш отход». У меня ручной пулемёт, у помощника карабин и сумка с пулемётными дисками. Приказ есть приказ... Будем отстреливаться, прикрывая отход отряда, а там видно будет.

Но с первой же очередью оказалось, что в пулемёт вставлен диск с

бронебойно-зажигательными патронами. Тактически это было правильно. Мы знали, что у финнов есть аэросани, но... в изменившейся обстановке мы себя обнаружили сразу, стреляя «светящимися» очередями. Этим вызвали огонь на себя. Прекратив стрелять, зигзагами, кувыряясь, меняли позиции, успели заменить диск, и короткими очередями начали отстреливаться, продолжая менять позиции. Тем самым дали возможность отряду отойти подальше от финской линии.

К счастью, финны нас не преследовали, и когда мы отошли пару километров от острова, посчитали свои потери. Четверо погибли на месте, в том числе мой друг латыш Климберг. Впоследствии я отправил письмо его сестре с этим печальным известием. Двоих раненных - старшину Донченко и эстонца Адольфа Сеппа уложили на «лодочки» и попеременно тащили. Через какое-то время появились финские аэросани, но близко не подходили, зная, что у нас есть пулемёт с бронебойно-зажигательными патронами. Они нас преследовали какое-то время, а потом и вовсе отстали, а мы достигли расположения наших частей. Раненых отправили в госпиталь, а политрука лейтенанта перевели в другую часть. Позднее в наградном листе фигурировал и этот бой, а меня наградили орденом «Красной Звезды». Вот так я и получил свою боевую награду «За Родину, за Сталина!!!»

В июле 1943 года меня откомандировали в Гороховецкие военные лагеря в Горьковскую область, где формировали 308-ю национальную латышскую стрелковую дивизию. Это вторая по счёту латышская дивизия. Её формировали усиленными темпами, так как у Германии уже было две латышские дивизии, а у СССР только одна (43-я гвардейская). Опять фронт, опять ранение, госпиталь, и оттуда в составе 46-й армии 3-го Украинского фронта освобождал территорию Румынии, где я и встретил окончание войны. В Румынии, как известно, не было уже боевых действий, но армия должна была стоять. Румынский король Михай стал нашим союзником. Из боевых наград - получил медаль «За победу над Германией». Демобилизовался в 1947 году в звании старшины. Из призванных в Красную Армию весной 1941 года выжили немногие, так что мне повезло.

После войны окончил Всесоюзный сельскохозяйственный институт по специальности зоотехник. Трудовой путь - от главного зоотехника совхоза до заместителя министра сельского хозяйства Латвии. Заслуженный зоотехник республики, награждён орденом Трудового Красного Знамени.

Под Кенигсбергом

Сейдер Эдуард Соломонович

Участник боевых действий

Сегодня, в канун 75-летия Победы вспомнилось мне пребывание моего полка у города Кенигсберг в начале апреля 1945 г. Наш 103-й отдельный полк связи представлял из себя: батальон «столбовиков», строящий столбовые проводные телефонные и телеграфные линии связи; батальон шестовых линий телефонной связи, телеграфная рота, оснащенная аппаратами СТ, Бодо и радио-рота (военные радиостанции малой мощности); РСБ (радиостанция скоростного бомбардировщика) и мощные РАТ и РАФ (армейская тыловая и фронтовая рации).

Объединение всех указанных подразделений достигало примерно 100 человек. Во время боевых операций в основном была задействована радио-рота, которая не только обеспечивала радиосвязь с воинскими соединениям 3-го Белорусского фронта, но и поддерживала связь фронта со Ставкой Верховного главнокомандования.

Я служил в радио-роте старшим электромехаником, и мое «хозяйство» - полевые электростанции, которые обеспечивали освещение штаба и прочего. Но главное, необходимо было ежедневно заряжать аккумуляторы - источники электропитания всей аппаратуры полка. Задача, конечно, важная и ответственная, но никакого «геройства» не содержащая, амбразуры дотов я грудью не закрывал и роты немцев не брал в плен, а медалью «За Победу над Германией» я награжден именно за участие в Великой Отечественной войне.

Операция войск 3-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза А.М. Василевского. Фронту предстояло во взаимодействии с Балтийским ВМФ уничтожить группировку противника и овладеть городом-крепостью Кенигсберг. Немецкое командование заблаговременно подготовило крепость к длительному сопротивлению в условиях полной изоляции: имелись подземные заводы, арсеналы и склады. Первая оборонительная позиция в 5-8 км от центра города включала 27 линий траншей, заграждений и 15 старых фортов. Вторая линия на окраинах города состояла из каменных (гранитных) зданий, приращенных в доты, баррикад и минированных участков. Третья позиция проходила по старой городской черте и опиралась на цитадель и 9 старых фортов. Город обороняли 4 пехотных дивизии, полки и батальоны фалькештурма (всего около 130000 человек, около 4000 орудий, 108 танков и САУ, 170 самолетов).

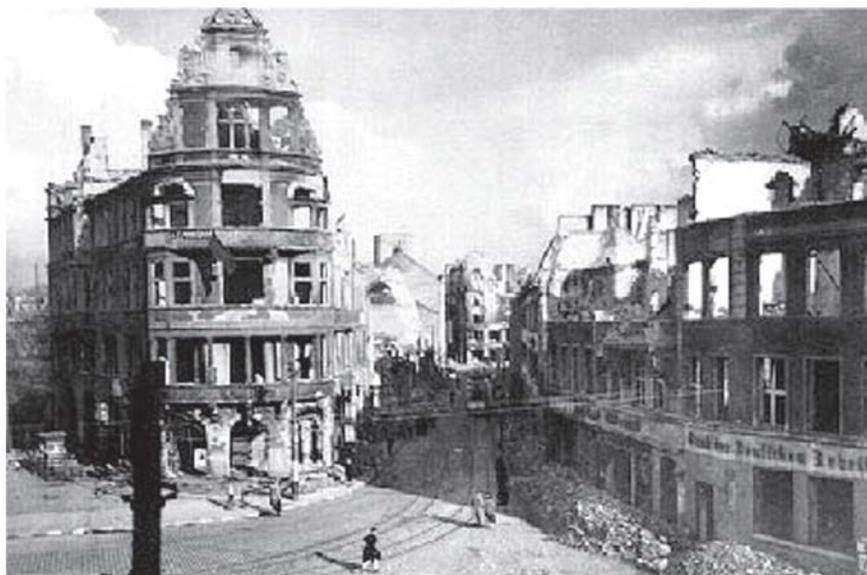
Словом, это был весьма крепкий орешек!

С Советской стороны немцам противостояли 6 дивизий, соединения 3-х воздушных армий - 2400 самолетов, 5200 орудий и минометов. Военное превосходство очевидно!

Перед началом штурма артиллерия фронта и 1500 самолетов четверо суток разрушали укрепления противника. В штурме участвовали и американские самолеты, сбрасывавшие бомбы весом в 1 тонну - в то время у нас таких бомб не было. Не знаю, что происходило при этом в Кенигсберге, но город был полностью окутан черным дымом и пламенем пожаров от взрывов, от которых вздрагивала земля. Мог ли там кто-то уцелеть?

8 апреля советское командование через парламентариев предложило гарнизону сложить оружие, но немцы ответили отказом. Тогда после ударов по уцелевшим узлам сопротивления советские войска атаковали противника в центре города и 9 апреля вынудили гарнизон крепости капитулировать. С падением Кенигсберга была уничтожена цитадель прусского милитаризма. В ходе операции уничтожено 42000 и взято в плен около 92000 вражеских солдат и офицеров, захвачено 3500 орудий, 128 самолетов...

Нашему 103-му полку связи после этой операции было присвоено имя Кутузова, а после окончания войны я продолжал служить в полку уже в Ташкенте и в Дамбуле, полк тогда уже входил в САВО. В воспоминаниях использованы материалы книги «Штурм Кенигсберга», 3 изд. 1973г.

Не забудется все это никогда!

Старча Надежда Кирилловна

Участник боевых действий

В начале войны, окончив школу, я поступила в Воронежский государственный университет. К началу августа фашисты оккупировали значительную часть территории нашей страны. Шла массовая эвакуация на восток предприятий, колхозов, совхозов и населения. Сложившаяся ситуация подсказывала, что мне не придется учиться. 10 августа мне исполнилось 17 лет, а 20 августа, я - в райвоенкомате добровольцем была зачислена в ряды Красной Армии.

Меня с группой девушек отправили в Саратов, а оттуда - в действующую армию на Юго-Западный фронт. Так я оказалась в санитарном отделе 21-й Армии, в 126-м хирургическом полевом подвижном госпитале.

Вспоминаю декабрь 1941 года. Мороз, пурга. Село Алексеевка под Белгородом. Раненых привозят на открытых грузовых машинах, идущих в тыл за боеприпасами. Еще в машинах врач осматривает раненых. В зависимости от их состояния отдельных солдат снимают, а на их место машины догружаются уже обработанными в госпитале. Снятых с машины раненых в помещении укладывают плотными рядами на пол, покрытый соломой и брезентом. Регистрируют. К руке раненого прикрепляется карточка с указанием номера очереди на операцию или перевязку. Некоторые раненые - без сознания, иные стонут, просят пить, судно, утку... Из сортировочного отделения раненые поступают в операционную или перевязочную. Обработка ран, операции, наложение шин, гипса, переливание крови. Запись в истории болезни: эвако или госпитализация. Нетранспортабельные переносятся в отделение, где они лежат на носилках, с матрацами и подушками, наполненными соломой, носилки установлены на козлах, это отделение тяжело раненых. Здесь продолжается борьба за жизнь: инъекции, внутривенные и внутримышечные вливания, искусственное кормление. Через несколько суток - эвакуация. Через три месяца мне присвоили звание сержанта (потом старшего сержанта) и назначили на должность палатной медсестры отделения тяжело раненых. В этой должности прослужила до конца войны.

Легко раненые, которые должны были через несколько дней возвращаться в строй, не эвакуировались, а зачислялись в КВ (команда выздоравливающих). Они выполняли функции санитаров-мужчин и различные трудоемкие работы, т.к. в госпитале не полагалось санитаров-

мужчин по штату.

Медикам приходилось нелегко. Только операционная и перевязочная службы госпиталя обеспечивались электроосвещением, а другие помещения и палатки освещались самодельными светильниками: это - сплюснутая гильза от снаряда, снабженная фитилем (кусок шинели) и наполненная керосином. Шприцы и другие хирургические инструменты стерилизовались (кипятились) на примусах. В палатках зимой устанавливались печки. Это – бочки от горючего. От них вверх выводились металлические трубы.

Наступила весна 1942 года. Наши войска с ожесточенными боями отступают. Мы - в селе Ивановка - с поля боя поступает много раненых. Не хватает крови. Её добровольно сдает младший медперсонал. В конце июня - начале июля мы уже в Воронежской области. В один из вечеров нашей старшей медсестре вручают маршрут следования – передислокация. Мы (отделение) срочно пешком отправляемся на восток. Утром пришли в городок Коротоjak, расположенный на берегу реки Дон. В районе этого городка шли упорные бои. Войскам пришлось переправляться на другой берег Дона.

Переправа. Немецкие бомбардировщики буквально дежурят над переправой. Мост взорван, обстреливают, бомбят переправу. Саперы устанавливают новый понтонный мост. Его снова взрывают. Здесь скопилось много техники, людей. Бойцы придумывают всякие самодельные средства, чтобы переправиться через реку. Нам посчастливилось перебраться на противоположный берег.

Огромный зеленый луг - на нем мертвое стадо коров... Мы залегли. В небе видно, как от самолетов отрывается масса «взрывчаток». Они сыплются как спички из коробка. Падают медленно, переворачиваясь, то одним концом вверх, то другим, издавая душераздирающий звук, свист... Уходим от переправы. Самолеты преследуют колонны людей на дорогах. Стараемся идти полями, подальше от дорог. Увидели полевую кухню. Говорят, из 62-й Армии – Чуйкова. Нас накормили.

Наконец пришли в назначенный пункт – хутор Отрадный Сталинградской области. Недалеко Михайловка, Фролово и железнодорожная станция Серебряково. Узнали - у госпиталя новое начальство – начальник и комиссар. Не всем удалось передислоцироваться... Поступило новое пополнение врачей и медсестер. Работаем.

Поступает много раненых со станции Серебряково. Там идут военные эшелоны с востока и немецкие самолеты здесь «дежурят». Станцию почти всю разбомбили. От бомбежек – тяжелые ранения. Наши «пациенты» теперь совсем уж очень молоденькие и еще не побывали в боях. Очень жалко их. Помогаем им изо всех сил. Здесь узнаем о приказе Сталина: «Не отступать!»

Передислоцировались в хутор Амелино, ближе к станции Серебряково, прибыли машины с ранеными. Немцы заметили, сбросили

две бомбы. Погибшими оказались раненые, мирные жители и сотрудники госпиталя.

Хоронили вечером на закате солнца. Ну, а меня в этот день ранило, получила осколочное ранение в лицо. Остался шрам. Наши войска прорвали оборону немцев под станицей Клетская. Началось наше наступление под Сталинградом.

Январь 1943 года. Очень холодно. Госпиталь размещается только в палатках. Нескончаемый поток раненых. Не спим, не отдыхаем по несколько суток. Не хватает перевязочного материала. Иногда раны обрабатываются бензином вместо спирта. Перебои с поставкой продуктов питания. На помощь к нам прибыла группа врачей из ОРМУ (отдельная рота медицинского усиления).

Вдобавок ко всему разразилась эпидемия сыпного тифа. Она не обошла стороной и наш коллектив. И вот мы уже в Сталинграде. Сортировочное отделение разместилось в бараках. Это место почему-то называли «пробное» или «опытное» поле. Сюда к нам поступали уже раненые из 40-ой армии.

Длительные ожесточенные бои под Сталинградом увенчались победой Красной Армии. Армия Паулюса капитулировала...

Мы эвакуируем последних раненых. Тишина. Вокруг – сплошной металл. За активное участие в Сталинградской битве нашей 21-й Армии присвоили звание гвардейской, и она стала 6-й Гвардейской Армией. Её путь лежал на Елец и Курскую дугу, на Воронежский фронт.

В битве на Курской дуге обеспеченность госпиталя медикаментами, перевязочными материалами была уже на другом уровне, значительно улучшилось питание раненых. Госпитали стали специализированными, что значительно улучшило обслуживание раненых. В период подготовки к Курской битве наш госпиталь стоял в местечке Медведка. Такого количества танков, самоходок, которые расположились там, мы еще никогда не видели. Понимали - скоро наступят большие перемены и нам придется много поработать. С началом боев на Курской дуге мы передислоцировались поближе к войскам, в город Обоянь.

В июньских и июльских оборонительных боях было много раненых. Иногда пропускали до 500 раненых в сутки. Я знаю, что было очень много ожоговых раненых –танкистов, но они шли через другие госпитали. У нас был случай, привезли раненых, среди них двое молодых красноармейцев, которые имитировали контузию, жмутся, молчат. Но врачи быстро все распознали. Ребятам грозил штрафбат. Доктора спасли их, сказали, что все прошло, была легкая контузия, и через два дня отправили их в свою часть. Началось контрнаступление наших войск. Наша 6-я Гвардейская Армия освобождала Белгород и Харьков. А потом эшелоны помчали на 2-й Прибалтийский фронт.

«Невельская бутылка». Там мы чуть не попали в окружение –

пришлось выходить из этого «горлышка» мелкими группами. Шли, как говорится, «шаг в шаг», вокруг были мины. Наши саперы прошли здесь, но не разминировали, а обозначили мины, поэтому надо было соблюдать величайшую осторожность. Да к тому же, все горлышко простреливалось немецкой артиллерией. Как мы уцелели - одному богу известно.

А дальше было освобождение Прибалтики. Тяжелые бои со множеством раненых под Лиепая/Либава. Там мы услышали радостную долгожданную весть: «Кончилась война, Победа наша!» По совету коллег-врачей я подала рапорт с просьбой демобилизовать меня из рядов Советской Армии. И скоро получила приказ: «Демобилизовать для продолжения образования».

С 1 сентября 1945 года я студентка 1 курса Воронежского университета, который успешно окончила. Потом 40 лет преподавала русский язык и литературу в школах Украины. Родина достойно оценила мой ратный путь, наградив орденом «Отечественной войны II степени», медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией» и многими юбилейными медалями.

В Канаде живу с семьей с 1996 года.

Трудное детство

Ткач Яков Моисеевич

Несовершеннолетний узник гетто

В конце июля 1941 года Винницкая область Украины была оккупирована немецкими и румынскими войсками. Местечко Красное, где я родился, расположено в 40 километрах от Винницы и в 12 километрах от районного центра – городка Тывров. Немецкие солдаты находились в Красном всё лето 1941 года. Это было очень тяжёлое для жителей время: произвол, насилие, издевательства.

Однажды утром всех евреев местечка согнали на базарную площадь, их окружили вооруженные солдаты. Мама держала меня на руках, но солдаты заставили ее спустить меня на землю. Взрослые думали, что сейчас будет акция по уничтожению, но немцы на этот раз акцию не провели, а долго держали нас на площади.

С началом осени произошел территориальный раздел по Южному Бугу между немецкими и румынскими властями. Наше местечко перешло под управление румын. Румынские власти организовали в Красном – гетто. Со значительной части нашего местечка румынские оккупанты выгнали евреев из их жилищ и направили их в гетто. Мы поселились в доме, где жили наши родственники. Теперь в этом небольшом домике собралось более двадцати человек, в основном женщины и дети. Началась тяжелая, полная тревог и невзгод жизнь. Голод, холод и болезни косили людей. Те крохи еды, которые нам давали румынские власти после тяжелых работ, хватало только на голодную жизнь. Люди работали на землях бывшего колхоза, ремонтировали дороги и выполняли другие тяжелые работы. Осенью мама брала меня с собой в поле на сбор картофеля, я вместе с ней выковыривал из земли клубни, и так было и в дождь, и в холод. Нам удавалось кое-что тайно приносить на пропитание. Женщины, чтобы заработать на какую-то еду, пороли холщевые мешки и из этих ниток вязали одежду... Частые облавы, постоянный страх в глазах матери, и толпы людей, бегущих через тороговище (место, где раньше продавали скот) к крестьянским хатам, ища убежище от солдат и овчарок, остались в моей памяти на всю жизнь.

Украинское население относилось к евреям с сочувствием, хотя негодяи попадались. Вспоминаю, как крестьянка, у которой мы прятались во время очередной облавы, дала мне кружку молока и краюху хлеба. Несмотря на страх облавы, это был праздник.

Так как наше гетто находилось в румынской зоне оккупации, где не проводились массовые акции по уничтожению евреев, то многие евреи бежали с немецкой зоны оккупации и находили в Красном “убежище”, где их прятали от властей. Кроме местных евреев, в Краснянском гетто

находились депортированные евреи из Бессарабии и Буковины. Теснота в этих перенаселенных домиках была ужасная. Тяжелая работа, на которую каждый день людей гнали колоннами, эпидемии, тиф, голодное существование делали свое губительное дело - люди болели и умирали. За связь с партизанами без разбора - на виселицу. Недалеко от нашего дома стояла трансформаторная подстанция. На её опорах повесили трех подозреваемых за связь с партизанами. Фамилии и точной даты не помню, так как мне тогда было 5-6 лет, но события, которые происходили на моих глазах, запомнились навсегда.

В 1942 или 1943 году жителей Красного, евреев, за исключением мастеровых, погнали в город Тыврово, где немцы планировали уничтожить краснянских евреев. Разместили в здании школы, где мы все ждали своей участи. Я там тяжело заболел кожной болезнью и мама меня выхаживала. Мои брат и сестра умудрились сбежать и перебраться в Красное, а спустя какое-то время ночью вывели меня и маму из Тыврово, и мы спаслись от уничтожения. Мы снова были в Краснянском гетто. Здесь было тяжело, была неимоверно трудная повседневная работа, голод и холод, и изуверские издевательства румынских оккупантов, но не было массовых акций, и была надежда, несмотря на нечеловеческие условия, выжить.

В марте 1944 года местечко Красное было освобождено Красной Армией от оккупантов. С какой радостью и счастьем люди встречали своих освободителей! Этого не описать. В том же году я пошел в школу, в первый класс. На все местечко сохранился один потрепанный букварь, и буквы дети писали химическими карандашами на обрывках газет.

В 1947 году моя сестра вышла замуж, и я с мамой переехал в город Тернополь. Туда же вернулся после армии мой брат, который полтора года воевал и до 1949 года служил в составе Советской группы войск в Германии. Отец мой погиб в Великой Отечественной войне.

После войны я окончил школу, три года прослужил в Советской армии. Закончил институт, получил инженерное образование и 30 лет проработал на инженерных должностях в различных организациях. Затем была иммиграция в Израиль, а позже по вызову сына переехал с женой в Канаду.

Прошли десятилетия, но страшные годы, прожитые в гетто, я никогда не забуду. Нынешняя молодежь должна знать об ужасах и последствиях войны и сделать всё, чтобы этого никогда не повторилось.

Помните! Через года, через века, - помните!

Тойвис Майя Ушеровна

Несовершеннолетний узник гетто

Когда началась война, мне было два с половиной года. На шестой день войны начали бомбить Бершадь, где жила моя семья. Мои родители заколотили окна и двери досками, погрузили кое-какие вещи в дедушкину повозку, и вместе с семьей брата моего отца двинулись на восток.

Бесконечный поток людей двигался по пыльной жаркой дороге. Солнце жгло неумолимо. Скрип телег, плач детей. Нарастающий гул немецких бомбардировщиков... Через две недели нас окружили немцы. Обыскали, забрали все, что им приглянулось, даже сапоги стянули с ног моего отца, и приказали возвращаться домой. И снова потянулись подводы по жаркой степи в обратном направлении. Кругом было враждебно настроенное население.

По возвращении домой мы застали разграбленный дом. Стали кое-как обживатьсь. Немцы передали территорию от Днестра до Буга во владение румынам. Она стала называться Транснистрией. В Бершади было создано гетто. Местечко обнесли дощатым забором и колючей проволокой, сделали ворота, установили комендантский час. Нас заставили носить на одежде шестиконечные желтые звезды на груди и спине. Тех, кто не носил могодновид, полицаи избивали. Никто не имел права выходить за ворота. Если кого-то увидит полицай за воротами гетто (а выходили, чтобы обменять вещи на продукты или в поисках заработка), сразу арестовывали...

В гетто мы прожили с июля 1941 г. по 14 марта 1944 г. К нам в гетто согнали сотни евреев из Буковины и Бессарабии. Они были истощены, завшивлены, в отрепьях. В гостиной у нас поселилось двенадцать беженцев. Они были настолько истощены, одни кожа да кости. Мама, чем могла, подкармливала их. Мыла не было, началась эпидемия сыпного тифа. Первыми и заболели беженцы, затем переболели тифом все в нашей семье. Люди умирали, как мухи. Зимой мертвецов штабелями вывозили на санях и сваливали на кладбище. Весной, когда земля оттаяла, их похоронили в общей могиле. И на этом месте оставшиеся в живых поставили памятник и написали фамилии всех погибших. В этой могиле было захоронено несколько тысяч беженцев.

Зимой отапливали спальню железной печкой, которая стояла посредине комнаты. Топили чем попадая: книгами, мебелью, разбирали полы. На этой же печке кипятили чай и готовили еду.

Время от времени эсэсовцы в сопровождении полицаяев и румын делали облавы: вылавливали молодежь для отправки в Германию. Тогда мы прятались в «секрете», который отец выкопал под кроватью. В этом углублении, куда мама снесла несколько подушек и одеял, мы в полусогнутом состоянии, тесно

прижавшись друг к другу, пережидали облавы. В нашем гетто действовала подпольная молодежная организация, а в лесу были партизаны. Когда немцы схватили юношу, расклеивавшего листовки, под пытками он выдал членов организации. Во время обыска у одного из членов в сарае нашли закопанную там бутылку со списками тех, кто помогал партизанам. Членов организации казнили, согнав на экзекуцию все гетто, и всю зиму их тела висели на столбах.

По списку из бутылки в одну из ночей немцы шли из дома в дом и забирали всех мужчин. Я помню, когда ворвались к нам, немец прикладом подгонял отца. Мы в страхе прижались к маме.

300 человек заложников посадили в подвалы комендатуры. А через две недели, 11 февраля 1944 г. их всех вывезли в крытых грузовиках в лесок за городом, заставили выкопать яму, раздели догола, и полицаи по приказу эсэсовцев расстреляли их, забросав наспех общую могилу. Это было за месяц до освобождения Бершади Красной Армией.

Живший неподалеку крестьянин потом пришел в город и рассказал об увиденном. И вот женщины пошли опознавать тела своих мужей. Их перехоронили на кладбище, где тянется несколько рядов этих могил с надписью: «Убит немецко-фашистскими захватчиками».

Когда мама уходила, занятая похоронами, моя старшая сестра случайно толкнула меня на горячую печку. Я обожгла руку, долго плакала, пока не уснула. Сестра сказала, что я сплю, потому что устала. Жизнь после войны была очень тяжелой, но мы выжили. Все это нельзя забывать, чтобы не допустить этого опять.

Этого нельзя забыть

Тубина Анна Лейбовна

Житель блокадного Ленинграда

Почти 900 дней и ночей Ленинград был блокирован фашистскими войсками. Это было очень тяжелое время для всех людей, проживающих в нем: постоянная нехватка воды, лекарств, высокая смертность...

Публикуемые ниже мои заметки подтверждают это.

Запеканка

Конец 1941 года. Папа свалился перед наступающим Новым 1942 годом. Слег: дистрофия какой-то степени и экссудативный плеврит. Ему было прописано дополнительное питание, за которым я ходила пешком с Можайской улицы, где мы проживали, до ул. Марата и Кузнечного переулка в столовую Инженерно-Экономического института. На первое был суп, который я перелила в баночку, а на второе – какая-то запеканка, на которую я долго, смотрела и, в конце концов, я ее не скушала, а проглотила, и тут же расплакалась...

Вода

Из крана вода уже давно не лилась. Снега, собранного с крыши, хватало только на чай. Но на углу Вереysкой улицы, параллельной Можайской и Загородному проспекту, в какой-то церквушке тонкой струйной текла вода. Очередь около крана, площадка уже заледенела, образовалась ледяная горка, но вода все же лилась.

У меня была большая кастрюля с перекинутым через ее ручки широким военным ремнем, и еще какая-то емкость во второй руке. И так, набрав воду, я шла домой сначала по Загородному проспекту до моей Можайской улицы, потом по нечетной ее стороне к своему дому №8. Весь путь был обильно покрыт ледяными пятнами, расплескавшимися от воды, которую набирали по «самое некуда». Я помню, что перешла уже улицу к своему дому №8 и упала... Слезы из глаз – градом. И пошла обратно за водой...

Рояль

Еще задолго до войны меня учили играть на фортепиано. Я делала успехи, участвовала в музыкальном конкурсе, делили с другой девочкой (как было написано в грамоте) первое место.

После этого конкурса папе позвонил директор музыкальной школы при Ленинградской консерватории с предложением принять меня на учебу. При этом я должна была потерять два года обычной школы, и родители на это не согласились. Но по совету директора папа продал пианино и купил рояль.

Свое музыкальное образование я закончила, получив свидетельство об окончании музыкальной школы Московского района.

Но у меня был рояль! Во время войны он стоял в нашей большой комнате абсолютно одиноким. Всем стало не до него, мы всей семьей жили в 18-ти метровой комнате.

Самое начало 1943 года. Он лежит в постели, практически не вставая. Пришел к нам какой-то крупный мужчина в полушубке с намерением купить рояль. В то время буханка хлеба стоила 500 рублей. Папа попросил за рояль 6 буханок хлеба, но этот человек в полушубке, плотного телосложения, предложил 2 буханки. Папа молча поднялся с моей помощью, что называется, из последних сил, подошел поближе к двери и движением руки показал на дверь, что означало «Вон!» Вот так у меня остался рояль. Папа умер 2 февраля.

Осколок

Однажды в солнечный день еще военного года я была на нашей Можайской улице, хотела пройти через проходной двор дома №7. Вдруг слева, очень близко, что-то пролетело со свистом, ударившись о землю. Я подняла довольно большой (размером со спичечный коробок) колючий металлический осколок. Я сразу же его бросила, он был очень горячим. Но потом все же подняла, как реликвию, долго хранила. Он лежал в ящике письменного стола. Моя дочь Оля помнит его. В каком-то году я отдала его в музей школы, как экспонат, в коллекцию, которую собирал мой бывший соученик Валя Мальцев.

Несмотря на зверские происки врага, тяжелые условия городской жизни, героическая Красная армия прорвала длительную блокаду Ленинграда и отбросила фашистов на сотни километров.

Горжусь и радуюсь тому, что северная столица нашей Родины, город Санкт-Петербург, развивается, растет и процветает.

От Бреста до Дрездена

Тубис Михаил Маркович
Участник боевых действий

В сентябре 1940 года я был призван в Красную армию, и с большой группой одноклассников направлен в воинскую часть, располагавшуюся в белорусском городе Слуцк. А с октября 1940 года уже служил в 917-м стрелковом полку 113-й стрелковой дивизии Западного фронта, в районе Брест-Литовска, в трех километрах от границы.

За три дня до начала войны командир роты лейтенант Лобанов рассказывал нам об одном диалоге между нашим и немецким солдатами.

Наш солдат спрашивает немца:

- Почему так много ваших солдат прибывает к границе?

Немец отвечает: - Мы приезжаем сюда чтобы отдохнуть летом. А вас почему так много здесь?

Наш солдат отвечает: - Мы приезжаем сюда, чтобы обеспечить вам отдых.

21 июня 1941 года, в субботу, я был на дежурстве в столовой комсостава. Сюда пришли командир, начальник штаба дивизии и группа других офицеров. Я хоть и не психолог, но заметил тревогу на их лицах.

22 июня в 4-5 часов утра немецкие самолеты летали над нашими палатками, и вдруг начался сильный артиллерийский обстрел нашего полка. Мы пытались себя успокоить - это учебные занятия, маневры. Вдруг в палатку вбегает командир роты с пистолетом в руке и возбужденно объявляет: «Тревога! Немцы наступают...».

Рота быстро собралась, построилась. И здесь перед нами открылась страшная картина: на носилках несут наших раненых окровавленных бойцов... Их стоны, крики вызывают страх. Мы, вчерашние ученики 10-х классов, впервые столкнулись с таким зрелищем... Роту повели за боеприпасами. Наполнили подсумки патронами. Но касок не оказалось. Их за два дня до начала войны куда-то увезли, и мы вступили в бой в пилютках. Роту расположили так близко к немецкой границе, что мы увидели свастику на рукавах немцев и слушали команду «feuer», т.е. «огонь». Залегли, тихо. Вдруг наш ефрейтор Дорошенко скомандовал: «Второе отделение, за Родину, за Сталина! В атаку! Вперед!» Он первым поднялся с винтовкой в руках и, сделав лишь несколько шагов, упал рядом со мной, сраженный вражеской пулей. Я и еще несколько бойцов начали стрельбу в сторону немцев. И вдруг осколок немецкой мины ударил мне в правое плечо, задев лопатку.

Потемнело в глазах. Перевернулся, и тут получил пулевое ранение в левую ногу. Дополз к кусту, снял противогаз, скатку шинели и прочее снаряжение, кроме винтовки.

Встаю в полный рост, еще сознаю – надо добраться до траншеи. Бегу как могу, а по мне ведут стрельбу... Ранили в левую руку. Пули рядом с моей головой пролетают со свистом... Все же добрался до противоположного рва. Мои попытки выбраться из него не удались. Начинаю терять сознание. И вот то, что мы называем «судьбой». На противоположной стороне траншеи появился рядовой нашего батальона, который помог мне выбраться из траншеи. Быстро уложил меня в проходившую мимо тачанку с ранеными и доставил в город Бельск, где находился санитарный батальон, потом - в госпиталь. Среди санитаров санбата был мой соученик по школе, который каким-то образом добрался до нашего местечка, откуда мы вместе ушли в армию, и он, к сожалению, успел рассказать моей маме и младшим братьям, что видел меня почти убитым. Мать с детьми, находясь в гетто, считали, что меня нет в живых.

После лечения в госпитале меня направили учиться в Ленинградское училище связи, которое находилось тогда в городе Уральске. По окончании обучения в звании младшего лейтенанта был направлен на фронт в район Курской дуги. В Курской битве участвовал в качестве командира взвода радиосвязи 29-й зенитной артиллерийской дивизии 5 гвардейской армии.

До начала боев, 5 июля, у нас было много времени для боевой подготовки и совершенствования боевой выучки. Все время чувствовалась напряженность и ожидание ожесточенных боев.

В ночь на 5 июля нас подняли по тревоге и перебросили в район деревни Яковлевка, а в 3 часа ночи началась небывалая по своей силе артподготовка. Наша зенитная дивизия приняла в ней прямое участие, била прямой наводкой по заданным площадям. Наша задача, задача радиосвязи, держать связь с батареями и передавать команды. Канонада стояла такая, что и не описать. Те, кто воевал в Сталинграде, говорили, что такой артподготовки там не было, что эта была в несколько раз ожесточеннее и сильнее.

После нашей артподготовки, часа через полтора, немцы начали свое наступление, а немецкие самолеты начали бомбить наши позиции. Наши зенитчики теперь вели огонь по немецким самолетам.

Потом была Прохоровка, где мы тоже помогли 5-й танковой армии. И наконец – наше контрнаступление, освобождение Белгорода, Харькова, Полтавы.

В составе 13-й гвардейской стрелковой дивизии мы вышли к Днепру и завязали бой в районе Кременчуга. Меня и небольшую группу связистов на лодке высадили на маленький островок, откуда командир батарей корректировал огонь и командовал орудийными расчетами.

Всю ночь немцы из пушек обстреливали этот островок, где я обеспечивал бесперебойную связь командного пункта с батареями. Наши артиллеристы нанесли серьезный урон немецкой обороне.

Работа связиста на фронте очень тяжелая и опасная. Приходилось под усиленным огнем противника вперебежку и ползком находить и устранять порывы проводов связи, всегда в готовности содержать все приборы на командных пунктах.

Вспоминаю такой случай – шел бой за деревню Митрофановка под Кировоградом. Командир дивизиона капитан Вершигора, начальник штаба, и я утром сосредоточились на командном пункте (КП) и окопались. Около 12 часов дня видим – по направлению к нам движутся пять немецких танков. Командир дивизиона приготовился дать необходимую команду батарее, а связь вдруг перестала работать! Капитан Вершигора – ко мне: если срочно не наладишь связь, ответишь по закону военного времени! Я в тревоге отвинтил панель от рации, и обнаружил, что отсыревший от дождя провод отсоединился от корпуса. Немедленно наладил связь, благодаря которой командир дивизиона стал корректировать огонь батарей, от которого вражеские танки вынуждены были повернуть обратно.

В памяти моей появляются и другие трагические эпизоды фронтовой жизни. На нашем участке фронта одна батарея, оказавшись в окружении, вела непрерывный огонь по обороне противника. Несколько немецких танков ринулись на подавление наших огневых точек и, несмотря на то, что по ним артиллеристы стреляли прямой наводкой, танкам противника удалось сравнять с землей наши орудия. Несколько артиллеристов героически погибли, обороняясь до последнего снаряда.

На подступе к городу Первомайску ранним утром кружил немецкий самолет-разведчик «Рама». По опыту мы знали, что после этой разведки – жди «Юнкерсов». Действительно, через два часа, когда наш полк перешел в наступление, началась массированная бомбардировка наших позиций. Полк понес немалые потери. На моих глазах погиб и командир нашего полка подполковник Вуйтко.

Мы, фронтовики, никогда не забудем годы войны, не забудем свои боевые будни и наших боевых товарищей, павших смертью храбрых в боях за Родину. Мы всегда будем помнить об огромнейшем вкладе в Победу над фашизмом тружеников тыла, всех советских людей.

День Победы я встретил в г. Дрезден. Награжден орденами «Отечественной войны II степени», «Красной звезды», медалями «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За Победу над Германией» и несколькими юбилейными медалями. Демобилизовался в звании старшего лейтенанта в 1947 году. В Канаде проживаю вместе с семьей.

В далеком тылу

Тынянов Григорий Нахимович

Участник трудового фронта

Из Бобруйска мы эвакуировались на четвертый день войны. В эвакуационном пункте нам дали направление до станции, находящейся далеко от города - это было небольшое селение, и кругом степь.

Сюда начали эвакуировать промышленный объект, который должен был наладить работу, помогая фронту. Приходили эшелоны с военной техникой, вышедшей из строя, и одновременно эшелоны с промышленным оборудованием. Его устанавливали на фундамент под открытым небом, одновременно возводили бараки, их утепляли. Таково было начало.

Я стал осваивать рабочую специальность. Меня прикрепили к опытному слесарю, седоватому пожилому человеку, и начал я с молотка и зубила. В слесарных тисках он, мой наставник, закрепил металлическую полоску длиной около метра, и показал, как надо работать молотком и зубилом. Первые уроки прошли не без ушибов по пальцам. Постепенно я стал осваивать эту специальность. Я оказался способным, а мой учитель умелым преподавателем.

Правда, это были еще азы специальности. Технику, вышедшую из строя во время боя, забирали в цеха для восстановления и ремонта. На участке, где я работал, мы изготавливали одиночные и крупные детали для ремонта техники.

Рабочий день длился по 12 часов, часто приходилось работать и по 16 часов. А если нужно было, посыльный приходил в барак и вызывал нас на работу. Хлеб и кое-какие продукты мы получали по рабочей карточке. Итак, мы, молодые и пожилые, даже старые, обеспечивали ремонтный цех необходимыми деталями для восстановления техники для фронта.

Каким высоким был энтузиазм, гордость за наш труд, который помогал ковать победу над врагом!

Я был маленьким винтиком, но таких в тылу было много, и рядом, рука об руку с высококвалифицированными кадрами, мы вносили огромный вклад в победу над фашизмом.

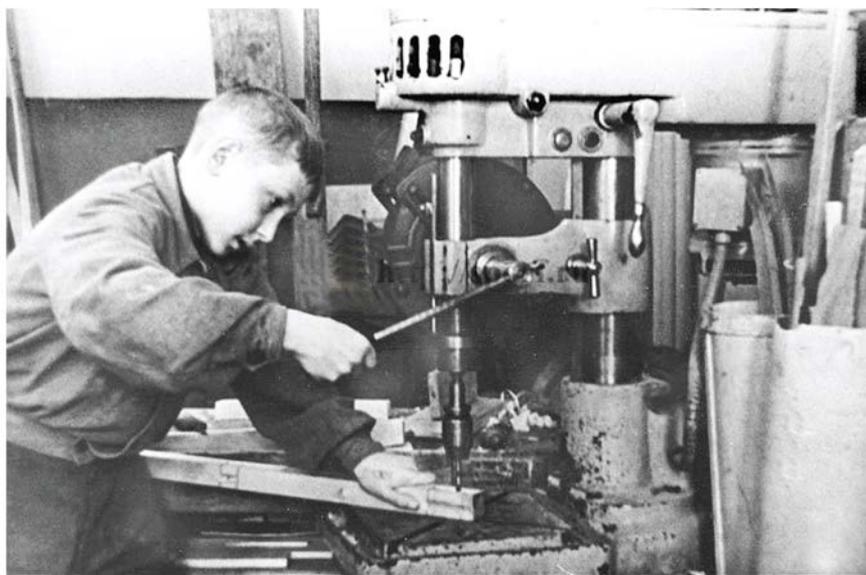
Предприятие росло, набирая мощь, увеличивая свой вклад в дело победы.

9 мая 1945 г. мы на своих рабочих местах слушали радио Москвы, а вечером – залпы артиллерийского салюта в честь Победы.

После окончания войны я с родителями вернулся в Бобруйск. В 1946 г. я был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Вернувшись в Бобруйск, я получил техническое образование. А мой брат Михаил в 1942 г. был призван в армию и воевал на разных фронтах. Мы получали от него письма - солдатские треугольники. А потом пришло извещение: «Погиб смертью храбрых на Курской дуге», и было ему всего 22 года.

Старший брат (1919 г. рождения) был защитником Ленинграда, пережил блокаду, имеет ордена и медали. Ему исполнилось уже 90 лет.

Я - нянечка

Фарбях Тамара Соломоновна

Участник трудового фронта

Стояло жаркое лето. Одесса, 1940 год. В порту шумела обычная трудовая деятельность. Воздух был наполнен запахом цветущей белой акации, от которой кружилась голова. Нам, девчонкам, окончившим 9-й класс, хотелось петь и танцевать. Дискотек тогда еще не было, танцы были в заводских клубах, на танцплощадках - в парках, иногда в школах. Наши строгие мамы зорко следили за тем, чтобы мы являлись домой вовремя. Но молодость брала свое, и мы иногда запаздывали возвращаться, за что нам попадало.

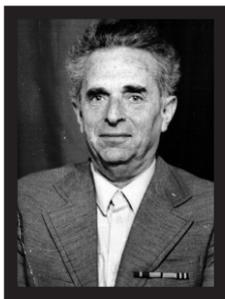
Ничто не предвещало беды. Как вдруг, на рассвете в воскресенье город проснулся от грохота рвущихся бомб, фашистские стервятники сбрасывали свой смертоносный груз на мирный город.

В середине дня мы услышали по радио голос Молотова, извещавшего страну о вероломном нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Мирная жизнь кончилась. Мы понимали, что Одесса может вскоре стать фронтовым городом. Реальными стали вопросы эвакуации промышленности и населения.

По велению сердца я пошла в ближайший госпиталь и попросилась ухаживать за ранеными. Навыков у меня еще никаких не было, но, когда я пришла в палаты и увидела глаза раненых, я поняла, что я им нужна. Медсестры мне помогли освоить нехитрые приемы ухода за ранеными, и вскоре я стала работать помощником медсестры. Я понимала, что ухаживая за ранеными, я вносила свой посильный вклад в оборону моей Родины.

В августе 1941 г. я эвакуировалась вместе с родителями и сестрами в Самарканд, где также пошла работать в госпиталь и одновременно училась на бухгалтерских курсах. За свой труд я награждена медалью «За Победу над Германией».

По окончании Великой Отечественной войны я вернулась в Одессу, где окончила кредитно-экономический институт и работала бухгалтером до отъезда в Канаду.

В заботах о здоровье солдат

Фельдман Ефим Лазаревич

Участник боевых действий

Я родился в 1923 году 27 июня. О начале войны я узнал, будучи курсантом Харьковского военно-медицинского училища. Через два месяца училище срочно эвакуировали в Ашхабад. После годичного обучения мне присвоили звание "младший лейтенант медицинской службы" и направили на должность фельдшера в легко-пушечный артиллерийский полк, на Калининский фронт, который дислоцировался на Духовщинско-Демидовском направлении.

В 1943 году на этом участке фронта шли напряженные бои с немецко-фашистскими войсками. В августе-сентябре наши войска дважды пытались сломить сопротивление немцев. Первый раз это произошло в конце августа – начале сентября, но операция не удалась.

Мы продвинулись всего на несколько километров. У немцев была хорошо укрепленная, глубоко эшелонированная оборона, к тому же была сильная артиллерийская авиа-поддержка. Второй раз, в середине сентября, нашим частям удалось сломить немецкое сопротивление и освободить город Духовщины, создав предпосылку для наступления на Витебском направлении. За эти успешные боевые действия нашей части было присвоено звание "Духовщинской". Эти успехи дались нам большой ценой – было много раненых солдат и офицеров. И именно в этих боях я впервые, как военфельдшер, оказывал первую медицинскую помощь непосредственно на поле боя. В этом мне очень помогли те знания, которые я получил в училище, и, конечно, те практические навыки, которые нам там дали.

В этих боях со мной приключилась маленькая история. Это было в первых числах сентября. Немцы сильно сопротивлялись нашему наступлению и переходили в контратаки. В результате одной из них я, и еще два командира батарей, оказались в окружении. Отстреливаясь, мы хотели прорваться, но потом приняли решение выходить самим. Проплутав двое суток, вышли из окружения к своим, и неожиданно для самого себя я был удостоен первой своей боевой награде - медали "За боевые заслуги".

В конце 1943 года Калининский фронт преобразовали в Первый Прибалтийский, и нас нацелили на освобождение Прибалтики. В этот же период к нам на подкрепление прибыла артиллерийская бригада

с Дальнего Востока под командованием полковника Фролова, и меня откомандировали туда на должность военфельдшера медсанчасти. Здесь уже было семь военфельдшеров.

1944 год. Наступление наших войск продолжается. Мы уже в Прибалтике. В боях под городом Каунас меня во время сильной бомбежки ранило - получил осколочное ранение. Подлечился в госпитале, и снова на передовую. Снова бои, снова работают артиллеристы, идет обстрел с обеих сторон, и снова бомбежка, но теперь гораздо меньше. А у нас, санинструкторов и военфельдшеров, работа, как всегда, от расчета к расчету, к раненым, где бегом, где ползком, где перебежками, кого перевязать, кому укол, кого оттянуть в укрытие, их оттуда потом носильщики укладывают в санитарные повозки, автомашины, или несут в специальные санитарные вагоны.

Фронтовые медики своим трудом спасли жизни многим солдатам и офицерам, а еще мы, военфельдшеры, вели профилактическую работу среди личного состава, следили за здоровьем и чистотой солдат, насколько это было возможно в боевых условиях. Мы всегда были на страже здоровья солдат.

Войну я закончил в звании старшего лейтенанта медицинской службы. За участие в боевых действиях, кроме упомянутой выше первой моей награды медали «За боевые заслуги», был награжден медалью «За отвагу» и орденом «Красной звезды», а также медалью «За Победу над Германией». В 1985 году в связи с 40-летием Победы награжден орденом «Отечественной войны II степени». Награжден также многими юбилейными медалями.

Горжусь тем, что внес свой вклад в Победу над коварным врагом. С 1990 года живу в Канаде, в Торонто, со своей семьей.

Мы не забудем фронтовых изъезженных дорог

Фельдман Лазарь Шмулевич

Участник боевых действий

Я родился в Минске 17 мая 1924 года. Семья была многодетная, я был двенадцатым ребёнком. Когда мне было два года, вся семья переехала в Москву. По окончании 8 класса я пошел учиться в ремесленное училище на токаря. Проучился год, и началась война. Меня сразу перевели работать на военный завод у Белорусского вокзала, и я стал выполнять работы токаря 5-го разряда.

Через месяц после начала войны немцы начали бомбить Москву, и мы, молодые ребята и девчата, начали дежурить на крышах своих домов и на заводских объектах - тушить немецкие «зажигалки» - так называли немецкие зажигательные бомбы, и начинающиеся пожары. 16-го октября немцы прорвали фронт и начали наступление на Москву.

Мне было 17 лет и меня в армию еще не брали. Я вместе с военным заводом, на котором работал, эвакуировался на Урал, в город Березники. В Березниках мы начали с того, что разгружали прибывшее оборудование, устанавливали его. Все это делалось в таком темпе, что трудно сегодня представить. Я продолжал работать токарем – точил детали для пулеметов и точил корпуса снарядов, работали по 12 часов, часто прихватывали и больше. Тогда по всей стране был развернут военный «Всеобуч», готовили призывников к службе в армии. Военкомат направил меня на 2-х месячные курсы шоферов, с отрывом от производства. Там обучали устройству, эксплуатации, ремонту и вождению автомобилей «ЗИС» и «ГАЗ», а также изучали винтовку и воинские уставы. В общем, проходили основы курса молодого бойца. Во время учебы мы должны были собрать развитую машину «ГАЗ», и на ней я потом проходил стажировку.

Когда мне исполнилось 18 лет, меня призвали в Красную Армию - это было в октябре 1942 года – и направили в автомобильные войска. Тогда была крайняя нужда в шоферах, так как их много было нужно для подвоза боеприпасов и продовольствия в осажденный немцами Ленинград. Попал я в автомобильный батальон в городе Курган Челябинской области. Контингент был разный по возрасту – от 18 до 50 лет. Казармы наши располагались на ипподроме в бывших загонах для лошадей.

Армейский режим был очень строгий и жизненные условия очень тяжелыми. После трех месяцев армейского обучения и принятия присяги, я попал в список тех, кто должен был ехать в Москву получать новые

машины «ЗИС». Но мне, как малоопытному водителю, «ЗИС» не достался, получил «ГАЗ». После укомплектования техникой был командирован в район подмосковных складов, чтобы загрузиться снарядами и доставить их в город Осташков, который недавно был освобожден.

В Осташкове нас распределили на группы по пять машин для подвоза продуктов и боеприпасов в сторону Ладожского озера, на находящиеся там в прибрежных лесах склады, для последующей отправки в Ленинград.

В сторону Ладожского озера ездили по дорогам, проходившим по лесам и болотам, так как очень сильно бомбили другие дороги. Было более безопасно ездить по дорогам, проходившим по лесам и болотам, но условия были очень тяжёлые. На обратный путь часто подсаживали больных, раненых или детей. Несмотря на то, что машины маскировали, и был приказ оставлять машины со снарядами, как только был слышен гул немецких бомбардировщиков, мы теряли 2-3 машины на каждой поездке. В течение десяти месяцев я служил шофёром на этой прифронтовой полосе; с марта месяца по декабрь, пока меня не ранили. Подлечился я быстро, и вернулся обратно в свой автобат.

Когда нас в автобате осталось мало, только 12 машин, наш автобатальон расформировали, и я был отправлен, как один из десяти шоферов, оставшихся в живых, в запасной полк. Условия были очень тяжёлыми. Запасной полк находился в лесу вблизи железной дороги, отсюда забирали пополнение в действующую армию. В течение моего здесь почти месячного пребывания я работал на разгрузке очень тяжелых ящиков со снарядами по 12 часов в день. Как-то на разгрузке пульмановских вагонов со снарядами к нам пришли два офицера, которым нужны были десять шоферов для артиллерийского полка. Формировался артиллерийский полк под городом Старая Русса, оснащенный новыми американскими автомашинами. Пятитонные автомашины «Интер» прибыли из Ирака. Тогда Старая Русса была еще под немцем.

Наш полк входил в состав 1-го Прибалтийского фронта, которым командовал генерал армии Баграмян. Каждого из нас прикрепили к орудию, мы стали осваивать новые машины. 18 августа 1943 года, в День авиации уже готовилось третье наступление, первое было в 1941 году, второе в 1942 году.

За нами стояла батарея «катюш». Ночью дали сигнал, и ударили «катюши», сразу стало светло, так как через нас летело пламя огня. Затем вступила артиллерия, а утром взлетели самолеты и начали бомбить немецкие укрепления, следом пошли танки, за ними пехота. Сражение длилось около трех дней, погибло много солдат и техники. На третий день был приказ отойти на прежние позиции, третья попытка овладеть городом тоже не удалась. Затем наш полк перебросили на другой участок фронта, под город Невель, где тоже было наступление. Город взяли, но удержать не смогли. Немцы с флангов хотели нас окружить, мы попали в «мешок», выход из которого размером в 3-4 км постоянно обстреливался с земли и с самолетов. Подвоз снарядов и продуктов был затруднен.

У многих началась цинга, куриная слепота, в то том числе и у меня. Было приказано двенадцати машинам пробиваться через этот смертельный участок для подвоза снарядов и продовольствия. Ехать приходилось ночью “вслепую”, через леса. Дорог не было, нас без конца бомбили. Мы теряли людей, вытаскивали машины, вывозили раненых.

Мы вышли из этого мешка с большим трудом. Обратный путь был еще страшнее, так как мы ехали со снарядами и продовольствием.

Не помню, как произошёл взрыв, я оказался засыпан землей, меня откапали. Лицо в крови, ног не чувствовал, меня положили в машину. Я чувствовал, что кто-то обтирал меня тряпкой. Когда мы вернулись с задания, меня и других раненых отправили в полевой госпиталь, где сделали перевязку. Потом я был в нескольких полевых госпиталях, пока меня не доставили в тыловой госпиталь в городе Великие Луки. Оттуда по железной дороге перевезли в город Вологду, потом переправили в Вологодскую область, в Молочный поселок.

Ноги мои опухли, стали синими. Я боялся, что будет гангрена, и мне отрежут ногу, но обошлось ампутированием правой стопы.

Полгода я пролежал в госпитале, там я узнал, что сняли блокаду Ленинграда и взяли город Старая Русса.

Попал на фронт я в 18 лет, а в 20 стал инвалидом Великой Отечественной войны. Награжден орденом «Отечественной войны II степени», медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и многими другими юбилейными медалями.

После войны я закончил электромеханический техникум и работал технологом на Московском электромеханическом заводе. В Канаде живу с 1995 года.

Орден Славы

Фридлянд Михаил Аронович

Участник боевых действий

31 мая 1942 г. немецко-фашистские каратели совместно с украинскими националистами разгромили и сожгли несколько сел Винницкой области, в том числе и наше село. Много жителей сгорело в своих домах, остальных каратели расстреляли. Погибла и наша семья - родители, два брата и сестра. Я чудом уцелел, укрывшись на огороде.

Когда каратели ушли, я решил пробираться на восток, к своим. Долго я блуждал по Украине, оккупированной немцами, обходя военные гарнизоны, избегая встречи с гитлеровцами, пока не перешел линию фронта под Харьковом. После проверки органами «Смерш» меня отправили на Урал, а в 1943 г. я был призван в Красную Армию. После недолгого обучения, уже в мае 1944г., я принял боевое крещение под Ковелем. Я не помню названия части, в составе которой я воевал, помню только, что это был 1-й Белорусский фронт.

Моей задачей было обеспечение телефонной связи между командованием стрелкового батальона и командирами рот. С тяжелой катушкой телефонного провода и с автоматом за плечами, двигаясь перебежками, уклоняясь от взрывов снарядов и мин, я тянул за собой нитку телефонного провода, разыскивая командира стрелковой роты, чтобы связать его с комбатом. В одном из боев я был легко ранен в шею осколком снаряда. После оказания мне медицинской помощи я остался в строю, выполняя боевую задачу, за что был награжден Орденом Славы III степени.

Позже, когда нашу часть отвели в тыл и переформировали, я попал в 260-ю Стрелковую дивизию полковника Зинченко, штурмовавшего впоследствии Рейхстаг. В бою за Рейхстаг я участвовал в качестве комсорга стрелкового батальона. Наградой за участие в штурме Рейхстага стал орден «Отечественной войны II степени». День великой Победы я встретил в Берлине, в поверженном логове фашистского зверя, терзавшего нашу Родину в течение четырех лет.

Партизанская юность

Халыавская Анна Иосифовна
Партизанка

Июнь 1941 года, окончание школы, выпускной вечер, надежды на будущее, а вместо этого такой ужас война, бомбежка, горящий Минск. Мы с отцом и мачехой ушли из города пешком, на полустанке Городище сели в товарный поезд, доехали до г.Борисова. В это время налетели немецкие самолёты и стали бомбить состав. Люди посыпались из вагонов, но немцы на бреющем полёте стали обстреливать из пулемётов всех подряд: женщин, детей, стариков. Было очень страшно, мы не смогли уехать дальше, и вернулись домой в г. Минск. Оказывается, это был последний день свободного передвижения евреев по городу.

Немцы выделили район для «гетто», приказали пришить на спину и на грудь жёлтые латы, а вокруг «гетто» растянули колючую проволоку.

Так я находилась в голоде и страхе больше 10-ти месяцев, в течение которых я два раза стояла в колонне к душегубке.

Резиновыми дубинками немцы загоняли людей в душегубки, травили их газом, а когда приезжали в Тростенец, полицаи вытаскивали трупы. Меня ожидала такая же участь.

Случайно я увидела знакомую женщину с ребенком на руках, которая, выйдя из колонны, ссылалась на моего дядю, как на своего мужа, просила немца освободить её. Услышав это, я стала рядом с ней и тоже просила отпустить меня, пожилой немец пожалел нас, и отпустил.

Молодёжь собиралась группами уходить из «гетто» в леса, я присоединилась к ним, и мы оказались в Старосельском лесу, где-то в 50 км от Минска. Это случилось 5 мая 1942 г.

Там была небольшая группа спасшихся евреев, командовал нами Фельдман Наум. Он доверил мне очень ответственное, по тем временам, задание - быть связной с комсомольским подпольем. Я неоднократно приводила к нам в отряд проверенных молодых людей по известному мне маршруту. Командир оценил мою работу и относился ко мне с уважением. Однажды я так расхрабрилась, что «проголосовала» немецкой машине, и они довели меня до дома.

Находясь в лесу, мы собирали оружие, которое было оставлено нашими бойцами. Так что, когда в июне 1942 г. пришел проводник из большого отряда, мы нагрузили две повозки с оружием и патронами, а сами вечером прибыли в отряд, где командиром был капитан Никитин, а

начальником штаба - капитан Серебряков.

На рассвете наш остров был окружен немцами – как вовремя мы привезли оружие! Бойцы отряда организовали круговую оборону, мы - женщины, находясь в центре острова, наполняли ленты патронами, а над нами свистели пули. Все это происходило 12 июня 1942 г. у деревни Колодино, этот бой так и назвали “Колодинский бой”, который длился от рассвета до заката.

Вечером ударная группа с боем прорвалась и открыла путь для всего отряда. Мы вышли из окружения по болоту, по пояс в воде, с ранеными, которых несли на плащ-палатках. Командование отряда приняло решение перейти линию фронта, а раненых оставили в так называемом “госпитале” под открытым небом. Оставили врача, медсестер, бойцов для охраны и для сооружения укрытий, добывания провианта. Начальником “госпиталя” назначили Лapidуса Израиля Абрамовича, а сами с боем перешли линию фронта.

Так, с боями, мы прожили все лето, лечили раненых, выхаживали их, я очень часто стояла на посту. Было очень страшно стоять с винтовкой по два часа, я очень боялась волков. Хорошо помню случай, когда командир Лapidус послал в разведку трех женщин, немцы их поймали, двоих повесили, а третья вернулась - она выдала местонахождение отряда. Ее взяли

под арест, и сразу отряд ушел в другое место. Я и еще одна девушка стояли на посту, когда услышали звуки приближающихся мотоциклистов. Немцы приехали на старое место, жгли костры, играли на губных гармошках. Всем стало ясно, что эта женщина предала отряд, и ее расстреляли перед строем.

В октябре 1942 г. в наш район прибыл представитель штаба партизанского движения с заданием собрать все небольшие группы в Руденском районе. Наша группа-отряд влилась во 2-ю Минскую партизанскую бригаду под №25 – отряд им. Кутузова.

Немцы заметили усиленное передвижение на дорогах, подтянули силы и окружили нас. Командир бригады - Иванов, вместе со своим штабом, включая и наш отряд, выходил из окружения по-хитрому: немцы выходят из деревни, а мы заходим в нее, так мы вышли из окружения без потерь.

По соглашению со штабом была проведена мобилизация молодежи из деревень в отряды. У многих оказалось спрятанным оружие, пулеметы, патроны. За счет мобилизованных увеличилась численность в отрядах. Так образовалось соединение из бригад, целый партизанский край, который охраняли на заставах все отряды. Партизаны помогали населению пахать, сеять, косить траву, молотить зерно, и сразу отпала нужда просить провиант у населения.

В нашем отряде была подрывная группа из шести человек, командиром этой группы был мой будущий муж - Халявский Абрам - кличка Андрей, с которым мы прожили 60 лет до самой его смерти. Я ездила с ним на подрывы – до чего тяжело было взрывать железную дорогу снарядами, двое подносили снаряды к пути, двое дергали за шнур после закладки заряда, кто-то оставался при лошадях. Позже приспособились выплавлять тол из снарядов. Эту процедуру производили подальше от землянок. Нам специально выделили лошадей, чтобы мы могли быстро увезти подрывников подальше от железной дороги. Наша подрывная группа имела на своем счету 13 взорванных и пущенных под откос эшелонов. А еще наш отряд в полном составе разгромил полицейский гарнизон в деревне Дражня. Бой был жестоким - погиб комиссар и двое бойцов. Я участвовала вместе со всем отрядом во всех боевых действиях. А чего стоила “рельсовая война”, когда партизаны разрывали железнодорожные пути на многие километры, срывая немецкие планы, и тем помогали нашей армии.

Когда войска Красной Армии пришли на нашу территорию, наш отряд прочесывал леса, вылавливая отряды немцев. Более двух лет мы находились в окружении врагов, у нас не было тыла, никакой защиты со стороны “Большой земли”, мы все время находились под стрессом. Мне 86 лет, я 19 лет живу в Канаде, в Торонто и мне очень обидно, что Канадское правительство не признает партизанское движение в Белоруссии частью военной составляющей Второй мировой войны. Все это заставило меня взяться за перо, описать все, как это было, как я это помню.

В битве за Ленинград

Хоменко Виктор Ульянович

Участник боевых действий

О том, что началась война, я узнал из сообщения по радио, с которым выступил народный комиссар иностранных дел СССР В. Молотов. Мирный труд советских людей был прерван наглым, без объявления войны, нападением фашистской Германии.

В это время я находился в Карелии, где обслуживал, в качестве фельдшера, геолого-разведывательную экспедицию. На второй день войны я уже прибыл в Ленинград, и сразу же отправился в военкомат, на подходах к которому увидел плакат с призывом вступить в народное ополчение. Зарегистрировавшись, я просил направить меня в действующую армию, где мое место, как медицинского работника.

Послали меня в народное ополчение, и получил я назначение на должность командира санитарного взвода 3-го стрелкового батальона 2-й дивизии Ленинградской армии народного ополчения, располагавшейся в помещении Горного института. После короткого периода формирования подразделений, получения обмундирования и вооружения, принятия военной присяги, нас вывели за пределы города для элементарного обучения военному делу. В народное ополчение пришли, в основном, люди, освобожденные от воинской службы по состоянию здоровья, инвалиды, члены многодетных семей. То были представители различных слоев общества, которые, в основном, никогда ранее не имели дело с воинской службой и азам ее, азам военного дела, их нужно было учить.

Но события на фронте развивались стремительно. После захвата фашистскими войсками Прибалтики войска Ленинградского фронта в течение 2-х месяцев оказывали ожесточенное сопротивление врагу в оборонительных боях на реке Луга. Под натиском превосходящих сил врага они вынуждены были отходить, и вскоре немцы вышли на ближние подступы к Ленинграду, оккупировав Павловск, Пушкин, Гатчину, Шлессербург, вышли к Ладожскому озеру, и замкнули кольцо блокады. Это произошло 8 сентября 1941 года. Блокада продолжалась 872 дня и была снята 27 января 1944 года.

В обороне Ленинграда я участвовал уже в составе 70-й стрелковой дивизии, в состав которой влились остатки 2-й дивизии народного ополчения. Позже наша дивизия за героизм и мужество в борьбе с немецко-фашистскими войсками будет переименована в 45-ю Гвардейскую стрелковую дивизию, это произойдет в октябре 1942 года, и наша дивизия

будет первой гвардейской дивизией на всем Ленинградском фронте. Я горжусь службой в этой дивизии тем, что в ее составе защищал Ленинград.

В ходе битвы за Ленинград части нашей дивизии вели активную оборону, осуществляя боевые действия с целью улучшения своих боевых позиций и нанесения врагу максимальных потерь. Дивизия участвовала в операциях, связанных с Невской Дубровкой, прорывом блокады Ленинграда, операцией «Искра», Красноборской операцией, Минской наступательной операцией, штурмом Синявских высот, освобождением Ленинграда от блокады.

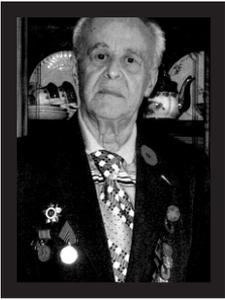
Принимая активное участие в большинстве из этих операций, я выполнял свой долг, оказывая медицинскую помощь раненым на поле боя. Первой из таких операций было завоевание плацдарма на левом берегу Невы. В конце сентября 1941 года, на рассвете, под ожесточенным огнем врага наши войска форсировали Неву. На вражеском берегу протяженностью шестьсот метров они захватили участок, на котором закрепились, и который позже был назван «Невским пятачком» - впоследствии это название вошло в историю обороны Ленинграда. Участвуя в этих боях, на шестой день я был ранен и эвакуирован в госпиталь, в Ленинград. За героизм и мужество, проявленное в боях на «Невском пятачке», я был впервые награжден солдатской боевой наградой – медалью «За отвагу».

После выписки из госпиталя я вернулся в свою родную дивизию, и был направлен на должность фельдшера в 50-й гвардейский истребительно-противотанковый дивизион, в составе которого участвовал в освобождении Прибалтики и ликвидации Курляндской группировки фашистов (Латвия). За участие в этих боях был награжден орденом «Красной Звезды».

Близился конец войны, но немецко-фашистские войска все еще пытались огрызаться, и, даже 8 мая, когда стало известно, что немецкие генералы подписали акт о капитуляции, они продолжали сопротивляться. На рассвете 9 мая 1945 года на немецкие позиции посыпались листовки, в которых командующий Ленинградским фронтом маршал Говоров предложил немцам сложить оружие. Мы вышли на передний край и увидели, как недобитые «фрицы» с листовками в руках, поднятыми вверх, сдаются в плен.

Победа! Оглушительными залпами изо всех видов оружия был отмечен восторг воинов от победы над заклятым врагом, терзавшим нашу Родину. Всеобщее ликование было завоевано благодаря героизму советского народа, проявленному на фронте и в тылу.

Выполняя долг солдата

Хотянов Илья Наумович
Участник боевых действий

В январе 1941 года мне исполнилось 16 лет. В нашем городе Витебске (Белорусская СССР) уже чувствовалось, как я считаю, предвоенное настроение. Через город шли наши войска, в мае начался призыв в армию... 22 июня – страшное сообщение по радио: фашистская Германия без объявления войны бомбит и штурмует наши города и села... Это война!!! Началась эвакуация на восток фабрик, заводов, мирного населения.

Радио сообщило: наши войска оставили Минск. Надо срочно эвакуироваться. Все ринулись на железнодорожный вокзал. Нашей многодетной семье удалось разместиться на ящиках железнодорожной платформы. Мне, как старшему по возрасту из детей, пришлось обслуживать семью, решать бытовые вопросы в пути. А этот путь оказался долгим. Только через месяц достигли Казани, затем по Волге и Каме – Набережных Челнов. Здесь в 1943 году я был призван в Красную Армию и направлен в войска ПВО, в подразделение по обслуживанию авиационной дивизии. На курсах освоил радиодело, научился принимать и передавать командование, в штабы, радиogramмы, и в последствии обучал этому делу девушек-связисток.

Наша авиационная дивизия принимала активное участие в боевых действиях под Горьким и Москвой. Моя главная задача, как начальника радиостанции, состояла в том, чтобы обеспечить бесперебойную связь летчиков, командиров и штабов. Это нелегко было выполнять, особенно в зимнее время.

Вспоминаю Подмосковьё. На улице минус двадцать градусов. Начальник полётов по радиосвязи отдает приказ летчику, а тот – в ответ: «Я вас не слышу! Я вас не слышу!». Это значит, что у командира «замерз» микрофон. Мы, связисты, это предусмотрели, и подали командиру «теплый» аппарат, подогреваемый у нас за «пазухой». Связь с летчиком была восстановлена.

Впоследствии связисты изготовили небольшую отапливаемую дровами будку. В ней и микрофонам было тепло и солдаты иногда забегали в нее погреться. Связь стала более надежной.

Нелегко было и командование – ощущался недостаток летчиков. Их готовили на краткосрочных курсах. Опыт они приобретали уже в воздушных боях, а бои – очень часты даже ночью. Почти каждый вечер – «тревога».

И снова для авиаторов и всего обслуживающего персонала, в том числе и связистов, наступала тяжелая работа, выполнение своего солдатского долга. Но несмотря на все трудности, как отмечало командование, наши летчики действовала храбро и эффективно. Они срывали планы немцев по разгрому наших наземных сил, уничтожению населения. Фрицам редко удавалось низко летать над землей и наносить разрушительные прицельные удары.

А затем советская авиация заняла господствующее положение в воздухе. В это, я считаю, внесли свой вклад работники армейской разведки.

Сообщение о Победе я услышал, находясь в блиндаже на подмосковном аэродроме. Радости нашей не было предела...

По окончании войны мне присвоили звание «младший лейтенант». Я получил назначение командиром взвода радиосвязи. По избранной профессии прослужил в войсках еще 27 лет. В 1952-1954 годах был в командировке в Китае, за что имею награду этой страны.

В звании майора вышел в отставку в 1972 году. Моя служба Родине достаточно оценена. Я удостоен государственных наград: «Ордена Отечественной войны I степени», медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Всего более 20 медалей.

Сейчас живу в Канаде. У меня – трое детей, шестеро внуков и правнук.

Стартовая радиоустановка

Перед лицом смерти

Цвелиховская Евгения Григорьевна

Несовершеннолетний узник гетто

Мне уже больше 80-ти лет, и я хочу рассказать всего несколько эпизодов из моей жизни в гетто. Разве можно все описать, сколько раз я и моя семья были перед лицом смерти?

Я хочу рассказать о том, что пришлось пережить мне и моим близким, чтобы те «людишки», что утверждают, что это неправда, были посрамлены.

Когда началась война, мне было 11 лет. Жили мы в Терновке Джулинского района Винницкой области на Украине. В июле 1941 года в местечко вошли немецкие солдаты. Сразу не убивали, создали гетто, и согнали туда всех евреев, уплотнили нас, в одном доме жили по две-три семьи. Молодых забирали на работу и в концлагерь. Моего отца, он был сапожником, староста забрал в глухой хутор. Он обещал спасти ему жизнь и наши жизни в обмен на пошив обуви. Мама отправила двух наших старших сестер к папе. Я, мама, маленький братик и большая бабушка остались дома. У нас в доме собирались многие родственники со своими семьями, потому что под нашим домом отец оборудовал «секрет», и мы прятались там во время облавы.

Мы просили маму также уйти из дома и спрятаться в Тырловке. По ночам мы пробирались лесами вокруг сел. Мама стучалась к своим знакомым, но никто не хотел нас впускать. Только одна женщина из Березовки уже под утро впустила нас в хату, взяла своих детей и ушла к своим родителям. Ее муж был на фронте. Несколько дней мы отсиживались в хате, боялись, чтобы соседи нас не заметили. В окошко мама увидела старого Пейсе Герша - кожушника. Мама узнала от него, что всех молодых забрали в концлагерь «Печора». Любочка, двоюродная сестричка, услышав, что ее сестру забрали, побежала в Терновку, и ее тоже отправили в концлагерь. Позднее полицаи всех уничтожили, когда люди уже не могли работать на строительстве дороги в Винницу. Эта дорога устлана костями еврейских узников.

Ночью мы вернулись домой. Бабушка просила маму уйти к отцу, а меня с братиком Леней оставить с ней. Хорошо, что мама успела уйти – утром за ней пришли полицаи.

Вскоре Ленечка заболел. Папа прислал нам продукты с глухим крестьянином Шевчуком. Я попросила его передать маме, что не могу

справиться с больными бабушкой и братиком.

И мама ночью прибежала, преодолев 12 км., и забрала нас. Когда я через какое-то время вернулась домой, чтобы забрать кое-какие продукты, меня догнал полицейский на лошади и погнался плеткой в старостат. Староста знал моего отца, и крикнул: «Тикай отсюда!», тем самым спас меня. В Тырловку стали наведываться немцы, и тогда мы прятались на чердаке в разрушенном доме. А когда потеплело, то в старых осевших могилах на кладбище.

Одно время мы жили в пустом доме, где ранее жила семья коммуниста. Когда в очередной раз я пошла с Шевчуком в местечко, то увидела, что все местечко оцеплено полицейскими и немцами в черных мундирах. В домах выбиты окна, двери распахнуты и под дулами автоматов оттуда выгоняют стариков и плачущих детей. Эту картину издали наблюдали крестьяне. Я хотела прорваться через оцепление, но мамин знакомая тетка Мария схватила меня за плечо и крикнула, чтобы я удирала, потому что всех ведут на смерть. Я прибежала к маме и рассказала о погроме.

Дочка Шевчука рассказала, что можно переправиться через Буг в лагерь Бершадь. Мы переоделись в крестьянскую одежду, и в базарный день пошли через Чернятку к Бугу. Родители пошли с Ленечкой, а я и мои сестры Роза и Аня пошли отдельно, пробираясь через лес.

Помню, что какой-то дед с седой бородой переправил нас через Буг. На рассвете мы слились с крестьянами, которые шли на базар в Бершадь. А в Бершади мы должны были прятаться в подвале, потому что не имели права на жительство. Здесь жили еще несколько семей.

Там, в этом подвале, умер мой братик Ленечка, ему было уже пять лет. Кто-то нас выдал, и жандармерия отправили нас назад. У Буга многих расстреливали. Мама нас спрятала. А ее с папой отправили в Кошарицы. Через некоторое время им удалось вернуться. Мы нашли разбомбленный дом, кое-как залепили стены глиной, жили в образовавшейся от взрыва яме. Там разводили костер и варили похлебку. Зимой мы все спали в уцелевшей комнате. Выходили за гетто, чтобы что-то купить из продуктов.

Один раз меня схватили и хотели арестовать, но я дала конвоиру несколько марок, и он меня отпустил. Так мы дождались освобождения и вернулись в Терновку, отремонтировали свой дом. Но уже после войны должны были бежать от бандитов в Умань. Вот так и выжили. Но пережитого не забыть никогда.

Нейтральная полоса

Чернозук Моисей Гертманович

Участник боевых действий

75 лет прошло со дня Победы, но до сих пор мне трудно поверить, что остался живым. Вероятность остаться в живых у меня была 0,2-0,3 процента. Ведь все эти военные годы мне пришлось воевать на нейтральной полосе - это территория между оборонительными порядками противника и нашими войсками.

Я со своим взводом обязан был выдавать информацию в штаб армии о налетах авиации и действиях противника. Перемещаться мы могли только ночью. Над нейтральной полосой летали снаряды и пули, как со стороны противника, так и с нашей. Это если были оборонительные бои, а если наши войска шли в наступление – мы были среди войск. Вероятность того, что ты останешься в живых зависела от огромного количества факторов. Наша жизнь зависела от личного мастерства и удачи. Поэтому, когда начинаешь вспоминать, что с тобой было, то и через 75 лет помнишь только самые яркие эпизоды.

Мой взвод входил в состав Отдельной армейской роты воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС). Боевая задача: как можно раньше сообщать в штаб 10-ой Гвардейской армии о налетах авиации противника. Взвод дислоцировался в автономном режиме.

Командир роты и управление находились при штабе армии, а взвод был на передовой линии фронта. Мы передавали круглосуточно информацию как с нейтральной полосы, так и во время наступления - с передовой. Информация передавалась как по радио, так и по телефонным кабелям, которые мы тянули. Нужно отметить, что личный состав моего взвода был укомплектован из лиц, сидевших в тюрьмах за убийства, грабежи, воровство, выразивших желание защищать Родину и искупить свою вину кровью. Нейтральная полоса была наиболее опасным местом. В войсках нас называли «смертниками». Радиолокации в то время в войсках не было, и мы, находясь в непосредственной близости от немецких боевых порядков, рыли ямы подслушивания, куда опускался солдат с телефоном и биноклем. Находясь в яме подслушивания, солдат раньше всех слышал шум мотора самолета и выдавал его координаты. Вокруг ямы подслушивания мы организовывали круговую оборону - рыли окопы, в которых дежурили, чтобы защитить солдата, находящегося в яме.

Фашисты неоднократно посылали своих разведчиков с целью

захвата «языков». Вначале они использовали такой способ: разрезали телефонный кабель, и когда мы посылали солдата восстановить связь, брали его в плен. Это произошло дважды, потом мы, набравшись опыта, при порыве связи посылали солдата, и одновременно устраивали засаду. Немцев мы расстреливали, раненых же отправляли к нашим в качестве «языка». Мы не были танкистами, артиллеристами, но мы были «глаза и уши» для всей армии.

Однажды ночью я, находясь на дежурстве в окопе, услышал шум, осторожно выглянул из-за бруствера, и увидел, что на меня ползет немец. Я затаился, и стал ждать – немец был в каске, и стрелять по нему было бесполезно. Я дождался, и когда он оглянулся, выпустил очередь из автомата ему в шею. Если бы я зазевался, он бы меня уничтожил или захватил в плен. Немец оказался младшим офицером, у него были: пистолет «Вальтер», коробка с бритвами «Золинген», курительная трубка и документы. Немецкие разведчики часто охотились на нас. Если это были малые группы из 2-3 человек, то мы справлялись сами, а если большие группы – то просили минометчиков открывать огонь на поражение. Конечно, трудно во время таких боев определить, какая пуля найдет тебя.

Другой случай. Наши войска начали наступление, и немцы ночью скрытно оставили свои позиции. Когда мы с ребятами ворвались в землянку, там никого не было. Мы начали приводить себя в порядок. Через некоторое время противник начал обстреливать территорию из крупнокалиберных пушек. Вдруг слышим – сильнейший грохот, вся землянка задрожала, раздался удар в дверь и по ступенькам сполз прямо к нашим ногам здоровенный снаряд. Мы оцепенели в ожидании взрыва, а его нет. Мы, кто без сапог, кто раздетый вовсе, перепрыгнули через снаряд и выскочили на улицу. Мне тогда было 19 лет и у меня поседели виски. Этот снаряд снился мне в течение многих лет, как он спускается со страшным грохотом по ступенькам.

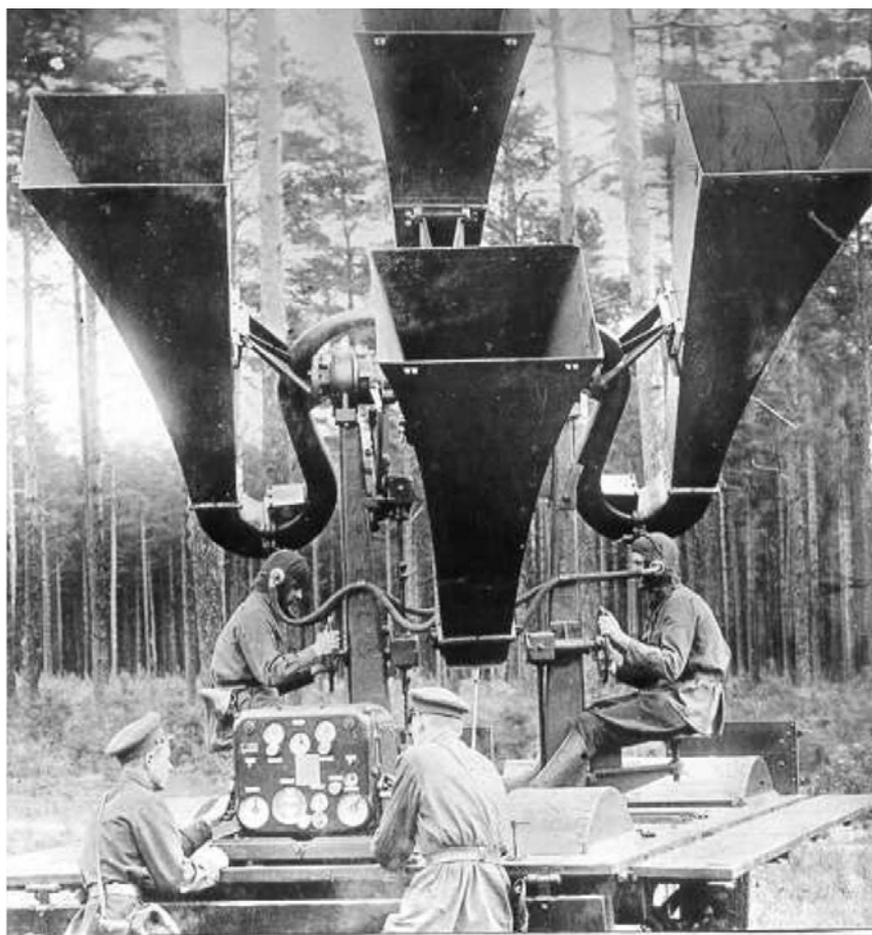
Не помню, когда это было – наши войска находились в обороне. Противник вел танковую атаку, в небе пикирующие бомбардировщики Ю-87 устроили «карусель» и бомбили боевые порядки зенитного полка, пушки которого выкатывались на прямую наводку, и успешно подбивали танки. Бомбежка позиций полка часто повреждала телефонную связь между батареями, дивизионами, и командным пунктом полка. Нам была поставлена задача – восстанавливать поврежденную телефонную связь. Однажды при ремонте телефонной линии близко от нас разорвалась бомба, и меня взрывной волной отбросило назад и засыпало землей. Я был без сознания, меня начали искать, и нашли: из-под завала торчала нога, меня откопали и привели в чувство. Тогда я был молодой, и выжил.

Еще один случай. Наши войска ведут наступление, противник в спешке отступает. Мой взвод двигается по «большаку». Катушки с телефонным кабелем и другим имуществом погружены на телегу.

Мы, как всегда, поддерживаем связь со штабом армии и передаем информацию о налетах авиации противника. По «большаку» идут танки, самоходные орудия, машины. И надо же случиться, что наша телега наехала на противотанковую мину, по которой уже проходили танки, тяжелые самоходные орудия, и она взорвалась. Лошадь и солдат погибли. Я шел позади телеги, и меня взрывом отбросило метров на пятнадцать. Конечно, я был сильно контужен, глухой, почти слепой, но все же живой.

Солдаты меня берегли не только потому, что я командир, они видели во мне товарища, который не прятался за их спины. Смертельная опасность всех спланивала.

Дорогие потомки! Будьте бдительны, и не забывайте, что такое может повториться, если будет жива идеология фашизма. Наше же поколение выполнило свою задачу - уничтожило логово фашизма.

ВНОС на войне

Мой путь на войне

Чистихин Владлен Сергеевич

Участник боевых действий

Я, Чистихин Владлен Сергеевич, родился в городе Пенза, в России, в 1924 году. По случаю кончины нашего великого вождя в 1924 году меня назвали в его честь Владленом. Отец мой был санитарным врачом. В 1933 году мы пережили голод, тяжелейший период, когда по улицам возили телеги с трупами. Нас выручила наша няня, которая скопила целый сундук пшени. Только благодаря этому мы выжили. В 1938 году мы переехали в Москву, где я закончил школу.

В армию меня призвали в 1942 году, и направили в лагерь под Горьким. Там формировались воинские части.

В конце 1942 года нас погрузили в эшелон и повезли до железнодорожной станции Опочка. На этой станции нас выгрузили, и мы пошли пешком около 300-400 км. Шли мы около 5 суток, ночью и днем, падая от бессонницы или засыпая на ходу. Кормили, к сожалению, нас не очень хорошо. Спустя некоторое время мы оказались в районе станции Поньры, это была 132-ая пехотная дивизия, 605-го стрелкового полка. Командир полка перед строем новоприбывших сказал: «Не хочет ли кто-то из вас участвовать в полковой разведке?» Стимулом и преимуществом для разведчиков являлись 50 граммов сала и 50 граммов спирта. Я клюнул на это дело, и мы начали копать землю, таскать бревна, и строить блиндажи.

Шел уже 1943-й год. Мы построили огромные блиндажи из бревен. На вооружении у нас были винтовки, у некоторых были автоматы и пулеметы. Уже ходили слухи, что немцы вот-вот начнут наступать, это была Курская дуга, и 4 июля 1943 года началось наступление немецких войск. В 4 часа утра я проснулся от звука падающих бомб. Мы были в 9-ти километрах от передовой линии, уходящей в глубину 35 километров. Потом к нам начали прилетать немецкие самолеты, по 50 штук, бомбя нас двое суток непрерывно. Сначала обычными бомбами, а потом стали бросать касетные бомбы, которые мы называли «корытами». Эти «корыта» раскрывались на высоте 200-300 метров и выпускали шрапнель, чтобы накрыть нас сверху. Но хорошо, что у нас сверху были блиндажи, которые спасали.

Как сейчас помню, наш замполит сообщил, что наш полк попал в окружение к немцам. Конечно, у нас все нервы были напряжены, и я, как-то выглянув из окопа, увидел огромную колонну длиной в два километра с красными знаменами, бегущую в сторону немцев. До сих пор не знаю, кто это был... мы выбежали из блиндажа с криком: «За Родину, за Сталина!», а

вперед, километра за два от нас немецкие танки прорывались в нашу сторону.

Вскоре немецкие самолеты изрешетили всю нашу передовую. 7 июля того же года мы выскочили из окружения, я перешагнул через траншею, где лежал раненный немец, и мы наткнулись на пулеметную очередь из-за кустов. Пуля насквозь прошла мою плечевую кость, прошла через легкое и вышла через ягодицу. Я потерял сознание, и, уже падая, увидел портрет моей матери, которая держала в руке икону. Сознание начало проясняться, хотя я потерял очень много крови, впереди я увидел воронку, в которую заполз, но вылезти из нее уже не мог. По моим расчетам, я пробыл в этой воронке целую ночь.

На следующее утро я услышал русскую речь, и начал кричать по мере моих сил. Один солдат меня вытащил, и говорит: «иди туда». Послушавшись его, я пошел в сторону наших раненых, без посторонней помощи. Я шел несколько километров, потом становился на колени отдохнуть. Это, наверное, молодость сыграла свою роль, но я прошел эти три километра, и остался жив.

Потом я увидел дорогу и траншею, и залез в нее. Вокруг стояла абсолютная тишина. Вдруг я увидел телегу и лошадь, и начал орать деду, который ей управлял, чтобы он остановился. Он остановился, а у него вся телега набита ранеными. Раненые кричат от боли, а он хлещет лошадку...

Мы поехали дальше, доехали до деревни, которая называлась Молотычи, это был медсанбат. Здесь находился деревня с большим круглым полем, где бегал доктор по локоть в крови, сортируя раненых по тяжести ранения. Все раненые кричали, а меня почти двое суток никто не перевязывал. Вскоре и меня взяли на носилки и понесли в домик, распорол шинель, и сделали перевязку. Эта сортировка раненых произвела на меня сильное впечатление.

Когда меня положили на носилки, я снова услышал звуки бомбежек, и вдруг неожиданно на моего соседа упала балка с крыши. Не знаю, откуда взялись у меня силы, но я соскочил с этих носилок и выпрыгнул в окно с первого этажа, попав в неглубокий колодец. Я начал бежать от деревни, по дороге останавливался и ел с земли яблоки. Где я был, не помню, но кто-то меня подобрал, и я очнулся в городе Фатеж.

Когда меня внесли в госпиталь, первое, что я услышал – это страшные крики танкистов, которые обгорели в танке. Они были все коричневые, с волдырями, страшное дело. Не помню сколько меня продержали в этом госпитале, очнулся я уже в вагоне, меня эвакуировали в Рязань. Там был настоящий госпиталь, где меня прооперировали и удалили пару ребер. У меня развился гнойный плеврит, мне вскрыли грудную клетку и стали туда вставлять тампоны, метра по 2-3 длиной. Потом меня эвакуировали дальше, в Тюмень, где я пробыл месяцев 7-8, до марта 1944 года. Мое состояние улучшилось, и мы там работали, чистя картошку для госпиталя.

В начале 1944 года меня выписали из госпиталя и признали негодным к строевой службе. Я пошел в стройбат, пилил в лесу деревья. Правда, кормили нас плохо, и я решил уйти оттуда, пошел в 1-ю маршевую роту на фронт. Я попал в эшелон с людьми, которые были призваны из заключения: бандиты, воры, мошенники. Я попал в 20-ю танковую бригаду 11-го танкового корпуса, снова в разведку. В этой бригаде был танк Т4, два американских бронетранспортера на резиновых шинах, крупнокалиберным пулеметом, одним из этих бронетранспортеров командовал я.

В этой танковой бригаде мы прошли Польшу и Германию. Мы делали такие прорывы, что сейчас даже не верится. Немцев, румын и т.д. было страшно много, они от голода лезли к нам на транспортер и говорили: “возьмите нас”. А потом вышел приказ “пленных не брать, а расстреливать”. Так и было... Поставишь 50 немцев и расстреливаешь всех. Нам нужно было вырваться вперёд. Пошли в Польшу, и первый вопрос, который поляки мне задали как солдату, был: “Будут ли у нас колхозы?”, “Правда ли, что у вас глиняные полы и вы живёте вместе со скотом?” Я говорю: “Да вроде как нет этого”. Поляки были злые... Мы чувствовали, что люди встречали нас не с радостью, а с ненавистью, они боялись, думали, что идут варвары. Я помню, как мы проходили одну деревню, в которой стоял большой дом. Зайдя внутрь, мы увидели следующую картину: стоял длинный стол, и целая семья, человек 12 или 15, сидели за ним мёртвые. Видимо, они боялись нас и решили отравиться сами. Польшу мы прошли очень быстро, вступили в Германию.

Однажды, в 1944 году, командир нашей 20-й танковой бригады, вызвал меня и сказал: “Мне позвонил сосед, и сказал, что недалеко от вас (от Ровно) находится противник, сходите в разведку.” Он дал нам 20 человек, и приказал пойти в разведку пешком на расстояние в 10-12 километров. Нам дали лейтенанта, командира взвода, и мы пошли более-менее спокойно через чешскую деревушку. Идём дальше, встречается нам парнишка лет семи или восьми, с вещмешком за плечами. Мы его спросили: “Куда ты идёшь?”, а он сказал, что в такую-то деревню к священнику. А на вопрос “что ты несёшь?”, он ответил, что еду и бумаги.

Мы пошли с ним в деревушку, которая находилась в ложине, а по краям была насыпь недалеко от дороги. Нас хорошо встретили и расселили по домам. Мы, не долго думая, сняли свои портупеи, автоматы, и тут же я взглянул в окно, и увидел, что наш лейтенант Коваль бежит куда-то. Мы все выбежали, схватив амуницию, и вышли на дорогу. Там мы увидели группу людей в гражданском, идущую из леса с польскими или украинскими хорутвями и флагами. А впереди шли приближаясь всё ближе к нам, человек 30-40 с автоматами и нашими пулемётами. Мы заняли оборону, и началась перестрелка. А это было уже часов в 7-8 вечера, перестрелка превратилась в настоящую бойню. Они нас начали окружать, их было больше, чем нас, так как на их стороне была масса гражданских. То есть, вместе с этими

солдатами на их стороне шёл воевать простой народ, который так же был явно против нас. Это были либо поляки, либо западные украинцы, поскольку это случилось недалеко от границы. Итак, до самой темноты мы стреляли друг в друга, и понимали, что мы зажаты в клещи. А стреляли они по нам с крыш, они к этому готовились.

Прорваться было довольно трудно, но мы вдвоём с рядовым Топоровым вырвались и пошли по направлению к чешской деревне. Чехи рассказывали нам, как пройти к нашей бригаде. Мы пришли к командиру и рассказали ему обо всём. Он спросил нас: “А где все остальные?”, мы сказали, что не знаем. К утру в бригаду вернулись ещё шесть человек. Командир бригады принял решение поехать назад за остальными солдатами, так как итого вместе с нами вернулись только 8 солдат. Мы взяли танки и поехали. Подъезжая к этой деревне, мы увидели, что в этой лощине лежат 8 или 7 трупов наших солдат с разодранными гимнастёрками и вырванными орденами. Командир бригады посмотрел на всё это и сказал: “Мне всё ясно”. Через некоторое время он вернулся на танке, и расстрелял эту деревню. Такой была моя встреча с бандеровцами в 1944 году, и это был тяжёлый удар для всех нас. Ненависть эта у них в крови, они воевали за немцев как особая украинская армия.

Шел 1945 год, весна, мы уже подошли к Берлину, и началась борьба за город. У немцев были фаустпатроны, которыми они подбивали танки. Очень сложная была обстановка, но мы всё-таки прорывались вперёд. Открыв дверь бронетранспортёра, я оказался под обстрелом - мне попал в ногу осколок, и хлынула кровь. Я обрадовался тому, что жив остался, потому что по перекрёстку били снайперы, и сражались они очень умело и здорово. Меня вывезли под прикрытием этого бронетранспортёра в тыл, и я пробыл сначала в медсанбате, а затем в госпитале, где меня прооперировали, вплоть до 1946 года, пока не зажила моя рана. Всего у меня было три ранения, но как-то Бог миновал, я остался жив и демобилизовался в 1946 году.

Когда я вернулся в Москву, то отцу сказал, что поступаю в – медицинский и поступил в Московский Медицинский институт. На третьем курсе нас призвали вновь в армию, армии нужны были военные врачи. В 1952 году я окончил Куйбышевскую военно-медицинскую академию, и до 1980 года служил в армии врачом-хирургом. Ушёл в отставку в 1980 году в звании полковника медицинской службы. Работал несколько лет в железнодорожной больнице в городе Риге. А потом нас назвали оккупантами, и я уехал в Канаду.

Я был награждён орденом Славы III степени, орденом Красной Звезды, орденом Отечественной Войны I степени, орденом “За службу Родине в Вооруженных Силах СССР”, медалью “За освобождение Варшавы”, медалью “За взятие Берлина”, медалью “За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.”.

Я получил звание заслуженного врача Латвии в 1985 году и Государственную премию Латвии.

Я был танкистом

Шафер Яков Леонтьевич
Участник боевых действий

Печальная весть о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз застала меня, пятнадцатилетнего подростка, в городе Винница, где я родился 1 июня 1926 года. Жил я с родителями, и в 1941 году учился в строительном техникуме.

Известно, что гитлеровская армия в первые месяцы войны быстро продвигалась по территории нашей страны на восток. Красная Армия оказывала наступающему врагу героическое сопротивление, нанося ему огромные потери в живой силе и технике, но под напором немецких войск вынуждена была отступать.

Перед местными властями стояла задача – эвакуировать население, промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Немецкие войска быстро приближались к Виннице, они заняли город 10 июля. К этому времени в нашем техникуме группе учащихся, в которую входил и я, была поставлена необычная для нас задача – под руководством опытных крестьян перегнать на восток стадо коров, чтобы они не достались немцам.

Мы с восторгом восприняли это задание, гордились, что и мы внесем свой вклад в победу над врагом. Двигались мы по ночам, а днем загоняли стадо в леса и там отдыхали. Проходя через села, деревни и хутора, мы, новоиспеченные пастушки, разрешали местным жителям доить коров, а бедным и вовсе отдавали скот. Лучше своим, чем врагу. С большими трудностями дошли до Киева, но здесь, как оказалось, уже были немцы. Что же делать? Как поступить? Решили: раздать коров крестьянам, а самим вернуться в родные места. Так и сделали.

Грязным, исхудавшим и оборванным пришел я в Винницу, а там уже было гетто. Своих родителей, брата и сестру я не нашел. Несколько недель проработал на укладке шпал. Потом решил бежать отсюда искать родителей, а в этом гетто к тому же начались расстрелы. Своих родителей я нашел в Шаргородском гетто, но радость встречи быстро угасла: мама сказала, что здесь долго задерживаться нельзя – молодых, да еще комсомольцев, немцы расстреливают... Преодолевая опасность, пришлось бежать и из этого гетто.

Решил пробираться на восток к своим, до линии фронта. Долго и трудно блуждал я по Украине, оккупированной немцами, избегая встречи с гитлеровцами. Города обходил, ночевал в лесах и в полях. С опаской входил в деревни, просил у жителей хлеба, воды – и снова в путь... И вот уже впереди Харьковская область. Где-то здесь проходит линия фронта, как говорил мне один крестьянин. От сельской проселочной дороги протоптана тропинка на опушку леса. Иду по ней. Почувствовал запах дыма, доносящийся до меня ветром. Осторожно свернул с

тропинки в лесок, увидел зеленую полевую кухню, и дальше за деревьями стояли танки с красными звездами на башнях... Наконец-то свои! Родные! Обрадовался я.

Через несколько минут я уже рассказывал командиру танкового взвода старшему лейтенанту Николаю Федоровичу Червову обо всем, что со мною приключилось с первого дня войны. Меня, исхудавшего, изможденного подростка приютили, накормили, одели в теплую одежду и оставили в этой танковой части. Со временем меня научили обращаться с автоматом, стрелять. Я с удовольствием участвовал в работах по обслуживанию и ремонту танков, выполнял другие поручения. Но мне очень хотелось быстрее сесть за рычаги управления танком, научиться его вождению, умело управлять этой грозной, броневой машиной.

В марте 1943 года я, наконец, стал солдатом, мне впервые выдали военное обмундирование с погонами. В это время наша 5-ая механизированная гвардейская бригада ждала пополнения техникой, личный состав совершенствовал свое боевое мастерство, а я изучал материальную часть танка и учился на механика-водителя.

Вот уже более 70 лет я не могу забыть тот трудный путь войны, и некоторые его эпизоды сняты мне до сих пор. И всегда перед моим взором стоит мой любимый танк «Т-34» - знаменитая тридцатьчетверка – легкоуправляемая, мощная боевая машина.

Вспоминая форсирование широкого и глубоководного Днепра. Эту водную преграду мы преодолевали в районе города Запорожье. В этот день перед боем мне вручили почетный знак «Гвардия». Конечно, это ко многому обязывало меня. И вот по понтонному мосту, установленному накануне саперами, движутся танки нашего взвода. Мост постоянно обстреливается немецкой артиллерией, но их снаряды падают то справа, то слева от моста. В это же время в воздухе появился немецкий самолет и начал бросать бомбы. Они разрывались вдали от переправы, наконец наши зенитчики точно попали в немецкого аса, и он рухнул прямо на глазах у нас в днепровские воды.

Наши танки, успешно съехавшие с моста, ринулись в атаку и хорошо проутюжили прибрежную оборону, дали возможность переправившейся пехоте преодолеть сопротивление противника и отбросить его от Днепра на десяток километров. За участие в этой боевой операции я был удостоен первой своей боевой награды – медали «За отвагу».

Как это в песне поется: «... броня крепка и танки наши быстры», и это все так, но когда в них попадали немецкие снаряды, они горели. И это я ощутил на себе в трудном бою под городом Николаев. Наши войска наступали, и в них летели вражеские пули, снаряды, падали бомбы, но мы упорно шли вперед. Вдруг я увидел, как слева от нашего танка разорвался снаряд, затем – впереди. Определил, что их пушка находится близко и ведет прицельный огонь. Пронеслась мысль - это опасно.

И почти одновременно ощутил сильный удар по броне танка, затем взрыв, огонь... Башню танка заклинило, экипаж был блокирован, вспыхнул топливный бак. Я – раненый, как-то вылез через десантный люк, потерял сознание. Меня нашли девушки-санитарки, быстренько доставили в санчасть и добровольно отдали мне свою кровь. И это, как сказали потом доктора, спасло

мне жизнь. За это я пожизненно буду им благодарен. За освобождение города Николаев нашу 5-ю гвардейскую механизированную бригаду наградили орденом «Суворова II степени».

В госпитале, в котором я находился на излечении, я встретил своего командира старшего лейтенанта Червова Николая Федоровича, который тоже был ранен, не долечившись, мы решили вместе удрать из госпиталя – догонять свою бригаду.

Кстати говоря, Н.Ф. Чернов после войны станет генерал-полковником и будет служить в Генеральном штабе. На мое послание к нему, которое я отправил в 1982 году, он ответил теплыми словами и поблагодарил за память о наших совместных боевых действиях, за память о своем командире, и пожелал всего наилучшего.

Война продолжалась. Наша гвардейская бригада участвовала в боях за освобождение Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Особенно мне запомнились бои за столицу Венгрии – Будапешт, а также наступательные бои на столицу Австрии – Вену. Там в Венгрии и Австрии, были горы – Карпаты, предгорье австрийских Альп. Дороги узкие, крутые, подъемы, перевалы, а техника крупная – танки. Трудно было очень. Мы шли все время под обстрелом, все время с боями.

В одном из боев за Австрию и в конце марта 1945 года в бою был убит наш командир бригады – гвардии полковник Троценко. Хоронили его с положенными почестями, и выдвинулись сразу в бой на Вену. Под Веной меня тяжело контузило, несколько дней совсем не мог разговаривать. За участие в боях за взятие Вены я был награжден второй медалью «За отвагу».

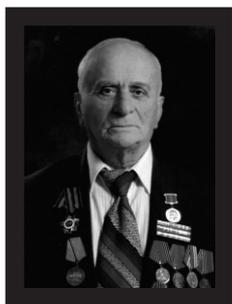
Подлечившись, я вернулся в свою часть, с которой мне довелось освобождать столицу Чехословакии Прагу, и заканчивать войну не 9 мая, а 13-го, добывая эсэсовские части и власовцев в районе Пршибрам, в 60 км южнее Праги.

После окончания войны я был направлен на учебу в Харьковское военнополитическое училище, и после его окончания прослужил в армии до 1959 года, когда был уволен в запас в звании майора.

Мой ратный путь по достоинству оценен Родиной. Кроме 2-х медалей «За отвагу», я был награжден орденом «Отечественной войны I степени», медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», и многими юбилейными медалями.

В 1991 году выехал в Израиль, а с мая 2014 года живу в семье сына в Канаде, в Торонто.

Судьба солдата

Шварцман Павел Исаакович

Участник боевых действий

Время бежит неумолимо. Как в калейдоскопе мелькают дни, недели, месяцы, годы. Кажется совсем недавно мы отмечали 50 и 60 лет Победы в Великой Отечественной войне, и вот уже приближается 75 годовщина. Уходит целое поколение тех, кто был свидетелем и участником грозных исторических событий.

Издано огромное количество книг, монографий, мемуаров маршалов и генералов. В них анализ побед и поражений в масштабе страны, фронтов, армий, крупных войсковых соединений. Но мало рассказов тех, кто с винтовкой, автоматом сражался с врагом на передовой линии фронта.

Считаю своим долгом рассказать о своем скромном участии в войне в качестве рядового бойца - солдата и сержанта. Приведу лишь несколько эпизодов моей военной биографии.

Шли первые недели войны, немецкие войска подходили к городам Западной Белоруссии и Украины, а на восток шли эшелоны с молодыми призывниками, их вывозили, чтобы они не остались на оккупированной немцами территории. Среди них был и я.

Это был долгий, трудный и опасный путь. На одном из перегонов над эшелоном на бреющем полете пролетели немецкие самолеты, я впервые увидел на их фюзеляже зловещий фашистский крест. Самолеты делали заход за заходом и бомбили эшелон. Все выскакивали из вагонов и бежали, кто куда. Я заполз под вагон и залег у колеса. Вокруг рвались бомбы, стоял невероятный грохот, все пылало, тянуло гарью и дымом. Сердце у меня замерло от страха и беспомощности. Меня засыпало землей и щебнем, щепками от шпал, и вдруг стало тихо, заложило уши, и я ничего не слышал. Я с трудом вылез, поднялся, отряхнулся. Кровь сочилась из мелких ссадин. Рядом лежало несколько парней – были среди них и раненые, и убитые. Я понял, что на этот раз Бог меня миловал, я остался жив и невредим. Это было мое первое боевое крещение, хотя и не фронтовое.

Потом, в числе тех, кто имел среднее образование, меня направили в Туркмению, в Ашхабад, в общеевойсковое командное училище. Началась боевая учеба, и нам пришлось преодолевать невероятные трудности. На полигон мы шли по степи 5-6 километров, а там – бег, преодоление препятствий, ползком по-пластунски, метание гранат, рукопашный бой. И все это при 30-40 градусной жаре. Обратно возвращались уставшими,

гимнастерки были мокрые и соленые от пота. Через три месяца такой учебы я сильно ослаб и заболел. Комиссия дала мне и таким как я отсрочку от дальнейшей службы в армии.

Дело шло к осени, к холодам я с напарником поехали в Узбекистан на вольные хлеба, поправляться. Попали мы в колхоз в Андижанской области. Поселили нас на жительство в глинобитный сарай. Спали мы на холодном полу, подстелив рваное ватное одеяло. Работали с утра до вечера на колхозных полях, месили глину с соломой для производства кирпичей, строили забор. За нашу работу нам выдавали по 400 грамм муки на две недели. Из нее мы варили похлебку, пекли лепешки. Еды было мало, и нас вечно мучил голод, и еще заедали вши. Через несколько месяцев такой жизни мой напарник заболел тифом и умер. Вскоре я заболел малярией и попал в больницу, а когда выжил и немного поправился, хотя и ослаб очень, я вернулся в свое жилище, где меня ждала повестка из военкомата.

Мне предписывалось явиться для дальнейшего прохождения военной службы. Я опять в эшелоне, впереди длинная дорога, но теперь на запад, где почти два года идет беспощадная война, и каждый день гибнут тысячи людей.

На одной из прифронтовых станций в Литве нас выгрузили и направили в запасной полк. Нас одели в новые гимнастерки, брюки и кирзовые сапоги. Но самое примечательное - мы получили шинели темно-серого цвета. Это были английские шинели, полученные по ленд-лизу. Впервые я получил боевое оружие – новенькую винтовку, густо смазанную маслом, которое было нелегко удалить. Винтовка со штыком была почти в мой рост, а опыта стрельбы из нее у меня не было. Нас, фактически необученных солдат, готовили к передовой. Спешили. Во время той войны не всегда были условия для обучения солдат, и нас зачастую бросали в бой, как пушечное мясо.

И в тот момент наша часть должна была срочно заменить подразделение, которое на передовой потеряло большую часть своего состава, осталось только несколько бойцов, а остальные были ранены или убиты.

Мой первый бой был - самый обидный бой. На передовую мы шли ночью. В кювете виднелась подбитая военная техника и трупы убитых немцев, не убранные после последнего боя. Была холодная, промозглая погода, все время моросил мелкий дождик. Мы засыпали на ходу, толкая друг друга. Усталые и мокрые, мы тихо залегли прямо на поле в двухстах метрах от немецких окопов. Стояла зловещая тишина. А когда рассвело, мы без шума поднялись и с оружием наперевес пошли вперед. Немцы нас обнаружили и открыли огонь. Мы начали отстреливаться. Я стрелял не прицеливаясь. Вокруг меня падали наши солдаты раненые и убитые. Мы очень быстро вытеснили немцев из окопов, слишком быстро, но я об этом не думал. Мы уже вышли на вторую линию немецкой обороны. Казалось,

первое сражение, в котором я участвовал, закончилось победой, но вдруг все резко изменилось. Нас накрыла немецкая артиллерия.

Трудно представить себе артобстрел, если ты его не испытал: земля дрожит от взрывов, кругом огонь, клубы дыма, грохот, град осколков, - ад крошечный, и люди падают, падают... Мертвые или раненые: кто их там разберет. Все поле покрылось телами погибших и раненых солдат в новых, серых, окровавленных шинелях.

После артобстрела немцы пошли в контратаку. Наша артиллерия нас не поддержала, и мы отступили, хотя правильнее сказать – мы бежали в страхе, спасаясь от неминуемой гибели. Бежали небольшими группами к опушке леса, по пути теряя убитых и раненых. Когда мы вошли в лес, стемнело. Канонада закончилась, стало тихо. Мы шли вглубь леса, изможденные и уставшие. Было горько и обидно, что так закончился первый бой. Очень хотелось пить, горло пересохло, мучила сильнейшая жажда. Сейчас в это трудно поверить, но тогда у меня в голове мелькнула мысль – обидно, если убьют сейчас. Я был готов умереть, это не страшно, но только после глотка холодной воды.

Вдруг из глубины леса послышался шум, глухой топот и звон. Мы подумали, что нас преследуют немцы. Мы залегли и приготовились к бою. Топот все ближе, и вдруг перед нами появилось... стадо коров. Одиравшие буренки шли по лесу, спасаясь от грохота войны. У них отвисло переполненное вымя, и из сосков текло молоко. Мы воспрянули духом, стали доить коров в каски, котелки, и пили теплое молоко, испытывая величайшее блаженство.

К утру мы вышли к своим. Нас, оставшихся в живых, присоединили к одному из подразделений 43-го Гвардейского стрелкового полка 16-ой Гвардейской стрелковой дивизии, которая входила в состав 3-го Белорусского фронта. В одном бою, в Литве, я был ранен в стопу правой ноги, и около двух месяцев лечился в прифронтовом госпитале в освобожденном Каунасе. Это было мое первое ранение на фронте.

К сожалению, солдаты пехоты долго в строю не задерживались. Ведь они идут в бой первыми, без бронежилетов, как сейчас, или другой защиты.

Один-два месяца – это в лучшем случае, а там убит или ранен, а если повезет, то отправят на переформирование, что даст возможность краткого отдыха, и опять на передовую. Естественно, что самые большие потери в войне приходится на пехоту.

После излечения я получил назначение в 53-й Гвардейский стрелковый полк 18-й Гвардейской стрелковой дивизии 3-го Белорусского фронта.

Войска фронта подходили к границам с Германией. В один из дней меня вызвали с передовой и направили на трехдневные курсы радистов. По окончании курсов мне вручили мобильную радиостанцию – это был

очень тяжелый ящик, который надевался на плечи, как рюкзак. Во время боев я поддерживал связь с передовой линией фронта, непосредственно с командиром полка или дивизии. Иногда приходилось таскать тяжелые катушки с кабелем, восстанавливать порванную линию связи. Рядом были немецкие окопы, поэтому мы передвигались ползком. В одной из таких вылазок погиб мой напарник: осколок снаряда попал ему в голову, снес часть черепа, и потекли на землю кроваво-серые мозги. А я продолжал ползти дальше, пока не соединил провода.

Наступил исторический момент: наши войска вышли на границу с Германией в Восточной Пруссии. Я участвовал в боях на границе, во взятии города Инстербурга, за что наша дивизия получила звание «Инстербургской».

С боями мы вышли на ближние подступы к Кенигсбергу. Теперь я был вооружен ручным пулеметом Дегтярева (РПД). Он очень тяжелый – я переносил его на плече, а мой напарник носил комплект боеприпасов. Однажды, у одного местечка завязался бой рядом с кладбищем. Немцы отстреливались, отходили, потом залегли на его окраине и оттуда вели интенсивный огонь. Со своим напарником мы заползли в кладбищенский кирпичный домик, установили пулемет и, когда немцы попытались нас контратаковать, открыли огонь. Впервые я увидел, как падали убитые и раненые мною люди – было и радостно, и жутко, но война есть война: если ты не убьешь, убьют тебя.

Иногда от неминуемой гибели спасало чудо. В тот день в перерывах между боями велась вялая перестрелка. Меня и еще одного солдата направили за едой на полевую кухню, которая находилась в небольшом лесочке, в 1,5 – 2 км. от передовой. Мы возвращались. На плече у меня висел автомат, на спине – рюкзак с бидоном готового овсяного супа с тушенкой и хлебом. Вдруг я почувствовал удар – пуля пробила боковую стенку алюминиевого бидона, и теплая жидкость потекла по спине и ногам. Я залег, и только когда уже смеркалось, добрался до своих. Повезло. А ведь пуля предназначалась для меня.

Наутро пошли вперед наши танки, и мы продолжили наступление. Немцы отчаянно сопротивлялись, и потери у нас росли. Особенно много погибло в боях на внешнем оборонительном обводе Кенигсберга. Там были сильные укрепления - форты и другие инженерные сооружения. Немецкая артиллерия вела сильный огонь, снаряды ложились очень густо, земля буквально горела. В таком пекле погибли многие мои товарищи, а меня второй раз ранило – осколком снаряда мне в ключья разворотило плечо. Рука повисла, как плеть. Окровавленный, я пополз в тыл, меня подобрала, отвезли в эвакуогоспиталь, там обработали рану и отправили во фронтовой госпиталь. Там я долго лежал с неподвижной рукой. Рана долго не заживала.

А война шла к своему завершению. Меня ранило 4 февраля, и я несколько месяцев находился на излечении. Так, фактически, война для

меня и закончилась. День Победы я встретил во фронтовом госпитале. Солдаты и офицеры обнимались, поздравляли друг друга. Мы радовались, что не надо больше стрелять и убивать, и тебя не настигнет смертельная пуля.

За свои боевые заслуги награжден орденом «Отечественной войны I степени», медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За Победу над Германией», и многими юбилейными медалями.

Демобилизовался в 1946 году. Впереди была мирная жизнь. Женился, родились двое сыновей. Окончил институт. Свою производственную карьеру связал со строительством. За разработку и внедрение ряда научно технических новаций награжден серебряной и бронзовой медалями ВДНХ СССР. Мы с женой Машей создали нечто очень большое, что не имеет цены – это наша семья, наши дети, внуки, правнуки, правнучки. Это наше богатство и наше счастье.

По-разному сложились судьбы людей моего поколения, но нас объединяет чувство гордости за то, что жизнь наша прожита не зря, что мы внесли свою лепту в Победу. Мы, ветераны, встречаемся ежегодно, и ежегодно редеют наши ряды, но человек жив, пока живет память о нем.

Воспоминание о войне (письмо внучке)

Шейнкер Леонид Александрович

Участник боевых действий

Начало войны - 1941 год.

Когда началась война, я был слушателем 2-го курса факультета вооружения Военно-воздушной инженерной академии имени Н.Е.Жуковского. До академии я окончил пулеметное отделение Ташкентского военного училища имени Ленина, и поэтому, когда началась война, меня зачислили в команду противовоздушной обороны (ПВО) и назначили командиром зенитно-пулеметной батареи, установленной на башне корпуса «А» академии (Петровский дворец). В ночь с 21 на 22 июля 1941 года, во время массового налета фашистской авиации на Москву, мы с моим напарником Колей Захаровым сбили фашистский бомбардировщик.

В 1942 году я проходил фронтową стажировку в Воздушной армии Брянского фронта на самолетах СБ. В один из дней я готовил самолет к боевому вылету. Вдруг из-за леса выскочили три немецких самолета, отбомбили взлетную полосу аэродрома, обстреляли капониры (места стоянки самолетов), и ушли. Зенитчики открыли огонь с запозданием. Я был ранен осколком в голову и потерял сознание. Меня отвезли в медсанчасть БАО (батальона аэродромного обслуживания), где прооперировали. Хирург сказал, что мне очень повезло. Кроме ранения я получил еще контузию слуха, которую лечил всю жизнь. Левое ухо так и не удалось вылечить - полная потеря слуха. На правом ухе, после многих лет лечения мне, наконец, сделали операцию. Слух улучшился на 85%.

Война, 1943 год. В конце 1942 – в начале 1943 года я проходил производственную практику в ПАРМе (полевые авиаремонтные мастерские), которые восстанавливали подбитые самолеты, меняли поврежденные детали и вооружение, и в городе Ижевске на заводе, который выпускал пулемет Березина, устанавливаемый на турельных установках всех самолетов.

В 1942 году началась мощная кампания по сбору средств в Фонд обороны. Я внес все свои облигации Государственного займа и 10.000 наличными - деньги, накопленные мною на свадьбу. В 1940 году состоялась наша с бабушкой помолвка. Но свадьба состоялась только в 1946 году, когда закончилась война, и я приехал в отпуск.

Возвращаюсь к событиям того времени. В академии на мое имя за подписью Верховного Главнокомандующего Красной Армией И.В. Сталина была получена телеграмма, которая была зачтена перед строем академии. Мне была объявлена благодарность, и указано, что мое желание будет исполнено.

За два месяца личный состав академии собрал на строительство эскадрильи имени профессора Н.Е.Жуковского более 1,5 миллиона рублей.

В том же 1943 году я был направлен на вторую фронтовую стажировку в 218-й ШАП (штурмовой авиаполк) 299-й ШАД (штурмовой авиадивизии) 16-й Воздушной армии 1-го Белорусского фронта. С этим полком прошел с боями почти всю Белоруссию, участвуя в освобождении городов и сел.

Штурмовик ИЛ-2, на котором мы воевали, был отличным самолетом того времени. Главное его достоинство было в том, что вся кабина была изготовлена из брони. Самолет делал 4-5 боевых вылета в день. Мастерами вооружения в основном были девушки, поэтому мне часто приходилось помогать им. После возвращения с фронтовой стажировки я приступил к работе над дипломным проектом, после защиты мне была присвоена квалификация «военный инженер-механик по вооружению Военно-воздушных сил Красной Армии».

После окончания академии я был снова направлен в 16-ю Воздушную армию 1-го Белорусского фронта, но уже в 59-й Гвардейский штурмовой авиаполк 2-й Гвардейской авиадивизии на должность заместителя инженера 1-й эскадрильи по вооружению. С этим полком я дошел до Берлина, участвовал в боях по разгрому берлинской группировки фашистов и во взятии Берлина.

Война - 1944 год.

1944 год закончился для меня происшествием. В полк прибыли молодые летчики. На первых боевых вылетах летчики не успевали анализировать обстановку в воздухе и на земле.

Молодой летчик при посадке дал «козла», т.е. резко посадил самолет, ударил о землю. При этом один люк открылся и из него посыпались мелкие противотанковые бомбы. Несколько штук взорвались, повредив крыло и шасси. Летчик вылез из кабины белый как снег. К самолету уже бежали командир эскадрильи и начальник «Смерш», на ходу вынимая пистолеты. Пришел старший инженер, залез в кабину, проверил: летчик электро-сбрасывателем не пользовался - пиропатроны все были целые. Аварийный сбрасыватель до «упора» не довел, замки люков полностью не открылись. Если бы не «козел» при посадке - может быть и обошлось. Командир дал летчику двое суток ареста за нарушение техники бомбометания, а мне тоже двое суток «За слабый инструктаж летного состава». Если бы не вмешательство старшего инженера, дело могло закончиться для меня штрафбатом.

Война – 1945 год.

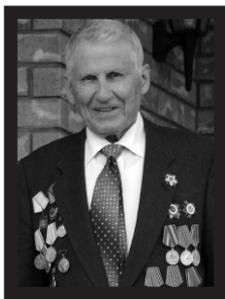
14 января 1945 года началась Варшавская операция. В боях за освобождение пригорода Варшавы и Праги наш полк потерял шесть экипажей. Я сильно обморозился, страдаю до сих пор.

После Варшавской операции полк получил новые, более совершенные самолеты Ил-10, вооруженные мощными 37мм пушками конструкции Нудельмана-Суранова. Я засел за изучение этих пушек и обучал личный состав - летчиков и техников. Пушки замечательные. Немцы, как только видели в небе Ил-10, разбегались во все стороны. Одна беда - снаряды тяжелые. Девушки не могли сами укладывать боекомплект, нужна была помощь механика или моториста. За эту операцию я получил медаль: «За Освобождение Варшавы».

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ.

После завершения Варшавской операции полк перелетел в Косина под Берлином. Началась подготовка к битве за Берлин. Берлинская операция началась 16 апреля 1945 года. 1418 дней советский солдат шел к этому дню. В боях за Берлин среди других летчиков отличился мой друг лейтенант Михаил Аронович Мамиствалов. Погиб в бою мой товарищ старший лейтенант Петр Панин. Командир часто посылал меня с ним принимать новый аэродром. Похоронили гвардии старшего лейтенанта с воинскими почестями у Бранденбургских Ворот. С аэродрома Косина полк перелетел на полевой аэродром у деревни Грюнталь в 35 км. от Берлина, откуда вел последние бои. Там же мы узнали, что фашисты подписали документ о «безоговорочной капитуляции», война закончилась и наступил мир. Радости не было предела. Мы праздновали - пили и стреляли в воздух, пели песни и думали о счастливом будущем, о встрече с родными и любимыми. Многие участники этой операции были награждены, а я получил медаль «За взятие Берлина».

Как мы форсировали Днепр

Шейко Николай Севастьянович

Участник боевых действий

В декабре 1942 года мы, пятеро мальчишек, учеников девятого класса Венгеровской средней школы (в Новосибирской области) решили, что пойдём добровольцами в армию и попросимся на учёбу в Иркутскую лётную школу. Стать лётчиками в те годы мечтали многие мальчишки, а когда началась война, многие стали рваться воевать с фашистами. Руководство школы и райвоенкомат поддержали нас в этом. И вот, в сопровождении сотрудника военкомата мы в январе 1943 года едем из нашей глубинки на железнодорожную станцию Чаны, где впервые в жизни видим и железную дорогу, и пассажирский поезд. На этом поезде мы отправились к дальше в город Новосибирск, где находился центр Сибирского Военного Округа.

Здесь нас встретил сотрудник СибВО, поместили нас в гостиницу, а на следующий день состоялась встреча с одним из старших офицеров штаба СибВО, который выразил нам благодарность за наше решение. Однако, он настойчиво стал предлагать нам отказаться от мысли об Иркутске, а отправиться учиться в Кемеровское пехотное училище средних командиров.

Нам очень не хотелось отказываться от своей мечты, но он, конечно, смог убедить нас, насколько это было важно тогда. Через два дня мы были уже в Кемерово. Училище нам понравилось: просторные комнаты на 5 человек, столовая, комнаты для занятий, порядок, чистота и сытное питание. Учёба была напряжённой и продолжалась восемь месяцев, наряду с военной подготовкой мы изучали немецкий язык.

В середине августа все курсанты - 200 человек - были подняты по тревоге ночью. Нас привезли на железнодорожную станцию, погрузили в товарные вагоны и повезли на запад, мы поняли, что едем на фронт.

Через несколько дней наш поезд прибыл в город Белгород. Здесь совсем недавно закончилось крупнейшее танковое сражение на Курской дуге, закончившееся, как известно, победой советских войск. Повсюду были видны следы этой страшной битвы - разбитые и сгоревшие танки, как немецкие, так и наши. В Белгороде в это время размещался штаб Второго Украинского фронта и формировались воинские подразделения. Меня назначили ординарцем комбата 18-го гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка полковника Соколова Ивана Петровича. Почему полк назывался воздушно-десантным, я так и не понял - мы, как обычное

пехотное подразделение, шли с боями к Днепру. В конце сентября наш полк вошёл в город Градежск, который расположен на левом берегу Днепра, севернее города Кременчуга.

Началась подготовка к форсированию Днепра. В районе Градежска левый берег Днепра крутой, обрывистый, а правый - пологий, метров на двести песчаный. Днём переправа была невозможна, так как фашисты непрерывно бомбили и Днепр, и левый берег, переправлялись только ночью. В частях было объявлено, что те, кто первыми переправятся на правый берег Днепра, будут награждены орденом Отечественной войны.

6 октября ночью наш батальон начал переправу через Днепр. Сапёры готовили плоты из брёвен, которые буксировал катер. На каждом плоту размещалось по 60-70 бойцов. Фашисты и ночью обстреливали Днепр и нашу переправу, разбивали плоты, многие плыли на досках, на каких-то обломках. Нашему батальону повезло, мы без потерь переправились на правый берег. Рано утром наша артиллерия с левого берега Днепра начала массированный обстрел 200-метровой полосы правого берега по окопам и укреплениям фашистов. Это была поддержка тех наших частей, которые переправились ночью и должны были вести наступление. Оно началось сразу же после артподготовки, задача была - овладеть 200-метровой открытой полосой правого берега. Здесь наши части стали нести большие потери. Однако к вечеру того же дня мы окопались в дюнах этого правого берега. Теперь началась подготовка переправившихся войск, в том числе и нашего батальона, к общему наступлению на запад. Этот плацдарм, за который мы "зацепились" днём, подвергался не только артиллерийскому обстрелу, но и бомбёжкам немецкой авиации. Наша авиация тоже бомбила немецкие укрепления, стараясь облегчить нам продвижение вперёд. Бои становились всё ожесточённее, а наши потери всё больше. Помню, как рядом падали погибшие товарищи. Но помню свою мысль в эти минуты: «Я-то не могу умереть, ведь я ещё не жил».

Но вот упал наш комбат, тяжело раненый, а рядом с ним и я, как мне показалось, как будто с оторванной рукой. Первую медицинскую помощь нам оказали санитары прямо на поле боя и отправили в полевой госпиталь. Комбата туда понесли санитары на носилках, а я и другие раненые, которые могли идти, шли пешком. И вот тут мы попали под бомбёжку. Когда она закончилась, и санитар вытащил меня из какой-то воронки, я оказался оглохшим и не мог говорить. Это была контузия.

Из полевого госпиталя меня переправили в город Тростянец, Сумской области. Там мне пытались восстановить раненую левую руку, но это оказалось невозможно, так как пулевыми ранениями был повреждён лучевой нерв и пальцы руки не работали, нужна была довольно сложная операция. В госпитале Тростянца я находился 20 дней, и именно там мне вручили орден Отечественной войны 1-й степени. Я был награждён этим орденом за то, что вместе с товарищами одним из первых переправился

на правый берег Днепра. В Тростянце операцию на руке мне сделать не смогли и отправили дальше, в тыловой госпиталь. Перевезли меня в госпиталь на станции Тимашево, Куйбышевской области. Пробыл я там больше месяца, но и здесь врачи не могли сделать необходимую операцию. Военно-медицинская комиссия установила мне инвалидность 3-й группы и отправила меня домой в Новосибирскую область. Так в 17 лет я стал инвалидом Великой Отечественной войны.

И вот в январе 1944 года я вернулся домой обстрелянным и раненым солдатом, повзрослевшим и недоучившимся, без специальности. Надо было учиться и работать. Отучившись в торгово-кооперативной школе, стал работать бухгалтером в разных организациях района. В апреле 1950 года меня избрали первым секретарём Чановского райкома комсомола. Началась совершенно новая для меня работа, она расширяла кругозор, требовала новых знаний, давала опыт работы в коллективе и была мне интересна.

Затем наступил очень важный период моей жизни - 1952-54 годы - учёба в Москве в Центральной комсомольской школе. Успешно закончив её, я вернулся в Новосибирск, где прожил и проработал более 50 лет. Все эти годы я продолжал учиться, закончил заочно Московский финансово-экономический институт. А затем, получив добротное экономическое образование и работая около 30 лет председателем Областной плановой комиссии, защитил диссертацию на звание кандидата экономических наук. Темой моего исследования был сравнительный анализ развития экономики Западной Сибири в довоенные и послевоенные годы. Выйдя на пенсию, некоторое время занимался преподавательской работой.

За боевые и трудовые заслуги награжден орденами Отечественной войны первой и второй степени, орденами «Трудового Красного Знамени», «Знак Почета».

В 2010 году переехал на постоянное жительство в Канаду под опеку сына, который живёт и работает здесь с 2001-го года.

Прожектор, к бою!

Шиндель Ревка Ефимовна

Участник боевых действий

Мое детство прошло на Украине, в Днепропетровске. Окончив с отличием среднюю школу, я без экзаменов была принята в Днепропетровский университет на химический факультет. Последний экзамен в институте я сдавала, когда уже шла война. В школе я очень любила общественную работу, была активной комсомолкой. В институте я постоянно избиралась в руководящие комсомольские органы.

Началась война, и мы с родителями, братом и сестрой эвакуировались в Ставропольский край, откуда уже в июне была призвана в Красную Армию. Пройдя обучение на трехмесячных курсах прожектористов, я явилась в 744-ый зенитно-артиллерийский полк, была готовой сражаться с ненавистным врагом, пытающимся поработить нашу Родину.

В нашу задачу входило обнаружение самолетов противника и сопровождение их в качестве цели для зенитной артиллерии.

Немало фашистских стервятников нашли свою гибель под лучами наших прожекторов. Много раз зенитчики-артиллеристы благодарили нас, прожектористов, за помощь в отражении авианалетов. На прожекторах стояли девушки моложе меня, но их мужество и героизм были беспредельны.

При ночных налетах фашистская авиация старалась подавить

прожекторы, мы несли боевые потери. У нас были убитые и раненые, но лучи прожекторов вспыхивали вновь и вновь.

Во время одного из ночных налетов вражеской авиации я была ранена в ногу и эвакуирована в госпиталь. После выздоровления я вновь вернулась к своим прожекторам, с которыми прошла всю войну.

Вспоминаю боевые эпизоды с начала войны, когда наши войска отступали, а наш полк принимал участие в обороне Кавказа. Были эпизоды, когда наш полк занял позиции на горных перевалах, а в низинах уже хозяйничали фашисты.

В 1943-1944 годах война откатилась на Запад, отгремели бои под Сталинградом и Курском, прожектористы, получив новое оснащение, продолжали громить врага уже в составе Украинского и Белорусского фронтов. Особую боевую задачу славные прожектористы выполнили уже в Германии, когда маршал Жуков, использовав прожекторы, ослепил фашистов перед штурмом Зееловских высот. Наш 744-ый зенитно-артиллерийский полк закончил войну в Германии, вскоре я была демобилизована. Мои боевые подвиги были отмечены медалью «За Отвагу» и орденом «Отечественной войны II степени», а также памятной медалью «За оборону Кавказа».

Война в одночасье лишила нас детства

Шустерман Роман Ильич
Участник трудового фронта

Перед рассветом 22 июня 1941 года, когда я находился в пионерском лагере, нас подняли по тревоге – домики наши содрогались от взрывов. Лагерь находился на опушке леса в селе «Салтыковка» под Бобруйском, а в лесу была расположена воинская часть, которую и бомбили немецкие самолеты. В конце дня нас увезли из лагеря домой в город Могилев. В городе бомбежки продолжались каждую ночь. В конце июня мы были вынуждены покинуть город, так как немцы стремительно наступали. Начались многомесячные скитания на попутных машинах, в поездах, в товарных вагонах и на платформах, неоднократно попадали под бомбежки и пулеметный обстрел с воздуха.

Поздней осенью остановились в большом селе «Дьяковка», на границе со Сталинградской областью. Мама работала в школе завучем и учителем, старший брат учился в школе. Я сидел дома с младшим братиком Савелием, который от болезни, отсутствия лекарств и нужного питания, умер у меня на руках. Отец был в армии с первых дней войны. Я в школу не ходил, так как у нас со старшим братом была одна одежда на двоих (если это можно назвать одеждой). Весной 1942 года хозяйственным отделением воинской части, которая дислоцировалась в нашем селе, при участии эвакуированных и местных жителей, была организована большая табачная плантация, где мы всей семьей трудились с раннего утра до позднего вечера. Брат работал мотористом, а мы с мамой сеяли, ухаживали и убирали растения табака, сушили и отправляли табак для армии.

У нас также выращивали помидоры, из них готовили пасту и отправляли в воинскую часть. А меня еще в конце рабочего дня посылали на ночь пасти рабочий скот: верблюдов, буйволов и лошадей. В дорогу давали лепешку из ржаной муки и американскую «патрон-свечу», несколько спичек – это было оружие от волков. Сажали меня на низенькую, спокойную лошадку и отправляли на всю ночь... До сего времени не могу поверить, как я в 12 лет после рабочего дня мог всю ночь, не смыкая глаз оставаться бдительным и не растерять свое смешанное стадо-табун. Но все это было в моей жизни.

В октябре – ноябре 1942 года под Сталинградом шли ожесточенные бои, и обстановка была «на острие ножа».

Я начал работать в механической мастерской воинской части (мне

выдали одежду и ботинки). Мы на сверлильных и фрезерных станках делали отверстия-пазы в металлических заготовках по форме большой бутылки. 12-14-летние подростки, в том числе девочки, трудились по 10-12 часов в сутки, и не хныкали, духом не падали. Знали, что это нужно для фронта.

Наступил 1943 год. Дышать стало легче – под Сталинградом была одержана победа. В начале 1943 года к нам после ранения и лечения в госпитале приехал папа, его списали, как нестроевого, но через месяц-полтора снова призвали в армию, и он погиб на фронте в первой половине 1943 года.

В начале 1944 года маме пришел правительственный вызов для работы в школах на освобожденных от врага местностях, и она была направлена директором школы в село «Новое место» Новозыбковского района Брянской области.

Здесь я тоже посещал школу редко, 1-2 раза в неделю. В остальные дни трудился в колхозной бригаде на разных работах. Надо было хоть немножко зарабатывать на жизнь. Вспоминаю, что мне доверяли здесь ответственную работу. На лошади единственного в селе единоличника – деда Ромуса (свою лошадь он доверял только мне), я отвозил демобилизованных раненых воинов за 30-40 км. до их местожительства. До нашего села их привозили на машине военкомата из Новозыбково. В это время я насмотрелся, как искалеченных войной, без рук, а иногда и без ног воинов отправляли домой, и как тепло, со слезами на глазах их встречали родные и все односельчане.

Я не люблю вспоминать трудные военные годы, которые оставили боль на всю жизнь, но вспоминать, писать и рассказывать об этом молодому поколению надо.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года я был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

После войны я поступил в техникум и закончил его, а затем закончил машиностроительный институт. По избранной профессии работал на заводе 44 года. За долголетний и добросовестный труд удостоен медали «Ветеран труда» и многими юбилейными медалями.

Считаю, что никаких подвигов в своей жизни я не совершал, просто всегда честно и добросовестно выполнял свои обязанности. В любой обстановке старался не сидеть «сложая руки», а работать и помогать людям. А война – война в одночасье нас лишила детства, мы подверглись многим лишениям и жестоким испытаниям, которые выдержали с честью. Мы потеряли своих отцов и близких, родных людей. За победу в этой войне заплачено миллионами жизней, миллионами вдовьих и сиротских судеб. И молодое поколение должно знать эту безжалостную и жестокую статистику войны, должно ценить мирное небо над своей головой и никогда не допускать того, что пережили мы, все наше поколение.

Была война

Юдашкин Моисей Яковлевич

Участник боевых действий

Я родился 2 марта 1923 г в городе Гомеле в Белоруссии. В том же году мои родители переехали в город Днепропетровск, где я учился в школе, институте и работал, исключая годы войны, практически всю свою жизнь. Перед войной я окончил первый курс Днепропетровского металлургического института. Уже 9 июля 1941 года я был призван в Красную Армию и, окончив через два месяца полковую школу, был направлен на фронт, и с боями, ранениями и контузиями прошел всю войну.

После окончания Великой Отечественной войны прошло много лет. Многое забылось. Сейчас я уже не помню имена и фамилии моих фронтовых товарищей. Но наиболее важные, как мне кажется, события я помню, так как они жизненно повлияли на мою судьбу.

Я тогда был солдатом. Осенью и в начале зимы 1941 года наши войска с тяжелыми кровопролитными боями отходили на восток по территории Украины. Сильно потрепанные в боях части были отведены на переформирование, после чего наша часть участвовала в майской Харьковской операции, которая окончилась, мягко говоря, неудачей.

В июле 1942 года фашистские войска начали наступление в направлении Сталинграда и прижали наши войска к правому берегу реки Дон. У моста через реку скопилось много наших войск. Немецкие самолеты непрерывно бомбили мост. Рота, в которой я служил, сумела перейти через мост. Но в нашей части были большие потери солдат и офицеров. Лично я был сильно контужен взрывом бомбы уже на левом берегу реки Дон.

После выздоровления я попал в 107-й гвардейский полк 34-й гвардейской стрелковой дивизии, которая в декабре-январе вела бои на южном участке фронта. В ночь на новый год мы освободили город Элисту и преследовали вражеские войска в направлении города Ростов-на-Дону. 7 февраля наш полк ворвался в город Батайск, а в последующие дни по льду реки Дон переправился на окраину города Ростов-на-Дону в поселок Нижнегниловский. Там около берега реки были домики, которые мы заняли, а немцы были наверху и обстреливали нас минами. Готовился штурм города, и 14 февраля город был полностью освобожден от оккупантов. Началось наступление войск со стороны Новочеркасска, и немцы, боясь окружения, начали отходить на запад в сторону Донбасса.

Весной 1943 года мы подошли к городу Снежное и в результате атаки взяли этот город. За участие в этих боях меня наградили медалью «За отвагу».

Вскоре меня отправили на краткосрочные офицерские курсы, а в августе 1943 года, в звании лейтенанта, в качестве командира взвода, я получил назначение в 51-ю армию, которая освобождала города Донбасса. Я участвовал в освобождении

города Сталино (теперь г. Донецк), которое произошло 8 сентября 1943 года.

В апреле 1944 года наши войска с боями ворвались в Крым, и в середине апреля подошли к городу Севастополь. Немцы создали на подступах к городу мощную полосу обороны. Мой взвод участвовал в боях по взятию сильно укрепленных позиций противника. Там я был ранен, но остался в строю. 9 мая мы вошли в город Севастополь, а затем вышли к морю в районе мыса Херсонес. На берегу немцы бросили очень много автомобилей, и пленные немцы по приказу нашего командования ремонтировали их. За бой по взятию Севастополя я был награжден орденом «Красной Звезды».

В июле 1944 года нашу 51-ю армию передислоцировали на 1-й Прибалтийский фронт, где мы в июле-сентябре вели бои по освобождению Белоруссии, в октябре-ноябре освобождали Литву и Латвию, в частности освобождали города Шауляй и Пеневежис. За эти бои меня наградили орденом «Отечественной войны II степени». Я тогда уже командовал ротой. Затем до конца войны мы вели активные оборонительные и наступательные действия под Либавой (Лиепя), где мы заперли большое количество немецких войск так называемой Курляндской группировки, и не дали им возможность вырваться в Германию и вести там военные действия против наступавшей Красной Армии. Город и порт Либаву мы взяли 9 мая, уже после подписания Акта о капитуляции. И еще несколько дней принимали капитуляцию войск Курляндской группировки.

Но на этом для меня война не закончилась. В июле 1945 года нашу часть перебросили на Дальний Восток. Мы влились в 1-й Дальневосточный фронт. В августе-сентябре я командовал ротой и принимал участие в освобождении городов Хейдзио (Пхеньян), Дальний (Дальян) и Порт-Артур. В октябре 1946 года я демобилизовался. Кроме указанных выше наград, я награжден вторым орденом «Отечественной войны II степени», медалями «За победу над Германией», «За победу над Японией» и многими юбилейными медалями.

После демобилизации я восстановился в Днепропетровском металлургическом институте, который с отличием закончил в 1950 году. Затем работал на инженерных должностях на заводах Донбасса, Днепропетровска. Преподавал в техникуме. Написал и издал четыре учебника-монографии и более 30 методических работ.

В 1992 году эмигрировал в Израиль, а в 2005 году по спонсорству приехал в Канаду, в Торонто, где проживаю с женой в семье сына.

От Витебска до Берлина

Ярхин Яков Иосифович

Участник боевых действий

Я родился в 1920 г. в Харькове. В 1930 г. был призван в ряды Красной Армии, и в начале июля 1941 принял участие в боях под Витебском, а затем за Смоленск. Осенью 1941 г. участвовал в качестве командира стрелкового взвода в боях на Западном фронте под Логовом, Курском, Касторной.

Зимой 1942 г. в рядах 2-й гвардейской дивизии сражался за освобождение города Ростова и под г. Таганрогом. Летом этого же года прорвавшиеся немецкие дивизии в направлении к Сталинграду оттеснили поредевшие ряды 2-й гвардейской на Северный Кавказ, и я под станицей Пятигорской попал в плен к немцам. Мне удалось бежать из лагеря военнопленных. Скитался в горной местности до ее освобождения наступавшими частями Красной Армии. После проверки и переподготовки я в рядах стрелкового батальона прошел боевой путь через Украину, Молдавию, а затем Польшу и Берлин.

Участвовал в победных сражениях Корсунь-Шевченковского и Яско-Кишиневского наступлений. Участник боев по освобождению Варшавы и взятию Берлина. Закончил войну возле Имперской канцелярии Гитлера в нескольких сотнях метров от Рейхстага.

Пересказ событий займет много времени, поэтому расскажу о двух боевых эпизодах.

Летом 1944 г. наша дивизия не входила в ударную группу войск и поэтому занимала очень растянутую линию фронта. В этих условиях немцам удавалось в ночных вылазках захватывать наших бойцов, то есть “брать языка”. Был отдан приказ всему офицерскому составу батальона расположиться в окопах, чтобы интервалы между бойцами сократились. Я, тогда командир стрелковой роты, расположился в землянке, укрытой досками и ветками, и заснул. Проснулся от сильной перестрелки, уже рассветало. Вдруг вваливается в землянку огромный немец (таким он мне показался), весь в грязи - он ведь полз по земле, и кричит: “Офицер! За мной! Быстро!” Я приподнимаюсь, не полностью очнувшись, а рука автоматически тянется к пистолету. Вида, что я не двигаю за ним, немец поднял автомат и спустил курок, но выстрелов не последовало. На мое счастье автомат был забит землей. Тогда немец взводит, бросает в угол гранату, а сам быстро карабкается вон из окопа. Это все происходит мгновенно, но я уже был в полном сознании и успел выбросить гранату из окопа вслед за немцем. Взрывом завалило мою землянку, а немец был тяжело ранен и оказался в наших руках. Таким образом “языка” взяли мы. Наградой мне было вручение ордена Отечественной Войны 11 степени.

Второй эпизод произошел в Берлине. В конце апреля 1945 г. в тяжелых

боях в городе батальон получил приказ форсировать реку Шпрее. Найти материал для плотов в разрушенном городе было нетрудно. Опустить их в реку при почти отвесных берегах, облицованных гранитными плитами, оказалось почти невозможным. Всю ночь немцы освещали ракетами реку, так что незаметно сделать это не получалось. Будучи в то время начальником штаба батальона, я понимал, что неизбежны большие потери людей. Но приказ нужно выполнять.

Нам был прислан в помощь артиллерийский дивизион и половина роты минометчиков нашего полка. Около полуночи, уточнив со мной цели, начали артиллерийский и минометный обстрел противоположного берега. Через полчаса, при несмолкаемом грохоте обстрела противника, мы начали спускать плоты на веревках в реку, но как только люди попытались спуститься вниз к плотам, немцы открыли плотный оружейно-пулеметный огонь, и, к сожалению, понеся потери, мы прекратили эти попытки.

Я вспомнил, что на карте слева от нас был обозначен мост, и немедленно послал разведчиков выяснить ситуацию. Мост оказался взорванным, но по его обломкам можно было при помощи саперов пробраться на противоположный берег. Оставив часть минометчиков для продолжения обстрела с целью отвлечь внимание противника, перебросили все орудия и пехоту к мосту. Когда были готовы, открыли непрерывный артиллерийский обстрел. Часть орудий стреляла прямой наводкой, и через 10 минут, захватив доски и другие подручные средства, пехота по обломкам моста ворвалась на противоположный берег. Неожиданная и быстрая атака полностью удалась. Мы захватили несколько разрушенных зданий, зацепились там, а саперы организовали переправу орудий и минометов с боеприпасами.

Любовь моя – кино и медицина

Яворская Надежда Васильевна
Участник трудового фронта

Я родилась в городе Красноярске 16 декабря 1925 года, но через несколько лет наша семья переехала жить в Одессу. Отец мой, Василий Яворский, был киношником – здесь я должна пояснить, какой смысл я вкладываю в это слово. Киношники – это все те, кто работает в кино. Мой отец был киномехаником, а после войны он был заместителем директора Одесской киностудии, и, фактически, отстраивал ее после войны. Жили мы в Одессе до войны прямо напротив Одесской киностудии. Когда началась война, мне было пятнадцать с половиной лет.

22 июня был очень красивый день, и папа уехал на рыбалку еще до рассвета, до того, как объявили, что началась война. Многие одесские рыбаки, выйдя в море в тот день, еще не знали, что вернуться с последним уловом мирного времени. Спустя несколько дней в небе появились немецкие самолеты.

Папа сразу же ушел на фронт. Брат, Константин, учился в артиллерийском училище, и тоже вскоре был направлен на фронт. Мне, как и многим моим друзьям, тоже захотелось на войну. Мы гурьбой пошли в военкомат записаться, но нас отправили домой к родителям, поскольку возрастом не вышли. 14 июля началась эвакуация Одессы. Мы с мамой ехали в «теплушках». Составы шли в Башкирию.

Мне исполнилось шестнадцать, и я по-прежнему рвалась на фронт. Закончила с отличием курсы медицинских сестер военного времени, но меня опять не взяли по возрасту, хотя и отправили работать в 411-й окружной Одесский госпиталь, базировавшийся в Самарканде. Мы с мамой опять туда добирались в «теплушках».

Я поехала по назначению, но считалась не военнообязанной, а наемной. Оказывается, Одесский госпиталь объединился с Ленинградской Военно-Медицинской Академией им. Кирова. Это была настоящая фабрика по производству врачей военного времени. Еще в Башкирии я научилась накладывать повязки, делать уколы, “откусывать” (ампутировать) конечности, вроде от замороженных пальцев, страшное ощущение! Заведующим отделения был генерал-майор, а все врачи имели воинские звания – полковник, майор, капитан. Каждые семь дней, после выпуска, на фронт отправляли ребят. Молодые врачи, совсем еще мальчики, уходили на войну, многие оттуда не вернулись.

К нам в госпиталь привозили солдат с самыми тяжелыми ранениями, чтобы студенты видели, как нужно лечить. Помню, когда снимала повязку с раны, то видела ворох червей. Но это, оказывается, хорошо, что черви – они поедали вредную гранулу, а здоровое тело в районе раны оставалось нетронутым. Смертность была очень большая, поскольку проходило много времени, прежде чем раненый попадал в госпиталь. Я считаю, что этот тыл был, как второй фронт. Тяжело раненых мужчин мы, девочки, сами на носилках самостоятельно. Рабочий

день был ненормированным, иногда длился и все 24 часа. Делали уколы так часто, что времени кипятить шприцы просто не было. Это был ад. Через полтора года работы в академии я получила открытый туберкулез легких. Старые академики поставили мне кровать в своей ординаторской. Генералы и полковники в то время, когда любой кусочек еды был на вес золота, подкармливали меня, как могли. Их доброту и заботу никогда не забуду. Я проработала в Самарканде до февраля 1944-го. После снятия блокады Ленинграда я вместе с академией переехала в город на Неве.

Здание академии им. Кирова было разрушено, пришлось очищать и восстанавливать. Крысы быстро расплодились и стаями бегали по коридорам. Поскольку всех кошек съели во время блокады, крысиное нашествие никто не мог остановить. Нам с мамой дали комнату в Неманском переулке, но из-за ухудшения здоровья и прогрессирующего открытого туберкулеза мне рекомендовали уехать в Одессу, так как там климат теплее. В Одессе меня положили в туберкулезное отделение. Там было восемь девочек моего возраста. Изю всех выжила только я одна, но запах свиного смальца (топленого свиного жира) не могу выносить до сих пор. Тогда очень многие лечили эту болезнь старым «дедовским» способом, принимая внутрь топленый жир.

После окончания Великой Отечественной Войны я получила медаль «За Победу над Германией». Мой брат прошел всю войну, став полковником польской армии. Он и папа остались живы, а двоюродные братья все погибли.

Свершила ли я подвиг? Считаю, что отданная больным и раненым моя юность и здоровье, бессонные ночи, страх и нечеловеческое напряжение - это и есть мой подвиг. После войны я вернулась в свой любимый город Одессу. Вскоре поступила работать на Одесскую киностудию. В 1947 выучилась на монтажера. С тех пор вся моя жизнь отдана кино. Я проработала на Одесской киностудии 50 лет - от монтажера до режиссера по монтажу. Стала членом Союза Кинематографистов СССР. У меня в жизни самые любимые вещи - это Кино и Медицина. Сначала я работала над документальными, а затем и художественными фильмами. Самые большие фильмы, которые пришлось монтировать, были «Приключения Электроника», «Чародеи» и «Интервенция». За «Приключения Электроника» нас пригласили в Кремль на вручение Ленинской Премии.

В Канаду я эмигрировала в 1998 году, переселившись из Украины поближе к дочке, зятю и внучке. Но молодость моя, да и вся жизнь, навсегда связаны с воспоминаниями о войне. Это забыть невозможно, это нельзя забывать.

Послесловие

Когда в 2015 году готовился выпуск второй книги «Воспоминания ветеранов», редколлегия дала прочитать воспоминания Надежды Васильевны Яворской её дочери - писательнице Алене Жуковой, и попросили – если она что то интересное знает о своей маме - дополнить.

Алена не стала дополнять, а написала маленький рассказ о Маме, Бабушке, Отце и войне.

Это не воспоминания - это художественное произведение, своеобразный гимн женщинам войны. Изменена лишь фамилия и переписан финал. К сожалению, наша милая Надя ушла из жизни в 2019 году. Мы раньше не поместили этот рассказ в книгу, а теперь публикуем – читайте.

ВОЙНА, ЛЮБОВЬ и НАДЕЖДА

Писатель Алена Жукова
Дочь Надежды Яворской

Всем девочкам Великой Отечественной, дожившим и не дожившим до сегодняшних дней, посвящается.

Еще с вечера прошел слух, что в бухту вошла кефаль. Рыбаки всю ночь жгли керосинки возле сточных ям мясокомбината, где в изобилии водился мохнатый червь, только на него она и шла, и то не всегда. Но Василий был уверен, что на этот раз не упустит удачу и полночи ворочался от рыбацкого возбуждения, представляя тугую и толстенькую кефальку, бьющую о дно лодки хвостом и судорожно хватющую ртом смертельный для ее существования воздух. Жена Люба, тяжело повернувшись, ругнулась спросонья и приказала лежать смирно, иначе отправит его прямо сейчас на баркас, чтобы он уже, наконец, успокоился и дал ей спокойно поспать. Вася, скрипнув кроватным железом, встал и пошел попить воды.

Напившись из-под крана, глянул за ширму, где вытянулась на узенькой кровати голенастая Надька.

– Надо же, – подумал, – здоровая уже, считай через год-другой, невеста, а ноги опять не вымыла. Вон, колени аж коркой покрылись, а пятки-то – ужас, как сажа.

– Рота, подъем! – скомандовал Василий, это у него получилось профессионально – комиссаром прошел Гражданскую, теперь руководил Кинофабрикой и в глубине души считал, что в искусстве, которое Ленин назвал важнейшим, самое главное – это порядок и партийная дисциплина. Даже статисты на съемочной площадке вели себя прилично, зная, что у Василия естименной наган, красные революционные шаровары и Орден Красного Знамени.

Женщины вскочили, перепугавшись. Надька сразу схлопотала по шее и поплелась мыться. Люба, посмотрев на часы, в сердцах выругалась. Было четыре

утра. Сердце заколотилось, потом провалилось в животи заныло. В ушах гремел командирский голос мужа. На душе было беспокойно. Спать не хотелось.

Побурчав немного, она поплелась на кухню собирать еду для рыбалки. На баркасе в море должны были выйти трое. Лодку они в складчину с Федей-оператором и Мотей-гримером справили в тот год, когда “Кармелюка” снимали. Тогда леса от декораций осталось много, выкупили и сами построили. Назвали красиво, “Апассионария”. Это была Мотькина идея. Все вокруг думали, что это про музыку, а уж Люба точно знала, что никакая это не музыка, а баба. Испанкой она была. Погибла, а мальчонку ее, Родригеса, от смерти спасая вместе с сотней таких же, в их город привезли. Уже несколько лет живет он в Мотиной семье, и теперь его Родькой зовут. Хорошенький, сил нет, чернявый, все в кино лезет сниматься. На груди его медальон с маминой фотографией. Красавица, что сказать, вроде как на флаконе духов “Кармен”.

Люба, думая о своем, перемыла помидоры, лук и молодой чеснок. Вынула из банки малосольных огурцов, наварила картошки и яиц. Солнце всходило под робкое чирикание воробьев. Начинался воскресный день.

Надька с дворовой ребятней побежала купаться и встречать возвращающиеся с рыбалки лодки, а Люба затеяла стирку. Уже в цинковом корыте намокло пересыпанное щелоком белье, и на плите закипала полная выварка кипятку, как на входную дверь обрушился грохот ударов. Люба не разобрала, что кричат, но ноги подкосились, и промелькнула мысль: «Вася утонул». Она распахнула дверь и услышала, как простучали по ступенькам чьи-то каблукки, как ухнуло сквозняком входную дверь подъезда и как в гулком эхе повисло стоном: «Война-а-а.»

На лестничную площадку вышел хромой скрипач Миша. Он продолжал держать скрипку между щекой и плечом, но смычок беспомощно повис. За его спиной из открытой квартиры доносился голос диктора: «Сегодня, в четыре часа утра, немецко-фашистские войска...»

Люба, не дослушав, вытирая о фартук мыльную пену с рук, понеслась вниз с лестницы, а потом через двор, улицу, через рельсы, наперерез трамваю, через ограждения и заросли пыльной акации, к морю, туда, где муж и дочь, которые еще не знают, еще ничего не знают.

На берегу, возле лебедек и куреней, было людно. Горячий воздух гудел как улей. Весть уже долетела сюда, и люди, в основном женщины, искали детей, всматриваясь в море и стараясь разглядеть на его спокойной глади темные точки рыбацких лодок. Надька увидела мать и, громко стрекоча, налетела как чайка, которую нечаянно вспугнули. Люба, враз обессилев, опустилась на песок, усадила рядом дочь, и так они просидели до того, как вдали показались темные силуэты лодок, медленно идущих с большим уловом.

Причаливая, мужчины не могли понять, отчего так много народу собралось на берегу. Лиц было не разглядеть – солнце садилось за их спинами, и, казалось, уже не люди, а их тени колышутся в предзакатном мареве.

Но рыбу этим вечером все же чистили, мыли, жарили и варили. Это был последний большой улов жаркого лета 41-го года.

Василия призвали на фронт. Проводив мужа, Люба решила пока погодить с эвакуацией. Война еще не докатилась до города, она шла где-то рядом, и даже детям пока было совсем не страшно. Надька со школьными друзьями бегала

по крышам и сбрасывала на землю “зажигалки”. Мальчишки, вместо казаков-разбойников, стали играть в войну, которая быстро заканчивалась победой Красной Армии, поскольку фашистами быть никто не хотел.

Светило солнце. В палисаднике зацвели георгины, а воробьи дружно клевали перезревшую вишню, но уже все чаще докатывался гром канонады. Когда над городом нависла угроза оккупации, поговаривали, что зайдут румыны, и это лучше, чем немцы, и что при них вполне можно будет выжить, Вася прислал категоричное письмо семье с приказом срочно эвакуироваться. Еще он пытался втолковать жене, что румынская Сигуранца не простит Наде ее комсомольского прошлого, а Любе – мужа члена партии. Люба подчинилась приказу безоговорочно, как того требовали законы военного времени, но в мирное она бы сделала все наоборот, чтобы лишний раз напомнить красному командиру, кто в доме начальник. Как вольнонаемная, начала работать санитаркой, и в конце лета вместе с Окружным военным госпиталем они с Надей покинули город. Их увозили в глубокий тыл на восток.

Войне шел второй, а Наденьке – шестнадцатый год, когда она получила диплом медсестры. В Самарканде их госпиталь объединился с Военно-медицинской Академией имени Кирова, и Надюша смогла осваивать азы медицины под руководством тогдашних Пироговых. Академия была эвакуирована из Ленинграда перед самой блокадой и в срочном порядке готовила врачей для фронта. Учебными пособиями были тяжелые ранения, и материала было – хоть отбавляй. Когда студенты и профессура, обессилив, сдавались, Наденьке приходилось, привязав к трупку номерок с именем и фамилией, вносить в медицинскую карту не только причину смерти, но и подробное описание диагноза и лечения. У Надюши был каллиграфический почерк и легкая рука. Лучше нее никто не делал уколов, а уж внутривенные был ее конёк. Голубоватые, слабо проступающие на обескровленных телах вены она находила безошибочно и точно вонзала иглочку. Сильные мужики, измученные болью, радовались, когда приходила со шприцом именно Надя. Может быть потому, что Наденька была просто прелесть как хороша, в беленьком халате с передничком, в крахмальной крылатой косынке с красным крестиком посередине. Эту форму прислали американцы, но казалось, что она была скроена по ее стройной фигурке. Надя выпускала из-под косынки пару завитков и становилась похожей на актрису.

Особенно ей нравилось участвовать в финальном обходе, что-то вроде выпускного экзамена. Тогда она чувствовала себя на сцене. Старалась держать спину прямо, подбородок чуть вверх.

Утром выстраивалась колонна. Впереди шел профессор генерал-майор Апрятин, за ним по ранжиру следовали полковники, подполковники, майоры и капитаны, а потом она, с белым вафельным полотенчиком. Она всякий раз подавала его генералу после осмотра. Фронтные врачи держали экзамен на умение быстро поставить диагноз и дать рекомендации по лечению. Вот на одном из таких обходов Надя заметила на себе взгляд Феди Ступова, не то чтобы в первый раз, он давно заигрывал, но кто этого не делал. Надя была самая красивая девочка госпиталя, а может, и не только госпиталя. Когда она, например, ходила с мамой на базар, то старые узбеки, желтые и сморщенные, как их дыни, говорили Любе, что такое лицо, как у Наденьки, надо прятать и до, и после свадьбы, чтобы беды не было. Но ничего плохого пока не случилось. Она была девочка серьезная,

скромная, и кокетничала только со своим отражением в маленьком зеркальце.

Но Федя в этот раз смотрел так, словно ждал от нее помощи. Ей сначала показалось, что он не знает ответа и надеется на подсказку, но он спокойно ответил на вопрос генерала, диагностировав гангренозный процесс в отмороженных пальцах обеих рук молодого лейтенанта. Генерал принял ответ и отдал приказ готовить к ампутации. Ступов попросил разрешения взять в качестве операционной сестры Надю. Она была опытной помощницей, но в этот раз, когда Федя кусачками стал отщипывать один за другим фиолетовые пальцы, ей стало дурно. Заметив оседающую по стене Надю, он выволок ее на воздух.

– Ты чего это, – рассмеялся, – мне ребята говорили, что ты кость пилила, а тут пальцы, и на тебе.

Надя, дрожа, не могла отогнать видение изгибающихся, как червяки, пальцев, ей казалось, что их было гораздо больше, чем положено.

– Всего десяточек, – хохотнул Федя и прижал к себе Надюшу. – Тебе холодно? Идем в ординаторскую, согреемся.

Они сидели вдвоем на дежурстве. Федю завтра отправляли в часть. Тишину Самаркандской ночи, черной и холодной, разрывали стоны раненых: «Сестричка, воды...»

Надя вскакивала и убегала. Возвращаясь, она садилась рядом с Федей, и он опять грел ее холодные руки. Он дышал теплом на ее пальчики, легонько целовал, это было так хорошо. Федя рассказывал о родителях, сестре, написал их адрес, чтобы не потеряться. Он смотрел на нее и молчал, осторожно прикасался к волосам, словно боясь обжечься, а потом привлек к себе и поцеловал в губы. Надя задохнулась, закрыла глаза и попыталась высвободиться, но неожиданно для себя обвила его шею руками и навзрыд запричитала, как взрослая.

– Как же я без тебя! Почему завтра! Я буду ждать, вот увидишь...

Федя держал крепко, тычась губами в шею, плечи, но не удержал. Один из раненых, страшно матерясь, орал, что помирает. Федя разомкнул объятия.

Надя бросилась на крик. Раненый хрипел, бредил и терял сознание. Видимо, открылось внутреннее кровотечение и начался перитонит. Надя позвала дежурного врача. С Федей они договорились утром встретиться, а сейчас ему лучше было уйти, чтобы не попасться на глаза командиру. Дежурство оканчивалось в шесть. В семь тридцать Федя должен был прибыть к пункту отправления. Всю ночь она провела возле больного. Операция не помогла, ближе к утру он умер. Нужно было, как всегда, привязать табличку к ноге, заполнить бумаги, снести в морг, и только после этого можно было подумать о том, что в шкафу висит платье, сшитое из парашютного шелка. Из рваного немецкого парашюта получилось два платья. Одно для себя, другое для мамы. Свое она подкрасила красным стрептоцидом, и получилось ярко и нарядно.

Надюша, держа в руках туфли из боязни потерять прохудившиеся подметки, бежала босиком, стараясь не думать, что опоздала, что уже не увидит Федора, что надо было прямо из госпиталя. Но платье... Так хотелось, чтобы он увидел и запомнил ее красивой.

Когда Надя добежала до конторы, машина уже почти скрылась из виду. Она без сил осела в пыль посреди дороги, глядя на дымящую вдаль точку. Платье надулось и опало, как парашют. И ее саму словно сдули. Она сидела, плаваясь под солнцем, потеряв надежду проститься, но уже вынашивая новую. Это была

надежда опять встретить Федю и опять целоваться, и даже, может быть, выйти за него замуж. В голове крутилось одно: «Только бы его не убили, только бы вернулся, только бы кончилась поскорей война».

Но война продолжалась. Пришел 43-й и принес Любе и Наде плохие вести о Васе. Нет, не похоронку – как павший в бою он не числился – просто пропал, пропал бесследно. Если он в плену, думала Люба, то обязательно выживет, а то еще, может, сбежит, как от Батьки Махно когда-то. Он тогда своих охранников переагитировал. Еще Люба верила, что Васька верткий, что пуля его не догонит, что от врага он уйдет живой и невредимый.

– Господи, да чем же этот немец поганый сильнее, – уговаривала она саму себя, – мой Василий, считай, уже двадцать лет как воюет, то там, то тут. А сколько раз его ранило, сколько он испытаний прошел голодом и холодом. Нет, если в плену, и жив, обязательно вернется.

Вскоре произошел перелом, и война медленно и тяжело покатила на Запад. С Востока началась эвакуация, и Кировская медицинская Академия должна была вернуться в Ленинград.

Наденька рвалась туда, хотела учиться дальше, стать врачом. Люба была против, но решила, что без Василия лучше жить там, где паек и работа. Тем более что Люба давно приметила, как подполковник Шахов, талантливый хирург, черноусый красавец и шутник, засматривается на Надьку. Он овдовел еще в начале войны. Его жена была на сносях, когда разбомбили эшелон. Не доехала, значит, к нему, погибла вместе с ребеночком. С тех пор он пить начал, себя не жалел и других. Злой был, угрюмый. А теперь вот, как Надежду приметил, подобрел. Говорит, не отпущу, научу всему, а война кончится – пусть решает. У него в Ленинграде до войны была квартира большая в центре. А пятнадцать годков разницы, так оно бабе всегда в плюс. За ним будет как за каменной стеной. Только вот вбила себе в голову: Федя – жених. Дело большое, целовались, так что ж теперь, ждать его, что ли. Ничего, кончится война, заживем хорошо, вот тогда и будет время подумать про женихов, а сейчас нечего.

Завтра эшелон под белыми флагами с красными крестами должен был начать свой долгий путь на запад, увозя из Самарканда госпиталь и Ленинградскую Академию.

Госпитальная кухня перед прощальным ужином напоминала кладбище черепах. Особенным любителем черепахового супа был генерал Апратин, он всегда посмеивался над Надькой и, закладывая салфеточку за воротник, обращался к ней с неизменной фразой:

– Отведайте деликатесного супчику, сестричка. Поверьте, такого даже в дорогих ресторанах Парижа не подают.

Она, зажмурившись, съедала, но знала точно: если бы не голод, то ни за что в жизни. У них в школе до войны был кружок юннатов. Надя в него записалась и взяла шефство над маленькой черепашкой. Подопечного своего она очень полюбила и стала читать все, что могло помочь правильно растить рептилию. Теперь сказывались последствия изучения и обычная брезгливость. Самаркандские черепахи были большие, всегда грязные и отвратительно пахли.

Надя уже собиралась встать из-за стола и пойти собирать личные вещи, как вдруг подполковник Шахов попросил передать ему гитару. Все с удивлением затихли. Капитан Гаврилов перестал играть и протянул ее через стол. Все знали,

что Шахов не прикасался к инструменту со смерти жены. Гитара, простонав, легла в его руки легко и свободно. Он провел рукой по крутому изгибу гитарного бедра, легко нащупал колки. Пальцы, щекоча, пробежались по струнам, и она, как истосковавшаяся женщина, бурно и несдержанно ответила. Шахов пел, не отводя глаз от Нади. Она краснела, глупо улыбалась и мечтала поскорее уйти. Потом еще долго в ее голове крутилась мелодия романса и хорошо знакомые с детства строчки: "Я встретил Вас, и все былое..." Только теперь это каким-то образом имело отношение к ней, и как себя вести, она не знала. От Феди после долгого молчания пришло коротенькое письмо-поздравление с Новым 1944 годом, но не ей, а всему госпиталю. Там, правда, был особый привет медсестре Наде Ярцевой с пожеланием здоровья и счастья, и всё, но Надя умудрилась между строк прочесть большее и продолжала считать Федю своим женихом.

Путь в Ленинград был долгим, мучительным, а Надя вдобавок еще и простудилась.

Здание Ленинградской Академии было частично разрушено, и предстояло много работы по восстановлению. Всюду сновали разжиревшие на трупах крысы. Они уже давно перестали бояться живых людей, просто забыли об их существовании. Каждое ночное дежурство оборачивалось для Наденьки кошмаром. Раненые звали сестру, а она, сидя на столе, не могла двинуться, глядя, как под ногами колышется черный поток крысиной стаи.

Обычно на крики прибежал кто-нибудь из охраны, но однажды, расстреляв всю обойму, к столу прорвался Шахов. Он снял дрожащую девочку со стола и на руках перенес через кроваво-липкое месиво. Ей было плохо, она почти потеряла сознание. Он отнес ее в ординаторскую, положил на диван. Она горела, лоб был мокрый, а на щеках проступили красные пятна. Надя закашлялась, в последнее время она часто покашливала, а тут вдруг на подушке, в которую она уткнулась носом, осталось пятнышко крови. Доктор Шахов нахмурился и приложил фонендоскоп к ее спине. Все, что он услышал в глубине ее щупленькой грудной клетки и предположил в процессе исследования, подтвердилось. У Нади нашли открытый туберкулез, и речь уже шла не о работе и учебе на врача, а о том, что надо отправляться на юг к солнцу, серьезно лечиться и надеяться только на то, что организм молодой, и может справиться с болезнью.

Шахов неожиданно и как-то в спешке сделал предложение. Надя отказала. Незадолго до этого она получила, наконец, ответ на десяток своих писем Федору, в котором он написал, что, как кончится война, поедет в Ленинград доучиваться на хирурга. Она уже даже не очень помнила, как Федя выглядит, просила прислать фотографию. Шахова теперь избегала, но он все равно казался ей красивым и очень хорошим. Даже после отказа он с ней шутил, подкармливал сахарком из пайка и даже однажды принес виноград и бутылку кагора. Сказал, что это лекарство для самого красивого пациента. Он прописал еще морской воздух и солнце и помог организовать срочный отъезд Наденьки и Любы в родной город.

Люба резко постарела за последний год. О Василии ничего не было слышно, теперь и жизнь дочери висела на волоске, но согревало душу предчувствие конца войны. Ей было жаль Шахова. В день их отъезда на нем лица не было. Полюбил он Надюшу сильно, а она оказалась верной слову.

– И откуда на нашу голову этот Федька взялся с его поцелуем.

Когда Люба пыталась поговорить с Надей о Шахове, дочь всегда резко обрывала.

– Мама, сколько можно повторять, я же обещала Феде, что ждать его буду. Как же я могу обмануть!

– Ох, девка, – вздыхала Люба, – не пожалей.

Весть о Победе застала их по пути в родной город. Поезд остановился в степи. Люди посыпались из вагонов, крича, смеясь и плача. Военные палили в воздух, гудел паровозный гудок. Надя подпрыгивала и кружилась. Чьи-то руки оторвали ее от земли и подкинули высоко. Она, хохоча, взлетела в небо. Раскинув руки, как крылья, она вдруг почувствовала, что теперь уже не умрет от какой-то глупой болезни, что больше не будет вокруг смертей, что вернется Федя, найдется отец, и заживут они счастливо. А как же иначе, ведь больше не будет войны.

Война давно прошла, но счастье не наступило, по крайней мере, для Любы и Надюши.

Главной бедой стала судьба пропавшего без вести отца. Прошло много времени, пока прояснилось, что Васю, полуживого, освободили из плена поляки. Он, умирая от истощения, долго добирался к своим. Там его, выжившего в немецком плену, осудили как предателя и отправили в сибирский лагерь, в котором, в конце концов, расстреляли при попытке к бегству. Люба чуть не тронулась умом, когда узнала, что ее муж, неуловимый и дерзкий комиссар, легенда Гражданской и Финской, орденносец и коммунист Василий Ярцев, погиб не от вражеской пули, а был расстрелян своими. Надя держалась и старалась хоть как-то утешить мать, но вскоре и ее настигла потеря, правда, не такая серьезная, но это – как посмотреть. Федя через несколько месяцев после окончания войны прислал письмо, в котором сообщил, что просит его не ждать и не писать родителям письма, так как собирается жениться на другой женщине – его боевом товарище, которая прошла с ним рядом последние годы войны, и теперь они ждут ребенка. Надя рыдала, а Люба, жалея доченьку, думала только об одном: скорее бы вылечить, на ноги поставить, а там за Шахова выдать... Но Люба еще не знала, что полковник Дмитрий Сергеевич Шахов после их отъезда запил. Потом, вроде, завязал, но опять сорвался, и в момент белой горячки вскрыл себе вены. Спасти его не удалось.

Почти до конца шестидесятых Любовь и Надежда Ярцевы жили вдвоем. Мать и дочь, вдова и невеста – таких, как они, было много. Постепенно жизнь взяла свое. Надя выздоровела, округлилась и повзрослела. Долго не выходила замуж. Только к сорока годам, наконец, сошлась с каким-то “отставником”, но прожила с ним недолго. Люба считала его контуженным и всячески способствовала разводу. Свою личную жизнь она тоже не устроила. Состарилась быстро, надорвала здоровье, работая за двоих все той же санитаркой в больнице. Ноги отекали, из бугристых синих вен сочилась жидкость. Еле ходила, а в ночные дежурства даже не думала прилечь. Больные детишки ее обожали, а она их. А вот своих внуков Господь не дал. Надюша горевала, что бездетная, но вокруг нее тоже детей было хоть отбавляй. Она на детского доктора выучилась и целыми днями то в поликлинике, то на вызовах – ветрянки, ангины, коклюши. А по ночам им с мамой часто снилась война, но не такая, как в кино и книгах, и не та, что обездолила. Это была война их молодости. В ней осталась их красота, их мужчины и нерожденные дети. Все осталось там, кроме них самих – Любви и Надежды.

Последний ветеран

Владимир Макуров

Наступит день, когда иссякнут списки,
Когда не станет встреч однополчан...
К взметнувшемуся в небо обелиску
Шагнёт один – последний – ветеран.

Один за всех, один во всей вселенной
Пройдёт к Огню, медалями звеня,
Собрав все силы, встанет на колено,
Сверкнут награды отблеском огня.

Стальной канат, протянутый сквозь время –
Проверенный войной седой старик.
Оглянется. Людской толпе не внемля,
Застынет молча, памятью велик.

Пусть связь с его эпохой стала тонкой,
Ещё чуть-чуть – и оборвётся нить...
Он здесь – старик! И хорошо б потомкам
Успеть спросить, что значит слово «ЖИТЬ»!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Анисимова Ксения Тарасовна</i>	3
<i>Бас Марк Григорьевич</i>	6
<i>Безбородов Алексей Михайлович</i>	12
<i>Белявский Владимир Иосифович</i>	17
<i>Белянская Валентина Михайловна</i>	19
<i>Бибер Аврум Борхович</i>	23
<i>Бим Леонид Хаймович</i>	27
<i>Борисовская Тамара Леонидовна</i>	29
<i>Бурма Михаил Семёнович</i>	31
<i>Вальдман Мария Яковлевна</i>	33
<i>Вертейко Николай Павлович</i>	37
<i>Веселый Евгений Самуилович</i>	41
<i>Вихнин Август Бенционович</i>	44
<i>Вихнина Анна Григорьевна</i>	47
<i>Войтинский Евгений Яковлевич</i>	50
<i>Войханский Леонид Григорьевич</i>	52
<i>Генин Григорий Семенович</i>	56
<i>Горбунов Аркадий Несонельевич</i>	59
<i>Горништеин Владимир Михайлович</i>	62
<i>Гринберг Федор Леонтьевич</i>	64
<i>Грубер Михаил Яковлевич</i>	67
<i>Гуревич Борис Еселевич</i>	70
<i>Гуревич Рахиль Михайловна</i>	73
<i>Данциг Бениамин Шулимович</i>	76
<i>Дисман Исаак Залманович</i>	81
<i>Дробнер Валентин Львович</i>	85
<i>Жарницкий Даниил Семенович</i>	89
<i>Забашта Александр Степанович</i>	91
<i>Зайцева Надежда Алексеевна</i>	93
<i>Зарембо Исаак Романович</i>	95
<i>Зверев Андрей Дмитриевич</i>	98
<i>Зверева Лидия Ивановна</i>	103
<i>Зверкова Александра Дмитриевна</i>	109
<i>Звонкин Наум Нахимович</i>	111
<i>Зильберман Леонид Давыдович</i>	114
<i>Ильинская Наталья Борисовна</i>	116
<i>Интенберг Гидалий Моисеевич</i>	120
<i>Итсон Игорь Яковлевич</i>	122
<i>Кауфман Иосиф Самуилович</i>	125
<i>Кац Евгений Львович</i>	130

Кевеш Лазарь Ефимович.....	134
Кичигин Анатолий Валентинович.....	138
Килевич Мария Иосифовна.....	144
Коварский Сейдер Лазаревич.....	147
Коган Исаак Исаевич.....	151
Козловский Юзеф Исаакович.....	153
Королева Тамара Анатольевна.....	156
Кравец Борис Семёнович.....	159
Крейнин Яков Вульфович.....	161
Кулик Анна Алексеевна.....	164
Лакриц Михаил Леонидович.....	168
Левин Александр Маркович.....	171
Лейкина Мария Зальмовна.....	174
Литвачук Алексей Исаевич.....	176
Лихачева Гита Яковлевна.....	180
Лабок Марк Ильич.....	184
Лундина Любовь Моисеевна.....	185
Людковский Евсей Самарьевич.....	188
Ляхтер/Фантельсон Иза Наумовна.....	191
Макальский Борис Соломонович.....	194
Мелькумов Арам Багдасарович.....	197
Миропольский Абрам Маркович.....	199
Модилевский Давид Аронович.....	200
Новаченко Борис Анреевич.....	202
Новоминская Роза Борисовна	210
Овсей Зиновий Бенедиктович	212
Парфенов Николай Васильевич.....	216
Перевалов Николай Иванович.....	217
Пидлисна Ольга Ивановна.....	220
Побережский Александр Григорьевич.....	223
Покрашевский Наум Пейсахович.....	226
Попов Александр Федорович.....	229
Постельник Якива Гершкович.....	231
Рабинович Валентин Исаакович.....	234
Рац Яков Львович.....	237
Розенберг Зяма Исаакович.....	239
Сакар Валентин Иванович.....	241
Сейдер Эдуард Соломонович.....	244
Старча Надежда Кирилловна.....	247
Ткач Яков Моисеевич.....	250
Тойвис Майя Ушеровна.....	252
Тубина Анна Лейбовна.....	254
Тубис Михаил Маркович.....	256

<i>Тынянов Григорий Нахимович</i>	259
<i>Фарбьяш Тамара Соломоновна</i>	261
<i>Фельдман Ефим Лазаревич</i>	262
<i>Фельдман Лазарь Шмулевич</i>	264
<i>Фридлянд Михаил Аронович</i>	267
<i>Халявская Анна Иосифовна</i>	268
<i>Хоменко Виктор Ульянович</i>	271
<i>Хотянов Илья Наумович</i>	273
<i>Цвелиховская Евгения Григорьевна</i>	275
<i>Черногуз Моисей Гетманович</i>	277
<i>Чистихин Владлен Сергеевич</i>	280
<i>Шафер Яков Леонтьевич</i>	285
<i>Шварцман Павел Исаакович</i>	288
<i>Шейнкер Леонид Александрович</i>	293
<i>Шейко Николай Севастьянович</i>	296
<i>Шиндель Ревека Ефимовна</i>	299
<i>Шустерман Роман Ильич</i>	301
<i>Юдашкин Моисей Яковлевич</i>	303
<i>Ярхин Яков Иосифович</i>	305
<i>Яворская Надежда Васильевна</i>	307
<i>Послесловие</i>	309

Над книгой работали:

Вячеслав Волков

Андрей Архангельский

Андрей Белошицкий

Андрей Зверев

Андрей Картузов

Ангела Волкова

Артур Кантемиров

Борис Гуревич

Галина Мидберг

Ирина Миньковская

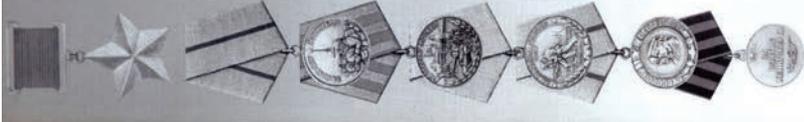
Исаак Ашмян

Лидия Свирская

Марина Розенфельд

Михаил Хазанович

Николай Дыбленко

Верховное командование Советской Армии. 1941-1945

В ПЕРВОМ РЯДУ (слева направо): главный маршал артиллерии И.Н. Воронцов, Маршал Советского Союза С.М. Буденный, Маршал Советского Союза К.С. Рыков, Маршал Советского Союза К.С. Кошкин, А.В. Брусилов, Маршал Советского Союза Ф.И. Толбухин, Маршал Советского Союза П.А. Габаров, главный маршал авиации А.Е. Голованов, адмирал Ф.С. Оленицкий, маршал бронетанковых войск Р.Н. Фролов, Маршал Советского Союза Г.И. Кузнецов, генерал-майор инженерно-артиллерийской службы Ф.Ф. Петров, Ф.Ф. Тютюнник, Маршал Советского Союза С.С. Бирюзов, генерал-полковник К.И. Галанин, генерал-полковник артиллерии В.И. Казаров, генерал-полковник М.И. Казаров, генерал армии В.Д. Соколовский, генерал-полковник

И.Т. Коробков, генерал-полковник А.С. Жеро, генерал армии И.Е. Петров, генерал-полковник В.Н. Курочко, генерал-полковник В.И. Чубов, генерал-полковник А.Т. Гусин. В ТРЕТЬЕМ РЯДУ: генерал-полковник П.М. Белов, генерал-полковник авиации С.И. Рузенин, генерал армии И.В. Тюленев, генерал-полковник В.С. Попов, генерал-полковник В.Н. Горбов, генерал-полковник В.И. Козлов, генерал-полковник В.И. Козлов, генерал-полковник А.В. Горбачев, генерал армии И.Х. Богданов, генерал-полковник В.И. Кузнецов, генерал-полковник Д.Н. Гусев, генерал-полковник К.М. Попов, генерал-полковник Д.Д. Липовченко, генерал-полковник В.А. Юсупевич, маршал войск связи И.Т. Персиккин.

Copyright © 2020 The Canadian Association of the World War II
Veterans from the Soviet Union

All rights reserved

Copyright in individual works, parts of work and/or photographs included within the published work is also claimed by individuals and entities. All requests and questions concerning copyright and reproduction of all or part of this publication may be directed to The Canadian Association of the World War II Veterans from the Soviet Union.

Library and Archives Canada Cataloguing in Publication

ISBN 97809783599-2-8

Pre-press, imposition and cover by Anastasiya Ilina.
Published by JP Graphics, Toronto.

Книга издана при финансовой поддержке некоммерческой организации
**"Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за
рубежом"** г. Москва